И32 —
400

Могилев
Магазин 14
25 р.

1132 400

ОТЪ АВТОРА.

А. А. Кизеветтеръ.

Гильдія Московскаго Купечества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

МОСКВА.
Городская Типографія.
1915.

И32 400

ОТЪ АВТОРА.

А. А. Кизеветтеръ.

Гильдія Московскаго Купечества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

103/5

МОСКВА.
Городская Типографія.
1915.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
М

1067348

Извлечено изъ второго тома „Исторіи Московскаго Купеческаго Общества", издаваемой подъ редакціей В. Н. Сторожева.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.—Органы общегородского самоуправленія и Гильдія московскаго купечества.

Стр.

1. Магистраты XVIII вѣка, Городовое Положеніе 1785 г. и Уставъ города Москвы 1799 г. . . . . 1—12
2. Посадскіе мірскіе сходы XVIII вѣка. Возникновеніе «Гильдіи Московскаго Купечества» . . . . . 12—22

Глава II.—Должностныя лица Гильдіи и дѣятельность гильдейскаго присутствія.

1. Составъ и устройство присутствія Гильдіи. Распредѣленіе функцій между членами этого присутствія. Особыя комиссіи, избиравшіяся Обществомъ помимо присутствія Гильдіи . . . . . 23—38
2. Присутствіе Гильдіи и градскій глава . . . . . 38—50
3. Канцелярія при Гильдіи. Военная команда при Гильдіи . . 50—60
4. Предметы дѣятельности присутствія Гильдіи . . . . . 60—82
5. Присутствіе Гильдіи въ его отношеніи къ магистрату, градской думѣ, губернскому правленію и центральнымъ государственнымъ учрежденіямъ. Присутствіе Гильдіи и слободскіе и рядскіе старосты . . . . . 82—86

Глава III.—Гражданскіе совѣты при Гильдіи московскаго купечества.

1. Гражданскіе совѣты при Гильдіи и собранія общества градскаго. Составъ гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ. Гражданскіе совѣты при Гильдіи и собранія отдѣльныхъ купеческихъ гильдій . . . . . 87— 99
2. Порядокъ возбужденія дѣлъ на гражданскихъ при Гильдіи совѣтахъ . . . . . 99—107
3. Гражданскіе при Гильдіи совѣты въ ихъ отношеніяхъ къ гильдейскому присутствію, магистрату и шестигласной думѣ . 107—115
4. Общій характеръ дѣятельности гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ. Проявленія самостоятельности этихъ совѣтовъ при разрѣшеніи различныхъ вопросовъ . . . . . 115—133
5. Дѣятельность гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ по вопросамъ, касающимся опредѣленія личнаго состава Купеческаго Общества . . . . . 133—142

		Стр.
6.	Дѣятельность гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ по выборамъ купцовъ въ мірскія должности	142—149
7.	Дѣятельность гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ по выборамъ купцовъ къ государственнымъ купеческимъ службамъ	149—157
8.	Дѣятельность гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ по управленію общественнымъ хозяйствомъ Купеческаго Общества	157—208
9.	Дѣятельность гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ по дѣламъ городского благоустройства	208—209
10.	Дѣятельность гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ по разсмотрѣнію различныхъ правительственныхъ запросовъ и по возбужденію ходатайствъ о нуждахъ Купечества	209—215
11.	Дѣятельность гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ по выбору депутатовъ отъ Купечества въ междусословныя коммиссіи и комитеты	215—216
Заключеніе		216

Глава первая.

Органы общегородского самоуправленія и „Гильдія Московскаго Купечества“.

I.

Устройство органовъ купеческаго самоуправленія всегда было тѣсно связано съ организаціей управленія общегородского. Вотъ почему для большей ясности послѣдующаго изложенія необходимо прежде всего бросить взглядъ на основныя черты общегородскихъ учрежденій за то время, которое послужитъ предметомъ нашего разсмотрѣнія въ настоящемъ отдѣлѣ этого труда. При этомъ, однако, нужно имѣть въ виду, что вплоть до осуществленія муниципальной реформы 1785 г. въ Россіи не было общегородскихъ учрежденій въ буквальномъ значеніи этого слова. Въ административномъ отношеніи населеніе русскаго города и въ московскомъ государствѣ и въ имперіи XVIII ст. до введенія въ дѣйствіе Городового Положенія Екатерины II дробилось на нѣсколько группъ, не объединенныхъ между собою въ порядкѣ управленія. Среди этихъ группъ городскимъ населеніемъ по преимуществу почитались люди посадскіе, т. е. торговопромышленные тяглецы, сорганизованные въ тяглый союзъ — посадскій міръ. Зачатковъ городского самоуправленія въ Россіи и приходится искать въ этой посадской организаціи. Къ людямъ посадскимъ причислялись горожане, занимавшіеся торгами и промыслами, обязанные съ этихъ торговъ и промысловъ, а также съ дворовъ и животовъ (терминомъ животы обозначалась совокупность движимаго имущества) государевы службы служить и подати платить, т. е. отправлять въ пользу государства разнаго рода натуральныя повинности и вносить въ казну возлагавшіеся на посадъ государственные сборы. То и другое, т. е. и службы и подати, члены посадскаго міра должны были отправлять совмѣстно, міромъ, на основаніи круговой мірской поруки. Эта круговая порука по отправленію службъ и податей и служила основою всей организаціи посадскаго міра, въ томъ числѣ и организаціи посадскаго самоуправленія.

Такимъ образомъ, разрядъ «людей посадскихъ», не покрывая собою всей совокупности городского населенія, въ то же время включалъ въ свой составъ не одно только городское Купечество; къ этому разряду причислялись на ряду съ людьми, имѣющими торги, также и люди, имѣющіе промыслы, т. е. всякаго рода городскіе ремесленники и чернорабочіе. По архивнымъ даннымъ, относящимся къ 60-мъ годамъ XVIII ст. [1]), видно, что еще въ срединѣ XVIII вѣка Купечество составляло менѣе половины всего количества посадскаго населенія

---

[1]) См. А. А. Кизеветтеръ. «Посадская Община въ Россіи XVIII в.», стр. 141.

Россіи. А именно, по даннымъ, собраннымъ въ 60-хъ годахъ XVIII в. Коммиссіею о коммерціи, оказывалось, что изъ общей совокупности посадскаго населенія тогдашней Россіи приходилось на долю:

ведущихъ вывозную торговлю 1,9%
ведущихъ лавочные торги въ своемъ городѣ . 40,7
мастеровыхъ 15,4
чернорабочихъ и живущихъ праздно 42

Конечно, это соотношеніе измѣнялось по отдѣльнымъ посадамъ, но все же изъ общаго числа посадовъ того времени оказывалось:

посадовъ, гдѣ торгующихъ было болѣе половины всего населенія 19,1%
посадовъ, гдѣ ихъ было менѣе половины всего населенія . . . 79,4
посадовъ, гдѣ ихъ не было вовсе 1,5

Такимъ образомъ, посадская община до-Екатерининской Россіи не была общиной сословно-купеческой; она вмѣщала въ своемъ составѣ всѣ элементы тяглаго торговопромышленнаго и рабочаго населенія города, а въ силу наслѣдственности посадскаго состоянія къ ея составу принадлежали также и тѣ посадскихъ людей дѣти, которые отбились отъ всякихъ торговъ и промысловъ. Слѣдовательно, органы посадскаго самоуправленія, существовавшіе въ Россіи до изданія Городового Положенія 1785 г., хотя и не были общегородскими въ полномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе простирали свою дѣятельность на значительную и притомъ довольно разнородную по своимъ составнымъ элементамъ часть городского населенія. Во всякомъ случаѣ, они стояли de jure,—если не всегда de facto,—надъ спеціально купеческими организаціями и въ этомъ отношеніи являлись предшественниками тѣхъ дѣйствительно уже общегородскихъ органовъ самоуправленія, которые были созданы Городовымъ Положеніемъ 1785 г.

Въ послѣдніе годы XVII ст. въ посадахъ «для мірскихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлъ и для сбору доходовъ» были учреждены выборные изъ среды посадскаго міра бурмистры, подчиненные Бурмистерской Палатѣ, какъ было названо установленное тогда же въ Москвѣ центральное учрежденіе для объединяющаго завѣдыванія «расправными, челобитчиковыми и купецкими дѣлами и сборами» всего посадскаго населенія государства. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ эта Бурмистерская Палата была переименована въ Ратушу [1]). Указанное устройство выборнаго посадскаго управленія просуществовало до 20-хъ годовъ XVIII ст., когда Петръ I замѣнилъ его системою новыхъ учрежденій. Во главѣ управленія посадскимъ населеніемъ городовъ былъ поставленъ Главный Магистратъ, а по городамъ были учреждены губернскіе, провинціальные и городовые магистраты [2]). Эти магистраты и по своему составу и въ значительнѣйшей мѣрѣ по кругу своего вѣдомства явились опять-таки посадскими учрежденіями. Магистраты по городамъ составлялись изъ президентовъ, бургомистровъ и ратмановъ. Всѣ эти магистратскіе члены были выбираемы на посадскихъ мірскихъ сходахъ. При этомъ очень важно отмѣтить, что по регламенту Главнаго Магистрата (глава VI) и активное и пассивное избирательное право при такихъ выборахъ ограничивалось лишь первостатейными мірскими людьми.

Къ «первостатейнымъ» принадлежали наиболѣе тяглоспособные, т. е. наиболѣе состоятельные члены посадской общины, и ясно, что таковыми фактически

[1]) Полн. Собр. Зак. №№ 1674, 1675, 1718.
[2]) Ibid. №№ 3708, 4624.

могли быть отнюдь не ремесленники и не чернорабочіе, а наиболѣе зажиточные изъ городского Купечества. Такимъ образомъ выходило, что городскіе магистраты, de jure служившіе органомъ всего посада, de facto по своему составу являлись чисто купеческими учрежденіями. Что же касается объема вѣдомства, присвоеннаго этимъ учрежденіямъ законами Петра I, то лишь въ одномъ отношеніи компетенція магистратовъ по буквѣ закона была распространена на весь городъ безъ изъятія, а именно въ отношеніи полиціи городского благоустройства. Надо однако признать, что какъ разъ эта именно отрасль дѣятельности магистратовъ на практикѣ не получила никакого развитія, всѣ же прочія функціи магистратовъ, какъ то судебныя и административно-финансовыя, и по закону и на практикѣ, относились исключительно къ посадскому населенію городовъ.

При ближайшихъ преемникахъ Петра I введенная имъ система магистратскихъ учрежденій подверглась измѣненію, а затѣмъ временно и совсѣмъ была упразднена. При Екатеринѣ I магистраты были подчинены губернаторамъ и воеводамъ; при Петрѣ II послѣдовало уничтоженіе Главнаго Магистрата; городовые магистраты были замѣнены ратушами. Однако Елизавета Петровна въ 1743 г. возстановила магистратскія учрежденія почти въ томъ самомъ ихъ видѣ, какъ они были учреждены Петромъ I [1]), и съ этого времени названныя учрежденія безъ особенно важныхъ измѣненій просуществовали вплоть до коренныхъ преобразаній муниципальнаго устройства, произведенныхъ при Екатеринѣ II.

Въ 1785 г. Екатерина II издала свое Городовое Положеніе. Этимъ законодательнымъ актомъ вводился совершенно новый порядокъ городского управленія. Основная сущность отличія этого новаго порядка отъ предшествующаго устройства заключалась въ томъ, что теперь на мѣсто прежняго посадскаго самоуправленія вводилось самоуправленіе общегородское. Прежняя посадская община раздвигалась до размѣровъ общины городской. Установлялось «общество градское», слагавшееся изъ шести разрядовъ городского населенія, при чемъ юридическіе признаки этихъ рязрядовъ были формулированы такимъ образомъ, что подъ нихъ могли подойти всѣ осѣдлые жители города, независимо отъ различія ихъ общественныхъ состояній. Изъ этихъ шести разрядовъ четыре входили въ составъ и прежней посадской общины. То были: 1) посадскіе, 2) цеховые ремесленники, 3) купцы трехъ гильдій и 4) иностранные и иногородніе гости. Принадлежность къ разряду «посадскихъ» обусловливалась по Городовому Положенію 1785 г. старожильствомъ въ данномъ городѣ, соединеннымъ съ занятіемъ промысломъ, рукодѣліемъ или работою; принадлежность къ разряду цеховыхъ обусловливалась запиской въ цехъ по какому-либо ремеслу; принадлежность къ Купечеству обусловливалась объявленіемъ капитала соотвѣтствующаго размѣра, наконецъ основаніе принадлежности къ иностраннымъ и иногороднимъ гостямъ вытекало изъ самаго ихъ наименованія. Совокупность названныхъ четырехъ разрядовъ и представлялъ собою тотъ самый контингентъ, изъ котораго состояла прежняя посадская община. Но на ряду съ этими четырьмя разрядами въ установленное теперь «общество градское» были введены еще два: разрядъ «именитыхъ гражданъ» и разрядъ «настоящихъ городовыхъ обывателей». Основаніями принадлежности къ одному изъ семи подраздѣленій разряда именитыхъ гражданъ служили: успѣшное двукратное отправленіе выборной по городу должности; университетскій или академическій дипломъ на званіе ученаго или художника, выданный Россійскими Главными Училищами; капиталъ соотвѣтствующаго раз-

[1]) П. С. Зак. № 9018.

мѣра; занятіе оптовой, не лавочной торговлей; обладаніе морскими кораблями. Основаніемъ принадлежности къ разряду «настоящихъ городовыхъ обывателей» служило обладаніе недвижимостью въ чертѣ города. Ясно, такимъ образомъ, что созданіе разряда настоящихъ городовыхъ обывателей и нѣкоторыхъ подраздѣленій разряда именитыхъ гражданъ пріобщало къ городскому обществу и такіе элементы городского населенія, которые никогда не входили въ составъ посадской общины прежняго времени. Теперь не только купцы, ремесленники, чернорабочіе признавались членами городской самоуправляющейся корпораціи, но и каждый дворянинъ, чиновникъ, священникъ и т. д., пріобрѣтшій въ чертѣ городской осѣдлости домъ, дворъ или земельный участокъ. Это всесословное общество градское получило по Городовому Положенію 1785 г. рядъ разнообразныхъ органовъ, посредствомъ которыхъ оно должно было осуществлять свои права по завѣдыванію общегородскимъ хозяйствомъ. Такими органами были—1) собраніе общества градскаго, 2) общая городская дума, 3) шестигласная городская дума, 4) магистратъ. Въ устройствѣ этихъ органовъ не былъ послѣдовательно проведенъ какой-либо одинъ принципъ; напротивъ того, мы встрѣчаемся здѣсь съ довольно прихотливымъ смѣшеніемъ всесословнаго и сословнаго началъ. Въ «собраніи градскаго общества», по Городовому Положенію 1785 г., могли присутствовать всѣ члены общества, но право голоса при обсужденіи и голосованіи постановленій и при выборахъ, а также и пассивное избирательное право на этихъ собраніяхъ предоставлено было только лицамъ, достигшимъ 25-лѣтняго возраста, и притомъ имѣющимъ капиталъ такого размѣра, чтобы проценты съ него (считая по 1%) были не менѣе 50 р. [1]). Только въ малыхъ городахъ, въ которыхъ вообще не могло быть подобныхъ капиталовъ, дозволялось примѣнять уменьшенный цензъ. [2]). Смыслъ этого ограниченія былъ тотъ, что въ собранія градскаго общества въ видѣ общаго правила могли получать доступъ съ правомъ голоса лишь нѣкоторые изъ именитыхъ гражданъ и купцы первыхъ двухъ гильдій, ибо минимальный размѣръ второгильдейскаго капитала по тому же Городовому Положенію составлялъ уже 5.000 руб. Такимъ образомъ «собраніе общества градскаго», благодаря указанному цензовому ограниченію, фактически являлось по своему составу не всесословнымъ, а чисто купеческимъ учрежденіемъ. Въ малыхъ городахъ могло быть и иначе въ силу примѣчанія къ ст. 50 Городового Положенія, но къ большимъ городамъ и прежде всего къ Москвѣ—что особенно важно для нашего послѣдующаго изложенія—упомянутое примѣчаніе конечно примѣняемо быть не могло.

Сопоставимъ это положеніе вещей съ предшествующимъ порядкомъ. Прежній мірской посадскій сходъ распространялъ свою компетенцію лишь на одну часть городского населенія, и все же его личный составъ былъ шире, нежели составъ «собранія общества градскаго», которое по Городовому Положенію 1785 г. долженствовало разсматривать и рѣшать дѣла общегородскія. Какъ мы видѣли выше, въ прежнее время лишь при выборахъ магистратскихъ членовъ составъ голосующихъ на сходѣ ограничивался «первостатейными», въ другихъ случаяхъ на сходѣ могли участвовать и всѣ прочіе члены посадской общины. Теперь во всѣхъ случаяхъ на «собраніяхъ общества градскаго» право голоса предоставлялось лишь купцамъ первыхъ двухъ гильдій и нѣкоторымъ разрядамъ именитыхъ гражданъ, примыкавшимъ къ тому же Купечеству.

Рядомъ съ «собраніемъ о б щ е с т в а градскаго» Городовое Положеніе 1785 г.

---

[1]) См. стт. 49, 50 и 51 Город. Положенія 1785 г.

[2]) См. примѣчаніе къ ст. 50.

поставило «общую городскую думу». Это было учрежденіе, формировавшееся на совершенно иныхъ началахъ, нежели «собраніе общества градскаго». Оно являлось не непосредственнымъ сходомъ членовъ общества, обладающихъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ, а собраніемъ выборныхъ представителей отъ каждаго изъ шести разрядовъ градскаго общества; такъ, настоящіе городовые обыватели выбирали изъ своей среды гласныхъ общей думы по полицейскимъ частямъ города, гильдейскіе купцы—по тремъ гильдіямъ, цеховые ремесленники—по цехамъ, иностранные и иногородніе гости—по націямъ; именитые граждане—по семи «названіямъ», т. е. по семи частнымъ подраздѣленіямъ этого класса, и посадскіе, подобно настоящимъ городовымъ обывателямъ,—по полицейскимъ частямъ города. Имущественный цензъ, установленный для участія въ собраніяхъ общества градскаго, здѣсь уже не примѣнялся.

На основаніи Городового Положенія 1785 г. — можетъ быть вслѣдствіе крайняго несовершенства редакціи этого законодательнаго памятника—чрезвычайно трудно установить разграниченіе функцій этихъ двухъ собраній: собранія общества градскаго и общей городской думы. Ясно лишь то, что выборы градскаго головы, засѣдателей магистрата и совѣстнаго суда, старостъ и депутатовъ для составленія городовой обывательской книги были предоставлены собранію общества градскаго (см. стт. 31, 32, 54 Город. Полож.). Всѣ же прочія функціи по завѣдыванію городскими дѣлами присваивались, повидимому, обоимъ названнымъ учрежденіямъ безъ всякаго, сколько-нибудь точнаго разграниченія сферы ихъ дѣятельности. Въ Городовомъ Положеніи 1785 г. можно отмѣтить рядъ мѣстъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что законодатель нерѣдко самъ смѣшивалъ функціи двухъ названныхъ учрежденій. Въ ст. 31 градскому обществу предоставляется е ж е г о д н о избирать старостъ и судей словеснаго суда. Но собраніе градскаго общества, согласно тому же Городовому Положенію, должно было созываться лишь одинъ разъ въ три года. Ясно, такимъ образомъ, что въ данномъ случаѣ законодатель въ сущности имѣлъ въ виду не собраніе общества градскаго, а общую городскую думу. Указанія статей 36, 37, 38 о предоставленіи обществу градскому издавать постановленія по дѣламъ, касающимся города, и подавать заявленія о нуждахъ и пользахъ городского населенія могли быть совершенно одинаково примѣняемы и къ собранію градскаго общества и къ общей городовой думѣ, которой точно такъ же прямо предоставлялось дѣлать постановленія о всемъ, что можетъ служить къ благу и выгодамъ жителей (ст. 167), наблюдать за правильнымъ примѣненіемъ Городового Положенія (ст. 169) и дѣлать представленія, не противныя Городовому Положенію и другимъ государственнымъ узаконеніямъ (ст. 170). Какъ должна была разграничиваться во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣятельность собранія общества градскаго и общей городовой думы,—объ этомъ Городовое Положеніе хранило полное молчаніе. Наклонность законодателя къ смѣшенію двухъ названныхъ собраній обнаружилась, между прочимъ, въ характерной редакціонной ошибкѣ, допущенной въ ст. 157 Городового Положенія. Эта статья посвящена опредѣленію состава о б щ е й г о р о д о в о й д у м ы; въ ней перечисляются разряды городского населенія, посылающіе въ эту думу своихъ представителей, а въ концѣ статьи сказано: «каждое изъ сихъ раздѣленій имѣетъ одинъ голосъ въ о б щ е с т вѣ г р а д с к о м ъ».

Итакъ, во главѣ завѣдыванія общегородскими дѣлами Городовое Положеніе 1785 г. ставило два собранія совершенно различнаго состава, но съ крайне неясно разграниченными функціями. Одно изъ этихъ собраній, «собраніе обще-

ства градскаго» являлось непосредственно сходомъ наиболѣе крупныхъ цензовиковъ, преимущественно изъ среды мѣстнаго Купечества; составъ его носилъ, такимъ образомъ, ярко сословную окраску; другое—общая городовая дума—слагалось изъ выборныхъ представителей всѣхъ шести разрядовъ городской общины и, слѣдовательно, строилось на всесословномъ, хотя и не на бессословномъ, началѣ. Установивъ рядомъ эти два собранія, законодатель не опредѣлилъ ясно и точно ихъ взаимноотношенія, предоставивъ разрѣшеніе этого вопроса жизненной практикѣ. Дитятинъ, авторъ капитальнаго труда по исторіи управленія русскихъ городовъ, полагалъ, что жизненная практика разрѣшила этотъ вопросъ очень просто: она довольно быстро совершенно атрофировала оба названныя собранія, заслонивъ ихъ третьимъ: шестигласной думой, о которой намъ сейчасъ предстоитъ сказать нѣсколько словъ. Это мнѣніе Дитятина можно принять не иначе, какъ съ значительными оговорками. Въ теченіе царствованія Екатерины II два названныя выше собранія существовали не только на бумагѣ; въ документахъ того времени имѣются подлинные слѣды ихъ дѣятельности [1]). Изученіе этихъ документовъ показываетъ, что отмѣченныя выше неясности и недоговоренности Екатерининскаго Городового Положенія приводили на практикѣ къ величайшей путаницѣ, но все же, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, и собраніе общества градскаго и общая городовая дума продолжали функціонировать вплоть до отмѣны Городового Положенія 1785 г. императоромъ Павломъ. Быстрое фактическое отмираніе этихъ собраній слѣдуетъ отнести, хотя бы для Москвы, уже къ послѣдующему времени, къ началу царствованія Александра I, когда Городовое Положеніе 1785 г. вновь вошло въ законную силу.

Третьимъ органомъ городского самоуправленія, установленнымъ Городовымъ Положеніемъ 1785 г., являлась шестигласная дума. По своему составу это было учрежденіе, делегированное общей городовой думой. А именно, общая дума выбирала изъ своей среды шесть членовъ шестигласной думы, по одному отъ каждаго изъ тѣхъ шести разрядовъ городского населенія, которые должны были быть представленными въ общей думѣ. Порядокъ взаимоотношеній между шестигласной думой и общей думой опредѣлялся въ Городовомъ Положеніи 1785 г. столь же неясными чертами, какъ и взаимоотношенія общей думы и собранія градскаго общества. Сопоставляя различныя статьи отдѣла Городового Положенія 1785 г., можно, кажется, формулировать мысль законодателя по этому вопросу въ томъ смыслѣ, что обѣ думы должны были вѣдать одинъ и тотъ же кругъ дѣлъ, очерченный въ ст. 167, съ тѣмъ различіемъ, что шестигласная дума учреждалась для всегдашняго отправленія этихъ дѣлъ (ст. 173), тогда какъ общая дума должна была собираться для разсмотрѣнія лишь болѣе сложныхъ и трудныхъ вопросовъ, по которымъ у шестигласной думы могли возникнуть какія-либо затрудненія (ст. 175). Итакъ, шестигласная дума—не исполнительный органъ при общей думѣ, а болѣе тѣсный и непрерывно дѣйствующій совѣтъ, правда, направляемый общимъ руководствомъ общей думы, но въ то же время въ цѣломъ рядѣ текущихъ дѣлъ обычнаго характера вполнѣ ее замѣняющій. Особой стороной этой конструкціи, какъ она была намѣчена въ Городовомъ Положеніи 1785 г., являлись полная неопредѣленность и растяжимость понятія важности и трудности обсуждаемыхъ дѣлъ, какъ основанія разграниченія компетенціи двухъ думъ. Въ ст. 175 Городового Положенія 1785 г. не было указано никакихъ точныхъ признаковъ отличенія важныхъ и трудныхъ дѣлъ отъ неважныхъ и легкихъ, и такимъ обра-

[1]) См. А. А. Кизеветтеръ. «Городовое Положеніе Екатерины II 1785 г.».

зомъ сравнительное опредѣленіе круга дѣятельности двухъ думъ не получало твердой опоры въ буквѣ закона и опять таки предоставлялось случайному и произвольному воздѣйствію текущей практики. Разборъ дѣлопроизводства московскихъ городскихъ думъ общей и шестигласной—за время царствованія Екатерины II обнаруживаетъ рядъ фактовъ, рисующихъ всю неустойчивость и непослѣдовательность этой текущей практики. Бывали случаи, когда шестигласная дума дѣйствительно передавала трудные для нея вопросы на разсмотрѣніе общей думы. Въ документахъ находимъ даже указанія на то, что общая дума обнаруживала стремленіе контролировать и направлять дѣятельность шестигласной думы [1]), и на ряду съ этимъ въ рядѣ другихъ случаевъ шестигласная дума разрѣшала совершенно независимо отъ общей думы весьма важные вопросы городского управленія, имѣвшіе порой чисто принципіальное значеніе, а въ случаѣ встрѣченныхъ при этомъ затрудненій обращалась не къ общей думѣ, а къ губернскому магистрату или къ губернскому правленію. Болѣе того. Въ документахъ Екатерининскаго времени встрѣчаются примѣры полной перетасовки ролей двухъ думъ, такъ что не общая дума пересматривала постановленія шестигласной думы, а наоборотъ эта послѣдняя подвергала критикѣ и даже прямо отмѣняла постановленія общей думы [2]). Въ общемъ, можно притти къ тому заключенію, что, если формально общая дума занимала руководящее положеніе въ ходѣ городскихъ дѣлъ, то фактически она появлялась на сцену для обсужденія отдѣльныхъ вопросовъ лишь въ двухъ случаяхъ—либо когда этого требовала коронная административная власть, либо когда извѣстное постановленіе въ силу какихъ-нибудь особыхъ обстоятельствъ нужно было подкрѣпить согласіемъ обѣихъ думъ, а внѣ этихъ условій завѣдываніе городскими дѣлами сосредоточивалось главнымъ образомъ въ рукахъ шестигласной думы, которая дѣйствовала независимо отъ общей думы и даже наперекоръ послѣдней. то Эне значитъ, конечно, что шестигласная дума была свободна въ своихъ дѣйствіяхъ; далеко нѣтъ, но только настоящимъ руководителемъ ея дѣятельности являлась не общая дума, а коронная администрація, которая вполнѣ подчиняла себѣ всю совокупность городскихъ учрежденій.

Собраніемъ общества градскаго и двумя думами не исчерпывался кругъ учрежденій, поставленныхъ Городовымъ Положеніемъ 1785 г. во главѣ городского управленія. Немаловажное участіе въ послѣднемъ было предоставлено и магистратамъ. Магистраты по прежнему оставались по своему личному составу сословными учрежденіями; члены ихъ, какъ это было и раньше, выбирались только Купечествомъ и мѣщанствомъ (ст. 32 Город. Полож.). Тѣмъ не менѣе, магистратамъ былъ присвоенъ по Городовому Положенію рядъ функцій въ области дѣлъ общегородского характера. По Управленію о губерніяхъ 1775 г. магистраты были ограничены въ своей компетенціи почти исключительно судебными дѣлами. И по Городовому Положенію (ст. 168) за магистратами были оставлены судебныя дѣла, въ которыя поэтому и запрещено было вмѣшиваться городовой думѣ. Но сверхъ судебныхъ дѣлъ на эти сословныя учрежденія возлагались теперь также и такія чисто административныя функціи по общегородскому управленію, которыя перекрещивали компетенцію магистратовъ и думъ. Такъ, городовому магистрату вмѣнялось въ обязанность завѣдывать еженедѣльными торгами въ городѣ и регулировать ихъ сроки выставленіемъ на рыночной площади распущеннаго знамени (ст. 25); завѣдывать иногородными торговцами и промышленниками, поселяющимися въ городѣ и пользующимися городовою вы-

[1]) Loc. cit. c. 369—373.
[2]) Loc. cit. c. 377—379.

годою (ст. 12), наблюдать за отъѣздомъ изъ города иногородних̀ъ и иностранных̀ъ гостей и слѣдить за тѣмъ, чтобы они не отъѣзжали, не расплатясь съ долгами (ст. 129); вести книгу съ описаніемъ городских̀ъ домовъ, строеній, мѣстъ и земель подъ номерами для выдачи справокъ покупателямъ, нанимателямъ и принимающимъ въ закладъ эти городскія недвижимости (ст. 9); завѣдывать и руководить цеховыми учрежденіями (ст. ст. 1, 2, 9, 11, 19, 29, 36, 68, 99, 111, 116, 117 ремесленнаго положенія). Во всѣхъ этих̀ъ случаях̀ъ магистратамъ приходилось выполнять функціи, либо опредѣленно присвоенныя также и думамъ по ст. 167 Городового Положенія, либо несомнѣнно относящіяся къ формулированнымъ тамъ же общимъ задачамъ дѣятельности думъ. Одновременно съ этимъ магистраты подобно думамъ были поставлены вообще во главѣ города, какъ представители и блюстители общегородских̀ъ интересовъ. По ст. 8 Городового Положенія городовому магистрату предоставлялось заявлять о замѣченных̀ъ внутри города нуждах̀ъ и недостатках̀ъ губернатору чрезъ губернскій магистратъ и губернское правленіе, а по ст. 7 городовой магистратъ долженъ былъ охранять городъ отъ незаконнаго наложенія на него новых̀ъ податей, службъ или тягостей и предъявленія городу каких̀ъ либо незаконных̀ъ требованій; въ этих̀ъ случаях̀ъ городовому магистрату предоставлялось приносить жалобы въ губернскій магистратъ и сенатъ. Всѣми этими постановленіями открывалось обширное поле для столкновеній думъ и магистратовъ, взаимныя отношенія которых̀ъ опять таки не получили въ законѣ яснаго и точнаго разграниченія. Но если дума и городовой магистратъ во многих̀ъ случаях̀ъ оказывались конкурирующими и сталкивающимися учрежденіями, то губернскій магистратъ, также состоявшій исключительно изъ выборных̀ъ представителей купцовъ и мѣщанъ, былъ прямо поставленъ въ положеніе высшей контролирующей инстанціи по отношенію къ всесословнымъ городским̀ъ думамъ: по ст. 176 Городового Положенія недовольные постановленіями думъ могли обращаться съ жалобами въ губернскій магистратъ; а по ст. 73-й въ губернскій же магистратъ, а не въ думу, должны были приноситься жалобы на неправильности, допущенныя при составленіи городовой обывательской книги.

Такова была организація общегородского самоуправленія по Городовому Положенію 1785 г. Какъ видимъ, она отличалась сложностью, громоздкостью, неопредѣленностью многих̀ъ существенных̀ъ подробностей и крайней противорѣчивостью положенных̀ъ въ ея основаніе началъ. Въ этой организаціи страннымъ образомъ перемѣшивались учрежденія сословнаго и всесословнаго состава; многія дѣла одновременно поручались тѣмъ и другимъ, а въ лицѣ губернскаго магистрата учрежденіе, составленное только изъ купцовъ и мѣщанъ, занимало высшее руководящее положеніе по отношенію ко всей совокупности общегородских̀ъ учрежденій. Всѣ эти отличительныя черты строя, введеннаго Городовымъ Положеніемъ 1785 г., необходимо будетъ имѣть въ виду при дальнѣйшемъ изученіи сословно-купеческаго самоуправленія и его отношенія къ общегородским̀ъ учрежденіямъ. Была и еще одна важная особенность у только что разсмотрѣнной нами системы учрежденій. Всѣ введенные Городовымъ Положеніемъ 1785 г. органы городского самоуправленія безъ исключенія были поставлены въ полную зависимость отъ мѣстной коронной администраціи, такъ что самодѣятельность этих̀ъ учрежденій носила чисто призрачный характеръ. Однако мы уже не будемъ здѣсь подробно разсматривать порядка отношеній органовъ общегородского самоуправленія къ коронной административной власти, такъ какъ эта сторона дѣла не представитъ большого значенія для цѣлей дальнѣйшаго изложенія.

Конечно, и сословно-купеческое самоуправленіе изучаемой эпохи было вполнѣ подчинено мѣстнымъ короннымъ властямъ, но, какъ увидимъ далѣе, эти коронныя власти имѣли полную возможность воздѣйствовать на сословно-купеческое самоуправленіе непосредственно и независимо отъ своихъ отношеній къ общегородскимъ учрежденіямъ.

Разсмотрѣнная система общегородскихъ учрежденій, введенная въ дѣйствіе въ Москвѣ 15 января 1786 г., [1]) просуществовала здѣсь 13 лѣтъ, до 17 января 1799 г., когда именнымъ указомъ сенату было повелѣно въ Москвѣ градскую думу упразднить, а надворный судъ и городовой магистратъ оставить лишь до окончанія ранѣе поступившихъ туда дѣлъ, переименовавъ ихъ временными для рѣшенія старыхъ дѣлъ департаментами [2]). Въ тотъ же день былъ изданъ Высочайше утвержденный уставъ столичнаго города Москвы [3]), которымъ вводилась совершенно новая система управленія Москвою, приведенная въ согласіе съ изданнымъ незадолго передъ тѣмъ уставомъ столичнаго города Петербурга. Намъ необходимо разсмотрѣть этотъ новый порядокъ, дѣйствовавшій въ Москвѣ на рубежѣ XVIII и XIX в.в.

Участіе въ Управленіи городскими дѣлами по уставу города Москвы 1799 г. распредѣлялось между 1, департаментомъ коммиссіи о снабженіи столичнаго города Москвы припасами, 2, городскимъ правленіемъ или ратгаузомъ и 3, городскимъ обществомъ. Департаментъ коммиссіи о снабженіи города Москвы припасами состоялъ изъ президента и четырехъ членовъ. Президентомъ департамента являлся по должности первый московскій военный губернаторъ, а членами, также по должности, состояли второй московскій губернаторъ, старшій оберъ-прокуроръ сената, гражданскій губернаторъ и управляющій коммиссіею московскаго провіантскаго депо. Такимъ образомъ, это было учрежденіе, чисто бюрократическое по составу. Ему то и было ввѣрено завѣдываніе всѣмъ тѣмъ, что «относится до благосостоянія жителей и благоустройства города». Департаментъ находился въ непосредственномъ подчиненіи у коммиссіи о снабженіи припасами С.-Петербурга. Составляя положенія, касавшіяся нуждъ и пользъ города Москвы, департаментъ долженъ былъ представлять эти положенія на усмотрѣніе коммиссіи. Туда же шли представленія департамента о назначеніяхъ на открывшіяся вакансіи служащихъ по городскому управленію, объ отрѣшеніи ихъ отъ должности и представленія ихъ къ награжденіямъ. Слѣдовательно, управленіе Москвой по этому уставу было не только бюрократизировано, но и централизировано. При департаментѣ коммиссіи о снабженіи Москвы припасами состояли контора правленія запасныхъ магазиновъ и контора городскихъ строеній. Контора правленія запасныхъ магазиновъ должна была собирать свѣдѣнія о количествѣ нужныхъ для города припасовъ и заботиться о ихъ своевременномъ заготовленіи ради предотвращенія въ городѣ дороговизны. Городскіе и сельскіе запасные магазины въ предѣлахъ губерніи находились подъ вѣдомствомъ этой конторы. Контора завѣдывала и продажею припасовъ изъ этихъ магазиновъ по цѣнамъ, установляемымъ департаментомъ. Всѣ свои распоряженія и дѣйствія контора предпринимала не иначе, какъ по повелѣніямъ департамента, изъ числа членовъ котораго ближайшее отношеніе къ конторѣ имѣлъ управляющій коммиссіею провіантскаго депо, обязанный принимать мѣры къ возстановленію въ столицѣ

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Моск. Городск. Думы вязка № 5379 Книга протоколамъ 1786 г. № 127.853 I, лл. 4—5. См. предисловіе къ 1-му выпуску пятаго тома «Исторіи Московскаго Купеческаго Общества», стр. 12—16.

[2]) П. С. Зак. № 18821.

[3]) Ibid. № 18822.

дешевизны, сообразуясь съ ходомъ повсемѣстнаго заготовленія припасовъ для арміи. Контора городскихъ строеній составлялась изъ квартигермаіора, бауинспектора и двухъ архитекторовъ. Обязанности этой конторы состояли въ отводѣ квартиръ всѣмъ, кому по закону полагается опредѣленное число покоевъ, и наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ этихъ квартиръ, въ отводѣ казармъ для войскъ и снабженіи ихъ дровами, свѣчами и всѣмъ необходимымъ, въ разборѣ обывательскихъ ссоръ изъ за строеній и жалобъ на несоблюденіе договоренныхъ условій по уплатѣ квартирной платы и на неустойки подрядчиковъ по строительнымъ работамъ; кромѣ того бауинспекторъ обязанъ былъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы всѣ казенныя и партикулярныя строенія возводились по Высочайше утвержденному плану и имѣли фасады, утвержденные департаментомъ коммиссіи и военнымъ губернаторомъ; архитекторы же должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы строенія возводились изъ хорошихъ матеріаловъ и чтобы дома были снабжаемы брандмауерами, трубами и печами, безопасными въ пожарномъ отношеніи по засвидѣтельствованію частнаго трубочистнаго мастера. Далѣе при конторѣ состояли два маурмейстера, смотрѣвшіе за прочностью фундаментовъ, сводовъ и стѣнъ въ казенныхъ и партикулярныхъ строеніяхъ; квартирные коммиссары по одному, квартиргеры—по два и служители изъ инвалидовъ по восьми при каждомъ казарменномъ корпусѣ, а при каждомъ квартирномъ домѣ по 1 квартиргеру и по 3 рядовыхъ. Продовольственное и строительное дѣло были выдѣлены въ особыя вѣдомства двухъ названныхъ конторъ, подчиненныхъ прямо департаменту коммиссіи. Затѣмъ, для ближайшаго завѣдыванія всѣми остальными предметами городского хозяйства и благоустройства, входившими въ кругъ вѣдомства департамента коммиссіи, учреждалось Городское Правленіе или Ратгаузъ.

Это учрежденіе составлялось изъ президента, директора экономіи, шести бургемейстеровъ и двѣнадцати ратсгеровъ. Президентъ назначался государемъ императоромъ; директоръ экономіи назначался коммиссіею по представленію департамента и утверждался въ должности государемъ императоромъ; бургемейстеры и ратсгеры избирались городскимъ обществомъ изъ числа достойнѣйшихъ гражданъ и затѣмъ черезъ департаментъ и коммиссію представлялись на утвержденіе государя. Такъ, въ городскомъ правленіи или ратгаузѣ появляются уже выборные люди, но и здѣсь руководительство ихъ дѣятельностью было предоставлено коронным чиновникамъ. Городское Правленіе или ратгаузъ было раздѣлено на три департамента, при чемъ президенту было предоставлено въ случаѣ надобности созывать общее собраніе всѣхъ трехъ департаментовъ для выработки наиболѣе важныхъ постановленій по городскимъ дѣламъ, поступавшихъ затѣмъ на усмотрѣніе департамента коммиссіи. Первый департаментъ городского правленія назывался юстицкимъ гражданскихъ дѣлъ департаментомъ. Въ составъ его входили президентъ ратгауза, два бургемейстера и три ратсгера. Они разбирали тяжбы гражданъ и разночинцевъ по силѣ указа 29 ноября 1798 г. Второй департаментъ городского правленія назывался юстицкимъ криминальныхъ дѣлъ департаментомъ и состоялъ изъ двухъ бургемейстеровъ и трехъ ратсгеровъ. Этотъ департаментъ разсматривалъ и рѣшалъ слѣдственныя и криминальныя дѣла, препровождаемыя туда военнымъ губернаторомъ или по предписанію департамента коммиссіи, или по сообщеніямъ присутственныхъ мѣстъ, или по предложеніямъ генералъ-прокурора. Приговоры этого департамента по такимъ дѣламъ представлялись президенту городского правленія.

Третій департаментъ назывался камеральнымъ департаментомъ. Въ

составъ его входили экономіи директоръ, два бургемейстера и шесть ратсгеровъ. Вѣдомство этого департамента простиралось на всѣ городскія дѣла кромѣ судебныхъ, какъ то: доходы и расходы градскіе; учетъ городского населенія; управленіе городскими имуществами; исполненіе полицейскихъ надобностей; смотрѣніе за тюрьмами, госпиталями, цухтъ и дольгаузами и богадѣльнями, вѣдомыми въ приказѣ общественнаго призрѣнія; установленіе таксъ для трактировъ, постоялыхъ дворовъ, наемныхъ комнатъ; преслѣдованіе обвѣса и обмѣра; выдача содержанія служащимъ въ департаментѣ коммиссіи и его конторахъ, въ полиціи и въ ратгаузѣ, въ мѣщанской ротѣ и полицейскихъ, пожарныхъ и мостовыхъ командахъ; наблюденіе за развитіемъ торговли и соблюденіемъ гильдейскихъ правилъ; опредѣленіе числа лавокъ подъ торги крестьянъ, торгующихъ въ городѣ; составленіе цеховъ ремесленниковъ и наемныхъ служащихъ, выработка для нихъ уставовъ, утверждаемыхъ департаментомъ коммиссіи, и разсмотрѣніе жалобъ, приносимыхъ на рѣшенія цеховыхъ управъ; выдача свидѣтельствъ на свободу выѣзда отъѣзжающимъ изъ города дворянамъ и купцамъ, если на нихъ нѣтъ ни отъ кого претензій и, наконецъ, вообще «попеченіе о всѣхъ городскихъ надобностяхъ и приведеніе въ скорое исполненіе повелѣній военнаго губернатора». При камеральномъ департаментѣ состояла ассекуранцъ-контора или фейеръ-кадастръ, т. е. учрежденіе для страхованія отъ огня всякаго рода строеній для всѣхъ желающихъ.

За исключеніемъ президента и экономіи директора, всѣ остальные члены ратгауза избирались городскимъ обществомъ. Въ уставѣ столичнаго города Москвы 1799 г. нѣтъ никакихъ указаній на составъ и организацію городского общества. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи оставались въ силѣ предшествующія постановленія, т. е. въ собраніи городского общества по прежнему могли участвовать горожане не моложе 25 лѣтъ и обладающіе капиталомъ не ниже того размѣра, который былъ установленъ на этотъ случай Городовымъ Положеніемъ 1785 г. Но въ отличіе отъ прежняго порядка теперь функціи этого собранія были ограничены только выборомъ извѣстныхъ должностныхъ лицъ по городскому управленію, никакого дальнѣйшаго участія въ городскомъ управленіи это собраніе уже не принимало. Такимъ образомъ городское общество выбирало шесть бургемейстеровъ и двѣнадцать ратсгеровъ въ городское правленіе или ратгаузъ и кромѣ того еще—1, къ каждому рынку и площади маркгфохта для наблюденія за свѣжестью продаваемыхъ припасовъ и устраненія всякаго рода обмановъ и ссоръ при торговлѣ,—2, къ каждому рынку и площади вагеюстирера для наблюденія за добротою и правильнымъ вѣсомъ продаваемаго хлѣбнаго печенія и вообще за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ,—3, потребное число вейнъ-киперовъ для наблюденія за доброкачественностью продаваемыхъ напитковъ и—4, къ каждой мясной бойнѣ бешауера для наблюденія за доброкачественностью приводимаго на бойню скота. Маркгфохты, вагеюстиреры, вейнкиперы и бешауеры были подчинены полицеймейстеру своего городского отдѣленія.

Такова была комбинація учрежденій, установленная разсмотрѣннымъ уставомъ для управленія городомъ Москвой. Окидывая общимъ взглядомъ эту комбинацію, не трудно опредѣлить ея основныя отличительныя черты. 1) Выборныя городскія учрежденія, и ранѣе стоявшія въ сильнѣйшей зависимости отъ коронной администраціи, теперь еще въ большей мѣрѣ заслонялись учрежденіями чисто бюрократическаго состава. Прежняя система выборныхъ органовъ была теперь сведена къ одному ратгаузу; но и въ самомъ ратгаузѣ во главѣ выбор-

ной коллегіи были поставлены коронные чиновники, а надъ ратгаузомъ была сооружена цѣпь бюрократическихъ инстанцій, послѣднее звено которой помѣщалось въ Петербургѣ въ видѣ коммиссіи о снабженіи Петербурга припасами. Москва разсматривалась словно какой то пригородъ Петербурга и управленіе Москвою было устроено въ видѣ департамента при петербургскихъ городскихъ учрежденіяхъ. 2) Наряду съ этимъ дальнѣйшимъ усиленіемъ бюрократизаціи городского управленія второй отличительной чертой устава 1799 г. являлось дальнѣйшее суженіе всесословности въ строѣ этого управленія. Выборное начало заслонялось бюрократическимъ; а въ средѣ выборныхъ учрежденій всесословное начало заслонялось сословнымъ. Уставъ совершенно упразднялъ тѣ городскія учрежденія—думы общую и шестигласную,—которыя по Городовому Положенію 1785 г. могли пополняться выборами, построенными на началѣ всесословности; введенный теперь ратгаузъ получилъ выборныхъ членовъ, избираемыхъ «собраніемъ общества градскаго», а это собраніе состояло, какъ мы видѣли выше, только изъ именитыхъ гражданъ и купцовъ двухъ первыхъ гильдій, т. е. носило въ сущности сословно-купеческій характеръ. Уставъ 1799 г. лишь на кратчайшее время пережилъ издавшаго его государя. Александръ I, вскорѣ по вступленіи на престолъ, возстановилъ для обѣихъ столицъ силу Городового Положенія 1785 г.

II.

Изъ предшествующаго обзора явствуетъ, что отъ 1721 г. и до 1785 г. во главѣ посадскаго управленія стояли магистраты. Однако, магистратскія учрежденія составляли лишь верхній этажъ посадскаго управленія. Члены городового магистрата избирались посадскимъ міромъ, но эта выборная магистратская служба, несмотря на новизну иноземныхъ терминовъ и внѣшнихъ обрядовъ, въ которые она облекалась по регламентамъ XVIII ст., упорно сохраняла, однако, глубоко-архаическій характеръ тѣхъ выборныхъ службъ, какія существовали въ старомъ московскомъ царствѣ. Выбирая изъ своей среды магистратскихъ членовъ, посадская община лишь выдѣляла опредѣленное количество лицъ въ распоряженіе центральной власти. Выборные бургомистры и ратманы, переступая порогъ магистратской присутственной камеры, тѣмъ самымъ отщеплялись отъ своего «міра», дѣлались не слугами избравшаго ихъ общества, но агентами правящей бюрократіи. Они не были исполнительными органами избравшаго ихъ посадскаго міра. Назначеніе магистратовъ состояло въ томъ, чтобы 1, осуществлять на мѣстѣ распоряженія центральнаго правительства въ предѣлахъ ихъ обязанностей, 2, оповѣщать посадскую общину о касающихся ея предписаніяхъ центральной власти, 3, слѣдить за дѣятельностью посадскаго міра, понуждать его къ строгому выполненію правительственныхъ указовъ и доносить по принадлежности о всѣхъ его неправильныхъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, магистраты, несмотря на выборный составъ свой, не являлись органической частью посадско-общиннаго самоуправленія. Они стояли надъ посадскимъ міромъ, какъ его начальство. «Магистратъ яко глава и начальство есть всему гражданству»—такъ прямо сказано въ XIV главѣ магистратскаго регламента. Въ качествѣ такого «начальства» они получали приказанія отъ центральныхъ государственныхъ учрежденій и лишь передъ центральною властью были обязаны служебной отчетностью. Органомъ посадскаго самоуправленія въ болѣе дѣйствительномъ значеніи этого слова являлся не магистратъ, а посадскій мірской

сходъ, исполнительной инстанціей котораго служилъ посадскій мірской староста, съ которымъ мѣстный магистратъ сносился указами, получая отъ него отвѣтныя бумаги въ формѣ доношеній. Если магистратскіе бургомистры и ратманы зависѣли въ своей служебной дѣятельности только отъ центральной власти, то посадскій мірской староста отвѣчалъ за свои дѣйствія прежде всего передъ посадскимъ сходомъ, который его провѣрялъ, учитывалъ и подвергалъ наказаніямъ за неисправность и злоупотребленія. Эти наказанія принимали порой весьма внушительныя формы и доходили даже до битья батогами передъ всѣмъ мірскимъ сходомъ [1]). Этотъ-то мірской посадскій сходъ и являлся дѣйствительнымъ средоточіемъ посадско-общинной жизни. Законодательные акты XVIII ст., посвященные строю городского управленія, подробно предустанавливая организацію магистратовъ, о мірскихъ посадскихъ сходахъ упоминаютъ лишь вскользь, какъ объ учрежденіи уже давно существующемъ и не нуждающемся въ новой подробной законодательной нормировкѣ. Регламентъ главному магистрату 1721 г. и инструкція городовымъ магистратамъ 1724 г. устанавливаютъ два типа «земскихъ совѣтовъ» о мірскихъ посадскихъ нуждахъ. Вопервыхъ, городовымъ магистратамъ предоставлялось призывать къ себѣ представителей міра для совѣщанія съ ними о важнѣйшихъ дѣлахъ: «а ежели случится когда къ пользѣ города какому быть совѣту, и имъ (т. е. магистратамъ) для того призывать изъ первостатейныхъ и изъ среднихъ людей добрыхъ и умныхъ» (глава VI регламента 1721 г.). Это—еще не настоящій мірской сходъ это скорѣе—собраніе экспертовъ изъ среды посадской общины при магистратскомъ присутствіи. Но затѣмъ, во-вторыхъ, названные акты упоминаютъ и о такихъ посадскихъ сходахъ, которые собираются независимо отъ магистратскаго начальства по созыву мірскихъ старостъ и старшинъ; такъ, въ п. 18 инструкціи городовымъ магистратамъ раскладка подушнаго сбора и уравненіе этого сбора между плательщиками «по разсмотрѣнію каждаго гражданина въ пожиткахъ состоянія» возлагается на «общее старостъ и старшинъ со всѣми гражданы согласіе»; по 19 п. той же инструкціи въ случаѣ возбужденія или самимъ магистратомъ или кѣмъ-либо изъ членовъ посадской общины вопроса о перераскладкѣ и новомъ «поравненіи» подушнаго сбора, вопросъ этотъ, прежде рѣшенія его магистратомъ, обсуждается на мірскомъ сходѣ: «старосты и старшины должны со всѣми гражданы о томъ совѣтовать». Въ 21 п. инструкціи сходу предоставляется раскладывать на гражданъ и всякіе экстренные сборы, сверхъ окладныхъ подушныхъ денегъ, которые будутъ назначены указами сената. Наконецъ, по главѣ VI регламента главнаго магистрата выборы магистратскихъ членовъ во всѣхъ городахъ предоставлялись «собранію всѣхъ мірскихъ людей».

Въ «наказѣ губернаторамъ и воеводамъ» 1728 г. въ п. 26 посадскимъ общинамъ было предоставлено право самообложенія для удовлетворенія мірскихъ нуждъ, при чемъ осуществленіе этого права вручалось мірскому посадскому сходу: сборы съ посадскихъ людей на мірскія нужды—говорилось въ этомъ пунктѣ наказа—сверхъ указныхъ сборовъ установляются не иначе, какъ по приговорамъ сходовъ за руками всѣхъ мірскихъ людей. Согласно тому же наказу поступленія сверхъ окладовъ по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ должны были обращаться «на общую городскую пользу». И вотъ, какъ видно изъ резолюцій кабинета министровъ за 30-ые годы XVIII вѣка по нѣкоторымъ отдѣльнымъ случаямъ, расходованіе этихъ обращенныхъ на мірскія нужды прибор-

[1]) См. А. А. Кизеветтеръ «Посадская Община», стр. 621—622.

а непремѣнно «съ приговора мірскихъ людей» [1]). Въ 1737 г. всѣ приборы велѣно было отсылать въ казенныя рентереи; въ 1745 г. вновь было предписано хранить приборныя суммы въ магистратахъ и ратушахъ, но распоряженіе этими суммами сосредоточивалось всецѣло въ рукахъ главнаго магистрата; мѣстному Купечеству разрѣшалось всего только ходатайствовать передъ главнымъ магистратомъ объ обращеніи на нужды мѣстнаго посадскаго міра какой либо части этихъ суммъ въ случаѣ необходимости покрыть недоимку по подушному налогу, запущенную вслѣдствіе «убожества» посада; и вотъ возбужденіе такихъ ходатайствъ было предоставлено не мѣстному магистрату или ратушѣ, а мірскому посадскому сходу съ общаго согласія гражданъ всѣхъ трехъ гильдій [2]). Такимъ образомъ, посадскій мірской сходъ по прежнему остался рѣшающей инстанціей въ ряду мѣстныхъ органовъ по вопросу о приборныхъ суммахъ; измѣнялись только предѣлы той власти, которая вообще предоставлялась мѣстнымъ учрежденіямъ въ этомъ отношеніи; раньше сходу принадлежала инициатива въ самомъ распоряженіи приборными суммами, теперь сходу предоставлялась инициатива въ возбужденіи ходатайства передъ центральными установленіями объ ассигнованіи части этихъ суммъ на восполненіе посадской недоимки. Упомянемъ, наконецъ, что по сенатскому указу 1760 г. [3]) за посадскими обществами, также какъ и за помѣщиками и за обществами дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ, было признано право ссылать непотребныхъ и вредныхъ обществу людей въ Сибирь съ зачетомъ ссыльныхъ въ рекруты: приговоры о ссылкѣ членовъ посадской общины въ Сибирь постановлялись на мірскихъ посадскихъ сходахъ.

Таковы бѣглыя упоминанія о компетенціи посадскихъ сходовъ въ законодательствѣ первой половины XVIII столѣтія. Никакихъ учредительныхъ актовъ объ этихъ сходахъ мы здѣсь не находимъ; ко времени наступленія XVIII столѣтія эти сходы были уже давно дѣйствовавшимъ учрежденіемъ и за исключеніемъ немногихъ перемѣнъ, внесенныхъ въ кругъ ихъ дѣятельности вышеприведенными постановленіями, они продолжали существовать на тѣхъ же началахъ, которыя были имъ присущи еще во времена московскаго царства. Полную картину устройства и дѣятельности этихъ сходовъ за интересующій насъ періодъ времени нужно искать, такимъ образомъ, не въ законодательныхъ актахъ XVIII вѣка, а въ документахъ, рисующихъ текущую практику тогдашнихъ учрежденій. На основаніи изученія такихъ документовъ предметы дѣятельности посадскихъ сходовъ можно свести къ семи рубрикамъ.

I. Сходы имѣли извѣстное отношеніе къ регулированію состава посадской общины. Для вступленія въ посадскую общину требовалось согласіе на это мірского посадскаго схода; фактически, однако, пріемъ новыхъ тяглецовъ въ посадъ сплошь и рядомъ разрѣшался мѣстнымъ магистратомъ, который обращался при этомъ къ созыву мірского схода лишь при какихъ либо особыхъ осложняющихъ дѣло обстоятельствахъ. Еще болѣе скромную роль играли сходы въ вопросахъ, касавшихся выхода тяглецовъ изъ посадской общины. Право исключенія тяглецовъ изъ общины сходамъ не было предоставлено; они могли только возбуждать ходатайства о томъ въ главномъ магистратѣ и сенатѣ. Что же касается добровольнаго выхода тяглецовъ изъ общины, напр. въ монашество, въ духовное званіе и проч., то такой выходъ обусловливался приговоромъ схода лишь въ томъ смыслѣ, что при этомъ требовалось согласіе общества вносить

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 7975.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 9208.
[3]) Полн. Собр. Зак., № 11166.

за выходящаго причитающіеся на его долю государственные сборы. Наконецъ, переводы тяглецовъ изъ одного посада въ другой разрѣшались главнымъ магистратомъ и сенатомъ, и «міру» оставалось только возбуждать челобитныя по поводу дѣйствій и распоряженій соотвѣтствующихъ властей.

II. Завѣдываніе мірскимъ хозяйствомъ. По отношенію къ казеннымъ платежамъ сходамъ принадлежало назначеніе времени для составленія новыхъ окладныхъ книгъ для даннаго посада; опредѣленіе основаній для разверстанія общаго оклада между отдѣльными тяглецами; утвержденіе составленныхъ окладчиками окладныхъ книгъ и разборъ всѣхъ недоразумѣній и споровъ, возникавшихъ при составленіи этихъ книгъ; обложеніе самихъ окладчиковъ; опредѣленіе порядка взиманія казенныхъ сборовъ съ отдѣльныхъ группъ посадскихъ тяглецовъ и опредѣленіе порядка взысканія съ нихъ недоимокъ; наконецъ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ раскладки налоговъ сходамъ принадлежало и освобожденіе отъ обложенія отдѣльныхъ членовъ общины въ силу тѣхъ или иныхъ условій. По отношенію собственно къ мірскому посадскому хозяйству сходы пользовались распорядительною властью какъ по изысканію источниковъ мірскихъ доходовъ, такъ и по расходованію мірскихъ суммъ на мѣстныя нужды. Въ первомъ отношеніи сходъ: а) пользовался важнымъ правомъ обложенія на мірскія потребности, б) завѣдывалъ принадлежащими посаду оброчными статьями, в) распоряжался приборными суммами въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ это допускалось спеціальными узаконеніями о приборахъ (о чемъ см. выше); г) распоряжался порожжими участками посадской земли по сдачѣ ихъ въ тягло и на оброкъ; д) заключалъ займы на покрытіе экстренныхъ мірскихъ расходовъ. Во второмъ отношеніи сходамъ принадлежало исключительное право разрѣшать расходованіе какъ денегъ, поступившихъ по спеціальнымъ мірскимъ сборамъ, такъ и запасныхъ фондовъ, если таковые имѣлись въ мірской кассѣ. Наконецъ, къ важнымъ вопросамъ мѣстнаго хозяйства, входившимъ въ компетенцію сходовъ, относился вопросъ о принятіи на мѣстное Купечество содержанія кабацкихъ, таможенныхъ и канцелярскихъ сборовъ.

III. Выборы въ различныя должности по мѣстному самоуправленію—въ магистратскіе члены, въ старосты, подъячіе, словесные суды, старшины, окладчики и т. п., а также выборы къ разнаго рода очереднымъ службамъ при сборахъ и при различныхъ административныхъ учрежденіяхъ; выборы рекрутъ; выборы сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ; выборы поповъ мѣстнаго собора.

IV. Наблюденіе за дѣятельностью выборныхъ должностныхъ лицъ по мірскому самоуправленію, выражавшееся въ утвержденіи инструкцій нѣкоторымъ изъ нихъ, въ назначеніи ревизій надъ счетчиками, сборщиками и старостами, въ выдачѣ разрѣшеній бургомистрамъ и ратманамъ мѣстнаго магистрата на принятіе ими на себя откуповъ и подрядовъ, безъ какового разрѣшенія названные магистратскіе члены не могли быть допускаемы къ подрядамъ и откупамъ.

V. Осуществленіе дисциплинарной власти надъ членами посадской общины. Посадскихъ людей, включая въ то число и самого старосту, наказывали «передъ міромъ» батогами за самовольное отлученіе изъ посада безъ паспортовъ, за уклоненіе отъ взысканія недоимокъ, за пьянство, распутство и т. п. Только на членовъ мѣстнаго магистрата эта власть схода не распространялась, напротивъ, они сами являлись «начальствомъ» по отношенію къ міру. Выше уже упоминалось, что посадскій сходъ съ 1760 г. могъ приговаривать членовъ посадской общины къ ссылкѣ въ Сибирь.

VI. Изданіе обязательныхъ постановленій по мѣстному благоустройству.

Въ мірскихъ приговорахъ нѣкоторыхъ посадовъ встрѣчаемъ постановленія обязывающія всѣхъ домохозяевъ заводить печи въ холодныхъ помѣщеніяхъ и устраивать при всѣхъ домахъ отхожія мѣста. Мотивомъ этихъ постановленій служила забота о болѣе равномѣрномъ отправленіи всѣми домохозяевами постойной повинности, такъ какъ иные домохозяева стремились уклоняться отъ выполненія этой повинности подъ предлогомъ неустроенности ихъ жилищъ. Встрѣчаемъ постановленія объ обязательномъ удаленіи харчевенъ изъ торговыхъ рядовъ, объ обязательномъ устройствѣ въ кузницахъ кирпичныхъ трубъ на горнахъ и т. п. постановленія, направляемыя на предотвращеніе пожаровъ.

XII. Наконецъ, посадскіе сходы осуществляли важную функцію представительства мірскихъ интересовъ передъ высшими административными учрежденіями, возбуждали жалобы на злоупотребленія мѣстныхъ властей, подавали челобитныя «съ общаго градскихъ людей совѣта» о разнаго рода мѣстныхъ нуждахъ. Иногда, эти челобитья разрастались въ цѣлые трактаты о желательныхъ улучшеніяхъ всевозможныхъ сторонъ мѣстной жизни и въ этихъ случаяхъ такія мірскія челобитья являлись прототипомъ тѣхъ «наказовъ», которые были поданы отъ городовъ въ 1767 г. въ «Коммиссію о сочиненіи новаго Уложенія».

Изъ приведеннаго очерка можно видѣть, что мірскимъ посадскимъ сходамъ предоставлялось въ XVIII ст. не мало такихъ правъ, которыя сами по себѣ могли бы составить надежную основу истиннаго самоуправленія. Таковы — права самообложенія и распоряженія мірскими суммами, выбора должностныхъ лицъ и контроля надъ ними, изданія обязательныхъ постановленій по мѣстному благоустройству, возбужденія мірскихъ ходатайствъ о мѣстныхъ нуждахъ. Однако, эти сравнительно широкія сами по себѣ права сходовъ на практикѣ утрачивали значительную долю своего значенія. Право самообложенія и распоряженія мірскими суммами совмѣщалось съ полнымъ подчиненіемъ мірской кассы центральному финансовому управленію. Право выбора должностныхъ лицъ и мірского надъ ними контроля парализовалось зависимостью этихъ-же лицъ— со старостою во главѣ—отъ магистратскаго начальства. Право распоряженія мѣстнымъ благоустройствомъ, не получившее на практикѣ значительнаго развитія, пересѣкалось, опять таки, полицейской властью воеводской канцеляріи и магистратскаго присутствія. Оставалось во всей своей чистотѣ одно право: подачи мірскихъ челобитій о нуждахъ и желаніяхъ посада, которымъ сходы и пользовались въ весьма широкой степени.

Такова была роль стоящаго подъ магистратомъ посадскаго мірского схода въ строѣ посадскаго самоуправленія. Что же это было за собраніе по своему составу? Кто въ немъ участвовалъ? Выше было указано, что въ выборахъ президентовъ, бургомистровъ и ратмановъ магистрата на посадскомъ сходѣ могли участвовать только первостатейные люди посадскіе. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ на сходѣ участвовали посадскіе тяглецы всѣхъ трехъ статей. Посѣщеніе схода считалось даже обязанностью каждаго посадскаго тяглеца. Право не посѣщать сходовъ нужно было исхлопатывать на основаніи особо уважительныхъ къ тому поводовъ. Президентъ вятскаго магистрата, прослужившій 14 лѣтъ въ этой должности и получившій отставку по болѣзни, испрашивалъ себѣ, напримѣръ, въ числѣ другихъ льготъ разрѣшенія «за крайнимъ несостояніемъ» не являться на «гражданскіе совѣты» «развѣ для выборовъ въ магистратскіе члены» [1]). Систематическое уклоненіе отъ посѣщенія сходовъ вызывало порой со стороны

---

[1]) Архивъ Мин. Юст. Д. Главн. Магистр. вязка 33, № 83.

міра чувствительныя репрессіи. Такъ напр., серпуховской посадскій сходъ въ 1746 г. постановилъ «отданные отъ серпуховского купечества на 1746 г. луга серпуховскому купцу Сокольникову за нехожденіемъ его на совѣты отъ него отобрать и владѣть ему не давать, а отдать взятыя отъ него деньги ему обратно, а луга отдать другимъ посадскимъ людямъ, кто пожелаетъ» [1]). Лишались права участія на сходахъ только состоявшіе подъ слѣдствіемъ по интереснымъ дѣламъ и подвергавшіеся когда либо наказанію батогами.

Однако, хотя посадскій сходъ разсматривался, какъ собраніе всѣхъ тяглецовъ даннаго посада, тѣмъ не менѣе сходы далеко не всегда отличались многолюдствомъ. Дѣло въ томъ, что ни законъ, ни обычай не установили тогда никакого кворума для возможности открытія схода. Въ документахъ, рисующихъ ходъ мірскихъ посадскихъ совѣтовъ, можно встрѣтить, наприм., случаи, когда на сходъ собирается до 300 человѣкъ; затѣмъ, партія, желающая сорвать сходъ, начинаетъ силою разгонять собравшихся; на мѣстѣ остается человѣкъ 40, но и рѣшеніе этихъ 40 человѣкъ получаетъ значеніе рѣшенія всей посадской общины [2]). Въ Серпуховскомъ посадѣ за 1746 г. состоялось въ разныхъ числахъ 19 приговоровъ посадскаго схода; изъ нихъ 18 приговоровъ касались выборовъ къ разнымъ службамъ и ассигновокъ изъ мірской казны на различныя цѣли; число рукоприкладствъ подъ этими приговорами колебалось отъ 7 и до 57 и, на ряду съ этимъ, подъ 19-мъ приговоромъ, посвященнымъ, очевидно, жгучему вопросу мѣстной жизни: рѣшенію начать процессъ съ крестьянами изъ за посадскихъ луговъ, находимъ 212 рукоприкладствъ [3]). Такъ, если сплошь и рядомъ сходы не отличались многолюдствомъ, то все же бывали случаи, когда число ихъ участниковъ достигало нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ, а по идеѣ каждый сходъ долженъ былъ представлять собою собраніе всѣхъ тяглецовъ даннаго посада. Но этотъ общепосадскій сходъ съ своимъ руководителемъ и представителемъ — посадскимъ старостой — являлся лишь завершеніемъ ряда другихъ мѣстныхъ мірскихъ учрежденій въ виду того, что и самъ посадскій «міръ» слагался изъ ряда болѣе мелкихъ самоуправляющихся союзовъ. Эти послѣдніе издавна назывались сотнями и слободами. Первоначально «сотни» представляли собой профессіональные союзы, а слободы территоріально-административныя подраздѣленія посада. Въ XVIII ст., а въ иныхъ мѣстахъ еще и въ XVII в., за этими дѣленіями осталось значеніе лишь административно-тяглыхъ союзовъ, такъ какъ члены одной и той-же слободы оказываются разселенными въ различныхъ частяхъ города. Тяглецы каждаго посада расписывались по слободамъ. Каждый тяглецъ несъ посадскіе платежи и отправлялъ посадскія службы съ своей слободы. Для разсмотрѣнія слободскихъ дѣлъ созывались слободскіе сходы. Слободы выбирали своихъ «слободскихъ старостъ», при которыхъ состояли иногда тоже выбранные на слободскихъ сходахъ товарищи. Слободскіе старосты получали отъ мѣстнаго магистрата инструкціи съ изложеніемъ обязанностей старостъ. До насъ дошли тексты такихъ инструкцій. Изъ нихъ видно, что на обязанности слободскихъ старостъ лежало: 1) регистрированіе слободскихъ тяглецовъ и всѣхъ измѣненій въ составѣ населенія слободы, 2) собираніе податей съ слободскихъ тяглецовъ, 3) пресѣченіе недоимокъ, 4) созывъ слободскихъ сходовъ, 5) надзоръ за воспитаніемъ и обученіемъ малолѣтнихъ слободскихъ сиротъ, 6) представленіе въ подлежащія мѣста челобитій о слободскихъ нуждахъ и заявленій о всемъ

---

[1]) Ibid. Дѣла Серпуховск. уѣздн. суда в. 3, № 37.
[2]) Ibid. Дѣла Главн. Магис. в. 8, № 2.
[3]) Ibid. Дѣла Серпуховск. уѣздн. суда в. 3, № 37.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

томъ, «что будетъ усмотрѣно новаго къ лучшему устроенію», 7) надзираніе за описаніемъ слободскихъ оброчныхъ статей. Въ документахъ встрѣчаемъ указанія на то, что слободы имѣли слободскія земли и право распоряженія ими и свои слободскіе дворы, въ которыхъ хранились и архивы «слободскихъ дѣлъ» [1]). Въ XVIII ст. къ этой слободской организаціи на посадахъ присоединилась еще организація гильдейская.

По регламенту главнаго магистрата 1721 г. посадское населеніе городовъ было раздѣлено на три части: первую гильдію, вторую гильдію и «подлыхъ людей». По буквѣ закона это новое дѣленіе должно было строиться на иномъ основаніи, нежели изстаринное дѣленіе посадскихъ тяглецовъ на три «статьи». Дѣленіе на «статьи» въ московскомъ государствѣ основывалось исключительно и всецѣло на различеніи тяглецовъ по степени ихъ имущественной состоятельности и, слѣдовательно, тяглоспособности. Регламентъ 1721 г. устанавливалъ иной принципъ дѣленія: по различію профессій безъ отношенія къ размѣрамъ «животовъ и промысловъ». Такъ, къ составу первой гильдіи регламентъ относилъ банкировъ, купцовъ съ отъѣзжими торгами и торгующихъ въ рядахъ, городскихъ докторовъ, аптекарей, лѣкарей, шкиперовъ купеческихъ кораблей, золотарей, серебренниковъ, иконниковъ и живописцевъ; ко второй гильдіи—мелочныхъ торговцевъ, харчевниковъ и разнаго рода ремесленниковъ, къ «подлымъ людямъ», поставленнымъ внѣ гильдейской организаціи,—наемныхъ чернорабочихъ.

Въ изслѣдованіи А. А. Кизеветтера «Посадская община въ Россіи XVIII ст.» на основаніи архивныхъ данныхъ показано, что эти постановленія регламента 1721 г. остались мертвой буквой и въ дѣйствительности группировка посадскихъ людей по гильдіямъ получила иное значеніе; указами того же Петра I всѣ городскіе ремесленники были сорганизованы въ цехи въ противоположность отнесенію ремесленниковъ ко второй гильдіи; по гильдіямъ же стало распредѣляться только купеческое населеніе посадовъ, при чемъ это распредѣленіе производилось безъ отношенія къ указаннымъ въ регламентѣ 1721 г. профессіональнымъ признакамъ, а на тѣхъ же основаніяхъ, что и допетровское дѣленіе по «статьямъ», т.-е. не по роду торга, а по размѣру «животовъ и промысловъ». Соотвѣтственно съ этимъ уже съ конца 20-хъ годовъ XVIII ст. дѣленіе на двѣ гильдіи было замѣнено дѣленіемъ на три гильдіи подобно тремъ статьямъ прежняго времени [2]). Въ 1775 г. посадское населеніе помимо цеховыхъ ремесленниковъ было раздѣлено на купцовъ и мѣщанъ, при чемъ къ разряду мѣщанъ отнесены тѣ, кто обладалъ капиталомъ не свыше 500 р., а тѣ, чей капиталъ превышалъ эту норму, были отнесены къ купцамъ; тутъ же подтверждалось раздѣленіе купцовъ на три гильдіи, хотя безъ всякаго опредѣленнаго указанія относительно основанія этого раздѣленія [3]). Эти постановленія получили дальнѣйшее развитіе въ Городовомъ Положеніи 1785 г. Минимальная норма гильдейскаго капитала была здѣсь повышена съ 500 р. до 1000 р. Подтверждался чисто купеческій составъ гильдіи и дѣленіе Купечества на три гильдіи. Въ основу дѣленія опредѣленно полагался размѣръ капитала: къ первой гильдіи были отнесены купцы съ капиталомъ отъ 10 до 50 тысячъ рублей, ко второй гильдіи — купцы съ капиталомъ отъ 5 до 10 тыс. руб. и къ третьей гильдіи — купцы съ капиталомъ отъ 1 до 5 тыс. руб. Но въ то же время Городовое Положеніе

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Главн. Магистр. вязка 249, № 1; в. 11, № 7 и № 15; в. 16, № 2; Дѣла Орловск. Магист. в. 3, № 35; в. 4, № 45 и др. Кизеветтеръ «Пос. общ.» стр. 630.

[2]) Документальныя доказательства всему, здѣсь сказанному, см. въ книгѣ. „Посадск. община", стр. 128 и слѣд.

[3]) П. С. З. № 14275 п. 47.

1785 г. провело и профессіональное различіе между гильдіями: къ первой гильдіи были отнесены купцы, занимающіеся какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ торгомъ; ко второй гильдіи—купцы, занимающіеся только однимъ внутреннимъ торгомъ, и къ третьей гильдіи—лишь мелочные торговцы [1]).

Гильдейская организація уже съ 20-хъ годовъ XVIII в. получила и административное значеніе. Каждая гильдія составляла купеческую корпорацію съ своими гильдейскими собраніями, съ своими выборными представителями—гильдейскими старшинами. Здѣсь-то мы и подходимъ къ зачаткамъ сословно-купеческаго самоуправленія, которое въ XVIII ст. развивалось въ посадахъ бокъ о бокъ съ общепосадскимъ. Въ качествѣ посадскихъ тяглецовъ купцы наряду съ ремесленниками и чернорабочими участвовали на общепосадскихъ сходахъ, входили также въ составъ и слободскихъ союзовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ именно купцовъ, они составляли и свои особые гильдейскіе союзы. При этомъ важно замѣтить, что выборные представители этихъ гильдейскихъ союзовъ принимали участіе также и въ общепосадской администраціи, а именно гильдейскіе старшины являлись, въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, посадахъ, помощниками мірского посадскаго старосты по его дѣятельности въ качествѣ исполнительнаго органа общепосадскаго схода и завѣдующаго текущими дѣлами посада въ промежуткахъ между сходами. Такъ, напримѣръ, въ Коломнѣ мѣстный магистратъ посылалъ указы по дѣламъ посада: «старостѣ съ гильдейскими старшинами» и доношенія по мірскимъ дѣламъ поступали въ магистратъ отъ старосты съ «старшинами». Въ вятскомъ посадѣ въ 60-хъ годахъ XVIII ст. управленіе мірскими дѣлами и руководство дѣятельностью мірского схода принадлежало старостѣ посадскому, его товарищу, который назывался «подчиненнымъ старостой» и тремъ гильдейскимъ старшинамъ [2]).

Теперь, на основаніи предшествующаго изложенія, мы можемъ съ ясностью установить схему тѣхъ учрежденій, въ которыхъ сосредоточивалось посадское самоуправленіе въ XVIII ст. до 1785 г. Это были, если итти снизу вверхъ: 1) слободскіе и спеціально купеческіе гильдейскіе союзы, 2) общепосадскій мірской сходъ, 3) посадскій староста и при немъ коллегія изъ трехъ гильдейскихъ старшинъ и 4) городовой магистратъ.

Эта схема, общая для всѣхъ посадовъ Россіи того времени, не можетъ быть, однако, примѣнена къ Москвѣ. Въ Москвѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько иную организацію, встрѣчаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и иное соотношеніе купеческаго и общегородского самоуправленій. Въ Москвѣ никогда не существовало общепосадскаго схода, какъ не существовало и вообще единой посадской организаціи. Соборное Уложеніе 1649 г., говоря о Москвѣ, употребляетъ выраженіе не «московскій посадъ», а «московскіе посады» (гл. XIX, ст. 2). И въ самомъ дѣлѣ, въ XVII ст. Москва въ порядкѣ самоуправленія, въ противоположность другимъ городамъ московскаго государства, представляла собою лишь сумму обособленныхъ другъ отъ друга мелкихъ самоуправляющихся союзовъ—сотенъ и слободъ,—которыя не слагались въ единый посадъ, какъ это было въ другихъ городахъ. Въ сотняхъ и слободахъ дѣйствовали свои сотенные и слободскіе сходы, избирались свои исполнительные органы—сотскіе и старосты, но общаго схода всѣхъ людей посадскихъ въ Москвѣ не существовало. Когда являлась нужда въ общемъ представительствѣ интересовъ всего посадскаго населенія столицы, тогда мѣсто общепосадскаго схода въ Москвѣ занимало общее собраніе сотскихъ и

---

[1]) Город. Положеніе 1785 г. отдѣлы: Е, Ж, З и И.

[2]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Главн. Маг. в. 23, № 83; дѣла вятскаго уѣзднаго суда в. 3, № 10.

старостъ всѣхъ сотенъ и слободъ. Отъ такого собранія исходили челобитныя о нуждахъ, общихъ всему московскому посадскому населенію; къ той же коллегіи сотскихъ и старостъ обращалась правительственная власть, когда для нея нужны были какія-нибудь справки отъ московскихъ людей посадскихъ. Когда въ 1699 г. была учреждена Бурмистерская Палата, члены которой должны были избираться изъ среды московскаго торговопромышленнаго населенія, то за отсутствіемъ общепосадскаго схода пришлось создавать ad hoc, именно для даннаго случая, особое избирательное собраніе. Относительно состава этого собранія возникло разногласіе между правительствомъ и московскими «гостями», желавшими получить преобладающее положеніе на выборахъ, и въ концѣ-концовъ было постановлено, что въ составъ избирательнаго собранія войдетъ по одному представителю отъ гостей, отъ гостинной сотни и отъ каждой изъ черныхъ сотенъ и слободъ. Эта коллегія и избрала 12 членовъ Бурмистерской Палаты[1]).

Начиная съ 20-хъ годовъ XVIII ст., въ Москвѣ устанавливается иной порядокъ городскаго самоуправленія. Какъ и въ другихъ городахъ, во главѣ городскихъ дѣлъ, «яко начальство города», становится выборный магистратъ, а въ отличіе отъ другихъ городовъ здѣсь попрежнему отсутствуетъ общепосадскій сходъ и посадскій староста. Однако, магистратъ все же является не единственнымъ объединительнымъ органомъ посадскаго населенія. На ряду съ «начальственнымъ» магистратомъ здѣсь также возникаетъ иное постоянное учрежденіе, подчиненное магистрату и непосредственно объединяющее мелкіе слободскіе союзы. Только этимъ учрежденіемъ здѣсь былъ не общепосадскій сходъ, а Купеческая Гильдія или Гильдія Московскаго Купечества, какъ именовалось это учрежденіе въ оффиціальномъ дѣлопроизводствѣ того времени.

Въ провинціальныхъ городахъ гильдейская организація ограничивалась въ своей дѣятельности сословно-купеческими дѣлами и ея отношеніе къ общепосадскому самоуправленію выражалось лишь въ томъ, что гильдейскіе старшины помимо своихъ непосредственныхъ гильдейскихъ обязанностей иногда являлись еще помощниками мѣстнаго посадскаго старосты. Въ Москвѣ за полнымъ отсутствіемъ общепосадскаго мірского схода всѣ его функціи и перешли въ XVIII столѣтіи къ собраніямъ купцовъ сначала двухъ, а потомъ и трехъ гильдій, точно также какъ и функціи мірского посадскаго старосты, котораго здѣсь тоже не было, всецѣло перешли къ соединенному присутствію выборныхъ старшинъ всѣхъ гильдій съ ихъ помощниками. Въ только что цитированномъ разборѣ книги А. А. Кизеветтера «Посадская Община» М. М. Богословскій, правильно указавъ на то, что въ Москвѣ въ это время посадскій сходъ замѣнялся Соединеннымъ Собраніемъ гильдій, допустилъ затѣмъ несомнѣнную ошибку, сказавъ, что такія собранія не имѣли никакого общаго руководителя, ибо гильдіи засѣдали каждая съ своими старшинами. Дѣло въ томъ, что слѣдуетъ различать собранія гильдій по своимъ чисто гильдейскимъ дѣламъ,—такія собранія происходили дѣйствительно вполнѣ обособлено,—и собранія гильдій по дѣламъ общегородскимъ: эти послѣднія были объединяемы не только единовременностью ихъ созыва по всѣмъ гильдіямъ, но и общностью руководительства ими: это общее руководительство принадлежало старшинѣ первой гильдіи, къ которому старшины второй и третьей гильдій стояли въ этомъ отношеніи въ положеніи іерархическаго подчиненія. Это прямо выражено въ инструкціи московскимъ гильдейскимъ старшинамъ 1742 г., въ 1 пунктѣ которой сказано: «каждой

---

[1]) Подробнѣе о всемъ этомъ см. у М. М. Богословскаго: „Разборъ сочиненія г. Кизеветтера „Посадская община въ Россіи“ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древностей Россійскихъ 1906 г.“.

гильдіи старшинѣ надъ тою гильдіею имѣть начальство, а второй и третьей гильдіи старшинамъ чинить всякое отправленіе съ вѣдома первой гильдіи главнаго старшины» [1]). Первой гильдіи старшина и становился во главѣ соединенныхъ гильдейскихъ собраній, замѣнявшихъ общепосадскій сходъ. Въ извѣстной мѣрѣ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, эту роль со старшиной первой гильдіи раздѣлялъ городской голова. Соединенное присутствіе должностныхъ лицъ всѣхъ гильдій съ старшиной первой гильдіи во главѣ дѣйствовало и въ промежуткѣ между гильдейскими Соединенными Собраніями, какъ ихъ исполнительный органъ и какъ постоянная канцелярія по мірскимъ посадскимъ дѣламъ, являвшаяся низшей инстанціей по отношенію къ магистрату. Эта-то канцелярія вмѣстѣ съ созывавшимися въ ней соединенными гильдейскими Собраніями и составляла единое учрежденіе, носившее тогда оффиціальное названіе Гильдіи Московскаго Купечества или просто «Московской Гильдіи». Такимъ образомъ, если мы встрѣчаемъ въ документахъ того времени выраженія: «первая гильдія», «вторая гильдія», «третья гильдія», то мы должны понимать это такъ, что рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ сословно-купеческихъ гильдейскихъ союзахъ. Но когда въ документахъ того времени употреблено выраженіе «Гильдія Московскаго Купечества» или «Московская Гильдія», это означаетъ, что рѣчь идетъ объ учрежденіи, въ которомъ всѣ гильдіи соединялись вмѣстѣ, замѣняя собою для Москвы общепосадскія учрежденія, какими въ провинціальныхъ городахъ являлись мірской сходъ и земскій староста.

Такъ, по составу эта «Гильдія Московскаго Купечества» была сословно-купеческимъ учрежденіемъ; по кругу вѣдомства она выходила за предѣлы сословно-купеческихъ дѣлъ и представляла собою вообще всю совокупность посадскаго населенія Москвы. Слѣдовательно, въ Москвѣ въ XVIII столѣтіи купеческое самоуправленіе сливалось съ общегородскимъ самоуправленіемъ, и это нужно понимать не въ томъ смыслѣ, что первое растворялось въ послѣднемъ, а въ томъ смыслѣ, что Купечеству трехъ гильдій было предоставлено считаться представителемъ всего посадскаго населенія.

Въ такомъ качествѣ «Гильдія Московскаго Купечества» просуществовала вплоть до изданія Городового Положенія 1785 г. Но и съ изданіемъ этого Городового Положенія роль и значеніе «Гильдіи» фактически не измѣнились. Казалось бы, Городовое Положеніе 1785 г. вводило не только общепосадскую, но даже общегородскую организацію, наличность которой дѣлала совершенно излишнимъ распространеніе на Купеческую Гильдію функцій по общегородскому самоуправленію. Мы разумѣемъ «собраніе общества градскаго», которое по отношенію ко всему городу должно было играть теперь ту же роль при выборныхъ думахъ, какую раньше по отношенію къ посаду игралъ общепосадскій сходъ при магистратахъ. «Собраніе общества градскаго» вводилось вѣдь теперь также и въ Москвѣ и потому, казалось, утрачивалась необходимость удерживать для Москвы исключительные порядки внѣ общаго правила. А между тѣмъ, и по введеніи Городового Положенія 1785 г. «Гильдія Московскаго Купечества» осталась при прежнемъ, указанномъ выше положеніи. Не измѣнилась ни ея организація, ни ея компетенція. «Собраніе общества градскаго» въ Москвѣ фактически слилось съ собраніями въ «Гильдіи». Приговоры собраній общества градскаго отыскиваются въ книгахъ приговоровъ «Гильдіи». Составъ тѣхъ и другихъ собраній одинъ и тотъ же: и тамъ и здѣсь участвуютъ купцы трехъ гильдій и нѣкоторые именитые граждане. Въ этой то общности состава обоихъ собраній и заключалась причина фактическаго

---

[1]) Полн. Собр. Зак., № 8504.

слитія этихъ двухъ учрежденій. Мы уже знаемъ, что благодаря цензовымъ ограниченіямъ, установленнымъ въ Городовомъ Положеніи 1785 г. для участія въ собраніи общества градскаго, фактически туда могли входить только купцы двухъ первыхъ гильдій и именитые граждане нѣкоторыхъ разрядовъ. Это была довольно странная комбинація: порученіе общегородскихъ дѣлъ собранію сословно-купеческаго состава на ряду съ всесословными думами. Но именно для Москвы въ этой комбинаціи не заключалось никакой новости: какъ разъ на этихъ началахъ тамъ въ теченіе почти цѣлаго вѣка уже дѣйствовала «Гильдія». Для составленія собранія общества градскаго приходилось призывать тотъ же кругъ лицъ, что и для собранія соединенныхъ гильдій. «Общество градское» и стало собираться въ Гильдіи на ряду съ обычными ранѣе созывавшимися тамъ собраніями. Если прежде «Гильдія» въ Москвѣ становилась на мѣсто или въ замѣнъ несуществовавшаго тамъ общепосадскаго схода, то теперь Гильдія просто отождествилась съ созданнымъ по закону и для Москвы «собраніемъ общества градскаго». Продолжая по прежнему служить подчиненной инстанціей общекупеческаго управленія при магистратѣ, «Гильдія» время отъ времени собиралась и въ качествѣ собранія «общества градскаго» для выполненія функцій, присвоенныхъ этому послѣднему собранію по Городовому Положенію. Въ этомъ только и состояло все нововведеніе. Положеніе вещей не измѣнилось и при Павлѣ съ введеніемъ знакомаго намъ устава столичнаго города Москвы. Отмѣнивъ Думы и замѣнивъ ихъ ратгаузомъ, выстроивъ надъ ратгаузомъ новыя бюрократическія учрежденія, руководившія городскими дѣлами—коммиссію о снабженіи столицы припасами и ея департаментъ,—названный уставъ не коснулся того нижняго этажа прежнихъ городскихъ учрежденій, который состоялъ изъ «Гильдіи», отождествленнаго съ Гильдіей «собранія общества градскаго» и подчиненныхъ «Гильдіи» слободскихъ учрежденій, о коихъ рѣчь у насъ будетъ ниже. «Гильдія» существовала и дѣйствовала по прежнему, только получала теперь указы не отъ магистрата и не отъ шестигласной думы, а отъ ратгауза. Кое какія нововведенія въ кругѣ ея дѣятельности носили лишь частный характеръ. И потому отмѣна этого устава и возстановленіе Екатерининскаго Городового Положенія при императорѣ Александрѣ I опять-таки ни въ чемъ не измѣнили устройства и порядковъ дѣятельности Московской «Гильдіи».

Такъ, на пространствѣ всего XVIII столѣтія и первыхъ четырехъ съ половиною лѣтъ XIX столѣтія, несмотря на всѣ послѣдовавшія за это время перемѣны въ устройствѣ московскаго городского управленія, «Московская Гильдія», составлявшая основной фундаментъ этого устройства, продолжала дѣйствовать на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, объединяя въ порядкѣ самоуправленія все московское гильдейское Купечество и въ то же время выступая въ своей дѣятельности отъ имени всего «общества градскаго». «Гильдія Московскаго Купечества» покончила свое существованіе въ серединѣ 1805 г., когда на смѣну ей возникло новое учрежденіе: «Купеческое отдѣленіе дома градскаго общества», черезъ 58 лѣтъ въ свою очередь замѣненное «купеческой управой» и собраніемъ выборныхъ Купеческаго Общества.

Настоящій выпускъ нашего труда будетъ посвященъ исторіи этой «Гильдіи Московскаго Купечества». Мы изучимъ поочередно: 1) устройство и дѣятельность гильдейскаго присутствія и 2) устройство и дѣятельность тѣхъ «гражданскихъ совѣтовъ», которые собирались при Гильдіи.

Глава вторая.

Должностныя лица Гильдіи и дѣятельность гильдейскаго присутствія.

I.

За время существованія «Гильдіи Московскаго Купечества» не сохранилось журнальныхъ и протокольныхъ книгъ гильдейскаго присутствія. Поэтому мы не имѣемъ передъ собой законченной и подробной картины внутренняго распорядка этого учрежденія.

Приходится возстановлять эту картину по кусочкамъ, по отрывочнымъ даннымъ, разсѣяннымъ въ отдѣльныхъ «дѣлахъ», сохранившихся въ архивѣ Гильдіи, и въ текстѣ тѣхъ «общественныхъ приговоровъ», которые постановлялись на гражданскихъ совѣтахъ въ Гильдіи и которые записывались въ дошедшихъ до насъ «книгахъ общественнымъ приговорамъ». Важнымъ источникомъ служитъ въ данномъ случаѣ также «инструкція Московскаго Купечества 1, 2 и 3 гильдіи старшинамъ и старостамъ съ товарищи», изданная 19 января 1742 г. [1]) и сохранявшая силу во все послѣдующее время существованія Гильдіи; такъ, при изданіи въ 1799 г. устава столичнаго города Москвы Гильдія, возбуждая ходатайство о томъ, чтобы «её оставить на прежнемъ основаніи» и не передавать изъ Гильдіи въ камеральный департаментъ городского правленія записки объявляемыхъ купцами капиталовъ, сбора съ нихъ процентныхъ денегъ, а также пашпортнаго сбора,—ссылалась въ подтверженіе этого своего ходатайства именно на инструкцію 1742 г. [2]). Названная инструкція является единственнымъ дошедшимъ до насъ общимъ регламентомъ, опредѣляющимъ устройство и распорядокъ дѣятельности Московской Гильдіи. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы и постараемся собрать и систематически обозрѣть все, что даютъ намъ названные источники по вопросу объ организаціи и дѣятельности гильдейскаго присутствія.

Въ составъ присутствія «Гильдіи» входили должностныя лица всѣхъ трехъ купеческихъ гильдій. Управленіе дѣлами каждой отдѣльной купеческой гильдіи находилось въ рукахъ выборной трехчленной коллегіи, состоявшей изъ гильдейскаго старшины, старосты и старшинскаго товарища. Всѣ они выбирались купцами соотвѣтствующей гильдіи на одинъ годъ «для сборовъ съ Купечества и для всякихъ касающихся купеческихъ дѣлъ отправленій», какъ сказано въ пунктѣ первомъ инструкціи 1742 г. При этомъ гильдейскій старшина являлся начальникомъ старосты и старшинскаго товарища и сосредоточивалъ въ своихъ

---

[1]) П. С. Зак. № 8504.

[2]) Матеріалы для исторіи москов. купечества. Общественные приговоры, т. I, 1799 г. № 38.

рукахъ главное завѣдываніе всѣми дѣлами своей гильдіи: «каждой гильдіи старшинѣ—читаемъ въ томъ же пунктѣ названной инструкціи—надъ старостою и его товарищемъ и надъ тою гильдіею имѣть начальство». Какъ уже отмѣчено въ концѣ предшествующей главы, должностныя коллегіи отдѣльныхъ гильдій были поставлены въ извѣстное іерархическое соподчиненіе: «второй и третьей гильдіи старшинамъ чинить всякое отправленіе съ вѣдома первой гильдіи старшины», сказано въ той же инструкціи. Изъ этихъ словъ можно заключить, что старшина первой гильдіи являлся въ то же время общимъ руководителемъ всеіі гильдейской организаціи, оказывая извѣстное вліяніе и на ходъ дѣлъ въ двухъ остальныхъ гильдіяхъ. Но наряду съ этимъ, должностныя лица всѣхъ трехъ гильдій составляли постоянное общее собраніе, вѣдавшее дѣлами, которыя касались сразу гильдейскаго Купечества всѣхъ трехъ гильдій. Прямое указаніе на такое общее собраніе находимъ въ п. 19 инструкціи 1742 г., гдѣ говорится: «всѣхъ трехъ гильдій старшинамъ и старостамъ съ товарищи съ общаго согласія по требованію въ разныя коллегіи, канцеляріи и къ казеннымъ сборамъ во всякія служенія по указамъ выбирать изъ гражданъ по очереди, чтобъ никому изъ того обидъ и нападковъ, а другимъ отъ службъ закрывательства не было». Это-то общее собраніе изъ девяти членовъ (по трое отъ каждой отдѣльной гильдіи) и называлось «Гильдіей» вообще и, какъ увидимъ ниже, вѣдало не одни только выборы купцовъ къ очереднымъ службамъ, но и цѣлый рядъ другихъ дѣлъ.

Журнальныхъ и протокольныхъ книгъ этого присутствія Гильдіи, какъ уже сказано, до насъ не дошло, но въ книгахъ общественныхъ приговоровъ, постановлявшихся на гражданскихъ совѣтахъ, случайно оказались записи нѣсколькихъ протоколовъ этого гильдейскаго присутствія. Первый изъ этихъ протоколовъ относится къ декабрю 1789 г. Онъ начинается словами: «въ Московской Гильдіи слушано прошеніе подъяческаго сына Александра Васильева». Далѣе идетъ изложеніе содержанія этого прошенія: Васильевъ просилъ объ опредѣленіи его въ «Гильдію» къ письменнымъ дѣламъ. «И объ ономъ принятіи—говорится далѣе въ протоколѣ—въ гильдіи трактовано было, о чемъ и господину градскому главѣ Михаилу Павловичу докладываво было-жъ и отъ него словесное приказаніе объ опредѣленіи онаго Васильева сдѣлано; почему, въ сходственность онаго приказанія г-на градскаго главы, въ Гильдіи и разсуждено означенному подъяческому сыну быть Московскаго Купечества въ Гильдіи, которому и жалованье производить изъ общественной купеческой суммы въ годъ 12 рублей». Подъ протоколомъ три подписи: старостъ первой и третьей гильдій и старостина помощника второй гильдіи. Отъ того же года и мѣсяца имѣемъ еще два протокола гильдейскаго присутствія. Въ одномъ изъ нихъ сказано, что «Московскаго Купечества въ Гильдіи городовые старосты съ помощниками слушали словесную просьбу» двухъ находящихся при Гильдіи канцеляристовъ относительно опредѣленія одному изъ просителей оклада жалованья и прибавки другому къ его прежнему окладу, «о чемъ въ гильдіи разсуждаемо было и со общаго согласія» опредѣлили просителямъ на будущее время новые оклады и «оное учиненное положеніе» докладывали затѣмъ городскому главѣ, который далъ словесное утвержденіе. Подписи тѣ-же, что и подъ предшествующимъ протоколомъ. Въ другомъ протоколѣ сказано, что «въ Гильдіи городовые старосты» слушали прошеніе отставного сержанта, служащаго въ состоящей при Гильдіи воинской командѣ, о назначеніи ему жалованья. «Со общаго согласія» и сержанту опредѣлили окладъ жалованья, также представленный на утвержденіе град-

скаго главы. Подписи подъ протоколомъ опять тѣ же самыя [1]). Далѣе мы имѣемъ протоколъ гильдейскаго присутствія отъ 2 іюля 1803 г. Онъ начинается такъ: «въ Московской Гильдіи при собраніи городовыхъ всѣхъ трехъ гильдіевъ старостъ съ помощники—второй гильдіи старостинъ помощникъ объявилъ, что онъ по комерціи купеческой имѣетъ необходимую надобность отлучиться Нижегородской губерніи на Макарьевскую ярмарку на одинъ мѣсяцъ и проситъ о выдачѣ ему паспорта. Въ виду этой просьбы опредѣлили выдать паспортъ и донести о томъ отъ Гильдіи второму департаменту московскаго магистрата. Подъ протоколомъ шесть подписей: старостъ всѣхъ трехъ гильдій и старостиныхъ помощниковъ всѣхъ трехъ гильдій [2]). Наконецъ, еще одинъ дошедшій до насъ протоколъ относится къ 4 іюля 1805 г. Здѣсь читаемъ: «въ Московской Гильдіи старосты съ помощниками, будучи въ собраніи, слушали....» просьбы старосты второй гильдіи и помощника его объ увольненіи ихъ для коммерческихъ надобностей на одинъ мѣсяцъ. Опредѣлили удовлетворить ихъ просьбу на основаніи указа 1803 г., при чемъ утвержденія градскаго главы уже не потребовалось. Подъ протоколомъ девять подписей: подписи трехъ старостъ, пяти старостиныхъ помощниковъ и одного письмоводителя [3]). Среди этихъ подписей значатся также имена и тѣхъ просителей, по дѣлу которыхъ было постановлено записанное въ протоколѣ рѣшеніе. Мы привели дословныя цитаты изъ всѣхъ этихъ протоколовъ потому, что ими окончательно устанавливается фактъ объединенной дѣятельности должностныхъ лицъ всѣхъ трехъ гильдій въ одномъ общемъ учрежденіи, называвшемся «Московская Гильдія».

Уже по этимъ цитатамъ можно замѣтить, что составъ гильдейской администраціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и составъ присутствія «Московской Гильдіи» не оставался одинаковымъ въ теченіе интересующаго насъ періода. Первоначально, согласно инструкціи 1742 г. во главѣ каждой гильдіи, какъ мы уже знаемъ, стояли старшина, староста и старшинскій товарищъ и, слѣдовательно, присутствіе «Московской Гильдіи» состояло изъ трехъ старшинъ, трехъ старостъ и трехъ старшинскихъ товарищей. Въ 70-хъ годахъ XVIII ст. мы встрѣчаемъ еще тотъ же составъ. Такъ, 20 декабря 1771 г. первая гильдія выбрала на 1772-й годъ старшину, старосту и старшинскаго товарища [4]). Но въ 80-хъ годахъ и далѣе этотъ составъ измѣняется, а именно—первая гильдія избираетъ ежегодно одного старосту и одного помощника, вторая гильдія—одного старосту и двухъ помощниковъ, третья гильдія—одного старосту и двухъ помощниковъ; съ 1799 г. во второй гильдіи избирается одинъ помощникъ, а въ третьей гильдіи—три помощника; такимъ образомъ присутствіе «Московской Гильдіи» слагается изъ восьми лицъ: трехъ старостъ и пяти помощниковъ. Старшины, какъ должность, исчезаютъ, старосты заступаютъ ихъ мѣсто, а три старшинскіе товарища замѣняются пятью старостинскими помощниками [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается за то же время и еще

---

[1]) Матеріалы для исторіи московск. купечества. Общественные приговоры, т. I стр. 82—83, №№ 24, 25, 26.

[2]) ibid. стр. 273, № 31

[3]) ibid. стр. 341 № 34.

[4]) Ibid., стр. 16, № 26.

[5]) См. ibid. выборные приговоры въ 1787 г. № 15; въ 1788 г. №№ 9, 10 и 13; въ 1789 г. № 21; въ 1790 г. № 15; въ 1791 г. № 29 и 33; въ 1792 г. № 17а; въ 1793 г. № 14; въ 1794 г. №№ 11, 12, 13 и 15; въ 1795 г. № 19; въ 1796 г. № 18; въ 1797 г. № 30; въ 1798 г. № 20б и 27; *въ 1799 г. № 30*; *въ 1800 г. № 73*; *въ 1801 г. № 109*; въ 1802 г. № 99; въ 1803 г. № 62; въ 1804 г. № 58. См. еще Арх. Купеч. Управы № 175, № 141, № 1303, № 1319 (опись т. I прилож.). Иногда случайно, по старой памяти, терминъ старосты замѣнялся терминомъ старшины, ibid. № 1219 (1800 г.).

одно измѣненіе, относящееся уже до порядка выборовъ всѣхъ этихъ представителей гильдейской администраціи. Въ 21 п. инструкціи 1742 г. на этотъ счетъ было сказано: «которые граждане въ Гильдіи въ старшины и къ нимъ въ товарищи будутъ выбраны, тѣмъ быть за выборами каждой гильдіи отъ гражданъ резъ годъ, и тѣ выборы взносить при доношеніи въ Ратушу тѣмъ, кому они на премѣну удостоены». Изъ дошедшихъ до насъ избирательныхъ приговоровъ видно, что первоначально это постановленіе инструкціи понималось и примѣнялось такъ, что каждая Гильдія собиралась особо для выбора своихъ должностныхъ лицъ, которые уже, по утвержденіи ихъ въ должности подлежащими высшими инстанціями, соединялись въ общемъ присутствіи «Московской Гильдіи» (см. выборные приговоры на старшинъ, старостъ и товарищей 1-й гильдіи на 1772, 1779, и 1780 гг. [1]).

Но, начиная съ 80-хъ годовъ и во всѣ послѣдующіе годы изучаемаго періода, выборы административныхъ лицъ всѣхъ трехъ гильдій производятся въ «Московской Гильдіи» на общемъ гражданскомъ совѣтѣ всѣхъ этихъ гильдій, а не на обособленныхъ собраніяхъ каждой гильдіи. Вотъ для примѣра текстъ приговора такого общегильдейскаго избирательнаго собранія: «1789 г. декабря 11 дня московскіе именитые граждане, 1-й, 2-й и 3-й гильдій Купечество, будучи въ присутствіи градскаго главы господина Губина и слушавъ полученный московскаго городоваго магистрата изъ перваго департамента въ Гильдію указъ... (здѣсь излагается содержаніе указа, предписывающаго произвести выборы должностныхъ лицъ), того ради, имѣя разсужденіе, со общаго согласія въ будущей 1790 г. выбрали... въ городовые старосты баллотированіемъ по большинству балловъ, а именно: 1-й гильдіи Василія Петрова Ирошникова, 2 г.—Ѳедора Иванова с. Булгакова, 3 г.—Алексѣя Петрова Гурова,—и то баллотированіе происходило по собственному нашему желанію, такъ что весь при томъ положенный закономъ распорядокъ соблюденъ безъ наималѣйшаго нарушенія, и мы по сему баллотированію никакого не имѣемъ неудовольствія, да къ нимъ въ помощники выбрали, а именно: 1-й гильдіи Ивана Григорьева Шелагина, 2-й гильдіи—Ивана Ѳедорова Пирогова, Михаила Сергѣева Пыпина, 3 гильдіи—Ивана Данилова Санеева, Владиміра Иванова Малинкаго, которые люди всѣ порядочнаго поведенія, и въ томъ званіи находимъ ихъ быть достойными, чего ради по окончаніи помянутаго баллотированія и сей согласный нами приговоръ учиненъ, въ чемъ подъ симъ и подписуемся» [2]). Этотъ стереотипный текстъ повторяется во всѣхъ избирательныхъ приговорахъ при выборахъ гильдейскихъ старостъ и ихъ помощниковъ въ 80 и 90-хъ годахъ XVIII ст. и въ первое пятилѣтіе XIX ст.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и на такихъ общегильдейскихъ собраніяхъ при баллотированіи старостъ и помощниковъ каждой изъ трехъ гильдій голоса подавали лишь купцы соотвѣтствующей гильдіи, но все же они голосовали на собраніи всего объединеннаго гильдейскаго Купечества, а не на собраніи членовъ одной только своей гильдіи, и результатъ баллотированія считался общимъ приговоромъ всего собранія «Московской Гильдіи», а не суммою трехъ различныхъ приговоровъ отдѣльныхъ гильдій. Однимъ словомъ, установился порядокъ, полную аналогію которому можно найти въ современныхъ намъ выборахъ факультетскихъ декановъ въ совѣтахъ университетовъ. Факультетскій

---

[1]) Ibid. 1772 г. № 26; 1779 г. № 11; 1780 г. № 43.
[2]) Общ. пригов. I, 1789 г. № 21.

деканъ избирается не въ засѣданіи факультета, а въ засѣданіи совѣта, т.-е. въ общемъ собраніи всѣхъ факультетовъ; голосуютъ при этомъ не всѣ члены совѣта, а только члены соотвѣтственнаго факультета, но они тѣмъ не менѣе голосуютъ въ «совѣтѣ» и результатъ голосованія почитается рѣшеніемъ совѣта и вносится въ совѣтскіе протоколы. Какъ разъ то же самое мы имѣемъ передъ собой и въ описываемыхъ порядкахъ избранія гильдейскихъ старостъ и ихъ помощниковъ. И установленіе такого порядка всецѣло объясняется тѣмъ, что три московскихъ купеческихъ гильдіи разсматривались тогда не иначе, какъ автономныя части нѣкоторой цѣлостной организаціи, именовавшейся «Московской Гильдіей». Юридически цѣлостность этой организаціи выражалась въ томъ, что выбранные по гильдіямъ старосты и ихъ помощники составляли общее присутствіе, а члены всѣхъ гильдій собирались на общіе совѣты, постановленія которыхъ были для всѣхъ гильдій обязательны; а символически цѣлостность этой организаціи выражалась въ томъ, что три гильдіи избирали своихъ должностныхъ представителей и руководителей на совмѣстномъ, общегильдейскомъ собраніи, хотя и голосуя при этомъ порознь, по гильдіямъ [1]).

Указы, присылавшіеся въ «Московскую Гильдію», изъ другихъ учрежденій, надписывались различно, но во всѣхъ этихъ надписаніяхъ одинаково выражалась та мысль, что присутствіе «Московской Гильдіи» почиталось за правильно оформленное, постоянное учрежденіе, объединявшее собою управленіе всѣми тремя купеческими гильдіями въ совокупности. Къ подтвержденію этого положенія можетъ служить все громадное количество входящихъ въ Гильдію бумагъ, сохранившихся въ архивѣ московской купеческой управы. Ради большей наглядности мы воспользуемся для иллюстраціи этого положенія одной описью входящихъ въ Гильдію бумагъ, относящейся къ 1788 г. и составленной городовымъ старостой этого года для сдачи дѣлъ преемнику [2]). Въ этой описи зарегистрированъ рядъ указовъ, полученныхъ Гильдіею въ теченіе 1788 г. изъ различныхъ департаментовъ московскаго городового магистрата, изъ шестигласной думы, отъ градскаго главы, изъ московскаго городского словеснаго суда. Многіе изъ этихъ указовъ адресованы просто «въ Гильдію»: нѣкоторые начинаются обращеніемъ: «въ Гильдію Московскаго Купечества городовому старостѣ съ товарищи»; въ другихъ читаемъ: «въ гильдію старшинамъ съ товарищи»; наконецъ, встрѣчаемъ надписанія: «Московской Гильдіи почетнымъ старостамъ». Смыслъ всѣхъ этихъ формулъ, очевидно, состоитъ въ томъ, что обращенія дѣлаются не просто къ извѣстной совокупности должностныхъ лицъ, а къ опредѣленному учрежденію въ лицѣ составляющихъ его членовъ.

Изъ приведенныхъ выше протоколовъ общаго присутствія «Московской Гильдіи» видно, что постановленія присутствія принимались коллегіальнымъ порядкомъ, за общимъ подписаніемъ всѣхъ его членовъ или значительной части ихъ. Но документы свидѣтельствуютъ и о томъ, что въ Московской Гильдіи на ряду съ этимъ существовало распредѣленіе нѣкоторыхъ опредѣленныхъ функцій между отдѣльными членами коллегіи. Какъ мы видѣли выше, старшина первой гильдіи (а въ послѣдствіи староста первой гильдіи) согласно инструкціи 1742 г. являлся главнымъ руководителемъ всей коллегіи. Въ качествѣ главнаго предста-

---

[1]) По окончаніи выборовъ старосты и помощники старостъ всѣхъ трехъ гильдій совмѣстно представлялись въ магистратѣ, совмѣстно были тамъ приводимы къ присягѣ и получали оттуда указъ о вступленіи ихъ въ должность.—Арх. Купеч. Упр. № 175, 740 и мног. др. (по Описи т. I, приложеніе).

[2]) Арх. Купеч. Управы. Книга приговорамъ 1788–1789 г.г.

вителя всей «Московской Гильдіи» первогильдейскій староста иногда именовался «городовымъ старостой» по преимуществу. Обыкновенно, всѣ гильдейскіе старосты въ качествѣ членовъ «Московской Гильдіи» назывались также «городовыми старостами». Но иногда этотъ терминъ прилагался только къ первогильдейскому старостѣ именно для того, чтобы выдѣлить его, какъ главное лицо, среди прочихъ старостъ. Такъ, въ цитированномъ выше протоколѣ гильдейскаго присутствія отъ 4 іюля 1805 г. при разрѣшеніи отпуска старостѣ 2 гильдіи и его помощнику имъ было предписано представить вѣдомость о принадлежащихъ обществу доходахъ, о наличныхъ имѣющихся у нихъ общественныхъ суммахъ и о несобранныхъ недоимкахъ и вѣдомость эту подать «городовому» старостѣ; а подъ протоколомъ подписи: «городовой староста Мосягинъ; староста Петръ Толченовъ; староста Алексѣй Хлѣбниковъ [1]).

Староста первой гильдіи въ качествѣ первоприсутствующаго въ коллегіи «Московской Гильдіи» всего чаще подписываетъ тѣ бумаги, которыя исходятъ изъ «Московской Гильдіи» въ другія учрежденія. Камеральный департаментъ городского правленія 1 мая 1800 г. предписалъ указомъ въ «Гильдію», чтобы «Гильдія» отрядила одного изъ своихъ канцелярскихъ служителей къ письмоводству при Даниловской брандвахтѣ и двухъ караульныхъ солдатъ изъ своей команды туда-же, а также выбрала бы изъ Купечества двухъ человѣкъ въ помощь опредѣленному къ той брандвахтѣ старостиному помощнику. «Гильдія» отвѣтила на этотъ указъ рапортомъ, въ которомъ говорилось, что «по оному указу о бытіи для вышеписаннаго Московскому Купечеству на совѣтѣ, повѣстки учинены быть имѣютъ неумедлительно». Рапортъ былъ подписанъ старостой 1 гильдіи Павломъ Рыбинскимъ [2]). Подпись первогильдейскаго старосты стоитъ обыкновенно и подъ тѣми рапортами «Гильдіи» въ магистратъ и въ городское правленіе, при которыхъ препровождаются приговоры Общаго Совѣта купцовъ всѣхъ трехъ гильдій. О состоявшихся на «собраніи всѣхъ трехъ гильдіевъ купцовъ» выборахъ въ члены ратгауза рапорты отъ Гильдіи предсѣдателю городского правленія подаетъ староста 1 гильдіи [3]). Имъ же подписываются рапорты изъ Гильдіи въ магистратъ о приговорахъ Купечества всѣхъ трехъ гильдій относительно ассигнованій изъ общественной купеческой казны суммъ на содержаніе магистрата, на канцелярскіе и иные расходы по самой Гильдіи и о порядкѣ завѣдыванія общественной казной отдѣльными членами гильдейскаго присутствія [4]). Староста 1 гильдіи подписывается и на тѣхъ рапортахъ изъ Московской Гильдіи въ магистратъ, которые содержатъ донесенія не о приговорахъ совѣта гражданъ, а о дѣйствіяхъ самого гильдейскаго присутствія. Въ 1770 г. въ Гильдію Московскаго Купечества явился сынъ купца Конюшенной слободы и заявилъ о желаніи пойти въ рекруты за Московское Купечество. Гильдія навела справки о проситель у старосты названной слободы и, такъ какъ по 1 и 2 ревизіи въ окладныхъ гильдинскихъ книгахъ его въ

---

[1]) Общ. пригов. I, 1805 г., № 34.

[2]) Архивъ Купеческой Управы, по Описи т. I, приложеніе № 1584.

[3]) Ibid. № 1308.

[4]) Арх. Мин. Юстиціи. Дѣла Московскаго Магистрата, вязка 191, № 18; или тамъ же, вязка 169, № 49. «Въ московскій магистратъ изъ Гильдіи рапортъ—декабря 1773 г. Московское 1 и 2 гильдей Купечество, будучи въ Гильдіи и съ общаго согласія, дали приговоръ о употребленіи на прописанныя въ томъ приговорѣ надобности изъ гильдейской купеческой суммы 500 рублевъ, которой учиненной приговоръ въ московскій магистратъ на разсмотрѣніе и взносится при семъ съ требованіемъ на оной указа. Первой гильдіи старшина Михаилъ Шапошниковъ. Декабря дня 1773 г.

запискѣ не оказалось, то Гильдія и рѣшила препроводить его въ московскій магистратъ для изслѣдованія при рапортѣ, который оканчивался такъ: «того ради московскому магистрату Гильдія симъ покорнѣйше представляя, требуетъ резолюціи», подпись: «первой гильдіи староста Николай Евреиновъ» [1]).

Въ 1770 г. президентъ московскаго магистрата былъ озабоченъ необходимостью подать въ главный магистратъ донесеніе о состояніи Московскаго Купечества. Въ виду этого изъ московскаго магистрата было предписано Гильдіи представить свѣдѣнія о состояніи промысловъ московскихъ купцовъ. Гильдія отвѣчала, что у нея свѣдѣній объ этомъ не имѣется. Тогда президентъ московскаго магистрата постановилъ поручить первой гильдіи старшинѣ Климову составить «извѣстіе» о томъ, «какое Московское Купечество въ промыслахъ своихъ и учрежденіяхъ въ 1769 г. имѣло поправленіе и чего еще требуетъ или въ чемъ имѣло поврежденіе». Объ этомъ предписаніи московскій магистратъ увѣдомилъ указами: 1) самого Климова, такъ какъ порученіе возлагалось лично на него (указъ надписанъ: «находящемуся въ Гильдіи первой гильдіи старшинѣ Ивану Климову») и 2) Гильдію, чтобы она была освѣдомлена о спеціальномъ порученіи, возложенномъ на одного изъ ея членовъ. Вотъ—ясное указаніе на то, что Гильдія оффиціально разсматривалась не просто, какъ собраніе совмѣстно дѣйствующихъ по нѣкоторымъ вопросамъ старостъ отдѣльныхъ гильдій, но какъ опредѣленно оформленное учрежденіе.

Въ отвѣтъ на эти указы московскій магистратъ получилъ и два отдѣльныхъ рапорта, увѣдомляющихъ о полученіи указовъ; одинъ подписанъ такъ: «въ московскій магистратъ изъ Гильдіи первой гильдіи отъ старшины Ивана Климова», другой надписанъ: «въ московскій магистратъ изъ Гильдіи»; подъ послѣднимъ подписался на этотъ разъ замѣститель старшины—первой гильдіи староста [2]).

Правда, въ дѣлопроизводствѣ того времени находимъ рапорты изъ Гильдіи въ магистратъ, въ которыхъ сообщаются рѣшенія всего гильдейскаго присутствія и приговоры всего гильдейскаго гражданства, но по дѣламъ, ближайшимъ образомъ касающимся какой либо одной изъ трехъ гильдій, и подъ такими рапортами иногда стоитъ подпись старшины уже не первой гильдіи, а той, до которой относится данное дѣло. Вотъ, напримѣръ, рапорты 1776 г. о зачисленіи крестьянъ въ Купечество третьей гильдіи. Такія зачисленія рѣшались на общегражданскихъ совѣтахъ, и рапортуетъ о нихъ магистрату «Московская Гильдія», но подпись на рапортѣ—не главы этого учрежденія, старосты первой гильдіи, а—старшины третьей гильдіи [3]). Вотъ—дѣло о разысканіи укрывающагося отъ записки въ ревизію (дѣло относится къ 1744 г.) купца Напрудной слободы. Магистратъ потребовалъ отъ «Гильдіи» свѣдѣнія, записанъ ли этотъ купецъ въ той слободѣ, платитъ ли онъ подушную подать и бываетъ ли у очередныхъ службъ. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что этотъ купецъ записанъ въ третьей гильдіи, и рапортъ объ этомъ въ магистратъ изъ «Московской Гильдіи» подписанъ старшиной третьей гильдіи [4]). Вотъ дѣло 1745 г. о купцѣ уже второй гильдіи, явившагося изъ неизвѣстной отлучки. Магистратъ отсылаетъ его въ Гильдію «къ старшинамъ съ товариши» для записанія его въ окладныя книги и взысканія съ него накопившихся недоимокъ. Въ указѣ магистрата сказано: «въ Гильдіи

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Дѣла Моск. Магистр. в. 130, № 30.
[2]) Ibid. в. 129, № 13.
[3]) Ibid. в. 210, № 47.
[4]) Ibid. в. 4, № 70.

діи старшинамъ съ товарищи учинить о томъ по сему указу и по исполненіи онаго въ московскій магистратъ отрепортовать немедленно». Записали его во вторую гильдію, и рапортъ о томъ въ магистратъ изъ Московской Гильдіи («о томъ московскому магистрату Гильдія (а не вторая гильдія) симъ въ извѣстіе репортуетъ») подписанъ старшиной второй гильдіи [1]).

Но изъ такихъ случаевъ нельзя отнюдь извлечь довода противъ положенія о единствѣ присутствія Московской Гильдіи. Наряду съ приведенными примѣрами можно указать не мало рапортовъ, исходившихъ отъ Московской Гильдіи также по дѣламъ, касавшимся ближайшимъ образомъ второй или третьей гильдіи, но тѣмъ не менѣе подписанныхъ также и старшиной первой гильдіи. Вотъ рапортъ о томъ, что 1 и 2 гильдій купцы выбрали къ очереднымъ службамъ 4 человѣкъ изъ 2 гильдіи: подъ рапортомъ подписи старшинъ обѣихъ этихъ гильдій [2]). Вотъ рапортъ съ сообщеніемъ о приговорахъ, данныхъ на гражданскомъ совѣтѣ старшинамъ 1 и 2 гильдій, а подписанъ подъ рапортомъ одинъ только старшина 1 гильдіи [3]).

Мы должны отмѣтить, что рапорты изъ Гильдіи въ магистратъ по вопросамъ, касавшимся сборовъ и другихъ дѣлъ финансоваго характера, иногда подписывались старшиной 2-й гильдіи [4]). На это была особая причина: какъ увидимъ ниже, при распредѣленіи различныхъ категорій дѣлъ между отдѣльными членами присутствія Московской Гильдіи именно завѣдываніе сборами поручалось спеціально старостѣ 2-й гильдіи. И очень важно, что въ рядѣ рапортовъ даже и по дѣламъ финансоваго характера всетаки появляется съ своей подписью также и старшина первой гильдіи, очевидно, какъ лицо, имѣвшее главное смотрѣніе надъ всей дѣятельностью присутствія «Московской Гильдіи». Вотъ рапортъ 1772 г., при коемъ въ магистратъ изъ Гильдіи препровождаются суммы, собранныя съ паспортовъ, выбранныхъ для торговаго промысла купцами 1, 2 и 3 гильдій; рапортъ подписанъ первой гильдіи старшинскимъ товарищемъ [5]). Вотъ рапортъ 1773 г., при коемъ въ магистратъ изъ Гильдіи взносится сумма подушнаго сбора за Московское Купечество и цеховыхъ на первую половину 1773 г. (5936 р. 20 к.). Подъ рапортомъ подписались старшина первой гильдіи и старшина второй гильдіи [6]). Тѣ же подписи подъ препроводительнымъ рапортомъ и при отсылкѣ въ магистратъ подушнаго сбора на вторую половину того же года [7]) и т. д.

Этотъ обзоръ уполномочиваетъ, кажется, на заключеніе, что именно старшинѣ или старостѣ первой гильдіи принадлежала по преимуществу роль представителя всей «Московской Гильдіи» при сношеніяхъ ея съ другими учрежденіями: онъ подписываетъ рапорты, подаваемые отъ всей «Гильдіи» или одинъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ старостой, до гильдіи котораго преимущественно относится данное дѣло, онъ подписываетъ нерѣдко рапорты по дѣламъ, спеціально порученнымъ кому либо изъ прочихъ членовъ коллегіи и, если на иныхъ рапортахъ его подпись и отсутствуетъ вовсе, то такіе случаи всего правильнѣе будетъ приписать либо тому, что его замѣнялъ въ тотъ или иной день другой членъ коллегіи по его же порученію, либо тому, что въ Гильдіи существовала по нѣ-

---

[1]) Ibid. в. 3, № 20.
[2]) Ibid. в. 140, № 74; рядъ такихъ же рапортовъ—в. 169, № 49.
[3]) Ibid. в. 165, № 29.
[4]) ibid. в. 1, № 21.
[5]) ibid. в. 148, № 38.
[6]) ibid. в. 153, № 53.
[7]) ibid. в. 162, № 49.

которымъ дѣламъ извѣстная спеціализація функцій между отдѣльными членами гильдейскаго присутствія, не устранявшая, тѣмъ не менѣе, общаго и главнаго руководства старосты (или ранѣе старшины) первой гильдіи всѣмъ дѣлопроизводствомъ. Такая спеціализація дѣйствительно практиковалась во все время существованія Московской Гильдіи, и мы теперь и перейдемъ къ ея разсмотрѣнію.

Во избѣжаніе недоразумѣній необходимо сначала еще разъ подчеркнуть то обстоятельство, что гильдейскіе старшины, старосты и ихъ товарищи, одновременно и входили въ составъ общаго присутствія «Московской Гильдіи» и стояли во главѣ одной изъ тѣхъ трехъ отдѣльныхъ гильдій, на которыя раздѣлялось все Московское Купечество. Поэтому на ихъ рукахъ были и такія дѣла, которыя производились въ ихъ собственной, спеціально имъ подвѣдомственной гильдіи; когда такія дѣла нуждались въ санкціи магистрата или другихъ высшихъ инстанцій, то они проходили туда чрезъ посредство «Московской Гильдіи», и вотъ въ этихъ то случаяхъ въ «Московской Гильдіи» данныя дѣла поступали въ производство того члена общегильдейскаго присутствія, который въ то же время былъ старостой той отдѣльной гильдіи, до которой относилось данное дѣло. Конкретный примѣръ всего лучше пояснитъ сущность этой комбинаціи. Каждая гильдія ассигновывала обыкновенно изъ своихъ гильдейскихъ общественныхъ средствъ нѣкоторыя суммы въ распоряженіе своихъ гильдейскихъ должностныхъ лицъ. Въ декабрѣ 1775 г., напримѣръ, Купечество в т о р о й гильдіи на собраніи однихъ только второгильдейскихъ купцовъ приговорило ассигновать «на всякія необходимыя надобности» изъ «имѣющейся наличной купеческой второй гильдіи суммы» 600 руб. въ распоряженіе второй гильдіи старшины Девяткина, старосты Ветошникова и старшинскаго товарища Куманина. Этотъ приговоръ надлежало представить на утвержденіе магистрата и для этой цѣли онъ былъ внесенъ въ «Московскую Гильдію»; изъ Московской Гильдіи приговоръ былъ препровожденъ въ магистратъ при рапортѣ, и данный рапортъ М о с к о в с к о й Гильдіи былъ подписанъ старшиной в т о р о й гильдіи Девяткинымъ. Въ отвѣтъ на это московскій магистратъ послалъ въ М о с к о в с к у ю Гильдію указъ, въ которомъ было написано: «1776 г. января 29 дня въ московскомъ магистратѣ докладывано по репорту изъ Г и л ь д і и (т. е. изъ М о с к о в с к о й Гильдіи, иначе было бы непремѣнно поименовано в т о р о й гильдіи), при которомъ приложенъ на совѣтѣ прошлаго 1775 г. декабря дня московской в т о р о й гильдіи Купечества приговоръ (выписанъ текстъ приговора относительно ассигновки 600 р.), къ которому приговору второй гильдіи Купечества подписалось 34 человѣка, п р и к а з а л и... подлинной приговоръ для храненія отослать въ Г и л ь д і ю къ с т а р ш и н а м ъ съ товарищи (у каждой отдѣльной гильдіи былъ только одинъ старшина, ясно, что здѣсь имѣется въ виду присутствія в с ѣ х ъ гильдейскихъ старшинъ, т. е. не что иное, какъ именно М о с к о в с к а я Гильдія) при указѣ и велѣть въ сходственность того приговора и з ъ и м ѣ ю щ е й с я в ъ Г и л ь д і и в т о р о й г и л ь д і и к у п е ч е с к о й н а л и ч н о й с у м м ы 600 р. для прописанныхъ въ томъ приговорѣ всякихъ мелочныхъ расходовъ второй гильдіи старшинѣ Девяткину 400 р., старостѣ Ветошникову и старшинскому товарищу Куманину по 100 р. въ расходъ за росписку взять и по исполненіи въ извѣстіе въ московскій магистратъ подать рапортъ». Въ дѣлахъ такого рода «Московская Гильдія» служила лишь чисто передаточной инстанціей между магистратомъ и отдѣльными гильдіями и въ самомъ составѣ присутствія Московской Гильдіи вѣданіе такихъ дѣлъ естественнымъ образомъ вручалось старшинамъ и старостамъ соотвѣтствующихъ отдѣльныхъ гильдій. Какъ видно изъ только что выписаннаго указа московскаго магистрата, въ Московской

Гильдіи хранились мірскія суммы отдѣльныхъ гильдій, не смѣшиваясь въ одну общую мірскую казну всего Купечества, и опять таки естественнымъ образомъ ближайшее храненіе каждой изъ этихъ суммъ и выдача изъ нихъ денегъ по утвержденнымъ магистратомъ мірскимъ ассигновкамъ поручались тому именно члену общегильдейскаго присутствія, который въ то же время состоялъ старшиной или старостой данной отдѣльной гильдіи [1]).

Но помимо такихъ дѣлъ, спеціально касавшихся отдѣльныхъ гильдій, у Московской Гильдіи были конечно дѣла, относящіяся до управленія всѣмъ купеческимъ обществомъ въ совокупности, органомъ котораго и была по преимуществу Московская Гильдія. Эти общія дѣла, вѣдавшіяся юридически всѣмъ составомъ гильдейскаго присутствія, фактически въ извѣстной степени также распредѣлялись между отдѣльными членами присутствія. На такую спеціализацію есть указаніе и въ инструкціи 1742 г. Въ пунктѣ 8 инструкціи читаемъ: «окладныя съ гражданъ по указамъ и на мірскіе расходы подати сбирать каждой гильдіи старостѣ съ товарищи его, а приходъ и расходъ имѣть и пріемъ подъ статьями и отписи подписывать одному изъ чихъ, кому отъ старшинъ поручено будетъ». Это значитъ, что обязательные сборы съ Купечества производились по отдѣльнымъ гильдіямъ подъ вѣдѣніемъ должностныхъ лицъ каждой данной гильдіи; затѣмъ поступленія по этимъ сборамъ вносились въ Московскую Гильдію. Суммы, собранныя на мірскія нужды по приговорамъ отдѣльныхъ гильдій, хранились тамъ, какъ мы только что видѣли, раздѣльно подъ ближайшимъ завѣдываніемъ опять-таки старшинъ и старостъ каждой данной гильдіи; что же касается казенныхъ сборовъ съ Купечества и сборовъ на мірскія нужды, собиравшихся по мірскимъ приговорамъ общихъ совѣтовъ Купечества всѣхъ трехъ гильдій, то такія суммы составляли общую казну Московской Гильдіи и ближайшее завѣдываніе этою-то казною и поручалось кому-либо одному изъ членовъ общегильдейскаго присутствія. Согласно инструкціи 1742 г. само общегильдейское присутствіе должно было рѣшать, кто именно изъ ея членовъ долженъ былъ принимать на себя такое порученіе («кому отъ старшинъ поручено будетъ»). Однако, на практикѣ установился иной порядокъ, и распредѣленіе различныхъ дѣлъ между отдѣльными членами присутствія Московской Гильдіи всегда производилось по приговорамъ гражданскихъ совѣтовъ. Порядокъ при этомъ былъ такой: на общемъ совѣтѣ гражданъ были выбираемы старшины, старосты и помощники всѣхъ трехъ гильдій; выбранные представлялись въ магистратъ для утвержденія и тамъ приносили присягу, послѣ чего магистратъ посылалъ въ Гильдію указъ съ предписаніемъ «выбранныхъ къ препорученнымъ должностямъ допустить кто къ какой должности допущены будутъ, со обстоятельствомъ репортовать». Гильдейское присутствіе докладывало такой указъ на гражданскомъ совѣтѣ, и тогда тамъ «приговаривали», въ какомъ порядкѣ должны быть распредѣлены функціи между отдѣльными членами гильдейскаго присутствія. Этотъ приговоръ въ свою очередь поступалъ на утвержденіе магистрата. Такъ дѣлалось ежегодно, при каждомъ обновленіи личнаго состава гильдейскаго присутствія, и потому, именно изъ общественныхъ приговоровъ мы и почерпаемъ самыя точныя свѣдѣнія по вопросу о внутреннемъ распорядкѣ дѣлопроизводства въ Московской Гильдіи.

Наиболѣе ранній изъ тѣхъ дошедшихъ до насъ общественныхъ пригово-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Дѣла моск. магистрата в. 190, № 101; в. 167, № 88 и друг.

ровъ, въ которыхъ содержатся постановленія о возложеніи опредѣленныхъ полномочій на отдѣльныхъ членовъ гильдейскаго присутствія, относится къ 1771 г. Нѣтъ сомнѣнія, что очерченный въ этомъ приговорѣ порядокъ примѣнялся и въ предшествующее время. 18 января 1771 г. на совѣтѣ въ Гильдіи съ общаго согласія приговорили изъ имѣющейся въ Гильдіи казны всякіе расходы (главнѣйшіе изъ этихъ расходовъ при этомъ прямо перечислены въ приговорѣ) имѣть и производить «подъ присмотромъ первой гильдіи старшины первой гильдіи старостѣ и старшинскому товарищу», при чемъ добавлено: «и тотъ весь расходъ содержать обще второй гильдіи съ старшиною съ товарыщи, по силѣ общаго приговора 1758 г., считая отъ 1 гильдіи — рубль, а отъ 2 гильдіи—70 копѣекъ безъ излишества». Такимъ образомъ, староста и старшинскій товарищъ 1 гильдіи несутъ ближайшимъ образомъ казначейскія функціи, первогильдейскому старшинѣ принадлежитъ лишь общее наблюденіе за этой ихъ дѣятельностью; что же касается должностныхъ лицъ 2-й гильдіи, то они при этомъ наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы при расходованіи этихъ суммъ ассигновки распредѣлялись между поступленіями съ 1-й и со 2-й гильдій въ той самой пропорціи, которая была установлена общественнымъ приговоромъ 1758 г. въ видѣ общаго правила. Далѣе, на первогильдейскаго старшину возлагается смотрѣніе за находящимися въ Гильдіи сержантами, капралами и солдатами, въ случаѣ непорядочнаго поведенія которыхъ ему предоставляется представлять въ магистратъ о ихъ увольненіи. Цитируемый приговоръ выдѣляетъ также въ особое порученіе отдачу на 4 года съ торговъ охочимъ содержателямъ имѣющихся на содержаніи Московскаго Купечества сборовъ съ мытеннаго и калужскаго животинныхъ дворовъ, съ шалашныхъ мѣстъ на льду Москвы рѣки и съ поклажи лѣса и дровъ на пяти Новинскихъ берегахъ. Отдачу съ торговъ охочимъ людямъ этихъ сборовъ приговоръ возлагаетъ на старосту и товарища 1 гильдіи подъ общимъ смотрѣніемъ старшины 1 гильдіи. Наконецъ, въ приговорѣ находимъ еще одно любопытное постановленіе по вопросу о взаимоотношеніяхъ отдѣльныхъ членовъ гильдейскаго присутствія. Тамъ говорится, что при выборѣ къ гражданскимъ службамъ купцовъ второй гильдіи представленія объ этихъ выборахъ должны подписываться не однимъ только старшиною второй гильдіи, но также и старшиною 1 гильдіи, очевидно въ качествѣ главнаго общаго руководителя дѣлами Московской Гильдіи [1]).

Аналогичный приговоръ имѣемъ, затѣмъ, отъ 1778 г. [2]). Здѣсь точно перечисляются виды расходовъ, имѣющихъ быть произведенными изъ суммъ Московской Гильдіи, и выполненіе этихъ расходовъ возлагается на старосту первой гильдіи обще съ старшинами 2 и 3 гильдій подъ присмотромъ ратмана московскаго магистрата. Взысканіе недоимокъ по прошлогоднимъ сборамъ возлагается на старосту 1-й гильдіи. А старшинѣ первой гильдіи особо поручается вмѣстѣ съ товарищемъ принять наличную казну отъ прошлогодняго старшины и счесть его, также принять отъ него общественные приговоры и весь инвентарь Московской Гильдіи. Кромѣ того, на старшину 1 гильдіи возлагается смотрѣніе за состоящей при Гильдіи командой на тѣхъ же основаніяхъ, что и въ приговорѣ 1771 г. Наконецъ, постановлено, что аттестаты на полученіе откуповъ и подрядовъ должны быть выдаваемы купцамъ не иначе, какъ за общей подписью старшинъ 1 и 2 гильдій и съ предварительнаго ло-

---

[1]) Обществ. приговоры, I, 1771 г., № 2.
[2]) Ibid. 1778 г., № 1.

клада совѣту гражданъ. Совершенно тѣ же постановленія были приняты гражданскимъ совѣтомъ и въ 1779 году [1]).

Въ приговорахъ 80-хъ годовъ XVIII ст. устанавливается, однако, уже нѣсколько иной порядокъ по всѣмъ этимъ вопросамъ. Завѣдываніе приходомъ и расходомъ общественныхъ купеческихъ денегъ по Московской Гильдіи теперь возлагается не на старосту 1 гильдіи, а на старосту 2 гильдіи, которому вмѣняется въ обязанность подавать прямо въ магистратъ третные отчеты и приходо-расходныя вѣдомости. Только раздача по рукамъ жалованья призрѣваемымъ въ купеческой богадѣльнѣ поручается всѣмъ тремъ гильдейскимъ старостамъ. Такой порядокъ подтверждается на общественныхъ совѣтахъ ежегодно въ теченіе 80-хъ и первыхъ четырехъ 90-хъ годовъ XVIII ст. Иные приговоры за эти годы ограничиваются постановленіемъ: «у приходу и расходу общественныхъ купеческихъ денегъ быть старостѣ второй гильдіи»; въ иныхъ приговорахъ къ этому добавляется, что процентныя деньги съ рубля на общественныя нужды должны сбирать помощники старостъ 1, 2 и 3 гильдій, каждый въ своей Гильдіи, но затѣмъ собранныя деньги всѣ они должны представлять старостѣ 2-й гильдіи, какъ общему казначею по всей Московской Гильдіи [2]). Съ 1795 г. встрѣчаемся съ новой перемѣной въ интересующемъ насъ вопросѣ. 30 января 1795 г. московскіе именитые граждане и 1, 2 и 3 гильдій Купечество приговорили на 1795 г. «у приходу общественныхъ купеческихъ денегъ, слѣдующихъ для гильдіи, и у рахсода быть старостѣ 2 гильдіи и старостѣ 3-й гильдіи». Затѣмъ точно такое же опредѣленіе повторяется ежегодно вплоть до 1801 года [3]). На 1801 г. гражданскій совѣтъ поручилъ завѣдываніе приходомъ и расходомъ суммъ по Московской Гильдіи старостамъ 2-й и 3-й гильдій и старостину помощнику 3-й гильдіи. Самое взиманіе сборовъ съ купцовъ поручается здѣсь старостинымъ помощникамъ, каждому въ своей гильдіи, но съ тѣмъ, чтобы они всѣ собираемыя суммы сдавали на приходъ упомянутой выше трехчленной комиссіи изъ старостъ 2 и 3 гильдій и старостина помощника 3 гильдіи [4]). Въ 1802 г. совѣтъ гражданъ опять нѣсколько видоизмѣнилъ этотъ порядокъ, возложивъ завѣдываніе приходомъ и расходомъ по Московской Гильдіи на старосту 2 гильдіи и старостиныхъ помощниковъ 2 и 3 гильдій, и затѣмъ этотъ порядокъ былъ послѣдовательно продолжаемъ и въ 1803, 1804 и 1805 года [5]).

Итакъ, казначейскія функціи ежегодно были возлагаемы приговорами гражданскихъ совѣтовъ на одного или нѣсколькихъ опредѣленныхъ лицъ изъ состава присутствія Московской Гильдіи, причемъ обыкновенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ совѣты держались какого-либо одного порядка, но затѣмъ замѣняли его новымъ.

Не только общія казначейскія обязанности были возлагаемы по приговорамъ гражданскихъ совѣтовъ на опредѣленныхъ членовъ гильдейскаго присутствія; подобныя же постановленія дѣлались и относительно ближайшаго завѣдыванія нѣкоторыми оброчными статьями, находившимися на содержаніи всего гильдейскаго Купечества. Мы видѣли выше, что въ 1771 г. гражданскій совѣтъ приговоромъ отъ 18 января одновременно возложилъ на старосту и старшин-

---

[1]) Ibid. 1779 г., № 12.

[2]) Обществ. приговоры 1, 1787 г. № 2; 1788 г. № 4; 1789 г. № 2; 1790 г. № 3; 1791 г. № 1; 1792 г. № 3; 1793 г. № 2; 1794 г. № 3.

[3]) Ibid. 1795 г. № 5; 1796 г. № 3; 1797 г. № 6; 1798 г. № 1; 1799 г. № 5; 1800 г. № 12.

[4]) Ibid. 1801 г., № 7.

[5]) Ibid. 1802 г. № 2; 1803 г. № 1; 1804 г. № 1; 1805 г. № 60.

скаго товарища 1 гильдіи и завѣдываніе всѣми приходами и расходами по Московской Гильдіи и заботу объ отдачѣ на 4 года охочимъ людямъ сборовъ съ мытеннаго и животиннаго дворовъ у Калужскихъ воротъ, съ шалашныхъ мѣстъ на льду Москвы-рѣки и съ поклажи лѣса и дровъ на пяти Новинскихъ берегахъ. Названныя оброчныя статьи дѣйствительно были сданы затѣмъ съ торговъ охочему откупщику, откупъ возобновлялся черезъ четырехлѣтія и лишь въ промежуткахъ между окончаніемъ откупного срока и новой отдачей тѣ сборы собирались старостами (см. 1787 г. № 4, 1788 г. № 3), но къ началу 90-хъ годовъ, въ виду запущенной содержателемъ этихъ сборовъ безнадежной недоимки, на гражданскомъ совѣтѣ было постановлено отрѣшить откупщика отъ тѣхъ сборовъ и впредь сборы съ тѣхъ статей поручить непосредственно старостинымъ помощникамъ 1-й и 2-й гильдій, подъ смотрѣніемъ старостъ тѣхъ гильдій. Постановленіе этого состоялось на совѣтѣ 19 февраля 1790 г. [1]) и этотъ порядокъ былъ продленъ затѣмъ и на 1791 г. [2]). Въ 1792 г. сборы эти все еще не были сданы на откупъ и попрежнему пришлось сбирать ихъ самой Московской Гильдіи, но на этотъ разъ взиманіе указанныхъ сборовъ было возложено гражданскимъ совѣтомъ уже не на старостиныхъ помощниковъ 1 и 2 гильдій, а на старосту 3 гильдіи вмѣстѣ со старостинымъ помощникомъ 2 гильдіи. Въ 1793 г.—то же порученіе возлагается уже на старосту 3 гильдіи вмѣстѣ съ старостинымъ помощникомъ 3 же гильдіи; въ 1794 г. принято точно такое же постановленіе; но въ 1795 г. это порученіе было возложено сообща на старостъ 2 и 3 гильдій; тоже въ 1796 г., 1797 г., 1798 г. и 1799 г. и т. д. [3]).

Точно такъ же и завѣдываніе другими статьями, находившимися на содержаніи Московскаго Купечества, ежегодно поручалось гражданскимъ совѣтомъ то тѣмъ, то инымъ опредѣленнымъ членамъ присутствія Московской Гильдіи. Въ 1778 г. состоялся указъ московскаго магистрата о передачѣ въ вѣдѣніе Московской Гильдіи сбора оброчныхъ денегъ съ стараго и новаго гостинныхъ дворовъ, съ соляного рыбнаго двора и съ лавокъ, шалашей, амбаровъ, палатокъ, расположенныхъ около гостиннаго двора въ астраханскомъ, панскомъ, стекловомъ, икорномъ и семужномъ рядахъ и по Варварской большой улицѣ. Въ указѣ московскаго магистрата говорилось, что взиманіе этого сбора должно быть возложено на старшинъ всѣхъ трехъ гильдій, т. е. на все гильдейское присутствіе. Гражданскій совѣтъ установилъ такой порядокъ, что старосты разныхъ гильдій по очереди погодно завѣдывали этимъ сборомъ. Въ 1778 г. завѣдываніе было возложено на старосту 2 гильдіи; въ 1779 г.—на старосту 1 гильдіи. Въ 1787 г. къ тому сбору былъ назначенъ староста 3 гильдіи, а завѣдываніе собранными суммами возлагалось обще на старостъ всѣхъ трехъ гильдій [4]). Въ началѣ 90-хъ годовъ старый гостинный дворъ былъ распроданъ частнымъ людямъ и отъ него осталось на оброкѣ у Купеческаго Общества только девять лавокъ въ новомъ хрустальномъ ряду. Съ тѣхъ поръ къ завѣдыванію сборомъ съ этихъ 9-ти лавокъ гражданскіе совѣты опредѣляли то старосту 2 гильдіи, то старосту 3 гильдіи, то того и другого сообща [5]).

---

[1]) Ibid. 1790 г., № 8.
[2]) Ibid. 1791 г., № 3.
[3]) Ibid. 1792 г. № 1; 1793 г. № 6; 1794 г. № 1; 1795 г. № 6; 1796 г. № 5; 1797 г. № 5; 1798 г. № 3; 1799 г. № 3.
[4]) Ibid. 1779 г. № 13; 1787 г. № 3; 1788 г. № 4; 1789 г. № 3; 1790 г № 4.
[5]) Ibid. 1792 г. № 4; 1793 г. № 5; 1794 г. № 4; 1795 г. № 7; 1796 г. № 4; 1797 г. № 7; 1800 г. № 12 и т. д.

Когда гражданскіе совѣты возлагали на присутствіе Московской Гильдіи единовременныя порученія по различнымъ текущимъ дѣламъ, они большею частью точно опредѣляли, кому именно изъ членовъ этого присутствія должно быть ввѣрено ближайшее выполненіе даннаго дѣла. Въ 1790 г. въ августѣ предстояло ознаменовать миръ съ Швеціей. На гражданскомъ совѣтѣ именитыхъ гражданъ и 1, 2 и 3 гильдій купцовъ было постановлено «для вышеизъясненной всемірной радости по всеподданническому къ Ея Императорскому Величеству усердію» отпустить на ознаменованіе мира 1.000 р. изъ общественной купеческой суммы, имѣющейся въ Гильдіи; при этомъ распоряженіе указанной суммой и рѣшеніе вопроса о томъ, чѣмъ именно должно быть ознаменовано заключеніе мира съ Швеціей было «препоручено» старостѣ 1 гильдіи [1]). Въ 1791 г. московскій главнокомандующій обратилъ вниманіе на крайнее обветшаніе и загрязненность мытнаго двора и приказалъ привести этотъ дворъ въ надлежащее состояніе. Въ виду того, что откупщикъ мытнаго двора уже выбылъ изъ Купеческаго Общества въ военную службу, на совѣтѣ было постановлено, за невозможностью обратить расходъ по возстановленію мытнаго двора на откупщика, отпустить на этотъ предметъ нужныя суммы изъ общественной казны, и при этомъ въ приговорѣ было указано, что завѣдованіе ремонтомъ и очисткой мытнаго двора поручается старостину помощнику 1 гильдіи [2]). Въ 1793 г. по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича съ Елизаветой Алексѣевной на собраніи именитыхъ гражданъ и купцовъ всѣхъ трехъ гильдій было постановлено устроить маскарадъ и завѣдываніе расходомъ по устройству маскарада было при этомъ возложено на старостина помощника 1 гильдіи и на старосту 2 гильдіи подъ общимъ присмотромъ городского головы [3]). Въ 1795 г. былъ произведенъ ремонтъ скотской площадки и повѣрку счетовъ по этому ремонту гражданскій совѣтъ возложилъ на старшинскаго помощника 1 гильдіи и старостъ 1 и 2 гильдіи [4]). Въ 1800 г. камеральный департаментъ московскаго городского правленія предписалъ Гильдіи прислать одного изъ старостъ къ сбору съ приходящихъ въ Москву судовъ. Вопросъ о томъ, кого именно изъ членовъ гильдейскаго присутствія отрядить къ этому сбору, Гильдія представила на рѣшеніе гражданскаго совѣта, въ приговорѣ котораго было записано: «какъ, за отправленіемъ изъ Гильдіи по указу московскаго городского правленія по 2 гильдіи старосты къ пріему оставшаго послѣ умершаго купца Ѳедотова лавочнаго въ суровскомъ ряду товара и за болѣзнью 3 гильдіи старосты, остается нынѣ въ Гильдіи одинъ только староста по первой гильдіи, то посему, дабы во отправленіи по гильдіямъ дѣлъ не могло воспослѣдовать какой остановки, для вышепоказаннаго съ проходящихъ въ Москву судовъ сбора согласно избрали 3 гильдіи старостина помощника» [5]). Въ томъ же году вновь возникъ вопросъ о ремонтированіи мытнаго двора, и на этотъ разъ завѣдываніе ремонтомъ было возложено гражданскимъ совѣтомъ на старосту 3 гильдіи вмѣстѣ съ двумя спеціально для того выбранными купцами [6]). Въ 1803 г. совѣтъ гражданъ, рѣшивъ приступить къ ремонту рыбнаго двора, поручилъ это дѣло старостѣ 2 гильдіи [7]). Отъ того же года имѣемъ приговоръ гражданскаго совѣта

---

[1]) Ibid. 1790 г., № 13.
[2]) Ibid. 1791 г., № 11.
[3]) Ibid 1793 г., № 10.
[4]) Ibid. 1795 г., № 15.
[5]) Ibid. 1800 г., № 23.
[6]) Ibid. 1800 г., № 53.
[7]) Ibid. 1803 г., № 24а,

о снятіи съ нѣкоторыхъ членовъ гильдейскаго присутствія возложеннаго на нихъ ранѣе порученія. Въ этомъ году предполагалось приступить къ перестроѣ-кѣ купеческой богадѣльни и конской площадки. Для наблюденія за строеніемъ богадѣльни особо были избраны нѣкоторые купцы, а руководство строеніемъ конской площадки было возложено на старосту 1 гильдіи и на одного изъ старостиныхъ помощниковъ. Но затѣмъ работы по богадѣльнѣ были отложены, и тогда избраннымъ къ руководству этими работами купцамъ было поручено заняться постройкой конской площадки, а староста 1 гильдіи и помощникъ были освобождены отъ этого порученія въ виду другихъ многихъ дѣлъ, на нихъ лежащихъ.

Приведенныхъ фактовъ достаточно для освѣщенія внутренняго распорядка работъ въ присутствіи Московской Гильдіи. Присутствіе это составляло коллегію изъ всѣхъ должностныхъ лицъ всѣхъ трехъ гильдій. Во главѣ коллегіи стоялъ старшина, а впослѣдствіи староста 1 гильдіи. Коллегія «сообща» вела текущее дѣлопроизводство по гильдейскимъ дѣламъ. Но при этомъ весьма часто нѣкоторыя дѣла распредѣлялись по отдѣльнымъ членамъ коллегіи; это распредѣленіе устанавливалось обыкновенно приговорами гражданскихъ совѣтовъ.

Здѣсь умѣстно будетъ указать и на то, что въ нѣкоторыхъ, повидимому не частыхъ, случаяхъ Купеческое Общество для исполненія иныхъ дѣлъ избирало особыя коммиссіи, какъ сказали бы мы теперь, изъ числа своихъ членовъ, не входившихъ въ составъ гильдейскаго присутствія, и тогда соотвѣтствующія дѣла оказывались уже изъятыми изъ круга обязанностей гильдейскаго присутствія. Мы можетъ привести слѣдующіе примѣры такихъ комиссій. Въ началѣ 1799 года въ Москвѣ предстояло введеніе новыхъ городскихъ учрежденій на основаніи Устава столичнаго города Москвы. Открытіе этихъ учрежденій назначено было на 4 апрѣля. 30 марта именитые граждане и купцы всѣхъ гильдій на совѣтѣ приговорили—въ виду того, что на содержаніе новаго городского управленія при самомъ его началѣ потребуется большая сумма денегъ, а между тѣмъ слѣдуемые на покрытіе такихъ расходовъ сборы совершенно еще не установлены, то на первый случай «все купеческое общество» «въ знакъ своего вѣрноподданническаго къ Его Императорскому Величеству усердія и къ споспѣшествованію скорѣйшаго открытія сего вновь устрояемаго столь полезнаго и выгоднаго для всѣхъ гражданъ жителей правленія «положило «отъ своего корпуса взнесть заимообразно въ камеральную сумму денегъ 150.000 руб. на 4 мѣсяца. Указанную сумму положено было занять у разныхъ частныхъ особъ въ срокъ на полгода съ процентами, которые будутъ уплачены изъ общественной казны. Произвести этотъ заемъ и выдать векселя Общество и уполномочило 10 персонъ изъ своего корпуса (трехъ именитыхъ гражданъ и семь купцовъ первой гильдіи), «коимъ всѣмъ вообще препоручается по займѣ той суммы взносить оную куда отъ верховнаго начальства назначено будетъ, прямо отъ себя» [1]). Эти 10 человѣкъ—«Василій Яковлевичъ Жигаревъ съ товарищи»—получали затѣмъ отъ Общества спеціальныя ассигновки въ связи съ возложеннымъ на нихъ порученіемъ. Такъ, на совѣтѣ 1 апрѣля 1799 г. было постановлено «на извѣстныя всему обществу надобности употребить изъ общественной купеческой суммы, имѣющейся въ гильдіи до 10.000 р., изъ коихъ и выдавать, сколько потребно будетъ господамъ выбраннымъ отъ всего купеческаго общества... Василью Яковлевичу Жигареву съ товарищи всего 10 человѣкамъ безъ отчету, записавъ въ

---

[1]) Ibid. 1799 г., № 13.

расходъ съ роспискою» [1]); на совѣтѣ 22 іюня того же года такимъ же порядкомъ было ассигновано въ распоряженіе этихъ 10 человѣкъ еще 3.000 руб. [2]). Въ томъ же году въ іюнѣ въ Москвѣ по высочайшему повелѣнію былъ введенъ единовременный сборъ съ лавокъ и прочихъ торговыхъ заведеній на построеніе казармъ и еще другой сборъ ежегодный съ земли, застроенной иными кромѣ лавокъ строеніями,—на содержаніе казармъ и на иныя городскія потребности. Раскладку этихъ сборовъ поручено было произвести мѣстному ратгаузу совмѣстно съ Купеческимъ Обществомъ. Тогда на гражданскомъ совѣтѣ было постановлено: «поелику для вышеозначеннаго общаго съ московскимъ городскимъ правленіемъ расположенія всему московскому купеческому обществу въ разсужденіе многочисленности онаго собраться не только не удобно, но по обязанности многихъ другими дѣлами и должностями и возможности нѣтъ:, то для производства такой раскладки избрать 12 достойныхъ купцовъ, въ томъ же приговорѣ поименованныхъ [3]).

II.

Присутствіе Московской Гильдіи состояло изъ старшинъ, старостъ и старшинскихъ помощниковъ всѣхъ трехъ гильдій. Но кромѣ того не малую роль въ дѣлахъ этого присутствія игралъ и не входившій въ его составъ городской голова. Необходимо изслѣдовать порядокъ отношеній, установившихся между городскимъ головой и присутствіемъ Московской Гильдіи въ изучаемый періодъ. Должность городского головы была учреждена въ 1766 г. какъ для руководства назначенными тогда выборами депутатовъ отъ городовъ въ коммиссію о составленіи проекта новаго Уложенія, такъ и для тѣхъ будущихъ случаевъ, «если даны будутъ отъ верховныя власти какія особыя повелѣнія, принадлежащія до нашего общаго разсужденія всѣхъ живущихъ въ нашемъ городѣ», какъ говорилось въ уполномочіи, полученномъ тогда головами отъ своихъ избирателей. Уже по установленію 1766 г. городской голова являлся представителемъ всей совокупности городского населенія безъ различія сословій, ибо, согласно «Обряду выборовъ городского депутата въ коммиссію 1767 г.», въ выборѣ городского головы должны были принимать участіе всѣ, имѣющіе въ городѣ домъ, торгъ, ремесло или промыселъ. По Городовому Положенію 1785 г. городской голова, выбираемый всѣмъ городскимъ обществомъ (ст. 31), былъ сдѣланъ предсѣдателемъ общей и шестигласной городскихъ думъ (стт. 157 и 165), т. е. являлся опять-таки руководителемъ органовъ всесословнаго, общегородского самоуправленія. Объ отношеніи городского головы къ Гильдіи и къ гражданскимъ совѣтамъ, собиравшимся въ Гильдіи, въ Городовомъ Положеніи 1785 г. не находимъ ни слова, и, казалось бы, въ качествѣ руководителя всесословнаго общегородского самоуправленія, городской голова и не могъ имѣть непосредственнаго участія въ сословной купеческо-мѣщанской гильдейской организаціи.

Дѣйствительно, въ качествѣ предсѣдателя думы и сиротскаго суда, голова сносится съ Московской Гильдіей, какъ должностное лицо, чуждое Гильдіи, внѣ ея стоящее [4]). Но и независимо отъ предсѣдательствованія въ думѣ и сиротскомъ судѣ, городской голова, просто, какъ таковой, посылаетъ въ Московскую Гильдію указы и предписанія во исполненіе распоряженій, получаемыхъ имъ отъ главно-

---

[1]) Ib. 1799 г., № 15.
[2]) Ib. 1799 г., № 22.
[3]) Ib. 1799 г., № 21.
[4]) Арх. Купеч. Управы—Книга приговоровъ 1788 и 1789 г.г. л.л. 25, 33, 34, 36, 37 и т. д.

командующаго, отъ губернатора или отъ губернскаго правленія. Въ этихъ случаяхъ въ приказахъ городского головы въ Московскую Гильдію выражалось то положеніе, что купеческія учрежденія стоятъ въ подчиненіи у общегородскихъ учрежденій. Поэтому то, когда мѣстная коронная власть имѣла надобность чего-либо потребовать у Купеческаго и мѣщанскаго Общества, она обращалась къ городскому головѣ, какъ къ главному представителю всего города, а онъ отъ себя передавалъ данный приказъ Московской Гильдіи, именно какъ должностное лицо, стоящее внѣ ея и надъ нею. Обращается, наприм., къ гражданскому губернатору купецъ Грезенковъ съ жалобой на мачиху и братьевъ. Губернатору нужно получить свѣдѣнія о состояніи просителя и братьевъ его. Губернаторъ требуетъ этихъ свѣдѣній отъ городского головы, а городской голова шлетъ въ Московскую Гильдію ордеръ: «вслѣдствіе чего Гильдіи предписываю въ самоскорѣйшемъ времени и конечно черезъ два дни, выправиться о состояніи означеннаго Грезенкова и братьевъ его наиточнѣйше какъ о капиталѣ ихъ, такъ и о поведеніи, о торгѣ и о исправности онаго, показавъ при томъ и на коликую сумму производится, въ которой гильдіи состоятъ и исправно ли взносятся съ капитала процентныя деньги и не были ли въ обществѣ въ каковыхъ недовѣренностяхъ» (1798 г.) [1]). Губернское правленіе озабочивается своевременнымъ производствомъ выборовъ купцовъ къ соли и вину и въ словесные судьи. Оно «наистрожайше» предписываетъ городскому головѣ, чтобы списки выбранныхъ на другой же день послѣ полученія указа были доставлены въ губернское правленіе и въ камерную часть. И городской голова шлетъ въ Московскую Гильдію ордеръ: «во исполненіе сего симъ предписываю означеннымъ выборнымъ чинамъ непремѣнно завтрешняго числа по полуночи въ семь часовъ два списка для отсылки въ губернское правленіе и въ камерную часть ко мнѣ представить при рапортѣ (1798 г.)» [2]). Поднимается вопросъ о томъ, сколько нотаріусовъ и какихъ именно надлежитъ оставить при Купеческомъ Обществѣ изъ имѣвшихся ранѣе 10 человѣкъ: въ 1802 г. дума по рекомендаціи головы назначила быть въ этой должности тремъ купцамъ, Докучаеву, Орлову и Лопыреву, которые тогда же и приступили къ своимъ обязанностямъ. Въ 1803 г. второй департаментъ московскаго магистрата сообщаетъ городскому головѣ, что требуется отзывъ самого Купеческаго Общества объ этомъ назначеніи. Голова шлетъ тогда въ Московскую Гильдію ордеръ, въ которомъ рекомендуетъ Гильдіи Московскаго Купечества созвать совѣтъ «и какое отъ составляющихъ оный именитыхъ гражданъ и купечества въ сходственность Правительствующаго Сената 1795 года указа о выборѣ аттестаціею моею трехъ означенныхъ нотаріусовъ Докучаева, Орлова и Лопырева послѣдуетъ положеніе, сдѣлать надлежащій приговоръ, съ коего копію доставить мнѣ». Гильдія созвала совѣтъ, на которомъ приговорили: «аттестацію городского головы во всемъ подтверждаемъ, а другихъ никого удостоить (въ нотаріусы) не желаемъ»; объ этомъ приговорѣ Гильдія затѣмъ должна была репортовать городскому головѣ съ приложеніемъ къ рапорту копіи приговора [3]). Главнокомандующій находитъ нужнымъ, чтобы содержащіеся при Гильдіи колодники были переведены въ другое лучшее помѣщеніе. Онъ обращается относительно этого съ указомъ къ городскому головѣ, а голова даетъ о томъ предложеніе Московской Гильдіи, которая представляетъ предложеніе головы

---

[1]) Арх. Купеч. Управы, № 1116.
[2]) Ibid. № 870.
[3]) Обществ. приговоры, I, 1803 г. № 15. Арх. Купеч. Управы, № 2883.

на рѣшеніе совѣта гражданъ (1803 г.) [1]). Трое изъ выборныхъ въ московскій магистратъ на 1804 г. ратмановъ находятъ, что они выбраны неправильно и желаютъ избавиться отъ своихъ должностей. Они обращаются съ прошеніемъ о томъ къ городскому головѣ. Голова препровождаетъ это прошеніе въ Гильдію, а Гильдія вноситъ его въ совѣтъ гражданъ (1804 г.) [2]). Подобные же примѣры могли бы быть продолжены до безконечности. И такъ, городской голова стоитъ надъ Гильдіей Московскаго Купечества и лишь въ качествѣ представителя всего города служитъ посреднической инстанціей между коронными властями и Московской Гильдіей въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о чемъ либо, касающемся до Купеческаго Общества.

Однако въ то же самое время городской голова принимаетъ и непосредственное участіе въ дѣлахъ самого этого Купеческаго Общества. Онъ присутствуетъ на всѣхъ собирающихся въ Гильдіи гражданскихъ совѣтахъ. Тѣ самыя предложенія, которыя городской голова въ своихъ ордерахъ дѣлаетъ Московской Гильдіи, будучи передаваемы Гильдіей на разсмотрѣніе гражданскихъ совѣтовъ, разсматриваются тамъ въ присутствіи и съ участіемъ того же городского головы. Въ 1798 г. губернское правленіе прислало головѣ указъ о замѣнѣ купца Дудышкина, избраннаго Купечествомъ для судилища гражданскихъ дѣлъ въ Лефортовской части, другимъ лицомъ. Голова послалъ въ Гильдію ордеръ о исполненіи этого указа. Гильдія созвала совѣтъ для новыхъ выборовъ, на которомъ, по общему правилу, присутствовалъ и городской голова. Затѣмъ о результатахъ обсужденія этого вопроса на совѣтѣ Гильдія рапортуетъ тому же городскому головѣ и въ этомъ рапортѣ читаемъ: «господину градскому главѣ и сиротскаго суда предсѣдателю московскаго купечества изъ гильдіи рапортъ. . сего февраля 17 дня въ присутствіи вашемъ именитые граждане и купечество 1, 2 и 3 гильдій слушали оной вашъ ордеръ» и затѣмъ сообщается, что по довольномъ разсужденіи Купечество съ участіемъ городского головы въ силу ряда соображеній рѣшило, что ордеръ этого головы исполненію не подлежитъ, «о чемъ—говорилось въ заключеніе рапорта—господину городскому головѣ гильдія почтеннѣйше симъ репортуетъ» [3]).

Такимъ образомъ, городской голова является передъ нами въ двойственномъ положеніи. Избранникъ всесословнаго градскаго общества, предсѣдатель всесословной общегородской думы, представитель всего города, лишь передающій приказы высшихъ коронныхъ властей купеческимъ учрежденіямъ въ силу ихъ общей подчиненности общегородскому самоуправленію,—городской голова въ то же время оказывается ближайшимъ руководителемъ и самого Купеческаго Общества, постояннымъ членомъ его собраній. Каждый приговоръ этого Общества начинается словами «въ присутствіи городского головы». Эта двойственность положенія заставляетъ порою голову обсуждать на гражданскомъ совѣтѣ свои собственные ордеры и участвовать въ ихъ опроверженіи. Въ законахъ того времени городской голова нигдѣ не разсматривается, какъ членъ и руководитель Купеческаго Общества. На практикѣ же эта его роль получала столь же опредѣленное развитіе, какъ и возложенное на него Городовымъ Положеніемъ 1785 г. руководительство всесословными городскими думами. И въ официальныхъ бумагахъ представителей тогдашней власти опредѣленно высказывалось призна-

---

[1]) Обществ. приговоры, I. 1803 г. № 27.
[2]) Обществ. пригов. I, 1804 г. № 66.
[3]) Арх. Купеческ. Управы, № 905.

ніе равноправнаго значенія обѣихъ этихъ ролей. Въ 1804 г. шелъ вопросъ о сдачѣ на содержаніе пригоннаго и мытнаго дворовъ. Купеческое Общество и Дума, исчисляя стоимость постройки этихъ дворовъ въ 112.000 р., полагали опредѣлить наемную за нихъ плату въ размѣрѣ 9 процентовъ съ этой стоимости. При этомъ Купеческое Общество полагало, что этотъ доходъ будетъ еще недостаточнымъ сравнительно съ обычными доходами съ торговыхъ оборотовъ. Военный губернаторъ, напротивъ того, находилъ, что исчисленіе стоимости постройки въ 112.000 р. основано лишь «на теоретическихъ архитектурныхъ планахъ», при постройкѣ же дворовъ хозяйственнымъ способомъ она должна была обойтись гораздо дешевле. Онъ опредѣлялъ капиталъ, употребленный на постройку названныхъ дворовъ всего въ 100.000 р., а наемную плату за нихъ находилъ возможнымъ положить въ 6% съ этого капитала. Между тѣмъ, дворы уже были отданы на содержаніе на основаніи расчетовъ и предположеній Купеческаго Общества. Военный губернаторъ желалъ, чтобы контрактъ, заключенный съ содержателями дворовъ, былъ измѣненъ согласно его указаніямъ. Онъ ставилъ думѣ на видъ, что прежній контрактъ, «яко безъ дозволенія начальства сдѣланный», не долженъ имѣть силы и, побуждая думу къ скорѣйшему принятію мѣръ для измѣненія контракта, онъ въ своемъ приказѣ, посланномъ въ думу, между прочимъ писалъ: «городская дума, управляемая тѣмъ же градскимъ главою, которой, предсѣдательствуя въ купеческомъ обществѣ, имѣетъ на дѣла его ближайшее вліяніе, принявъ во вниманіе вышеописанныя обстоятельства и одну изъ первыхъ обязанностей своихъ упреждать дороговизну въ жизненныхъ припасахъ и доставлять жителямъ безнужное пропитаніе, должна распорядить...» и т. д.[1]). И такъ, головѣ отводится здѣсь совершенно одинаковая роль и въ городской думѣ и въ Купеческомъ Обществѣ.

Какимъ же образомъ городской голова сталъ такъ близко къ Купеческому обществу, въ то время какъ эта должность была учреждена при всесословномъ градскомъ обществѣ и при общегородскихъ учрежденіяхъ и законъ ничего не говорилъ объ отношеніи головы къ Обществу Купеческому? Намъ думается, что въ этомъ явленіи мы опять встрѣчаемся съ выраженіемъ уже отмѣчавшагося выше фактическаго смѣшенія общества градскаго и Общества Купеческаго. По Городовому Положенію городской голова былъ поставленъ въ непосредственную связь съ обществомъ градскимъ, но мы уже указывали, что, при юридическомъ различіи общества градскаго и Общества Купеческаго, фактически составъ собраній обоихъ обществъ былъ одинаковъ и собирались они въ одномъ и томъ же мѣстѣ—въ помѣщеніи Гильдіи, этимъ и открывался путь къ тому, что городской голова сталъ на дѣлѣ и непремѣннымъ членомъ и руководителемъ собраній и того, и другого общества безразлично.

Во многихъ случаяхъ городской голова выступалъ, именно, въ качествѣ главы Купеческаго Общества. Въ случаѣ смерти одного изъ гильдейскихъ старостъ голова давалъ ордеръ въ Московскую Гильдію о выборѣ новаго старосты [2]). Когда Московское Купеческое Общество сдѣлало большое пожертвованіе на покупку дома для Коммерческаго Училища, то высочайшій благодарственный рескриптъ по этому случаю былъ данъ на имя городского головы и въ немъ говорилось: «Я съ удовольствіемъ вижу въ семъ приношеніи московскаго ку-

---

[1]) Арх. Купеч. Упр. № 24 (по т. I описи); Обществ. пригов. I, № 1805 г. № 12.
[2]) Обществ. приговоры I, 1798 г. № 17.

печества новый опытъ благонамѣренности его и усердія къ пользѣ общей и считаю справедливымъ изъявить вамъ, яко головѣ онаго, довѣренностію его уваженному, мое благоволеніе» [1]). По поводу много лѣтъ тянувшейся тяжбы между Купеческимъ Обществомъ и откупщикомъ мытнаго и животиннаго дворовъ, шалашныхъ мѣстъ и Новинскихъ береговъ по запущенной послѣднимъ недоимкѣ, на гражданскомъ совѣтѣ состоялся, между прочимъ, приговоръ отъ 25 января 1790 г., въ коемъ было постановлено: недоимку съ откупщика взыскать, а если онъ ее не уплатитъ до указаннаго срока, то доложить о томъ городскому головѣ и Обществу [2]). Вотъ эта-то тѣсная связь городского головы съ Купеческимъ Обществомъ приводила голову къ непосредственному участію и въ дѣлахъ Московской Гильдіи. Разсмотримъ теперь формы такого участія.

Во-первыхъ, городской голова иногда становился прямо на мѣсто гильдейскаго присутствія, такъ сказать, единолично замѣняя его. Мы видѣли выше, что въ большинствѣ случаевъ голова, получивъ отъ высшаго начальства какое-нибудь приказаніе, относящееся до Купеческаго Общества, направлялъ таковое въ Московскую Гильдію, которая уже отъ себя докладывала дѣло въ случаѣ надобности гражданскому совѣту. Однако, въ документахъ встрѣчаемъ на ряду съ этимъ и такіе случаи, когда голова, мимо гильдейскаго присутствія, непосредственно отъ себя вносилъ такія дѣла на усмотрѣніе гражданскаго совѣта. Въ 1788 г. главнокомандующій обратился къ головѣ съ ордеромъ, въ которомъ «рекомендовалъ» головѣ пригласить въ собраніе всѣхъ именитыхъ гражданъ и первостатейныхъ купцовъ и предложить имъ собрать нужную сумму на составленіе и содержаніе эскадрона для несенія патрульной и караульной службы въ городѣ Москвѣ въ виду удаленія оттуда мѣстныхъ войскъ на театръ войны со Швеціей, и собранную сумму внести въ шестигласную думу. Голова не направилъ этого ордера въ Московскую Гильдію, а прямо внесъ его на разсмотрѣніе гражданскаго совѣта [3]). Такъ же поступилъ голова съ ордеромъ главнокомандующаго о сборѣ съ Купечества денегъ на постройку каменнаго моста черезъ Москву-рѣку (1789 г.) [4]); съ ордеромъ о выборѣ шести купчинъ въ коронаціонную комиссію для пріема и осмотра всякихъ матеріаловъ (1797 г.): «1797 г. генв. 14 дня въ присутствіи г-на городского головы В. Жигарева московскіе именитые граждане и купечество 1, 2 и 3 гильдій, будучи въ залѣ въ собраніи, при коемъ онъ, г-нъ Жигаревъ, объявилъ полученный имъ отъ г-на московскаго губернатора ордеръ...» [5]) и т. д. Также непосредственно на совѣтѣ голова лично объявлялъ и указы губернскаго правленія [6]). Въ иныхъ случаяхъ голова получалъ отъ главнокомандующаго словесныя приказанія и также словесно самъ объявлялъ ихъ прямо на собраніи Купечества, минуя Гильдію; такъ напр., въ приговорѣ гражданскаго совѣта отъ 8 февраля 1796 г. читаемъ: «на коемъ собраніи г-нъ градской глава обществу объявилъ словесное приказаніе, данное ему отъ г-на главнокомандующаго..., чтобъ предложить купеческому обществу»—произвести рядъ экстренныхъ ассигновокъ для ознаменованія предстоящаго высочайшаго торжества [7]). Въ 1793 г. въ октябрѣ главнокоман-

---

[1]) Ibid., I, 1804 г. № 55.
[2]) Ibid., I, 1790 г. № 2.
[3]) Обществ. пригов. I, 1788 г. № 7.
[4]) Ibid., 1789 г. № 1.
[5]) Ib. 1797 г. № 3; 1799 г. № 9; 1802 г. № 27; 29; 1803 г. № 27; 1804 г. № 6; № 9
[6]) Ibid. 1797 г. № 11, 13.
[7]) Ib. 1796 г. № 6.

дующій призвалъ къ себѣ въ домъ городского голову и приказалъ ему распорядиться, чтобы по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича было учинено приличное торжество. И голова прямо словесно доложилъ объ этомъ на совѣтѣ [1]). Такимъ же порядкомъ голова передалъ на совѣтъ словесное предложеніе главнокомандующаго, чтобы Московское Купечество выстроило на общественномъ коштѣ новый мытный дворъ (1791 г.) [2]) и т. д. Обыкновенно, во всѣхъ такихъ случаяхъ гражданскій совѣтъ, заслушавъ докладъ головы и постановивъ соотвѣтствующее рѣшеніе, передавалъ это рѣшеніе для исполненія въ Гильдію, старостамъ и ихъ товарищамъ. Но весьма не рѣдко и въ этой исполнительной стадіи городской голова замѣнялъ Гильдію, которая совершенно оставалась въ сторонѣ отъ теченія дѣла: на самомъ совѣтѣ голова получалъ полномочіе предпринять тѣ или другія дѣйствія по доложенному имъ дѣлу. Встрѣчаемъ въ документахъ и рядъ такихъ случаевъ, когда исполненіе постановленія совѣта возлагалось на городского голову и по такимъ дѣламъ, которыя поступали на совѣтъ не отъ головы, а черезъ Гильдію.

Если дѣло на совѣтѣ возникало по указу изъ высшаго мѣста, доложенному головою, то головѣ же и поручалось донести, куда слѣдуетъ, о послѣдовавшемъ исполненіи. Губернское правленіе присылаетъ головѣ указъ о томъ, чтобы умершій совѣстный судья, избранный отъ Купечества, былъ замѣненъ другимъ; по докладу головѣ совѣтъ постановляетъ замѣстить эту вакансію кандидатомъ, первымъ въ спискѣ по числу балловъ, и поручаетъ головѣ репортовать о томъ губернскому правленію (1802 г.) [3]). Въ 1803 г. губернское правленіе указомъ на имя головы предписало замѣстить одного изъ магистратскихъ ратмановъ въ виду его болѣзненности другимъ лицомъ; совѣтъ, не желая этой перемѣны, постановилъ ходатайствовать передъ главнокомандующимъ объ оставленіи въ должности прежняго ратмана; возбужденіе этого ходатайства совѣтомъ было возложено на старосту первой гильдіи, и въ то же время головѣ было поручено донести о томъ рапортомъ губернскому правленію [4]). Въ рядѣ случаевъ исполненіе рѣшеній совѣта всецѣло передается въ руки головы. Кажется, мы не ошибемся, выдвинувъ то положеніе, что такъ бывало въ дѣлахъ особенной важности или по высотѣ тѣхъ мѣстъ, съ которыми предстояло сноситься по данному дѣлу, или по значительности общественныхъ интересовъ, затрогиваемыхъ даннымъ вопросомъ. Въ такихъ случаяхъ гильдейскіе старосты отступали на второй планъ, а на первый выдвигался городской голова. Такъ, мы встрѣчаемъ городского голову въ качествѣ представителя Купеческаго Общества, при непосредственныхъ обращеніяхъ Общества къ монарху: 11 января 1805 г. городской голова доложилъ на совѣтѣ полученное имъ отношеніе главнокомандующаго, а при оном копію съ высочайшаго указа, въ коемъ выражена высочайшая благодарность Московскому Купеческому Обществу за «пріумноженіе числа содержимыхъ на иждивеніи общества престарѣлыхъ и неимущихъ пропитанія мѣщанъ и купцовъ». По заслушаніи доклада головы на совѣтѣ было постановлено распубликовать высочайшую благодарность во всеобщее свѣдѣніе, и кромѣ того принести за нее благодарность монарху, а также выразить признательность Общества и московскому главнокомандующему «яко соучастнику въ доставленіи купеческому обществу того монаршаго благоволенія». Принесеніе этихъ благодарностей со-

---

[1]) Ib. 1793 г. № 18.
[2]) Ibid. 1791 г. № 22.
[3]) Ibid. 1802 г. № 50.
[4]) Ibid. 1803 г., № 44.

вѣтъ возложилъ на городского голову и депутацію изъ нѣсколькихъ именитыхъ гражданъ, для чего постановлено было выдать городскому головѣ копію съ сего приговора за подписью старосты первой гильдіи [1]). Это было въ январѣ 1805 г. Въ іюнѣ того же года московскій городской голова находился по дѣламъ въ Петербургѣ и, между прочимъ, чрезъ посредство министра коммерціи гр. Румянцева онъ былъ приглашенъ на торжество при закладкѣ биржи, гдѣ присутствовала императорская фамилія. Здѣсь во время параднаго обѣда московскій городской голова былъ представленъ Государю, а передъ обѣдомъ—Государынѣ. Голова являлся въ этомъ случаѣ именно представителемъ Купеческаго Общества, ибо государь при представленіи ему московскаго головы изволилъ поднять бокалъ «за здоровье всего московскаго купечества» и голова прислалъ о томъ особое извѣщеніе Купеческому Обществу чрезъ старосту первой гильдіи съ предложеніемъ въ ознаменованіе этого событія внести въ Опекунскій Совѣтъ 10 тысячъ рублей съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала шли на снабженіе горячей пищей московскаго военнаго гарнизона [2]). На городского голову возлагалась и передача монарху разнаго рода всеподданнѣйшихъ ходатайствъ отъ Купеческаго Общества. Такъ, въ іюнѣ 1805 г. Общество рѣшило обратиться къ верховной власти съ ходатайствомъ о совершенномъ воспрещеніи въ Москвѣ крестьянскихъ торговъ и для этого старостѣ первой гильдіи было поручено доставить одобренный на совѣтѣ текстъ прошенія съ подробнымъ изложеніемъ всего дѣла городскому головѣ, находившемуся въ то время въ Петербургѣ, а головѣ поручалось то прошеніе «подписать вмѣсто всего общества своею рукою» и представить для передачи государю министру внутреннихъ дѣлъ «или когда случай дозволитъ» поднести непосредственно самому государю, «въ чемъ ему г-ну городскому главѣ московское купеческое общество вѣритъ и прекословить впредь не будетъ» [3]). Тогда же въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ главѣ было поручено представить государю отъ Купеческаго Общества ходатайство объ уничтоженіи на будущее время разряда иностранныхъ и иногородныхъ гостей съ тѣмъ, чтобы торговые обороты въ Москвѣ были сосредоточены всецѣло въ рукахъ мѣстнаго коренного Купечества [4]).

Возбужденіе ходатайствъ передъ главнокомандующимъ всего чаще возлагалось также на городского голову. Въ сентябрѣ 1791 г. рѣшено было на совѣтѣ ходатайствовать передъ главнокомандующимъ объ оставленіи за Купечествомъ девяти непроданныхъ лавокъ бывшаго гостинаго двора, передача ходатайства возложена была на городского голову [5]). Въ іюнѣ 1795 г. Купечество обратилось къ главнокомандующему съ прошеніемъ по дѣлу о содержаніи мытнаго двора и по дѣлу объ обращеніи на счетъ всего Общества начета съ магистратскихъ бургомистровъ и ратмановъ за служебныя упущенія послѣднихъ, и опять подача этого прошенія была поручена на совѣтѣ головѣ [6]). Въ 1804 г. на совѣтѣ было постановлено черезъ городского голову просить главнокомандующаго о сложеніи съ Купеческаго Общества неправильно начтенной недоимки по нѣкоторымъ оброчнымъ сборамъ [7]). Иногда для представленія главнокомандующему подробныхъ

---

[1]) Ibid. 1805 г. № 6.
[2]) Ibid. 1805 г. № 23.
[3]) Ibid. 1805 г. № 18.
[4]) Ibid. 1805 г. № 18.
[5]) Ibid. 1791 г. № 23.
[6]) Ibid. 1795 г. № 16.
[7]) Ibid. 1804 г. № 57

прошеній Общество избирало особую депутацію, но во главѣ такой депутаціи всегда ставился городской голова [1]). Но не только при передачѣ въ высшія мѣста общественныхъ ходатайствъ и благодарностей городской голова заступалъ мѣсто гильдейскихъ старостъ въ качествѣ представителя Купеческаго Общества. На него возлагались и чисто исполнительныя функціи по веденію нѣкоторыхъ дѣлъ особо важнаго значенія. Такъ напр., во всѣхъ дѣлахъ, связанныхъ съ участіемъ Купеческаго Общества въ различныхъ Высочайшихъ торжествахъ, распорядителемъ по выполненію общественныхъ постановленій всегда являлся городской голова. Въ ноябрѣ 1796 г. совѣтъ именитыхъ гражданъ и купцовъ трехъ гильдій постановилъ въ ознаменованіе восшествія на престолъ императора Павла ассигновать 4.300 р. «на принадлежащія надобности» и распоряженіе этой суммой всецѣло «препоручилъ» городскому головѣ [2]). Въ декабрѣ 1796 г. на совѣтѣ было постановлено употребить 13.000 р. изъ полупроцентнаго сбора съ гильдейскихъ капиталовъ на покупку золотыхъ и серебряныхъ блюдъ и солонокъ для поднесенія Ихъ Величествамъ. Городскіе старосты должны были выдать эту сумму городскому головѣ, которому и было поручено распорядиться покупкой блюдъ и солонокъ и приготовленіемъ всего нужнаго для поднесенія этихъ подарковъ [3]). Въ январѣ 1797 г. опять-таки въ полное распоряженіе городского головы выдается по приговору совѣта гражданъ 12.000 р. для изготовленія золотыхъ и серебряныхъ блюдъ и солонокъ [4]). Тогда же рѣшено было отпустить 10.000 р. на постройку въ Москвѣ тріумфальныхъ воротъ къ предстоящему прибытію Ихъ Величествъ, и всѣ сношенія съ главнокомандующимъ по исходатайствованію Высочайшаго на это разрѣшенія были возложены на городского голову. Наблюденіе за сборомъ денегъ на поставку подводъ на станціи подъ шествіе Ихъ Величествъ также ввѣрялось городскому головѣ [5]). Купеческому Обществу приходилось иногда дѣлать ассигновки на предметы, не имѣвшіе отношенія къ общественному хозяйству. Такія ассигновки вызывались требованіями высшихъ властей, подлежавшими, конечно, безпрекословному исполненію. Наприм., въ февралѣ 1795 г. совѣту имянитыхъ гражданъ и купцовъ трехъ гильдій пришлось ассигновать 3.000 р. на выдачу милостыни изгнаннымъ изъ Франціи духовнымъ лицамъ. Выполненіе этой ассигновки требовало сношеній съ высшими властями, стоявшими внѣ гильдейской организаціи. И вотъ, совѣтъ постановилъ указанную сумму записать въ расходъ городовымъ старостамъ съ помощниками, а отдачу тѣхъ денегъ французскимъ духовнымъ «препоручить въ дирекцію городского головы [6]).

Но и такія дѣла, которыя имѣли непосредственное отношеніе къ хозяйству Купеческаго Общества, иногда, въ виду ихъ особо важнаго значенія, постановленіями гражданскихъ совѣтовъ выдѣлялись изъ круга вѣдѣнія гильдейскаго присутствія и поручались наблюденію и руководству городского головы. Въ іюнѣ 1804 г. Московское Купеческое Общество въ собраніи постановило купить для общественныхъ надобностей каменный домъ тайнаго совѣтника Юшкова, при этомъ было постановлено: «покупку предоставить г-ну городскому головѣ съ тѣмъ, чтобы онъ благоволилъ, условившись съ продавцомъ самимъ или съ его

---

[1]) Ibid. 1804 г. № 26.
[2]) Ibid. 1796 г. № 14.
[3]) Ibid. 1796 г. № 24.
[4]) Ibid. 1797 г. № 2.
[5]) Ibid. 1797 г. № 13.
[6]) Ibid. 1795 г. № 12.

повѣреннымъ въ цѣнѣ съ наблюденіемъ выгодныхъ для общества кондицій, предложить потомъ обществу, которое въ то время какъ о совершеніи купчей, равно и суммѣ денежной, на заплату за него слѣдующей, не оставитъ сдѣлать особаго приговора» [1]).

Въ іюлѣ 1804 г. по распоряженію полицеймейстера предстояло перевести продажу конопляпаго масла и сальныхъ веществъ изъ внутренней части города въ Серпуховскую часть ради предосторожности отъ пожаровъ. На совѣтѣ Купечества было постановлено исполнить это распоряженіе и для этой цѣли выстроить въ Серпуховской части лавки на общественный счетъ. Полученіе плана на землю подъ тѣ лавки поручено было городскому головѣ [2]). Въ 1803 г. Купеческому и мѣщанскому Обществу Высочайше были пожалованы зданія упраздненнаго Андреевскаго монастыря. На совѣтѣ 7 іюля этого года было рѣшено въ этихъ зданіяхъ устроить богадѣльню и коммерческій классъ на 50 дѣтей обоего пола. Все руководство этимъ новымъ обширнымъ начинаніемъ Общества сосредоточилось въ рукахъ городского головы. На совѣтѣ 7 іюля приговорили: «препоручить какъ устроеніе онаго заведенія, равно и каковое количество нужно будетъ на сіе суммы, въ полное распоряженіе г-на городского главы и просить, дабы благоволилъ, сдѣлавъ всему тому надлежащіе планъ и смѣту, предложить въ собраніи обществу» [3]). Голова выработалъ затѣмъ проектъ устава («примѣрное постановленіе») и штата коммерческаго воспитательнаго училища и, по одобреніи этого проекта на гражданскомъ совѣтѣ, представилъ его министру народнаго просвѣщенія. Въ министерствѣ возбудили вопросъ о согласованіи устава проектируемаго въ Москвѣ коммерческаго училища съ уставомъ петербургскаго коммерческаго училища и о подведеніи обоихъ этихъ училищъ подъ покровительство императрицы Маріи Ѳедоровны. На совѣтѣ 11 декабря 1803 г. Московское Купечество постановило принять всѣ эти предложенія министерства, «оставляя внутреннее распоряженіе и экономическіе обороты училища подъ смотрѣніемъ градскаго главы и эконома изъ купечества, какъ о томъ въ примѣрномъ постановленіи изображено» [4]). Черезъ городского голову естественно шли и дальнѣйшія сношенія Купеческаго Общества по дѣлу о Коммерческомъ училищѣ и съ генералъ-губернаторомъ, и съ министерствомъ, и съ верховной властью [5]). Въ то же время городской голова занимался пріисканіемъ дома для Коммерческаго училища, каковой и былъ имъ нанятъ въ Таганской части съ контрактомъ на два года. Онъ же руководилъ перестройкой зданій бывшаго Андреевскаго монастыря подъ богадѣльню [6]).

Въ виду такого обширнаго и разнообразнаго круга дѣлъ, который былъ поручаемъ непосредственно городскому головѣ отъ гражданскихъ совѣтовъ, прочно утвердилось обыкновеніе ассигновывать отъ совѣтовъ значительныя суммы въ личное распоряженіе городского головы. Обыкновенно, при выборѣ городского головы ему отпускалось на трехлѣтіе въ безотчетное употребленіе на различныя текущія общественныя нужды по 3000 р. Эта сумма не выдавалась

---

1) Ibid. 1804 г. № 34.
2) Ibid. 1804 г. № 45.
3) Ibid. 1803 г. № 33.
4) Ib. 1803 г. № 70.
5) Ib. 1804 г. №№ 12, 16, 18.
6) Ib. 1804 г. №№ 36, 19, 33.

головѣ сразу на руки, но его уполномочивали въ теченіе трехъ лѣтъ получать на эту сумму нужныя ему ассигновки изъ гильдейской казны, отъ гильдейскихъ старостъ по письменнымъ отъ него требованіямъ[1]). Въ дѣлахъ Гильдіи сохранились нѣкоторыя указанія на то, какимъ образомъ и на какіе предметы городскіе головы пользовались ассигновками изъ этихъ суммъ. Вотъ — ордеръ московскаго городского головы Ситникова Московскаго Купечества Гильдіи городовому старостѣ Ливонскому отъ 11 сентября 1788 г.; въ ордерѣ предписывается «выдать жалованье находящемуся на купеческомъ содержаніи стряпчему 150 р. изъ положенной въ полное мое распоряженіе собранной съ московскаго купеческаго общества по четверти % съ рубля суммы». Вотъ— другой ордеръ того же Ситникова Ливонскому отъ 7 іюля 1788 г.: «изъ хранящейся подъ моимъ вѣдомствомъ 4%-й суммы рекомендую отпустить для выдачи московскому купцу Ивану Кузьмину за забранной у него сургучъ 39 фунтовъ 17 р. 55 коп.»[2]). Такимъ образомъ, отпускаемые головѣ безотчетные кредиты сразу на все трехлѣтіе расходовались имъ по мѣрѣ надобности на текущія мелкія нужды общественнаго управленія. Но, конечно, головѣ приходилось производить и гораздо болѣе крупныя единовременныя затраты въ связи съ поручаемыми ему сложными дѣлами. На эти случаи онъ получалъ отъ гражданскихъ совѣтовъ особые экстренные кредиты. Эти кредиты отпускались ими также подъ титуломъ «въ безотчетное распоряженіе» или подъ титуломъ «на извѣстные обществу расходы», причемъ въ большинствѣ случаевъ въ общественныхъ приговорахъ эти расходы такъ и не поименовывались. Иногда голова самъ издерживалъ извѣстную сумму на экстренныя надобности и уже post factum получалъ отъ гражданскаго совѣта утвержденіе такого расхода. Значитъ, и въ такихъ случаяхъ городовые старосты должны были отпускать головѣ деньги изъ гильдейской казны по его ордерамъ. Такъ, наприм., на совѣтѣ 20 декабря 1804 г. было постановлено утвердить въ расходъ издержанные городскимъ головой изъ общественной суммы «на извѣстные обществу расходы» 3000 р. и такую же сумму безотчетно ассигновать головѣ на 1805 годъ[3]). Очевидно, это—экстренныя ассигновки сверхъ обычныхъ ассигновокъ по 3000 р. на трехлѣтіе.

Столь дѣятельное участіе городского головы въ текущихъ дѣлахъ гильдейскаго управленія приводило къ тому, что онъ не только замѣнялъ собою гильдейскихъ старостъ въ особо важныхъ случаяхъ, но и соприкасался довольно тѣсно съ обычнымъ дѣлопроизводствомъ гильдейскаго присутствія, въ составъ котораго онъ тѣмъ не менѣе не входилъ.

По нѣкоторымъ дѣламъ постановленія гильдейскаго присутствія шли на утвержденіе городского головы. Вообще, Московская Гильдія находилась подъ непосредственнымъ начальствомъ московскаго магистрата. Въ магистратъ представлялись на утвержденіе всѣ постановленія Гильдіи; изъ магистрата Гильдія получала указы, направлявшіе дѣятельность всѣхъ органовъ гильдейскаго управленія. Но по инымъ вопросамъ гильдейское присутствіе дѣйствовало по указаніямъ городского головы. Выше были цитированы въ другой связи, протоколы присутствія Московской Гильдіи за декабрь 1789 г. по вопросамъ, касавшимся назначенія къ Гильдіи канцеляристовъ и опредѣленія имъ окладовъ жалованья. Всѣ такіе вопросы рѣшались гильдейскимъ присутствіемъ не иначе, какъ по указа-

---

[1]) Ib. 1795 г. № 13; 1798 г. № 24.

[2]) Архивъ Купеч. Управы. Книга приговорамъ 1788 и 1789 гг. и на дачу жалованья въ присутственныя мѣста по указамъ, лл. 94, 98, 102.

[3]) Обществ. пригов. I, 1804 г. № 67.

ніямъ и съ утвержденія городского головы. О принятіи къ Гильдіи новаго канцеляриста по его прошенію городовые старосты съ помощниками докладываютъ городскому головѣ, «и отъ него словесное приказаніе объ опредѣленіи онаго Васильева сдѣлано, почему въ сходственность онаго приказанія г-на градскаго главы въ Гильдіи и разсуждено»—Васильева опредѣлить при Гильдіи канцеляристомъ и производить ему жалованье изъ общественныхъ суммъ. Когда гильдейское присутствіе постановило удовлетворить просьбу двухъ другихъ канцеляристовъ относительно назначенія имъ просимыхъ ими окладовъ жалованья, тогда это постановленіе было доложено градскому головѣ и имъ «словесно утверждено» [1]).

Въ этихъ случаяхъ голова выступаетъ какъ-будто въ роли постояннаго руководителя и начальника гильдейскаго присутствія. Но наряду съ этимъ въ общественныхъ приговорахъ изучаемаго періода находимъ рядъ случаевъ, когда гражданскій совѣтъ возлагалъ на градскаго голову особое порученіе «понуждать» городовыхъ старостъ или руководствовать ими въ томъ или другомъ отдѣльномъ дѣлѣ. Приведемъ нѣсколько тому примѣровъ. Въ 1787 г. на совѣтѣ рѣшено было обратиться къ главнокомандующему съ просьбой отъ всего Общества о выдачѣ Обществу изъ государственнаго банка 600 тысячъ рублей безъ процентовъ на особыхъ условіяхъ на постройку гостиннаго двора. При этомъ въ общественномъ приговорѣ было сказано, что городскому головѣ поручается побуждать купецкихъ и цеховыхъ старостъ стараться, чтобы къ сему приговору было приложено возможно бо́льшее число рукъ [2]). Въ маѣ 1792 г. на совѣтѣ приговорили поручить старостѣ второй гильдіи и помощнику его постройку на общественномъ купеческомъ дворѣ каменныхъ лавокъ для рыбнаго и икорнаго торга и при этомъ старостѣ второй гильдіи предписывалось «требовать во всемъ наставленія и совѣта отъ градскаго головы» [3]). Въ октябрѣ 1793 г. совѣтъ гражданъ, рѣшивъ устроить торжественный маскарадъ по случаю брака великаго князя Александра Павловича, поручилъ устройство маскарада старостамъ съ помощниками «подъ руководствомъ городского головы» и 26-ти особо избранныхъ для того лицъ [4]). На собраніи Купеческаго Общества 7 іюня 1804 г. было постановлено разрѣшить городовому старостѣ употреблять на экстраординарные случаи, относящіеся до пользы общества, изъ гильдейскихъ суммъ до 1000 р. безотчетно подъ наблюденіемъ городского головы [5]). Въ 1805 г. Общество поручило достройку масленыхъ лавокъ у скотопригоннаго двора двумъ лицамъ, арендовавшимъ у Общества эти лавки. Нужныя на то суммы Общество поручило отпускать въ распоряженіе этихъ лицъ городовому старостѣ съ вѣдома городского головы [6]).

Такъ, въ рядѣ случаевъ гражданскіе совѣты въ своихъ приговорахъ надѣляютъ городского голову функціями контроля и распорядительнаго надзора по отношенію къ гильдейскимъ старостамъ и ихъ помощникамъ. Но мы встрѣчаемъ въ тѣхъ же документахъ и рядъ другихъ случаевъ, въ которыхъ городской голова наряду съ членами гильдейскаго присутствія и вмѣстѣ съ ними осуществляетъ и чисто исполнительныя функціи по особымъ каждый разъ приговорамъ гражданскихъ совѣтовъ. Общество выбирало стряпчаго. «Вѣдать стряпчаго» пору-

---

[1]) Ibid. 1789 г. №№ 24, 25, 26.
[2]) Ib. 1787 г. № 8.
[3]) Ib. 1792 г. № 11.
[4]) Ib. 1793 г. №№ 18, 10.
[5]) Ib. 1804 г. № 31.
[6]) Ib. 1805 г. № 16.

чалось городскому головѣ вмѣстѣ съ старостами и ихъ помощниками [1]); «стряпчему быть въ диспозиціи градскаго головы обще съ городовыми старостами и помощниками»--такъ читаемъ въ общественныхъ приговорахъ [2]). Когда Общество постановляло вчинить какой либо искъ, возбудить какую либо жалобу чрезъ своего стряпчаго, и для этого выдать стряпчему довѣренность на веденіе дѣла, то такая довѣренность выдавалась стряпчему сообща отъ городского головы и городскихъ старостъ [3]). Въ 1790 г. Общество возбудило вопросъ о выселеніи изъ Москвы торговцевъ-евреевъ. Рѣшено было ходатайствовать объ этомъ передъ главнокомандующимъ. Прошеніе ему о томъ поручено было подать городскому головѣ обще съ городовыми старостами [4]). Въ 1791 г. Общество стремилось отдѣлаться отъ состоявшаго при гильдіи секретаря, не желавшаго подчиняться общественнымъ приговорамъ. Секретарь встрѣтилъ поддержку въ московскомъ магистратѣ, отказавшемъ въ утвержденіи отставки этого секретаря. Тогда Общество на совѣтѣ рѣшило представить о семъ въ губернское правленіе, что и было поручено градскому головѣ обще съ городовыми старостами и ихъ помощниками [5]). Въ томъ же году градскому головѣ вмѣстѣ съ гильдейскими старшинами поручено было возбудить ходатайство у главнокомандующаго объ отдачѣ Купечеству и посадскимъ въ вѣчное содержаніе мытнаго и животиннаго двора, шалашныхъ мѣстъ и Новинскихъ береговъ [6]). Городскому головѣ вмѣстѣ съ старостой первой гильдіи поручается взять отъ крѣпостныхъ дѣлъ купчую на домъ Туркина, пріобрѣтаемый Обществомъ въ общественную собственность [7]). Въ 1796 г. произведенъ былъ рядъ экстренныхъ ассигновокъ на предстоящія Высочайшія торжества. Наблюденіе за употребленіемъ этихъ суммъ было поручено по общественному приговору городскому головѣ обще съ городовыми старостами [8]). Торги на поставку лошадей на станціи подъ шествіе Ихъ Величествъ производятся въ Гильдіи подъ смотрѣніемъ городского головы обще съ городовыми старостами [9]). Голова вмѣстѣ со старостами производитъ торги въ Гильдіи на отдачу охочимъ людямъ на содержаніе мытеннаго и животиннаго дворовъ, шалашныхъ мѣстъ и Новинскихъ береговъ [10]). Въ 1797 г. объявляются въ Гильдіи торги на поставку лошадей отъ Купечества подъ почту по петербургскому тракту, и опять произвести торги поручается головѣ со старостами [11]). Въ 1798 г. по общественному приговору было ассигновано 5.000 р. на богоугодныя цѣли по случаю рожденія великаго князя Михаила Павловича. Расходованіе этихъ денегъ было поручено въ полное распоряженіе городского головы обще съ городовыми старостами [12]).

Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отъ имени Купеческаго Общества приходилось выдавать какія либо обязательства или заключать договоры, довѣренными представителями Общества выступаютъ городской голова вмѣстѣ съ старостами.

---

1) Ibid. 1789 г. № 8.
2) Ibid. 1791 г. № 7; 1792 г. № 9.
3) Ibid. 1791 г. № 20; 1805 г. № 15.
4) Ibid. 1790 г. № 14.
5) Ibid. 1791 г. № 12.
6 Ibid. 1791 г. № 22.
7) Ibid. 1791 г. № 24.
8) Ibid. 1796 г. № 6.
9) Ibid. 1797 г. № 11.
10) Ibid. 1797 г. № 17.
11) Ibid. 1796 г. № 26; 1804 г. № 39.
12) Ibid. 1798 г. № 5.

При сдачѣ отъ Общества въ аренду отдѣльныхъ оброчныхъ статей, арендный договоръ заключается отъ имени «городского головы, городовыхъ сего года старостъ, ихъ помощниковъ и всего московскаго купечества» см., напр., текстъ договора 1791 г. съ рыботорговцами, снявшими въ аренду на 5 лѣтъ общественный купеческій дворъ; составленіе контракта городскимъ головой и старостами по сдачѣ шести купцамъ масленыхъ лавокъ у скотопригоннаго двора за калужскими воротами; текстъ условія на наемъ мѣстъ по Москвѣ-рѣкѣ, заключеннаго однимъ купцомъ съ городскимъ головой и городовыми старостами всѣхъ трехъ гильдій; контрактъ двухъ купцовъ «съ городскимъ головой, городовыми старостами, ихъ помощниками и всѣмъ купеческимъ обществомъ» на наемъ разныхъ шалашныхъ мѣстъ въ 1793 г. и т. д. [1]). При сдачѣ на откупъ различныхъ сборовъ отъ Гильдіи городской голова опять-таки принимаетъ непремѣнное участіе въ составленіи и заключеніи контрактовъ. Приговаривая отдать тотъ или иной сборъ на содержаніе охочимъ людямъ, гражданскіе совѣты всегда постановляли: «заключить съ ними контракты въ гильдіи подъ смотрѣніемъ городского головы обще съ городовыми старостами» [2]). Когда Гильдія сдавала съ торговъ поставку лошадей на почтовыя станціи, производство торговъ и заключеніе контрактовъ точно также поручалось городскому головѣ вмѣстѣ съ старостами и помощниками [3]). Наконецъ, при выдачѣ довѣренностей отъ Общества стряпчему на веденіе различныхъ тяжебныхъ и иныхъ дѣлъ отъ имени Общества, такія довѣренности всегда подписывались городскимъ головой и городовыми старостами [4]).

Приведенныя данныя, думается намъ, въ достаточной мѣрѣ уполномочиваютъ на слѣдующія заключенія. Городской голова, будучи избранникомъ всесословнаго общества градскаго и предсѣдателемъ всесословныхъ городскихъ думъ—общей и шестигласной,—въ то же время стоялъ во главѣ и Купеческаго Общества. Онъ не входилъ въ составъ присутствія Московской Гильдіи. Въ качествѣ главнаго представителя общегородского самоуправленія онъ сносился съ Московской Гильдіей, какъ мѣстомъ подчиненнымъ. Но въ качествѣ руководителя гражданскихъ совѣтовъ Купеческаго Общества тотъ же городской голова въ многообразныхъ формахъ принималъ участіе и въ текущей дѣятельности гильдейскаго присутствія, то получая отъ гражданскихъ совѣтовъ порученія «имѣть смотрѣніе» за городовыми старостами въ томъ или иномъ отдѣльномъ дѣлѣ, то, въ видѣ постояннаго правила, раздѣляя съ гильдейскими старостами нѣкоторыя ихъ функціи по общегильдейскому управленію: такъ, голова участвовалъ въ опредѣленіи канцеляристовъ при Гильдіи, въ производствѣ при Гильдіи всякаго рода торговъ по назначенію гражданскихъ совѣтовъ, въ заключеніи отъ имени Купеческаго Общества различныхъ контрактовъ.

III.

Присутствіе Московской Гильдіи имѣло при себѣ канцелярію и военную команду. Насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, количество персонала канцеляріи Московской Гильдіи колебалось время отъ времени. Мы встрѣчаемъ тамъ въ разные годы отъ 10 до 5 человѣкъ. Отъ 1771 г. имѣемъ такой списокъ канцелярскихъ служащихъ: 1 канцеляристъ, 3 подканцеляриста, 1 копіистъ, 4 писца, итого 9 человѣкъ. Къ нимъ надо присоединить еще 1 нотаріуса,

---

[1]) Ibid. 1791 г. № 21 (bis); 1793 г. № 9; 1804 г. № 68.
[2]) Ibid. 1797 г. № 22.
[3]) Ibid. 1802 г. № 31; 1805 г. № 2.
[4]) Ibid. 1792 г. № 13; 1794 г. № 10.

опредѣленнаго, впрочемъ, только для одной первой гильдіи. Не считая нотаріуса, на содержаніе котораго шло отъ одной первой гильдіи 300 р. въ годъ, весь остальной вышеуказанный персоналъ получалъ годового жалованья 420 р. [1]). Въ 1778 г. въ составѣ канцелярскихъ служащихъ показано только 5 человѣкъ: 2 канцеляриста и 3 копіиста, на содержаніе коихъ въ годъ ассигновывалось 332 р. [2]). Въ 1779 г.—тамъ были тѣ же пять человѣкъ: 2 канцеляриста и 3 копіиста, но общая сумма шедшаго имъ вознагражденія достигала уже 384 р. [3]). Черезъ 10 лѣтъ составъ канцеляріи опредѣлялся въ 10 человѣкъ: 2 канцеляриста, 1 подканцеляристъ, 4 копіиста и писца; годовое содержаніе всего этого персонала составляло 538 р. 99½ к. [4]). До сихъ поръ мы встрѣчаемъ въ составѣ канцеляріи Московской Гильдіи лишь канцелярскихъ служителей низшаго ранга; съ конца 80-хъ годовъ канцелярія Гильдіи начинаетъ расширяться и пріобрѣтать характеръ настоящей канцеляріи большого учрежденія. На ряду съ канцелярскими служителями-писцами, копіистами, подканцеляристами и канцеляристами—тамъ появляются и канцелярскіе чиновники съ чинами, вошедшими въ табель о рангахъ: Борисъ Шишипторовъ, прошедшій долгую службу въ канцеляріи Московской Гильдіи и бывшій тамъ въ 70 и 80-хъ годахъ канцеляристомъ, въ 1789 г. имѣетъ уже званіе протоколиста, а въ 1798—еще болѣе высокій чинъ секретаря [5]). Въ 1802 г. въ составѣ гильдейской канцеляріи находимъ 1 коллежскаго секретаря, 1 губернскаго секретаря, 3 коллежскихъ регистраторовъ, 1 губернскаго регистратора и 2 канцеляристовъ [6]). Количественный составъ служащихъ въ канцеляріи Московской Гильдіи никогда не считался ограниченнымъ, вполнѣ замкнутымъ комплектомъ, не смотря на существованіе опредѣленныхъ штатовъ. Въ 1798 г. губернское правленіе предложило опредѣлить въ секретари при Гильдіи нѣкоего Сорокина. На гражданскомъ совѣтѣ постановили: хотя вакансіи и не имѣется, тѣмъ не менѣе опредѣлить Сорокина на одинъ годъ «для одного усмотрѣнія» и состоять ему подъ вѣдѣніемъ «гильдинскаго секретаря». А затѣмъ, по прошествіи года Сорокинъ былъ оставленъ при канцеляріи Гильдіи и на будущее время» [7]).

Столь же измѣнчивы были и оклады жалованья, опредѣлявшіеся различнымъ чинамъ канцеляріи Гильдіи. Въ общемъ эти оклады были, впрочемъ, близки къ нормамъ, установленнымъ канцелярскими штатами 1763 г. [8]). Такъ, канцеляристы получали въ Московской Гильдіи по разнымъ годамъ отъ 120 до 200 р. въ годъ (по штатамъ 1763 г. годовой окладъ канцеляриста въ Петербургѣ 150 р., въ прочихъ губернскихъ городахъ—130 р.); подканцеляристы получали отъ 24 до 60 р. (по штатамъ 1763 г. окладъ подканцеляриста въ губернскомъ городѣ 100 р., въ провинціальномъ—60 р.); копіисты получали отъ 24 до 48 р. (по штатамъ 1763 г. въ уѣздномъ городѣ 30 р., въ провинціальномъ 40 р., въ губернскомъ 60 р.). Протоколистъ въ 1789 г. получилъ 350 р. въ годъ; секретарь въ 1800 г. получалъ 300 р. въ годъ [9]) (по штатамъ 1763 г. окладъ протоколиста въ губернскомъ городѣ 200 р., окладъ секретаря 300 р.).

---

[1]) Ibid. 1771 г. № 2.
[2]) Ibid. 1778 г. № 1.
[3]) Ibid. 1779 г. № 12.
[4]) Архивъ Купеч. Упр. Книга приговорамъ 1788—1789 гг., л. л. 71—73.
[5]) Общ. пригов. I, 1789 № 2; 1798 г. № 21.
[6]) Ibid. 1802 г. № 43.
[7]) Ibid. 1798 г. № 21; 1799 г. № 37.
[8]) II. С. З. т. XLIV ч. II Книга Штатовъ. См. Ю. В. Готье—«Исторія областного управленія въ Россіи отъ Петра I до Екатерины II», стр. 297.
[9]) Общ. пригов. 1789 г. № 2, 1800 г. № 42.

Не особенно легко выяснить порядокъ опредѣленія на должности служившихъ въ канцеляріи Гильдіи. Повидимому, здѣсь и не было вполнѣ единообразнаго порядка. Мы приводили выше, въ другой связи, протоколы гильдейскаго присутствія, по которымъ было видно, что опредѣленіе къ «письменнымъ дѣламъ» при Гильдіи производилось по постановленію общаго собранія всѣхъ гильдейскихъ старостъ и ихъ помощниковъ и съ утвержденія городского головы [1]). Однако, на ряду съ этимъ имѣемъ передъ собой также и слѣдующіе факты. 11 декабря 1789 г. именитые граждане и купечество 1, 2 и 3 гильдій въ присутствіи градскаго главы на гражданскомъ совѣтѣ постановили, что за нѣкоторыми обстоятельствами Общество впредь не желаетъ имѣть у себя регистратора Полянскаго, присланнаго въ Гильдію къ письменнымъ дѣламъ въ январѣ 1785 г. изъ перваго департамента московскаго магистрата, и потому рѣшаетъ отослать Полянскаго при рапортѣ обратно въ магистратъ, а на мѣсто его и з б и р а е т ъ съ общаго согласія отставного секретаря Алексѣя Иванова съ тѣмъ, чтобы ему быть на вакансіи регистраторской и исправлять повытческую должность, жалованье же производить ему изъ общественной купеческой суммы въ размѣрѣ 120 р. въ годъ [2]). Въ 1800 г. умеръ секретарь гильдейской канцеляріи Шишипторовъ. На занятіе освободившейся вакансіи подалъ прошеніе коллежскій регистраторъ Судоплатовъ. Съ этимъ прошеніемъ онъ обратился «на имя гильдинскихъ старостъ», т. е. въ присутствіе Московской Гильдіи. Старшины доложили это прошеніе гражданскому совѣту, на которомъ и было постановлено: «оному Судоплатову объявить, что московское купечество къ принятію его въ гильдію на мѣсто умершаго секретаря Шишипторова для исправленія письменныхъ дѣлъ согласно, съ назначеніемъ ему на первый случай жалованья 300 р. въ годъ» [3]). Такимъ же порядкомъ въ апрѣлѣ 1802 г. былъ опредѣленъ къ письменнымъ дѣламъ при Гильдіи коллежскій секретарь Ивановъ [4]). Вынося постановленія объ опредѣленіи на службу при Гильдіи чиновъ гильдейской канцеляріи, гражданскіе совѣты также рѣшаютъ вопросы и о ихъ служебныхъ перемѣщеніяхъ съ одного мѣста на другое и о выдачѣ имъ вознагражденія. Размѣры ихъ жалованья устанавливаются на совѣтахъ. Тамъ же разрѣшаются вопросы и о порядкѣ выдачи этого жалованья. Напримѣръ, вопросъ о выдачѣ жалованья канцеляристу за время его болѣзни разсматривается и разрѣшается на гражданскомъ совѣтѣ [5]). Нерѣдко на опредѣленіе на должности чиновъ гильдейской канцеляріи стремятся оказывать вліяніе другія учрежденія. Вотъ указъ изъ московскаго городского магистрата въ Гильдію отъ 21 января 1797 г.: канцелярист Таракановъ, происходящій изъ московскихъ купцовъ 3-й гильдіи, находился изъ давнихъ лѣтъ у письменныхъ дѣлъ при Московской Гильдіи; затѣмъ онъ поступилъ подканцеляристомъ въ монетную экспедицію, откуда за сокращеніемъ штатовъ былъ отставленъ съ чиномъ канцеляриста и съ аттестатомъ. Тогда онъ подалъ прошеніе въ первый департаментъ московскаго магистрата о томъ, что «по сдѣланной имъ по гильдинскимъ дѣламъ привычкѣ» онъ желалъ бы опять опредѣлиться въ канцелярію оной Гильдіи. Магистратъ и шлетъ въ Гильдію указъ, въ коемъ «повелѣвается», буде не встрѣтится препятствій, опредѣлить просителя къ дѣламъ

---

[1]) Ib. 1789 г. №№ 24, 25.
[2]) Ib. 1789 г. № 20.
[3]) Ib. 1800 г. № 42.
[4]) Ib. 1802 г. № 43.
[5]) Ib. 1779 г. № 30.

при гильдейской канцеляріи и привести его къ присягѣ [1]). Ищущіе мѣстъ въ гильдейской канцеляріи нерѣдко обращались съ прошеніями о томъ не въ Гильдію, и даже не въ магистратъ, а въ губернское правленіе. Вотъ указъ въ Гильдію изъ губернскаго правленія отъ 6 октября 1798 г.: находящійся не у дѣлъ коллежскій регистраторъ Сорокинъ проситъ объ опредѣленіи его въ Московскую Гильдію на вакансію умершаго гильдинскаго секретаря; по справкѣ «въ губернское правленіе объ умертвіи секретаря Алексѣя Иванова изъ гильдіи не репортовано и потому постановлено отослать оное прошеніе для должнаго по оному опредѣленія въ московскую гильдію при указѣ». Гильдія въ отвѣтъ на это репортовала, что указъ полученъ «и о вышеписанномъ московскому купеческому обществу на совете объявлено быть имѣетъ» [2]). До насъ дошелъ и приговоръ Общества по данному дѣлу, состоявшійся 8 декабря 1798 г. и уже цитированный нами въ другой связи. Хотя по справкѣ оказалось, что секретарской вакансіи при Гильдіи не имѣется, тѣмъ не менѣе, вѣроятно во вниманіе къ указу изъ губернскаго правленія, Сорокинъ былъ таки опредѣленъ подъ вѣдѣніе секретаря Гильдіи, сначала на одинъ годъ, а потомъ оставленъ и на будущее время [3]).

Губернское Правленіе иной разъ проявляло и еще болѣе опредѣленно выраженное воздѣйствіе на Гильдію по части замѣщенія вакансій въ гильдейской канцеляріи. Вотъ указъ изъ губернскаго правленія въ Гильдію Московскаго Купечества отъ 15 апрѣля 1798 г.: «губернское правленіе, имѣя разсужденіе о состоящихъ въ гильдіи вмѣсто перемѣщенныхъ въ сіе правленіе канцеляриста Благовѣщенскаго и регистратора Лапшина вакансіяхъ приказали на означенныхъ порожжихъ вакансіяхъ быть въ московской гильдіи регистраторомъ Сергѣю Максимову съ окладомъ 60-ти и Степану Данилову 40 руб. въ годъ, которыхъ оставить при дѣлахъ и въ семъ правленіи, въ гильдію же послать указъ слѣдующее имъ съ 1 января жалованье на удовольствіе доставлять въ сіе правленіе». Къ означенному указу въ дѣлѣ приложенъ отдѣльный листочекъ съ запиской слѣдующаго содержанія: «батюшка Алексѣй Ивановичъ, сей податель долженъ получить жалованье изъ гильдіи по чему прошу васъ нельзя ли оное выхлопотать. Вашъ всепокорный слуга Сергѣй Степановъ» [4]). Это уже прямое вмѣшательство губернскаго правленія въ замѣщеніе вакансій при канцеляріи Московской Гильдіи. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ отвѣтнаго рапорта Гильдіи на этотъ указъ губернскаго правленія и потому не знаемъ, какой исходъ получило данное дѣло. Но въ документахъ вообще имѣются примѣры того, что Гильдія и гражданскій совѣтъ иной разъ вступали въ конфликтъ съ губернскимъ правленіемъ, отстаивая свое право на самостоятельные опредѣленіе состава гильдейской канцеляріи. Въ 1804 г. служащій въ гильдейской канцеляріи Якимъ Яковлевъ, московскій купецъ, «изъ уваженія къ пользѣ казенной» согласился на свой коштъ, безъ всякаго вознагражденія перебрать хранящіяся въ магазинахъ въ большомъ количествѣ зеркальныя стекла, потребныя для убранства дворцовъ. Экспедиція кремлевскаго строенія увѣдомила объ этомъ губернское правленіе, а послѣднее послало въ Гильдію указъ объ увольненіи Яковлева отъ должности по Гильдіи на все время его работъ при экспедиціи кремлевскаго строенія. Указъ этотъ былъ заслушанъ на гражданскомъ совѣтѣ 26 августа 1804 г. и по обсужденіи указа приговорили: «какъ Городоваго Положенія 101 статьей къ пріуготовленію дворцоваго или

---

[1]) Арх. Купеч. Управы, № 571.
[2]) Ibid. № 1046.
[3]) Обществ. приговоры, I, 1798 г. № 21; 1799 г. № 37.
[4]) Арх. Купеч. Управы, № 973.

казнѣ принадлежащаго избирать изъ купечества воспрещено, то общество его, Яковлева, уволить и не можетъ... о чемъ губернскому правленію и донесть рапортомъ» [1]).

Кромѣ перечисленнаго выше канцелярскаго штата при Гильдіи состояли еще стряпчіе и нотаріусы. 28 мая 1787 г. на гражданскомъ совѣтѣ были произведены выборы въ стряпчіе Чернявскаго. Такъ какъ въ этомъ избирательномъ приговорѣ подробно были изложены и всѣ обязанности стряпчаго, то мы и позволимъ себѣ привести здѣсь обширное дословное извлеченіе изъ даннаго приговора [2]). Здѣсь читаемъ: «именитые граждане и купечество въ присутствіи градскаго главы Ситникова, будучи въ собраніи въ купеческой залѣ и имѣя разсужденіе о надобности всему здѣшнему купеческому обществу стряпчаго для случающихся по здѣшнему городу къ общественной ихъ пользѣ всякаго рода дѣлъ, то-есть для сочиненія всякихъ отъ лица общественнаго прошеній, о подачѣ оныхъ и о хожденіи за дѣлами, о приведеніи ихъ, гдѣ-бъ ни случилось къ окончанію, въ случаѣ жъ какого и гдѣ купеческому обществу неудовольствія о переносѣ дѣлъ въ вышнія мѣста и о подачѣ аппелляціи, словомъ заключить, какая бъ надобность до всего общества купецкаго ни случилась, для того на семъ собраніи общество разсудило имѣть у себя стряпчаго и для сего всѣ согласно избрали находящагося московскаго городоваго магистрата 4-го департамента губернскаго секретаря Осипа Ѳедорова Чернявскаго, которую должность и онъ, Чернявскій, собранію объявилъ, что онъ на себя пріемлетъ и во всѣхъ частяхъ оную по надобности купеческой, что только до всего общества принадлежать будетъ, исполнять обязуется съ особливымъ раченіемъ, однако жъ съ тѣмъ, ежели какая общественная купечеству повстрѣчается въ немъ надобность, то чтобъ ему, Чернявскому заблаговременно о томъ извѣщать и давать въ разсмотрѣніе потребные для того документы, по разсмотрѣніи коихъ долженъ онъ сообразиться съ высочайшими законами, съ пользою и выгодами купеческаго общества и тогда или написать куда прошеніе и стараться по тому дѣлу или, въ случаѣ какого сомнѣнія, представить на разсужденіе купеческому собранію со объясненіемъ всѣхъ обстоятельствъ, законно ли общество того желаетъ». Изъ приведенной цитаты видно, что стряпчіе, избираемые Купеческимъ Обществомъ, должны были осуществлять функціи и ходатаевъ по дѣламъ Купеческаго Общества, и юрисконсультовъ при Обществѣ. Далѣе въ этомъ же приговорѣ опредѣлялось, что избранный стряпчій «препоручается въ диспозицію господину градскому главѣ Ситникову»; городской голова долженъ былъ въ касающихся до Купеческаго Общества дѣлахъ «чинить стряпчему наставленіе и всякое вспоможеніе». Головѣ же поручалось условиться со стряпчимъ относительно того, «по скольку на годъ стряпчему получать слѣдуетъ за коммиссію и въ какіе сроки и отъ кого именно». Въ приговорѣ не говорилось, на какой срокъ избирается стряпчій, но устанавливалось любопытное условіе: если избранный стряпчій не оставитъ должности впредь до истеченія срока полномочій наличнаго городского головы, то при избраніи новаго головы на продленіе полномочій наличнаго стряпчаго долженъ быть вновь данъ приговоръ Общества. Такимъ образомъ, устанавливалось не только непосредственное подчиненіе должности стряпчаго градскому головѣ, но и зависимость выбора того или иного лица на эту должность отъ личности городского головы. Наконецъ, въ приговорѣ устанавливалось правило, что при желаніи

---

[1]) Общ. пригов. I, 1804 г. № 51.
[2]) Ibid. 1787 г. № 9.

Общества отказать стряпчему отъ должности, оно должно извѣстить его о томъ за мѣсяцъ впередъ съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этого мѣсяца онъ могъ сдать, кому приговорено будетъ, ввѣренные ему общественные дѣла и документы.

Съ перемѣною градскаго головы перемѣнился и стряпчій. 6 іюня 1789 г., уже при градскомъ головѣ Губинѣ, на гражданскомъ совѣтѣ стряпчимъ былъ избранъ коллежскій ассессоръ Смирновъ. Обязанности стряпчаго и условія его службы въ общемъ были опредѣлены при этомъ точно такъ же, какъ и въ приговорѣ 28 мая 1787 г. Однако, замѣчаемъ и нѣкоторыя перемѣны. Теперь стряпчій порученъ «въ диспозицію» уже не одного городского головы, но «городского головы обще съ городовыми купецкими старостами и помощниками». Далѣе, теперь Общество само назначило стряпчему опредѣленный окладъ жалованья въ размѣрѣ 600 р. въ годъ, тогда какъ ранѣе опредѣленіе оклада жалованья Общество предоставляло соглашенію между стряпчимъ и градскимъ головой. Жалованье должны были выдавать стряпчему городовые старшины по третямъ года и, кромѣ того, они должны были отпускать ему изъ общественной суммы по мѣрѣ надобности деньги на расходы по веденію общественныхъ дѣлъ, какъ то на гербовую бумагу, на оплату судебныхъ пошлинъ и т. п.[1]). Черезъ три года, по избраніи новаго городского головы—Долгова,—были назначены и новые выборы стряпчаго. На совѣтѣ 13 апрѣлѣ 1792 г. вновь былъ переизбранъ стряпчимъ Смирновъ и по прежнему порученъ въ диспозицію городского головы обще съ городовыми старшинами и помощниками. Но жалованье Смирнову было увеличено до 750 р. въ годъ[2]). Смирновъ оставался затѣмъ въ стряпческой должности долгое время, будучи нѣсколько разъ переизбираемъ. Мы встрѣчаемъ его на этой должности еще въ 1802 г. съ тѣмъ же окладомъ въ 750 р.[3]). Иногда, сверхъ опредѣленнаго оклада жалованья стряпчему на совѣтѣ назначалась также и опредѣленная сумма на годъ, въ размѣрѣ которой городовые старосты должны были въ теченіе года выдавать ему по мѣрѣ нужды деньги на текущіе расходы по веденію общественныхъ дѣлъ. Такъ, въ 1791 г. на этотъ предметъ было ассигновано 500 р.[4]). На веденіе каждаго дѣла стряпчій получалъ отъ градскаго головы и старостъ, по приговору Общества, особую довѣренность. Приступивъ къ веденію какого-либо дѣла, стряпчій докладывалъ Обществу о послѣдовательномъ ходѣ даннаго дѣла и о рѣшеніяхъ, состоявшихся въ различныхъ инстанціяхъ. Вопросы о переносѣ дѣла въ слѣдующую инстанцію апелляціоннымъ порядкомъ рѣшались на гражданскихъ совѣтахъ, и на это стряпчему выдавалась особая довѣренность[5]). Такъ какъ довѣренности стряпчему выдавались вообще отъ имени городского головы и городовыхъ старшинъ, то при перемѣнѣ кого-либо изъ нихъ приходилось возобновлять довѣренность на тѣ дѣла, которыя уже находились у стряпчаго въ производствѣ[6]).

Дѣла, поручаемыя стряпчимъ, были разнообразны. То были тяжбы Общества съ содержателями какихъ-либо оброчныхъ общественныхъ статей; подача жалобъ на неправильныя дѣйствія властей, шедшія въ разрѣзъ съ интересами Общества, какъ напр. жалоба на неправильное обращеніе на все Общество начета на выбраннаго къ сбору съ питейнаго двора; возбужденіе взысканій съ

---

[1]) Ibid. 1789 г. № 8.
[2]) Ibid. 1792 г. № 9.
[3]) Ibid. 1802 г. №№ 6, 51.
[4]) Ibid. 1791 г. № 19.
[5]) Ibid. 1795 г. № 14.
[6]) Ib. 1792 г. № 13.

городовыхъ старостъ, не отчитавшихся передъ Обществомъ во всѣхъ выданныхъ имъ суммахъ; предъявленіе на Высочайшее имя чрезъ сенатъ ходатайствъ объ устраненіи неправильныхъ на Общество начетовъ; производство взысканій съ содержателей общественныхъ оброчныхъ статей въ случаѣ доставленныхъ Обществу этими содержателями убытковъ; исходатайствованіе въ подлежащихъ мѣстахъ разнаго рода документовъ и плановъ, нужныхъ Обществу, и т. п. [1]).

Стряпчій былъ избираемъ собственно для веденія общественныхъ дѣлъ. Но иногда и отдѣльныя группы членовъ Купеческаго Общества желали для своихъ частныхъ дѣлъ пользоваться услугами общественнаго стряпчаго. Это было возможно не иначе, какъ съ разрѣшенія гражданскаго совѣта. Такъ, въ 1796 г. группа купцовъ, жительствовавшихъ въ рогожской-ямской слободѣ, вела тяжбу съ рогожскими ямщиками, во-первыхъ, о нѣкоторыхъ спорныхъ дворовыхъ мѣстахъ, во-вторыхъ по вопросу о запрещеніи ямщикамъ незаконной торговли. Въ ноябрѣ 1796 г. эти купцы обратились къ Обществу съ просьбой, въ которой изъясняли, что по тому дѣлу у нихъ въ уѣздномъ судѣ и выписка уже сочинена, «но къ разсмотрѣнію оной и къ рукоприкладству по несвѣдѣнію ихъ сами они приступить не могутъ, почему и просятъ, чтобы въ защищеніе ихъ отъ оныхъ ямщиковъ по означенному дѣлу дозволить быть за нихъ ходатаемъ общественному купеческому стряпчему». Обсудивъ эту просьбу, на совѣтѣ приговорили: «въ защищеніе объявленныхъ просителей общественному стряпчему г-ну Смирнову по означенному дѣлу въ уѣздномъ судѣ ходатайство и просьбы за нихъ имѣть позволить» [2]).

На ряду со стряпчими Купеческое Общество всегда имѣло при себѣ нотаріусовъ. Указомъ сената 2 іюня 1765 г. посадскимъ обществамъ предоставлялось выбирать для своихъ надобностей нотаріусовъ по собственному усмотрѣнію, а утвержденіе выбранныхъ въ этой должности предоставлялось главному магистрату. Отъ 1793 г. до насъ дошло любопытное дѣло, изъ коего усматривается, что Купеческому Обществу, не смотря на указъ 1765 г., приходилось сталкиваться съ произвольнымъ вмѣшательствомъ губернскихъ коронныхъ властей въ порядокъ опредѣленія нотаріусовъ. Въ началѣ 1793 г. Московское Купечество избрало въ нотаріусы московскаго купца Егора Лопырева; для утвержденія этого выбора потребовалось, какъ оказывается, опредѣленіе губернскаго правленія. Опираясь на указъ 1765 г., Лопыревъ и все Общество придавали опредѣленію губернскаго правленія чисто формальное значеніе, но губернское правленіе 13 мая положило резолюцію въ томъ смыслѣ, что нотаріусовъ уже имѣется довольное число и выбирать новыхъ нѣтъ надобности. На такое вмѣшательство губернскаго правленія въ дѣло, предоставленное закономъ самому Купеческому Обществу, была принесена жалоба въ сенатъ, и сенатъ сталъ всецѣло на сторону Общества. Вотъ—резолюція сената: «такъ какъ указомъ сената 2 іюня 1765 г. главному магистрату предписано въ нотаріусы опредѣлять по своему разсмотрѣнію по аттестату купеческому, ибо оное собственно для ихъ надобности слѣдуетъ, то и сдѣланная губернскимъ правленіемъ резолюція не соотвѣтствуетъ содержанію того указа, ибо когда градской глава и купечество дали ему аттестатъ по опредѣленію въ нотаріусы, то не можетъ правленіе говорить такъ, что надобности въ такомъ опредѣленіи нѣтъ, понеже въ томъ указѣ сказано опредѣлять въ нотаріусы по

---

[1]) Ibid. 1788 г. № 8; 1790 г. № 8; 1791 г. № 11; 1791 № 20; 1794 г. № 10; 1795 № 24; 1797 г. № 10; 1797 г. № 16.

[1]) Ibid. 1796 г. № 22.

аттестатамъ купечества, которое, если бы не находило надобности, то бъ аттестата не дало. Потому сенатъ приказалъ московскому губернскому правленію истребовать отъ московскаго купечества, настоитъ ли надобность въ опредѣленіи просителя въ нотаріусы и, если объявитъ оно въ немъ надобность, то и учинить на то подлежащее опредѣленіе согласно ихъ требованію, поелику указомъ 1765 г. іюня 2 почтено таковое опредѣленіе въ ихъ купеческую пользу»[1]). Этотъ указъ сената черезъ губернское правленіе и первый департаментъ городового магистрата былъ сообщенъ въ Гильдію, которая представила его на усмотрѣніе гражданскаго совѣта, и тамъ было приговорено: «въ сходствіе правительствующаго сената указа 1765 г. іюня 2, сверхъ нынѣ состоящихъ на лицо для протесту векселей нотаріусовъ, вышеписанному купцу Егору Лопыреву для купеческой нашей общественной пользы быть желаемъ» [2]). Итакъ, опредѣленіе нотаріусовъ предоставлялось усмотрѣнію Общества. Отъ Общества зависѣло и опредѣленіе числа нотаріусовъ, которое не было постояннымъ [3]). Магистратъ, а позднѣе городское правленіе или ратгаузъ, предлагали иногда своихъ кандидатовъ въ нотаріусы, но судьба этихъ кандидатуръ зависѣла отъ рѣшенія гражданскихъ совѣтовъ. Такъ, напримѣръ, въ маѣ 1801 г. на совѣтѣ Купечества былъ доложенъ указъ городского правленія съ запросомъ: можетъ ли московскій купецъ Антонъ Францевъ сынъ Ломи на мѣсто умершаго публичнаго нотаріуса Дмитрія Бахметева со стороны здѣшняго купечества нынѣ на сію должность удостоенъ быть». Приговоромъ собранія Ломи былъ удостоенъ къ исправленію означенной должности [4]).

Къ началу XIX столѣтія въ Москвѣ состояло всего 10 нотаріусовъ. Но 21 февраля 1802 г. былъ Высочайше утвержденъ штатный комплектъ нотаріусовъ въ три человѣка. Предстояло рѣшить, кто изъ 10 наличныхъ нотаріусовъ останется за штатомъ. Изъ отношенія городского головы въ Гильдію отъ 17 марта 1803 г. узнаемъ, что рѣшеніе этого вопроса первоначально взяла на себя только что передъ тѣмъ возстановленная въ Москвѣ городская дума. На основаніи аттестаціи городского головы дума изъ десяти бывшихъ нотаріусовъ назначила къ оставленію въ должности трехъ человѣкъ: Докучаева, Орлова и Лопырева. Названныя лица на основаніи постановленія городской думы были уже затѣмъ опредѣленіемъ московскаго магистрата допущены къ отправленію должности, но затѣмъ городской голова все же предложилъ Гильдіи собрать совѣты именитыхъ гражданъ и купцовъ для постановленія приговора о томъ, «какое о тѣхъ трехъ нотаріусахъ послѣдуетъ положеніе» [5]). 18 марта состоялся гражданскій совѣтъ, на коемъ и приговорили: «какъ означенные аттестованные г. градскимъ главою въ нотаріусы Докучаевъ, Орловъ и Лопыревъ люди весьма добропорядочные и быть при оной должности способные и потому аттестаціею г-на градскаго главы во всемъ подтверждаемъ, а другихъ никого удостоить не желаемъ» [6]). Купеческое Общество твердо стало на ту точку зрѣнія, что штатъ въ три человѣка вполнѣ достаточенъ. Еще въ октябрѣ 1802 г. магистратъ возбуждалъ вопросъ объ увеличеніи этого штата еще двумя нотаріусами, но на гражданскомъ совѣтѣ это предложеніе было отвергнуто [7]). Въ октябрѣ 1803 г. магистратъ по-

---

[1]) Арх. Купеч. Управы № 216.
[2]) Общ. пригов. I, 1793 г. № 17.
[3]) Ср. напр. Общ. пр. 1778 г. № 3.
[4]) Общ. пригов. I, 1801 г. № 50.
[5]) Арх. Купеч. Управы № 2883.
[6]) Общ. пригов. I, 1803 г. № 15.
[7]) Ibid. 1802 г. № 87.

чему то опять поднялъ вопросъ о нотаріусахъ и указомъ въ Гильдію предлагалъ избрать изъ Купечества нотаріусовъ, «кои имѣли бы способность, знаніе, поведеніе, заслуженное довѣріе, имѣніе и капиталъ». Однако, Общество рѣшило остаться при избранныхъ ранѣе нотаріусахъ и въ приговорѣ отъ 16 октября 1803 г. постановило: «какъ означенные удостоенные на прошедшемъ сего года марта въ 18 день купеческомъ общественномъ собраніи изъ бывшихъ 10 нотаріусовъ 3 человѣка Докучаевъ, Орловъ и Лопыревъ должность свою исправляютъ весьма добропорядочно и чтобъ кто либо изъ россіянъ или иностранцевъ оставались ими въ протестѣ векселей или же въ запискѣ другихъ входящихъ къ нимъ актовъ недовольными, о томъ никакихъ жалобъ и неудовольствіевъ ни отъ кого не происходитъ, а потому и приговорили московскаго магистрата 2 департаменту донесть рапортомъ, что купеческое общество удостаиваетъ быть нотаріусами изъясненнымъ же Докучаеву, Орлову и Лопыреву, ибо къ перемѣнѣ ихъ никакихъ не имѣетъ видовъ, почему общество, какъ отъ преждеучиненнаго приговора отступить, равно и удостоить другихъ никого не можетъ»[1]).

При канцеляріи Гильдіи состояла военная команда. Въ 1771 г. въ ея составъ входили 3 сержанта, 1 каптенармусъ, 1 подпрапорщикъ, 4 капрала, 16 солдатъ, 2 караульныхъ десятскихъ. Солдаты получали по 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ, да за хожденіе къ купцамъ съ повѣстками на совѣтъ по 1 р. за каждую повѣстку, остальные военные чины—отъ 1 р. 50 к. до 2 р. въ мѣсяцъ, десятскіе—15 коп. въ недѣлю [2]). Въ 1778 г. вся военная команда при Гильдіи составляла всего 15 чел., изъ коихъ 1 сержантъ получалъ 3 р. въ мѣсяцъ, 1 сержантъ—2 р. 50 к., а всѣ остальные чины, въ томъ числѣ и солдаты—по 2 р. въ мѣсяцъ. Кромѣ того было 2 караульныхъ десятскихъ съ прежнимъ вознагражденіемъ по 15 коп. на недѣлю [3]). Точно такія данныя имѣемъ и для 1779 г. [4]). Отъ конца 80 годовъ (1788 г.) имѣемъ списокъ военной команды при Гильдіи, показывающій, что въ этомъ отношеніи за 10 лѣтъ произошли перемѣны. Въ 1788 г. въ составѣ этой команды находилось всего 21 чел.: 2 сержанта и 18 рядовыхъ. Одинъ сержантъ получалъ по 5 р. въ мѣсяцъ, другой сержантъ—по 4 р. 58¼ коп. въ мѣсяцъ; рядовые—каждый по 3 р. въ мѣсяцъ. Кромѣ того при Гильдіи имѣлись 4 земскихъ сторожа, получавшіе каждый по 3 р. въ мѣсяцъ [5]). Опредѣленіе людей въ гильдинскую военную команду зависѣло отъ гражданскаго совѣта. Среди общественныхъ приговоровъ Купеческаго Общества находимъ одинъ (отъ 6 іюня 1789 г.), коимъ постановлялось находящагося при Гильдіи сержанта Моріцикова въ виду его дурного поведенія отъ службы отставить и прекратить выдачу ему жалованья, а на мѣсто его опредѣлить въ сержантскую должность находящагося же въ Гильдіи на солдатской вакансіи вахмистра Горвацкаго съ производствомъ ему жалованья въ томъ же размѣрѣ, какъ и его предшественнику, т. е. по 60 р. въ годъ [6]). Назначенія жалованья чинамъ этой команды производились иногда по усмотрѣнію самого гильдейскаго присутствія. Такъ, въ томъ же году въ декабрѣ городовые старосты по прошенію сержанта Созонова въ виду его бѣдности постановили выдавать ему 18 р. въ годъ, тогда какъ до того онъ состоялъ при командѣ на собственномъ иждивеніи. Это постановленіе старостъ по

---

[1]) Ibid. 1803 г. № 46.
[2]) Ib. 1771 г. № 2.
[3]) Ib. 1778 г. № 1.
[4]) Ib. 1789 г. № 7.
[5]) Арх. Купеч. Управы. Книга приговорамъ 1783—89 гг. л. 77.
[6]) Общ. приговоры I, 1789 г. № 7.

утвержденіи его градскимъ главой было сообщено Созонову, какъ окончательное [1]).

Помѣщеніе присутствія Московской Гильдіи находилось въ казенномъ домѣ, въ которомъ помѣщались также городская дума, сиротскій судъ, два магистратскихъ департамента и словесный судъ. Другая половина того же дома была занята иными присутственными мѣстами. Въ 1804 г. былъ назначенъ ремонтъ этой другой половины дома, и въ виду этого было рѣшено находящіяся на этой половинѣ присутственныя мѣста перевести въ помѣщенія названныхъ выше городскихъ учрежденій, въ томъ числѣ и Гильдію, и потому главнокомандующій предписалъ на время того ремонта всѣ городскія учрежденія совсѣмъ вывести изъ казеннаго дома и приказалъ градскому головѣ нанять для всѣхъ этихъ учрежденій одинъ или два дома у частныхъ лицъ съ тѣмъ, чтобы помѣщеніе городской думы оплачивалось изъ городскихъ доходовъ, а помѣщенія всѣхъ другихъ учрежденій, т. е. сиротскаго суда, магистратскихъ департаментовъ, Гильдіи и словеснаго суда, оплачивались на счетъ Купечества. Городской голова препроводилъ это распоряженіе въ Гильдію. Готовясь предложить этотъ вопросъ на обсужденіе градскаго совѣта, гильдейское присутствіе составило проектъ общественнаго приговора въ томъ смыслѣ, чтобы для найма помѣщеній подъ Гильдію, сиротскій судъ и словесный судъ были отпущены деньги изъ купеческихъ общественныхъ суммъ, а наемъ помѣщеній подъ магистратскіе департаменты, также какъ и наемъ помѣщеній подъ городскую думу, были бы отнесены на счетъ городскихъ средствъ, такъ какъ по конфирмованному Высочайше въ 1802 г. февраля 12 дня штату московской губерніи содержаніе двухъ магистратскихъ департаментовъ отнесено на счетъ городскихъ доходовъ, а не на счетъ Купечества. Однако на гражданскомъ совѣтѣ 20 мая 1804 г. этотъ проектъ приговора не былъ принятъ, а было постановлено просить гражданскаго губернатора или главноуправляющаго губерніею черезъ депутацію изъ градскаго головы и выбранныхъ отъ общества лицъ, чтобы Купечество было избавлено отъ расходовъ на наемъ не только двухъ магистратскихъ департаментовъ, но и сиротскаго и словеснаго суда, которые тоже «состоятъ въ штатѣ», «а поколику затѣмъ остается къ перемѣщенію на щетъ купеческомъ одна только гильдія съ ея архивою», то, хотя «отъ перемѣщенія ея общество ни мало не отрекается», но въ виду того, что Гильдія «занимаетъ самую малѣйшую часть корпуса», проситъ, чтобы Гильдію совсѣмъ оставить на прежнемъ мѣстѣ. «Если же—говорилось въ заключеніе приговора—сего снискиваемаго обществомъ благоволенія оказано не будетъ, въ такомъ случаѣ общество расположитъ себя къ перемѣщенію ея въ скоромъ времени» [2]). Итакъ, помѣщеніе Московской Гильдіи обычно находилось въ казенномъ корпусѣ, отведенномъ подъ различныя присутственныя мѣста, и занимало въ этомъ корпусѣ самое небольшое пространство. Нужно замѣтить при этомъ, что въ то же время Купеческое Общество имѣло собственный домъ, пріобрѣтенный Обществомъ еще въ 1745 г. по купчей крѣпости для помѣщенія въ немъ главнаго магистрата и «для гражданскихъ нуждъ и совѣтовъ». Ясно, что и присутствію Московской Гильдіи всего естественнѣе было бы помѣщаться именно въ этомъ домѣ. Однако, этотъ домъ, несомнѣнно составлявшій собственность Купеческаго Общества, неуловимымъ образомъ началъ признаваться еще въ XVIII в. казеннымъ, и Купеческому Обществу пришлось вести многолѣтнее и крайне сложное дѣло по вступленію вновь въ свои права на владѣніе этимъ

---

[1]) Ibid. I, 1789 г. № 26.

[2]) Арх. Купеч. Упр. № 3184; Обществ. пригов. I, 1804 г. № 26.

своимъ имуществомъ. Это дѣло тянулось всю вторую половину XVIII в. и перешло затѣмъ и въ XIX столѣтіе. Главнѣйшихъ перипетій этого дѣла мы коснемся ниже, въ связи съ изученіемъ общественныхъ приговоровъ по вопросамъ, касающимся имуществъ Купеческаго Общества.

У насъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія объ инвентарѣ присутственной камеры Московской Гильдіи. Кромѣ архива и денежной общественной казны тамъ хранились—серебряная посуда: одинъ ларчикъ, солонка, лотокъ съ ручками вѣсомъ въ $3^1/_2$ ф., золотая медаль съ благодарнымъ листомъ, выданные отъ воспитательнаго дома, золотая тарелка, часы, мебель, образа [1]). Въ заключеніе очерка объ устройствѣ гильдейскаго присутствія, остается упомянуть, что по IX пункту инструкціи гильдейскимъ старшинамъ 1742 г. содержаніе Гильдіи постановлялось относить на счетъ неокладныхъ гражданскихъ сборовъ.

IV.

Переходимъ къ обзору функцій присутствія Московской Гильдіи. Какъ собраніе старостъ всѣхъ гильдій съ ихъ помощниками, присутствіе имѣло самое тѣсное соотношеніе съ «Собраніемъ Купеческаго Общества» или—что одно и то же—съ «гражданскимъ Совѣтомъ Московскаго Купечества». Присутствіе Московской Гильдіи являлось прежде всего исполнительнымъ органомъ при «гражданскомъ совѣтѣ». Въ документахъ изучаемаго времени иногда встрѣчается прямое выраженіе той мысли, что присутствіе Гильдіи должно разсматриваться не какъ какое-либо самостоятельное учрежденіе, а лишь какъ мѣсто для письменнаго производства дѣлъ купеческаго гражданскаго совѣта, какъ своего рода канцелярія при этомъ совѣтѣ.

Въ 1789 г. возникло дѣло о зачисленіи въ Московское Купечество премьеръ-маіора Римскаго-Корсакова. Названный премьеръ-маіоръ объявилъ за собою капиталъ въ 10.050 р. и возбудилъ просьбу о записаніи его въ первую гильдію. Магистратъ указомъ въ Гильдію запросилъ «именованный проситель въ Гильдію купечества обществомъ пріемлется-ли». Обсужденіе этого запроса происходило на «гражданскомъ совѣтѣ» 6 іюля 1789 г. и закончилось составленіемъ обширнаго приговора. Въ этомъ приговорѣ былъ приведенъ длинный рядъ выписокъ изъ различныхъ законоположеній, которыми устанавливалась разность дворянскаго и купеческаго сословій; очевидно этотъ подборъ цитатъ изъ законодательныхъ актовъ былъ сдѣланъ съ цѣлью обосновать отклоненіе прошенія Римскаго-Корсакова; но въ самомъ приговорѣ было сказано лишь то, что въ виду наличности такихъ узаконеній, опредѣленно отличающихъ дворянство отъ Купечества, Общество Купеческое на запросъ магистрата «рѣшительно отвѣчать не осмѣливается», боясь впасть въ нарушеніе 37 ст. жалованной грамоты городамъ, коей обществу гражданскому воспрещается дѣлать положенія, противныя законамъ. Приговоръ заключался такими словами: «оный приговоръ по подписаніи хранить въ архивѣ общества, а копію для отсылки въ магистратъ отдать къ производству письменныхъ дѣлъ. въ мѣсто, называемое просто вообще гильдіею, куда и указъ изъ департамента посланъ» [2]). Какая именно мысль скрывалась въ этомъ глухо-неопредѣленномъ намекѣ на значеніе Гильдіи,—это явствуетъ изъ сопоставленія словъ, набранныхъ выше разрядкой, съ слѣдующимъ заявленіемъ другого общественнаго приговора.

---

[1]) Обществ. пригов. I, 1771 г. № 2 и мног. др.

[2]) Ibid. I, 1789 г. № 10.

Въ 1803 г. губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій обратился въ Московскую Гильдію съ предложеніемъ доставить ему свѣдѣнія: 1) о томъ, сколько состоитъ въ Московскомъ Купечествѣ принятыхъ въ семейный или общественный капиталъ съ указаніемъ времени включенія ихъ въ тѣ капиталы, изъ какого званія кто принятъ, сколько всѣхъ семейныхъ и общественныхъ капиталовъ и какъ Гильдія именуетъ каждаго порознь нынѣ находящихся въ тѣхъ капиталахъ при дачѣ имъ паспортовъ и 2) о томъ, по чьему приговору и на основаніи какого закона 2.076 душъ купцовъ зачислено въ мѣщане за неявку къ сроку къ объявленію капиталовъ, и 84 души просто переписаны въ мѣщанство. Губернскій стряпчій увѣдомлялъ, что эти свѣдѣнія ему необходимы для того, чтобы онъ могъ видѣть, «не нарушается ли симъ общій порядокъ, соблюденіе коего возложено на губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго». Гильдія доложила объ этихъ требованіяхъ стряпчаго гражданскому совѣту, на которомъ и было постановлено: такъ какъ выбранные къ запискѣ объявляемыхъ капиталовъ старосты не могутъ, не замедляя своихъ работъ, отвлекаться отъ нихъ, хотя на малое время, для выправки свѣдѣній «для особеннаго чиновника», то поручить старостамъ донести г-ну губернскому казенныхъ дѣлъ стряпчему, что «Гильдія не есть присутственное мѣсто, а домъ купеческаго общества, да и они старосты съ помощниками находятся подъ вѣдомствомъ городового магистрата и другихъ присутственныхъ мѣстъ», почему стряпчему и надлежитъ требовать нужныхъ ему свѣдѣній «по принадлежности отъ того правительства, до котораго касаться будетъ» [1]). Изъ приведенныхъ примѣровъ можно замѣтить, что въ общественныхъ приговорахъ отрицаніе за Московской Гильдіей оффиціальнаго значенія самостоятельнаго учрежденія усиленно подчеркивалось въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлось въ виду уклониться отъ рѣшенія непріятныхъ вопросовъ, обращаемыхъ къ Гильдіи оффиціальнымъ порядкомъ отъ различныхъ учрежденій, или отъ выполненія порученій, поступавшихъ отъ губернскаго стряпчаго. За всѣмъ тѣмъ, однако, дѣятельность Московской Гильдіи вовсе не ограничивалась однимъ только письмоводствомъ при совѣтахъ Купеческаго Общества. Московская Гильдія несомнѣнно входила постояннымъ и оффиціально признаннымъ звеномъ въ общую цѣпь городскихъ учрежденій и въ качествѣ исполнительнаго органа при гражданскихъ совѣтахъ Купеческаго Общества и въ качествѣ учрежденія, самостоятельно выполняющаго различныя служебныя дѣйствія и подчиняющагося непосредственно городовому магистрату и другимъ высшимъ мѣстнымъ органамъ власти. Предпринимая обзоръ различныхъ видовъ дѣятельности присутствія московской Гильдіи, мы и расположимъ этотъ обзоръ по двумъ отдѣламъ. Мы разсмотримъ сначала дѣятельность Гильдіи при гражданскихъ совѣтахъ и затѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію того, въ какихъ формахъ выражалась дѣятельность Гильдіи независимо отъ этихъ совѣтовъ.

Зависимость Гильдіи отъ гражданскихъ совѣтовъ выражалась прежде всего въ томъ, что члены гильдейскаго присутствія при вступленіи своемъ въ должности получали отъ гражданскаго совѣта общую инструкцію относительно главныхъ предметовъ ихъ дѣятельности. Характеръ именно такихъ инструкцій носятъ тѣ общественные приговоры, въ которыхъ при началѣ каждаго года устанавливалось распредѣленіе функцій между отдѣльными членами гильдейскаго присутствія, о чемъ уже приходилось говорить выше, а также перечислялись основ-

---

[1]) Ibid. 1803 г. № 69.

ныя обязанности гильдейскихъ старостъ и ихъ помощниковъ вообще: завѣдываніе сборами съ Купечества, расходованіе собранныхъ денегъ на опредѣленныя цѣли, перечисляемыя въ текстѣ самаго приговора, храненіе гильдейскаго архива и инвентаря, завѣдываніе поставкой рекрутъ отъ Купечества, смотрѣніе за состоящими при Гильдіи военными командами, завѣдываніе оброчными статьями, принадлежащими Купеческому Обществу, и т. д. Въ полученіи такого рода наказовъ отъ гражданскаго совѣта и выражалась та идея, что гильдейское присутствіе есть прежде всего исполнительный органъ при гражданскихъ совѣтахъ.

Получая отъ различныхъ учрежденій распоряженія или запросы, касавшіеся Купеческаго Общества, Гильдія вносила ихъ на обсужденіе и рѣшеніе гражданскихъ совѣтовъ. При этомъ старшины и ихъ помощники были обязаны предварительно подготовить данное дѣло къ слушанію его въ гражданскомъ совѣтѣ, собрать необходимыя справки, привести нужныя выписки изъ законовъ и т. п. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Гильдія вноситъ на рѣшеніе совѣта вопросъ о выборѣ Купечествомъ двухъ опекуновъ къ имѣнію купца 1 гильдіи Макарова изъ числа его родственниковъ или свойственниковъ или, въ случаѣ ихъ къ тому неспособности, изъ числа постороннихъ лицъ. Передъ созывомъ совѣта Гильдія запрашиваетъ старосту той слободы, къ которой принадлежалъ Макаровъ, о родственникахъ Макарова и докладываетъ на совѣтѣ приговоръ слобожанъ о томъ, что хотя у Макарова и имѣется родной дядя, но, по мнѣнію слобожанъ, этого дядю невозможно утвердить опекуномъ. Совѣтъ, заслушавъ эту справку Гильдіи, избралъ въ опекуны двухъ свойственниковъ Макарова [1]). Въ 1787 г. купцы Уткинъ и Мининъ, содержавшіе сборы съ принадлежащихъ Купеческому Обществу мытнаго и калужскаго животиннаго дворовъ, съ шалашныхъ мѣстъ на льду Москвы-рѣки и съ пяти Новинскихъ береговъ съ поклажи лѣсу и дровъ, предъявили требованія о взысканіи «съ Московской Гильдіи и Купечества» суммъ, которыя, по ихъ мнѣнію, слѣдовали имъ за произведенныя ими на мытномъ дворѣ ремонтныя работы, и въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ ими отъ недопущенія на мытномъ дворѣ мясной торговли и отъ завладѣнія нѣсколькихъ шалашныхъ мѣстъ разныхъ чиновъ людьми. Докладывая объ этихъ претензіяхъ гражданскому совѣту, Гильдія представила на справки выписку изъ контракта, заключеннаго отъ имени Купеческаго Общества съ содержателями этихъ сборовъ, и приговоръ Купеческаго Общества отъ 8 генваря 1786 г., относящійся до освидѣтельствованія названныхъ выше оброчныхъ статей. Кромѣ того Гильдія передъ созывомъ совѣта сняла письменныя показанія съ городовыхъ старостъ 1786 г. о томъ, въ какомъ положеніи находились тогда эти оброчныя статьи, и эти показанія также доложила совѣту. Общественный приговоръ по данному дѣлу и былъ постановленъ на основаніи разсмотрѣнія всѣхъ этихъ представленныхъ Гильдіею свѣдѣній [2]). На совѣтѣ 30 апрѣля 1802 г. разсматривалось прошеніе одного коллежскаго секретаря объ опредѣленіи его къ письменнымъ дѣламъ при Гильдіи. Къ этому совѣту Гильдія заготовила справку о наличномъ составѣ гильдейской канцеляріи [3]).

Представляя гражданскому совѣту доклады и необходимыя справки по очереднымъ дѣламъ, гильдейскіе старосты, обязательно присутствовавшіе на совѣтахъ, должны были также слѣдить за тѣмъ, чтобы общественные приговоры,

---

[1]) Ibid. 1779 г. № 19.
[2]) Ibid. 1787 г. № 12.
[3]) Ibid. 1802 г. № 43.

вырабатываемые на этихъ совѣтахъ, не шли въ разрѣзъ съ закономъ. Въ 1800 г. Купечество, собранное на совѣтъ для выбора бургомейстера въ камеральный департаментъ городского правленія на очистившуюся вакансію, постановило избрать на это мѣсто одного изъ ратсгеровъ того же департамента, а на мѣсто этого ратсгера избрало 2 гильдіи купца Щипанова. Московское городское правленіе признало этотъ общественный приговоръ неправильнымъ, находя, что Купеческому Обществу не предоставлено по своему усмотрѣнію перемѣщать ратсгеровъ на должность бургомистровъ и что поэтому Общество должно избрать новаго бургомейстера изъ числа купцовъ, не занятыхъ другими должностями. Ставя это на видъ Московской Гильдіи, городское правленіе высказало въ своемъ указѣ, что «старосты Гильдіи, видя несообразный законамъ приговоръ, прежде представленія о немъ правленію, должны были напомнить купечеству, дабы учинили оный соотвѣтственно указу... и въ случаѣ усмотрѣннаго несогласія предварительно о таковомъ послѣдствіи представлять ратгауза президенту... для чего на будущее время велѣть имъ поступать по изъясненному», а рапортъ Гильдіи о вышеуказанномъ уже состоявшемся приговорѣ былъ возвращенъ въ Гильдію «яко недѣльный» [1]).

Состоявшіеся на гражданскихъ совѣтахъ общественные приговоры передавались въ Гильдію для соотвѣтствующаго исполненія. Иногда въ самомъ приговорѣ заключалось порученіе гильдейскимъ старостамъ произвести опредѣленныя исполнительныя дѣйствія. Такъ, по порученіямъ гражданскаго совѣта, выраженнымъ въ общественныхъ приговорахъ, старосты и ихъ помощники производятъ торги на отдачу въ наймы купеческаго общественнаго двора, на отдачу на содержаніе общественныхъ оброчныхъ статей, на отдачу въ наемъ общественныхъ лавокъ и т. п. Иногда производство торговъ всецѣло возлагалось на старостъ и ихъ помощниковъ или на старостъ совмѣстно съ градскимъ головой, иногда Гильдіи предоставлялось только произвести два первые торга съ тѣмъ, чтобы окончательный торгъ былъ произведенъ затѣмъ при всемъ Обществѣ на совѣтѣ [2]). На старостъ возлагались приготовленія къ торжественной встрѣчѣ Ихъ Величествъ [3]). Старостамъ поручалась передача сбора съ вписанія купцовъ въ обывательскую книгу въ городовую казну, находившуюся въ вѣдомствѣ градской думы [4]). Старосты, по постановленіямъ гражданскихъ совѣтовъ, выдаютъ вмѣстѣ съ головой довѣренности стряпчему на веденіе дѣлъ отъ имени Общества [5]). На старостъ возлагается взысканіе недоимокъ съ откупщиковъ общественныхъ оброчныхъ мѣстъ съ тѣмъ, чтобы они доносили Обществу о ходѣ этого взысканія [6]); осмотръ ветхостей общественнаго дома и мытнаго двора и завѣдываніе ремонтированіемъ этихъ зданій [7]); постоянное наблюденіе за общественнымъ домомъ—такъ, въ приговорѣ отъ 14 мая 1791 г. постановлено было учинить общественному дому опись, составить планъ и смѣту его ремонта и доложить на гражданскомъ совѣтѣ, а до тѣхъ поръ «быть тому подъ смотрѣніемъ гильдинскихъ городовыхъ старостъ» [8]);—періодическій осмотръ городской

---

[1]) Архивъ Купеч. Управы № 1308.
[2]) Общ. пригов. I, 1787 г. №№ 5 и 18; 1799 г. № 17.
[3]) Ib. 1787 г. № 6.
[4]) Ib. 1787 г. № 13.
[5]) Ib. 1805 г. № 15.
[6]) Ib. 1790 г. № 2.
[7]) Ib. 1791 г. № 6; 1796 г. № 23.
[8]) Ib. 1791 г. № 10.

богадѣльни и призрѣваемыхъ тамъ и освѣдомленіе о ихъ состояніи городского головы и Общества; закупка обуви, бѣлья и одежды для призрѣваемыхъ въ общественной богадѣльнѣ; наемъ дома подъ общественную богадѣльню [1]); наблюденіе за постройкой и перестройкой общественныхъ лавокъ [2]); провѣрка поруковъ по крестьянамъ, принимаемымъ въ Купечество [3]), обревизованіе дѣлопроизводства различныхъ учрежденій, состоявшихъ при Купеческомъ Обществѣ; напр., ревизія книгъ скотопригоннаго двора [4]); заключеніе займовъ для усиленія средствъ общественной казны [5]) и т. д., и т. д. Бывали случаи, когда нѣкоторыя дѣла, подлежавшія вѣдѣнію и рѣшенію гражданскихъ совѣтовъ, разъ навсегда перелагались постановленіями этихъ совѣтовъ на гильдейскихъ старшинъ съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе отправляли такія дѣла уже по своему усмотрѣнію, не докладывая ихъ каждый разъ совѣту. Такъ напримѣръ, по закону купцы 1 и 2 гильдій должны были избираться къ очереднымъ службамъ на гражданскихъ совѣтахъ. Между тѣмъ, обѣ названныя гильдіи поручили старшинамъ наряжать къ службамъ очередныхъ купцовъ, не собирая для того совѣтовъ: «и кто изъ купцовъ старшинами куда въ службы выбранъ и отданъ будетъ, оные ихъ выборы имѣемъ мы почитать равно въ такой силѣ, какъ бы оные отъ всего 1 и 2 гильдій купечества выбраны и отданы были» [6]). Аналогичный примѣръ можно указать отъ 1803 г. по вопросу о принятіи въ Московское Купечество иногородныхъ людей по ихъ прошеніямъ. Темниковскій мѣщанинъ Стрегулинъ пожелалъ вступить въ составъ Московскаго Купеческаго Общества и, не явившись лично въ Гильдію, ограничился подачей о томъ прошенія въ магистратъ. На соотвѣтствующій запросъ магистрата, Купечество на гражданскомъ совѣтѣ приговорило отвѣтить, что оно не можетъ постановить по данному дѣлу никакого рѣшенія, такъ какъ не имѣетъ справокъ о томъ, не числится ли на Стрегулинѣ какихъ-либо взысканій на прежнемъ мѣстѣ его приписки и не состоитъ ли онъ въ какихъ законопротивныхъ поступкахъ, а также, не видѣвъ его лично, не можетъ судить, будетъ ли онъ полезенъ Обществу. Постановивъ рапортовать магистрату въ такомъ смыслѣ, гражданскій совѣтъ тутъ же сдѣлалъ на будущее время общее постановленіе: «если на будущее время таковыя жъ будутъ присылаться предписанія, и желающія записаться въ здѣшнее купечество лично явятся въ гильдію, то препоручается городовымъ старостамъ, буде замѣтятъ ихъ полезными обществу, въ такомъ случаѣ именемъ купеческаго сословія изъявлять на ихъ принятіе согласіе; а ежели кто изъ помянутыхъ просителей лично не явится, то отказывать» [7]). Въ этомъ случаѣ также, какъ и въ приведенномъ выше, гильдейскіе старшины или старосты являются опять-таки въ роли исполнителей мірскихъ приговоровъ съ тѣмъ лишь отличіемъ отъ обыкновеннаго порядка, что гражданскіе совѣты для извѣстной категоріи однородныхъ дѣлъ разъ навсегда установляютъ общее рѣшеніе, которымъ старшины и старосты и обязаны руководствоваться, не внося каждый разъ дѣло на обсужденіе совѣта. Наоборотъ, по отношенію къ нѣкоторымъ дѣламъ гражданскіе совѣты считали нужнымъ особо оговаривать, что распорядительныя дѣйствія старшинъ не

---

[1]) Общ. пригов. I, 1791 г. № 25; 1803 г. № 49; 1802 г. № 26; 1803 № 23; 1804 г. № 44.
[2]) Ibid. 1792 г. № 11; 1802 г. № 92.
[3]) Ib. 1801 г. № 2.
[4]) Ib. 1805 г. № 5.
[5]) Ib. 1805 г. № 31.
[6]) Ib. 1771 г. № 3.
[7]) Ibid. 1803 г. № 64.

должны имѣть силы безъ особаго каждый разъ разрѣшенія на то гражданскаго совѣта. Такъ, въ приговорахъ, коими въ началѣ года устанавливалась общая инструкція для вновь избранныхъ гильдейскихъ старшинъ, обыкновенно особо оговаривалось, что «безъ вѣдома и объявленія купечеству на совѣтахъ и безписьменныхъ отъ нихъ о томъ приговоровъ, аттестатовъ купцамъ на подряды и откупы старшинамъ никому отнюдь и ни подъ какимъ видомъ и не подписывать и не давать», въ противномъ случаѣ «во всемъ имѣютъ отвѣтствовать они сами старшины съ товарыщи, а купечество имъ въ томъ не обязуется и не ввѣряетъ» [1]). Въ качествѣ исполнительнаго органа гражданскаго совѣта старшины и старосты по постановленіямъ послѣдняго выдаютъ отъ имени всего Общества различные документы, иногда совмѣстно съ городскимъ головой, какъ-то: довѣренности стряпчему, договоры съ арендаторами общественныхъ оброчныхъ статей [2]) и т. п. Они же отъ имени Общества по постановленіямъ гражданскихъ совѣтовъ подаютъ всякаго рода заявленія, представленія, ходатайства высшимъ инстанціямъ, начиная отъ московскаго магистрата и кончая московскимъ главнокомандующимъ [3]).

Наконецъ, въ качествѣ исполнительнаго же органа при гражданскомъ совѣтѣ гильдейскіе старосты были обязаны передъ этимъ совѣтомъ и отчетностью въ служебной дѣятельности [1]). Мы сказали выше, что гильдейскіе старшины и старосты въ качествѣ членовъ гильдейскаго присутствія были подчинены мѣстному магистрату. Естественно является вопросъ: какимъ образомъ подчиненіе ихъ магистрату совмѣщалось съ ихъ положеніемъ исполнительнаго органа при гражданскомъ совѣтѣ? Документы даютъ возможность такъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Гильдейскіе старшины и старосты обязаны были исполнять приговоры гражданскихъ совѣтовъ, но не иначе, какъ по указамъ изъ магистрата послѣ утвержденія мірскихъ приговоровъ магистратомъ. Вотъ схематическій тому примѣръ. На совѣтѣ 1 іюня 1771 г. Московское Купечество установило правила, на основаніи коихъ старшины на будущее время должны были отдавать на поселеніе или въ рекруты купцовъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, за которыхъ міру приходится платить пеню. Приговоръ, какъ всегда, былъ представленъ въ магистратъ. Изъ магистрата былъ затѣмъ посланъ указъ въ Гильдію. Въ этомъ указѣ говорилось, что магистратъ опредѣлилъ «со взнесеннаго приговора оставить въ магистратѣ точную копію, подлинной отослать въ Гильдію обратно при указѣ и велѣть по оному гильдинскимъ старшинамъ съ товарищи поступать»... Такимъ образомъ, старшины прежде исполненія мірского приговора должны были ожидать утвержденія его магистратомъ. При этомъ магистратъ могъ съ своей стороны измѣнить или дополнить сущность мірского приговора. Примѣръ тому находимъ какъ разъ въ томъ же, только что цитированномъ, дѣлѣ. Въ приговорѣ гражданскаго совѣта говорилось, чтобы купцовъ, за которыхъ придется уплатить изъ міра не болѣе 50 р., старшины по своему усмотрѣнію сдавали въ рекруты или на поселеніе, а о тѣхъ, за которыхъ придется платить изъ міра болѣе 50 р., докладывали бы гражданскому совѣту. Магистратъ, предписывая старшинамъ принять этотъ приговоръ къ исполненію, ввелъ, однако, въ него нѣкоторое дополненіе, а именно, старшинамъ предписывалось представлять къ

---

[1]) Ibid. 1791 г. №№ 20, 21, 26; 1792 г. № 13; 1793 г. № 9; 1797 г. № 22; 1804 г. № 68.

[2]) Ibid. 1779 г. №№ 16, 34; 1789 г. №№ 18, 19; 1790 г. № 8; 1791 г. №№ 12, 22; 1802 г. №№ 64, 69; 1803 г. №№ 30, 44, 65; 1805 г. № 20.

[3]) Ib. 1804 г. № 62.

сдачѣ въ рекруты или на поселеніе не всѣхъ купцовъ, на коихъ будетъ начетъ не болѣе 50 р., и освобождать отъ этого тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся состоянія добраго и житія честнаго и начетную сумму могутъ впредь по исправѣ заплатить [1]). Поскольку присутствіе Московской Гильдіи являлось исполнительнымъ органомъ гражданскаго совѣта, постольку и предметы дѣятельности гильдейскаго присутствія совпадали съ кругомъ вѣдомства гражданскаго совѣта. Этотъ кругъ и будетъ очерченъ ниже, въ главѣ, посвященной гражданскому совѣту. Теперь же остановимся на тѣхъ дѣлахъ, которыя выполнялись гильдейскимъ присутствіемъ независимо отъ приговоровъ гражданскихъ совѣтовъ, въ силу обязанностей, непосредственно возложенныхъ на Гильдію инструкціей 1742 г. и послѣдующими отдѣльными распоряженіями правительственныхъ властей. Разнообразныя распорядительныя дѣйствія гильдейскаго присутствія, выполнявшіяся имъ безъ созыва гражданскихъ совѣтовъ, могутъ быть подведены подъ двѣ большія рубрики: къ одной можно отнести распоряженія полицейско-финансовыя, къ другой—распоряженія чисто полицейскія.

Къ первой рубрикѣ отнесемъ, прежде всего, дѣйствія по регистраціи и учету подвѣдомственнаго Гильдіи населенія, предпринимавшіяся въ цѣляхъ обложенія. Такъ, 4 пунктомъ инструкціи 1742 г. гильдейскимъ старшинамъ съ товарищи предписывалось вести и всегда въ порядкѣ содержать точныя копіи съ окладныхъ книгъ Купечеству всѣхъ трехъ гильдій, въ которыхъ должно было «изъяснить по именамъ каждаго положеннаго и неположеннаго въ окладъ гражданина, гдѣ кто жительство имѣетъ, въ которомъ приходѣ и урочищѣ и своимъ ли дворомъ, или на чьей землѣ, или въ наемномъ углу, что ему лѣтъ и дѣтямъ и прочимъ, также торгъ или ремесло какое имѣетъ, и ежели торгуетъ, въ которомъ ряду, собою или въ наймахъ, и съ котораго года въ купечествѣ имѣется и съ какимъ обязательствомъ, или природной слободской, чтобъ можно было знать о каждомъ гражданинѣ, гдѣ кто жительство имѣетъ, дабы по случаю нужды скоро сыскать было возможно». На обязанность Гильдіи была также возложена текущая регистрація всѣхъ измѣненій въ составѣ подвѣдомственнаго ей населенія. Такъ, пунктами 14 и 15 инструкціи 1742 г. на Гильдію возлагалась постоянная провѣрка именныхъ книгъ генералитетскаго свидѣтельства, присылаемыхъ изъ Камеръ-Коллегіи. Гильдейскіе старосты были обязаны разыскивать по слободамъ, нѣтъ ли тамъ сверхъ этихъ именныхъ книгъ прописныхъ или утаенныхъ душъ, укрывающихся отъ платежа подушныхъ денегъ и несенія службъ; затѣмъ Гильдія должна была вести особливыя книги прибылымъ душамъ, которыя сверхъ генералитетскихъ книгъ вступятъ вновь въ Московское Купечество, и списки какъ утаенныхъ, такъ и прибылыхъ душъ поименно представлять изъ Гильдіи въ ратушу, а оттуда въ губернію для причисленія ихъ съ прочими къ генералитетскимъ книгамъ. Слободчики каждой слободы должны были еженедѣльно и ежемѣсячно подъ страхомъ смертной казни рапортовать въ Гильдію, не объявились ли у нихъ въ слободахъ сверхъ именныхъ книгъ пришлые всякаго званія люди, а Гильдія должна была ежемѣсячно препровождать тѣ старшинскіе рапорты въ ратушу. Пунктъ 14 той же инструкціи предписывалъ Гильдіи такимъ же порядкомъ вести регистрацію и выбывающихъ членовъ общества: гражданъ, которые, будучи написаны въ окладныхъ книгахъ, налицо не имѣются и пропадаютъ безвѣстно, предписывалось вносить

---

[1]) Ib. 1771 г. № 11.

въ общую книгу за подписаніемъ рукъ того года всѣхъ старшинъ и старостъ съ товарищами. Въ 1785 г. были введены еще и другія формы регистраціи податного населенія, подвѣдомственнаго Гильдіи. По Городовому Положенію 1785 г. (ст. 58 и 59) была установлена форма списковъ обывательскихъ семей; эти списки должны были составляться по алфавиту для всѣхъ шести разрядовъ обывательской книги. Въ томъ числѣ на обязанность Гильдіи возложено было составленіе такихъ списковъ по разрядамъ гильдейскаго Купечества, иногородныхъ и иностранныхъ гостей, именитыхъ гражданъ и посадскихъ или мѣщанъ. Такъ напр., отъ 1800 г. имѣемъ предписаніе московскаго городского правленія въ Гильдію, чтобы Гильдія представила въ городское правленіе перечневыя вѣдомости, порознь относительно каждаго изъ вышепоименованныхъ состояній, о числѣ записавшихся въ эти разряды съ 4 апрѣля 1799 г., т. е. съ открытія ратгауза, и по 1 іюля 1800 г. и затѣмъ «старалась бы сдѣлать сообразно Городового Положенія 58 и 59 статьямъ списки» [1]). Съ 1805 г. на Гильдію возлагается обязанность вести общій алфавитный списокъ всему Купечеству и мѣщанству. Мотивомъ этого распоряженія было выставлено то обстоятельство, что кредиторы, предъявляя въ магистратъ долговыя претензіи на купцовъ и мѣщанъ, часто не могутъ указать мѣсто жительства должниковъ, «между тѣмъ—читаемъ въ указѣ 4-го департамента московскаго магистрата отъ 31 іюля 1805 г.—извѣстно, что купечество и мѣщанство ежегодно собираются для объявленія капиталовъ и платежа съ нихъ процентнаго сбора въ особо учрежденную Гильдію, слѣдовательно оная и точныя свѣдѣнія о жительствѣ ихъ имѣть можетъ, и для того оной Гильдіи предписать, чтобы она, составивъ изъ долженствующихъ у нея быть свѣдѣній по азбучному порядку алфавитъ всему здѣшнему купечеству и мѣщанству, съ показаніемъ, кто гдѣ жительство имѣетъ, своимъ ли домомъ, или квартирою, представила бы оный для всегдашнихъ справокъ департаменту сему немедленно; буде же донынѣ потребныхъ къ составленію онаго алфабета свѣдѣній ею не наблюдено, то, не затрудняя общества созывомъ для того, принять все нужное къ заведенію сего и продолженію впредь при объявленіи капиталовъ, при зборѣ съ купцовъ процентныхъ денегъ, а съ мѣщанъ подушныхъ денегъ съ наступленія будущаго 1806 г. и по сочиненіи изъ тѣхъ свѣдѣній, какъ на 1806 г. представить упомянутый алфабетъ сему департаменту въ первыхъ числахъ января, такъ и впредь представлять въ тожъ время ежегодно» [2]).

Завѣдуя, такимъ образомъ, регистраціей Купечества и мѣщанства, Гильдія обязана была по запросамъ различныхъ учрежденій, представлять справки о наличности отдѣльныхъ купцовъ и мѣщанъ, или о годѣ ихъ рожденія, или о ихъ торгахъ и т. п. При обнаруженіи въ слободахъ природныхъ купцовъ, прописанныхъ въ ревизскихъ книгахъ, т. е. не включенныхъ въ эти книги, магистратъ запрашивалъ у Гильдіи, означены ли такіе купцы въ окладныхъ гильдинскихъ книгахъ, и бывали ли случаи, когда купцы, не занесенные въ ревизскія книги, оказывались зарегистрированными въ гильдинскихъ книгахъ [3]). По дѣлу, производившемуся въ сиротскомъ судѣ, вдова одного московскаго купца показала за собою дочь, не означенную въ ревизской сказкѣ (по 5 ревизіи), и сиротскій судъ предписалъ Гильдіи доставить письменное свидѣтельство о томъ, въ которомъ году рождена и крещена эта дѣвица, кто были ея воспріемники

[1]) Арх. Купеч. Упр. № 1702.
[2]) Арх. Куп. Упр. № 3724.
[3]) Арх. Мин. Юст. Дѣла московск. магистр. в. 3, № 20.

и подлинно-ль она дочь означенной вдовы [1]). Иногда къ Гильдіи поступали запросы и о такого рода справкахъ, по которымъ она не въ состояніи была дать точныхъ свѣдѣній. Въ 1804 г. гражданскій губернаторъ предложилъ московскому магистрату представлять по третямъ года свѣдѣнія о торгующихъ при портахъ купцахъ, ихъ капиталахъ и имуществахъ, съ указаніемъ на то, что свѣдѣнія эти нужны для ассигнаціоннаго банка. Магистратъ съ запросомъ объ этихъ свѣдѣніяхъ обратился въ Гильдію и получилъ отъ Гильдіи рапортъ о томъ, что, какъ оказалось по справкѣ, «состоящіе въ гильдіяхъ купцы при объявленіи отъ себя капиталовъ не означаютъ того, торгуютъ ли они при портахъ и имѣютъ ли фабрики», и посему Гильдія не можетъ выполнить предписанія магистрата [2]). Одновременно съ регистраціей населенія, Гильдія должна была вести отчетность по установленнымъ съ этого населенія сборамъ. Пятымъ пунктомъ инструкціи 1742 г. Гильдіи предписывалось имѣть по каждой гильдіи особливыя книги «для окладныхъ повсягодныхъ съ гражданъ податей»; эти книги должны были закрѣпляться подписями гильдейскихъ старшинъ и представляться въ ратушу для приложенія печати; въ книгахъ обозначалось, по какому указу сбирается каждый сборъ, въ какомъ размѣрѣ и сколько именно причитается изъ каждаго сбора взять на каждомъ гражданинѣ «по общему гражданъ межъ себя уравненію; подъ именемъ каждаго плательщика въ книгѣ оставлялось порожее мѣсто, на которомъ плательщики своеручно записывали внесенныя ими суммы, получая на тѣ суммы отъ Гильдіи особыя квиганціи. Пунктомъ шестымъ той же инструкціи предписывалось содержать въ Гильдіи точно такія же книги и для сборовъ, установлявшихся на необходимыя гражданскія нужды «по совѣту старшинъ съ гражданы». При помощи всѣхъ этихъ книгъ Гильдія должна была по запросамъ различныхъ учрежденій наводить справки о томъ, имѣется ли на томъ или иномъ купцѣ недоимка по указнымъ и мірскимъ сборамъ. Такія справки требовались, наприм., при рѣшеніи вопроса объ увольненіи купцовъ изъ Купеческаго Общества. Въ 1798 г. третьей гильдіи купецъ Садовой большой слободы Детковъ подалъ въ магистратъ заявленіе о желаніи перечислиться въ московскій цехъ по фельдшерскому и парикмахерскому мастерству. Прежде отсылки этого купца къ ремесленному главѣ магистратъ запрашиваетъ Гильдію, «не настоитъ ли препятствія въ перемѣщеніи Деткова въ цехъ». Гильдія рапортовала, что препятствія не настоитъ, потому что за нимъ никакой недоимки не числится [3]).

Регистрація сборовъ соединялась съ обязанностью наблюденія и за исправностью ихъ поступленія. Седьмой пунктъ инструкціи 1742 г. предписывалъ гильдейскимъ старшинамъ «усматривать и стараться прилежно, чтобъ надлежащее по указамъ со всѣхъ гражданъ необходимо и неослабно, что съ кого по окладу или по расположенію взять надлежитъ, было сбираемо, дабы отъ запущенія на комъ въ доимку излишнихъ вновь поборовъ не располагать и тѣмъ гражданъ, а особливо бѣдныхъ противъ пожиточныхъ, не отягощать». Слѣдующимъ восьмымъ пунктомъ той же инструкціи очерчивался и тотъ порядокъ, по которому Гильдія должна была производить взиманіе окладныхъ и доимочныхъ денегъ: староста каждой гильдіи съ товарищами долженъ былъ сбирать съ гра-

---

[1]) Арх. Купеч. Упр. № 759.

[2]) Арх. Куп. Упр. № 3377.

[3]) Арх. Купеч. Управы № 742. Ср. ibid. № 743—дѣло о перечисленіи въ серебряный цехъ купца Иванова и многія другія дѣла о выходѣ купцовъ изъ Купеческаго Общества по разнообразнымъ поводамъ.

жданъ, къ его гильдіи приписанныхъ, окладные указные и на мірскія нужды сборы. Ежемѣсячно каждый гильдейскій староста долженъ былъ подавать въ ратушу рапорты о имѣющихся у него на лицо сборныхъ деньгахъ; затѣмъ сборныя деньги по подушному сбору каждый староста долженъ былъ вносить въ ратушу по третямъ года при доношеніи и съ полученіемъ изъ ратуши соотвѣтствующихъ квитанцій; а сборныя деньги по сборамъ на мірскія нужды староста каждой гильдіи долженъ былъ отдавать «опредѣленнымъ для тѣхъ дѣлъ» людямъ. Эти правила, какъ они изложены въ VIII пунктѣ инструкціи, могутъ навести на предположеніе, что сбираніе, какъ казенныхъ податей, такъ и мірскихъ сборовъ не касалось гильдейскаго присутствія, какъ единаго коллегіальнаго учрежденія, ибо староста каждой гильдіи завѣдывалъ взиманіемъ этихъ сборовъ по своей гильдіи и затѣмъ непосредственно препровождалъ сборныя суммы въ ратушу или въ магистратъ, а мірскіе сборы сдавалъ спеціально приставленнымъ къ тому отъ міра лицамъ. Однако, такое заключеніе было бы неправильно. Многочисленныя документальныя данныя указываютъ на то, что изложенныя выше правила не исключали и обязанности всего гильдейскаго присутствія слѣдить за дѣйствіями отдѣльныхъ гильдейскихъ старостъ въ этомъ отношеніи, координировать эти дѣйствія, насколько это представлялось необходимымъ, и совокупно, во всемъ своемъ составѣ нести отвѣтственность за неисправное поступленіе сборовъ и за умноженіе недоимокъ. Такъ, согласно 22 пункту инструкціи 1742 г., изслѣдованіе о безнадежныхъ недоимщикахъ и освѣдомленіе о нихъ ратуши составляло обязанность всего гильдейскаго присутствія въ совокупности. Тамъ предусматривается случай смерти плательщика, не покрывшаго при жизни запущенныхъ имъ недоимокъ. Эти недоимки предписывается въ теченіе года взыскать на наслѣдникахъ покойнаго недоимщика. Если же на слѣдующій годъ наслѣдники заявятъ о невозможности для нихъ нести и впредь тотъ окладъ, тогда Гильдія должна освидѣтельствовать оставшееся послѣ умершаго движимое и недвижимое имущество и если окажется, что съ этого имущества «того оклада понести не можно», то Гильдія должна донести о семъ со своимъ заключеніемъ въ ратушу.

Служебная отвѣтственность за умноженіе недоимокъ падала не только на старостъ отдѣльныхъ гильдій, но и на «Гильдію Московскаго Купечества», какъ на единое учрежденіе. Понужденіе въ исправномъ сборѣ недоимокъ, выговоры за неудовлетворительные результаты сборовъ обращались отъ начальственныхъ инстанцій не къ отдѣльнымъ старостамъ, не къ администраціи отдѣльныхъ гильдій, а къ «Гильдіи Московскаго Купечества». Въ 1801 г. президентъ московскаго ратгауза посылаетъ, напр., «предложеніе» въ Гильдію, въ которомъ читаемъ: «сей Гильдіи старосты съ помощниками по долгу служенія своего обязаны исполнять все, до должности ихъ относящееся, въ точности и безъ всякаго упущенія, въ чемъ я несомнѣнно и удостовѣренъ; однако-жъ за всѣмъ тѣмъ обязаннымъ себя нахожу рекомендовать имъ, чтобъ окладныя книги съ надлежащею исправностью и отмѣтками полнаго платежа слѣдующихъ въ казну государственныхъ податей окончаны были въ самой скорости. При чемъ имѣть бдительное попеченіе, чтобы недоимокъ какого бы рода ни было отнюдь ни на комъ не оставалось, въ противномъ случаѣ имѣютъ они старосты съ ихъ помощниками отвѣтствовать по законамъ, дабы во всѣхъ частяхъ дѣятельность ихъ ясно видима была, и о томъ имѣютъ въ свое время меня репортовать» [1]).

---

[1]) Арх. Купеч. Упр. № 2187.

Самый сборъ податей каждымъ старостою по своей гильдіи производился въ «Гильдіи Московскаго Купечества», при чемъ наблюденіе за аккуратною явкою туда плательщиковъ возлагалось на обязанность полиціи. Вотъ — указъ изъ перваго департамента московскаго магистрата въ Гильдію, отъ 1798 г., ясно свидѣтельствующій объ этомъ; въ указѣ читаемъ: «сообщеніемъ московская полиція сей департаментъ увѣдомила, что московскимъ имянитымъ гражданамъ, 1 и 2 гильдій купцамъ, чтобъ они для платежа государственныхъ податей явились въ Гильдію, объявлено, а 3 гильдіи купцы и мѣщане для сего жъ чрезъ частныхъ приставовъ въ онную высылаются, по чему опредѣлено: съ прописаніемъ сего сообщенія Гильдіи дать знать указомъ» [1]). Приведемъ здѣсь же одинъ документъ, еще яснѣе и обстоятельнѣе рисующій объединяющую и руководящую роль Гильдіи Московскаго Купечества въ дѣлѣ взиманія податей со всѣхъ группъ гильдейскаго Купечества. Первый департаментъ московскаго магистрата 22 ноября 1793 г. отправилъ указъ въ Гильдію, въ коемъ было прописано, что управѣ благочинія было повелѣно чрезъ кого слѣдуетъ объявить съ подпискою жительствующимъ въ Москвѣ третьей гильдіи купцамъ, чтобы они непремѣнно черезъ три дни слѣдуемыя съ нихъ складочныя деньги взнесли Московскаго Купечества въ Гильдію, а если ими взнесено не будетъ, то съ ними поступлено быть имѣетъ по законамъ; а Гильдіи симъ же указомъ предписывалось, чтобы она всѣ мѣры приложила ко взысканію съ имянитыхъ гражданъ и съ купечества 1 и 2 гильдій, въ противномъ же случаѣ все это представится на отчетѣ той Гильдіи. На этотъ указъ Гильдія отвѣтила, что «по оному о вышеписанномъ гильдейскимъ городовымъ старостамъ и ихъ помощникамъ, тако жъ слободскимъ и рядскимъ старостамъ наистрожайше подтверждено» [2]). Въ дѣлахъ московскаго магистрата, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи, находится цѣлый рядъ рапортовъ изъ Гильдіи отъ различныхъ лѣтъ о препровожденіи по принадлежности собранныхъ съ гильдейскаго Купечества подушныхъ денегъ, и въ этихъ рапортахъ мы всегда читаемъ, что подушныя деньги, со всего Купечества за половину года собранныя, «въ Гильдіи имѣются въ готовности и для надлежащей въ московскую губернскую канцелярію къ подушному сбору отсылки въ московскій магистратъ и взносятся». Подъ этими рапортами—подписи старостъ всѣхъ гильдій [3]). Такимъ же порядкомъ черезъ Гильдію направлялись сборы съ оброчныхъ статей [4]). Взиманіе установленнаго со времени Екатерины II сбора однопроцентныхъ денегъ съ объявляемыхъ купцами капиталовъ также было сосредоточено въ Гильдіи Московскаго Купечества [5]). На Гильдію падала и обязанность побуждать къ объявленію за собою капиталовъ тѣхъ купцовъ, которые медлили съ этимъ дѣломъ и не обнаруживали готовности приступить къ нему. Въ іюнѣ 1803 г., наприм., московскій военный губернаторъ обратилъ вниманіе на то, что не всѣ купцы объявили капиталы и внесли однопроцентныя съ нихъ деньги на 1803 годъ. Губернаторъ предписалъ управѣ благочинія побудить этихъ купцовъ либо объявить за собою капиталы, либо подать отзывы о желаніи перейти въ мѣщанство. Управа Благочинія передала это требованіе въ Гильдію Московскаго Купечества. Гильдія отъ себя предложила губернатору такой способъ ускоренія этого дѣла:

---

[1]) ibid № 901.
[2]) ibid. № 141.
[3]) Арх. Мин. Юст. Д. моск. магистр. в. 151 № 58.
[4]) ib. в. 147 № 31.
[5]) Арх. Купеч. Упр. №№ 168, 573 и мн. др.

многіе, состоявшіе въ 1802 г. въ гильдейскомъ Купечествѣ, но еще не объявившіе за собою капиталовъ на 1803 г., являются въ Гильдію для испрошенія себѣ паспортовъ для поѣздки на приближающуюся Макарьевскую ярмарку. Гильдія и просила разрѣшенія при выдачѣ имъ паспортовъ тутъ же и принимать отъ нихъ деньги съ объявляемыхъ капиталовъ или отзывы о желаніи перечислиться въ мѣщанство. Губернаторъ нашелъ это предложеніе вполнѣ практичнымъ и предписалъ Гильдіи исполнить его [1]). Въ 1804 г. московскій военный губернаторъ въ виду новаго замедленія во взысканіи однопроцентныхъ денегъ съ объявляемыхъ купцами капиталовъ запросилъ второй департаментъ московскаго магистрата, почему объявленіе капиталовъ производится въ оном̀ъ департаментѣ. Магистратъ тотчасъ же затребовалъ у Гильдіи рапорта по этому вопросу. Гильдія рапортовала, что «объявленіе капиталовъ происходитъ въ сей Гильдіи вслѣдствіе присланнаго въ 1776 г. мая 3 числа изъ московскаго магистрата указа, послѣдовавшаго вслѣдствіе манифеста 1775 г. марта 17, и процентные съ помянутыхъ капиталовъ деньги взыскиваются при самомъ ихъ объявленіи, по чему и недоимки по этому сбору по Гильдіи никогда не значится, ибо неявившіеся къ объявленію капиталовъ купцы и не числятся въ недоимщикахъ по такому сбору, а приписываются къ мѣщанамъ» [2]).

Высшія инстанціи, усматривая какія-либо неправильности въ дѣлѣ объявленія купеческихъ капиталовъ, поставляли это на видъ градской думѣ и магистрату, но въ послѣднемъ счетѣ дѣло всегда передавалось въ Гильдію Московскаго Купечества. Такъ, въ январѣ 1804 г. московскій губернскій по казеннымъ дѣламъ стряпчій представилъ губернскому прокурору рядъ замѣчаній, относящихся до порядка объявленія купеческихъ капиталовъ. Онъ указывалъ на неудобства и злоупотребленія, проистекающія отъ правилъ о семейныхъ капиталахъ, установленныхъ ст. ст. 94, 95, 96 и 100 Городового Положенія 1785 г. Каждый участникъ общаго семейнаго капитала пользовался правомъ купца на собственное лицо, самостоятельно входя въ различныя торговыя сдѣлки, займы и т. п., между тѣмъ какъ обязательства, изъ этихъ сдѣлокъ вытекающія, падали на всю совокупность лицъ, семейный капиталъ составляющихъ. Отсюда, по указанію стряпчаго, проистекаютъ различныя нежелательныя явленія. Участники общаго семейнаго капитала, хотя и скопивъ вполнѣ достаточное состояніе, не чувствуютъ побужденія объявлять собственный капиталъ, ибо и безъ того они пользуются правомъ купца. Вовторыхъ, членъ общаго капитала нерѣдко, войдя въ долговыя обязательства, отказывается отъ платежа, «защищаясь закономъ, ограничивающимъ вѣру капиталамъ». По заявленію стряпчаго «тяжба и банкротство суть плоды сего». Въ виду этого стряпчій предлагалъ, чтобы магистратъ имѣлъ всегда подлиннсе свѣдѣніе о числѣ состоящихъ въ одномъ капиталѣ дѣтей при родителяхъ и родственниковъ послѣ умершаго и не иначе давалъ бы увольнительные на отлучку паспорты, какъ прописавъ въ нихъ всѣ лица, въ капиталѣ состоящіе. Тогда всякій будетъ знать, что онъ имѣетъ дѣло съ лицомъ, своего капитала не имѣющимъ и, слѣдовательно, остережется входить съ нимъ въ какіе-либо договоры безъ общей довѣренности отъ всѣхъ участниковъ капитала. Это правило дастъ и тотъ благопріятный результатъ, что «каждый при своемъ избыткѣ почувствуетъ необходимость объявить собственный капиталъ и зависѣть отъ самаго себя». Другой вопросъ, поднятый губерн-

---

[1]) ib. № 2282.
[2]) ibid. № 3174.

скимъ стряпчимъ, касался состава участниковъ общихъ капиталовъ. По Городовому Положенію общественными капиталами были признаны капиталы, остающіеся по смерти капиталиста для его дѣтей или наслѣдниковъ. Слѣдовательно,—разсуждалъ стряпчій,—нельзя допускать образованія общихъ капиталовъ путемъ записки въ одинъ капиталъ лицъ, вновь принимаемыхъ въ Купечество изъ другихъ общественныхъ состояній, хотя бы они и были родственны между собою. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ такіе случаи бываютъ и это приводитъ лишь къ нежелательному проникновенію со стороны въ составъ Купечества лицъ, завѣдомо малосостоятельныхъ, не могущихъ объявить по цѣльному капиталу на каждаго. Эти замѣчанія губернскаго стряпчаго, губернскій прокуроръ препроводилъ въ губернское правленіе. Губернское правленіе, принявъ во вниманіе, что по силѣ 169 ст. Городового Положенія наблюденіе за правильнымъ примѣненіемъ этого положенія возлагалось на градскую думу, препроводило представленія стряпчаго и прокурора въ градскую думу; но градская дума сейчасъ же переслала всѣ эти бумаги въ Гильдію съ предписаніемъ Гильдіи «противъ оныхъ съ объясненіемъ въ думу репортовать». Гильдія дѣйствительно составила и препроводила въ думу свои объясненія, которыя, къ сожалѣнію въ дѣлѣ не сохранились [1]). При разрѣшеніи отдѣльныхъ казусовъ, встрѣчавшихся при запискѣ объявляемыхъ капиталовъ, опять таки именно въ Гильдіи сосредоточивалось главное обсужденіе дѣла во всѣхъ его подробностяхъ, хотя при окончательномъ рѣшеніи такихъ дѣлъ Гильдія и должна была подчиняться резолюціямъ магистрата. Такъ наприм., въ томъ же 1804 г. боровскій купецъ Иванъ Волокитинъ пожелалъ съ женою и двумя сыновьями зачислиться въ Московское Купечество, при чемъ просилъ причислить его въ одинъ капиталъ съ двумя другими его же сыновьями, уже болѣе семи лѣтъ записанными въ Московское Купечество по третьей гильдіи. Прошеніе это было подано въ губернское правленіе и препровождено оттуда во второй департаментъ московскаго магистрата. Означенный департаментъ тотчасъ же постановилъ причислить просителя съ семействомъ на основаніи 11, 55, 116 и 138 стт. Городового Положенія въ Московское Купечество въ одинъ капиталъ съ двумя его сыновьями, ранѣе уже причисленными къ Московскимъ Купцамъ, о чемъ и послать въ Гильдію указъ и велѣть Гильдіи по исполненіи сему департаменту репортовать. Какъ видно, магистратъ склоненъ былъ рѣшить данное дѣло совершенно формально, не вникая во всѣ обстоятельства. Любопытно отмѣтить, что ни въ одной изъ тѣхъ статей Городового Положенія, на которыя магистратъ въ этомъ случаѣ сослался, ничего не говорится о составленіи общихъ семейныхъ капиталовъ, а статьи, дѣйствительно посвященныя этому вопросу (94, 95, 96), не были приняты во вниманіе магистратомъ. Далѣе, магистратъ совершенно оставилъ въ сторонѣ соображенія, возбужденныя не задолго передъ тѣмъ губернскимъ стряпчимъ и какъ разъ непосредственно относившіяся къ данному случаю. Гильдія отнеслась къ дѣлу совершенно иначе. Хотя она и получила изъ магистрата въ сущности уже готовое рѣшеніе съ предписаніемъ привести его въ исполненіе, тѣмъ не менѣе Гильдія вошла въ обсужденіе дѣла по существу, приняла во вниманіе всѣ соотвѣтствующіе матеріалы и тотчасъ усмотрѣла, что данный случай какъ разъ входитъ въ кругъ вопросовъ, возбужденныхъ губернскихъ стряпчимъ. Въ отвѣтномъ рапортѣ въ магистратъ Гильдія привела копію съ представленія губерн-

---

[1]) Ib. № 3176.

скаго стряпчаго и просила магистратъ «дабы онъ благоволилъ снабдить ее въ разрѣшеніе указомъ, не о подобныхъ ли просителю Волокитину соединеніяхъ капиталовъ г. стряпчій дѣлалъ представленіе и можно ли за онымъ реченнаго Волокитина причислить въ капиталъ вышепоказанныхъ сыновей его». Отвѣта на этотъ рапортъ изъ магистрата не послѣдовало, и дѣло остановилось. Черезъ мѣсяцъ второй департаментъ московскаго магистрата прислалъ въ Гильдію указъ по другому дѣлу, также касавшемуся составленія общаго капитала. Московскій купецъ Арбузовъ подалъ въ Гильдію прошеніе о принятіи отъ него объявленія капитала семейнаго. Гильдія отклонила это прошеніе. Гильдія стояла на точкѣ зрѣнія губернскаго стряпчаго, по которой образованіе семейнаго капитала допускалось Городовымъ Положеніемъ лишь въ случаѣ смерти капиталиста, оставляющаго послѣ себя нѣсколькихъ сонаслѣдниковъ, пока они не раздѣлятся. Между тѣмъ Арбузовъ уже рядъ лѣтъ объявлялъ капиталъ отдѣльно отъ своего брата и слѣдовательно образованіе семейнаго капитала въ данномъ случаѣ состояло бы въ соединеніи ранѣе раздѣленныхъ капиталовъ, чего Городовымъ Положеніемъ не предусматривалось. Однако Арбузовъ обжаловалъ это рѣшеніе Гильдіи въ магистратъ, который и предписалъ Гильдіи на основаніи 94, 95, 96 и 97 статей Городового Положенія Арбузова къ объявленію семейнаго капитала допустить. Внимательное прочтеніе означенныхъ статей Городового Положенія не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Гильдія правильнѣе магистрата понимала ихъ смыслъ. И очевидно Гильдія ясно сознавала свою правоту, потому что въ отвѣтномъ рапортѣ магистрату Гильдія заявила, что ею еще не получено разъяснительнаго указа по дѣлу Волокитина и что до полученія этого разъясненія она затрудняется исполнить указъ по настоящему дѣлу [1]). Чѣмъ окончилась эта коллизія между Гильдіей и магистратомъ, намъ неизвѣстно.

Итакъ, обязанности Гильдіи по сбору однопроцентныхъ денегъ съ объявляемыхъ купцами капиталовъ соединялись съ обязанностями по регистраціи самыхъ этихъ капиталовъ и, слѣдовательно, по зачисленію въ составъ Московскаго Купечества вновь вступающихъ въ него членовъ. Впрочемъ, при разрѣшеніи вопросовъ о принятіи въ Купечество новыхъ членовъ со стороны, гильдейское присутствіе дѣйствовало уже не вполнѣ независимо отъ гражданскаго совѣта, о чемъ и придется упомянуть въ своемъ мѣстѣ, нѣсколько ниже. Что же касается регистраціи капиталовъ, объявляемыхъ купцами, то, какъ мы видѣли изъ только что приведенныхъ фактовъ, Гильдіи принадлежала здѣсь въ сущности главная роль. Заявленіе о новыхъ капиталахъ подавались, правда, не только въ Гильдію, но и въ губернское правленіе и въ магистратъ; однако въ концѣ концовъ всѣ такія дѣла проходили черезъ Гильдію и именно тамъ подвергались наиболѣе обстоятельному разсмотрѣнію. Наконецъ, ко всему сказанному о дѣятельности гильдейскаго присутствія по финансовой части надлежитъ еще добавить, что, до отмѣны подушной подати съ гильдейскаго Купечества, на гильдейское присутствіе возлагались важныя обязанности и въ дѣлѣ разверстки подушнаго оклада между отдѣльными членами посадскаго міра. Эти функціи гильдейскаго присутствія подробно очерчены въ 11 пунктѣ инструкціи 1742 г.

Переходимъ теперь къ другой отрасли дѣятельности гильдейскаго присутствія, къ которой мы относимъ функціи полицейскаго характера. Здѣсь передъ нами проходитъ цѣлый рядъ разнообразныхъ дѣйствій. Начиная съ простѣй-

---

[1]) Ib. №№ 3177, 3178.

шаго, укажемъ прежде всего, что на обязанности Гильдіи лежало наблюденіе за добронравіемъ поведенія купцовъ и мѣщанъ. Полиція, забирая подъ караулъ купцовъ и мѣщанъ, замѣченныхъ въ пьянствѣ, дракѣ и тому подобныхъ безчинствахъ, давала о томъ знать въ Гильдію, которой и предоставлялось налагать на виновныхъ соотвѣтствующія наказанія. Въ 1800 г., когда въ Москвѣ дѣйствовало новое, введенное императоромъ Павломъ, устройство городского управленія, Московская Гильдія запросила городское правленіе, что дѣлать съ тѣми купцами и мѣщанами, кои болѣе трехъ разъ попадаются въ такихъ безчинствахъ. Городское правленіе отвѣтило, что о такихъ людяхъ Гильдія должна подавать представленія въ городское правленіе, гдѣ имъ и будетъ учиняемо законное разсмотрѣніе и опредѣленіе [1]). Пунктомъ XII-мъ инструкціи 1742 г. Гильдіи предписывалось также принимать мѣры для предотвращенія и искорененія тунеядства и нищенства среди Купечества и мѣщанства: «и того смотрѣть—читаемъ въ этомъ пунктѣ—отъ Гильдіи старшинамъ и старостамъ съ товарищи, а паче приказывать смотрѣть тѣмъ, подъ чьимъ именемъ въ реестрахъ неплательщики написаны, понеже извѣстно, что многіе люди, не имѣя и не желая какихъ промысловъ, отчего бъ пропитаніе себѣ могли имѣть и подати платить, и того ради въ самой бѣдности пребываютъ, отъ чего не другое что лучшее отъ нихъ быть можетъ, токмо пьянство, картежъ и всякія непотребности, а потомъ и воровство, и ихъ къ какимъ возможно художествамъ или ремесламъ или работамъ принуждать, дабы такихъ людей отъ такихъ непотребностей отвратить и удержать, и чтобъ такіе гуляки подъ именемъ нищихъ весьма не шатались и праздны не были, и изъ такихъ годныхъ брать и отдавать за Московское Купечество въ солдатскую службу». Конечно, самая отдача тунеядствующихъ и нищенствующихъ купцовъ въ солдаты за Московское Купечество могла производиться не иначе, какъ по приговору гражданскаго совѣта, но выслѣживаніе такихъ лицъ и представленіе ихъ къ отдачѣ въ солдаты составляло обязанность Гильдіи.

Существенной отраслью полицейской дѣятельности Гильдіи являлась выдача отпускныхъ пашпортовъ отъѣзжающимъ купцамъ. Въ инструкціи 1742 г. на этотъ счетъ были установлены слѣдующія правила. Всѣ, желающіе отлучиться изъ города, должны были, согласно 17 и 18 пп. инструкціи, являться въ Гильдію для полученія отпуска. Для отлучекъ на разстояніе не далѣе 60 верстъ отъ Москвы и на малое время гильдейское присутствіе могло самостоятельно выдавать отпускныя письма за подписью старостъ и товарищей. Эти отпуски записывались въ Гильдіи въ особую книгу. По возвращеніи отъѣзжавшіе должны были предъявлять обратно въ Гильдію отпускныя письма, и тогда о ихъ возвращеніи въ книгѣ дѣлалась соотвѣтствующая отмѣтка [2]). Отпускаемые паспорты на отлучки въ иные внутренніе и пограничные города для торговыхъ дѣлъ и иныхъ нуждъ должны были выдаваться отъ Гильдіи не иначе, какъ съ доклада ратушѣ, при чемъ Гильдія должна была предварительно справиться по книгамъ, нѣтъ ли на отъѣзжающемъ доимокъ по сборамъ и не предстоитъ ли ему въ ближайшее время отправлять очередную службу. Отпускные паспорты для такихъ отлучекъ скрѣплялись подписью ратушскаго члена и снабжались ратушскою печатью. Съ учрежденіемъ казенныхъ палатъ Гильдія была поставлена въ непосредственное подчиненіе казенной палатѣ въ дѣлѣ выдачи пашпортовъ, съ которымъ соединялось и взиманіе пошлинъ за выдаваемые

---

[1]) Опись дѣлъ Моск. Купеч. Управы т. I. Приложеніе, стр. 64, къ № 1301.
[2]) См. Общ. пригов. I, 1779 г. № 32.

паспорты. Ежегодно Гильдія должна была представлять въ казенную палату отчетную вѣдомость о приходѣ, расходѣ и остаткѣ печатныхъ пашпортныхъ экземпляровъ и поступившихъ за оные пошлинныхъ деньгахъ. Независимо отъ того Гильдія должна была подавать въ казенную палату и ежемѣсячные рапорты о томъ же. Въ 1804 г. было предпринято изслѣдованіе о промысловомъ отходѣ городского населенія, и въ виду этого казенная палата предписала Московской Гильдіи составить на основаніи записныхъ пашпортныхъ книгъ сводную вѣдомость за время съ 1782 г. по 1799 г. о томъ, сколько въ каждомъ году выходило изъ домовъ своихъ городскихъ жителей для работъ и промысловъ, и доставить эту вѣдомость въ казенную палату. Гильдія обнаружила попытку уклониться отъ выполненія этого предписанія и въ отвѣтномъ рапортѣ въ палату писала: «если требованіе сіе принадлежитъ до купечества, то сіе ясно видѣть можно изъ доставляемыхъ въ оную палату изъ Гильдіи каждомѣсячно вѣдомостей; буде же оное относится до полиціи, то дача пашпортовъ имъ производится въ московскомъ уѣздномъ казначействѣ». Однакоже, въ концѣконцовъ Гильдія доставила въ палату требуемую вѣдомость относительно купцовъ, сообщивъ, что московскимъ мѣщанамъ пашпорты выдаются изъ уѣзднаго казначейства [1]). Далѣе, Гильдіи приходилось осуществлять разнообразныя судебно-полицейскія дѣйствія, связанныя съ приведеніемъ въ исполненіе приговоровъ различныхъ учрежденій относительно членовъ Купеческаго Общества. Постановля приговоры о разнаго рода взысканіяхъ съ лицъ, принадлежавшихъ къ Купеческому Обществу, различныя учрежденія посылали въ Гильдію указы о приведеніи ихъ въ исполненіе. Вотъ примѣры. Московское губернское правленіе опредѣлил (декабрь 1793 г.) взыскать съ московскаго купца Чечкина 24 р. 20 к. за имѣющагося у него на партикулярѣ рязанскаго купца Малютина и сообщило объ этомъ указомъ первому департаменту московскаго магистрата, а магистратъ предписалъ Гильдіи немедленно взыскать съ Чечкина эти деньги и препроводить ихъ въ магистратъ; Гильдія чрезъ слободскаго старосту установила, что Чечкинъ умеръ, не оставивъ ни наслѣдниковъ, ни имущества [2]). Иногда подобныя предписанія Гильдія получала прямо отъ губернскаго правленія, минуя магистратъ, и порою такія предписанія ставили Гильдію въ крайне затруднительное положеніе. Въ 1804 г. пермская почтовая контора просила московское губернское правленіе взыскать съ московскаго купца Матвѣева вѣсовыя деньги за перевозку по его дѣлу векселя изъ пермскаго губернскаго правленія къ чердынскому городничему. Московское губернское правленіе послало указъ прямо въ Гильдію, предписывая ей взыскать деньги съ Матвѣева и препроводить ихъ въ губернское правленіе. Гильдія отвѣтила, что въ московскомъ Купечествѣ и мѣщанствѣ Матвѣевыхъ не малое число, и съ котораго именно изъ нихъ учинить взысканіе, Гильдія безъ означенія имени и отчества знать того не можетъ. Въ отвѣтъ на это губернское правленіе просто повторило дословно свой прежній указъ, а Гильдія въ свою очередь повторила дословно свой прежній отвѣтный рапортъ. Чѣмъ кончилось это дѣло, намъ неизвѣстно [3]).

Купцовъ, находившихся подъ судомъ и оправданныхъ, второй департаментъ магистрата препровождалъ въ Гильдію съ тѣмъ, чтобы Гильдія сдавала ихъ подъ росписку соотвѣтствующему слободскому старостѣ съ обязательствомъ непре-

---

[1]) Арх. Куп. Упр. №№ 2789, 3046, 3076, 3130.
[2]) Ib. № 159.
[3]) Ibid. № 3370.

мѣнно представить таковыхъ купцовъ въ магистратъ, если они вновь къ суду понадобятся [1]). Тѣ купцы, которые по суду были оставляемы въ подозрѣніи или присуждались къ уплатѣ штрафа, также препровождались изъ соотвѣтствующаго судебнаго учрежденія въ Гильдію съ тѣмъ, чтобы Гильдія отдавала ихъ на поруки. Значеніе этой отдачи на поруки раскрывается изъ слѣдующаго, напримѣръ, документа. Московскій купецъ Остафьевъ былъ судимъ въ московскомъ нижнемъ надворномъ судѣ въ покупкѣ у новоторжскаго мѣщанина Клементьева гарнитуру незавѣдомо краденаго. Судъ оставилъ его въ подозрѣніи, впрочемъ, за учиненіе той покупки безъ порукъ все же присудилъ къ взысканію съ него выти и опредѣлилъ «отослать Остафьева въ Гильдію Московскаго Купечества при указѣ и представить, чтобы онъ отданъ былъ на поручительство надежнымъ людямъ съ тѣмъ, дабы онъ, до расположенія по сему дѣлу выти, отлучаемъ и паспортовъ ему давано не было, а ежели потребенъ будетъ съ поставкою, въ случаѣ жь его отлучки или ими самими отъ себя упущенія, положенная выть взыщется на нихъ распищикахъ» [2]). Гильдія обязана была, далѣе, наводить всевозможныя справки о купцахъ по запросамъ различныхъ учрежденій. Часто такія справки стояли въ связи съ судебными процессами, къ коимъ были прикосновенны члены Купеческаго Общества. Такъ, въ связи съ тяжбами объ имѣніяхъ Гильдія получала приказанія представлять справки «какъ наиточнѣйше» о капиталахъ, о поведеніи, о торгахъ, о исправности въ торговомъ дѣлѣ, о размѣрахъ торга, о степени аккуратности во взносѣ процентныхъ денегъ съ капитала тяжущихся купцовъ, а также о томъ, не были ли они въ обществѣ «въ каковыхъ недовѣренностяхъ» [3]). Въ связи съ судебными тяжбами относительно наслѣдства на Гильдію возлагалось наведеніе справокъ о семейномъ положеніи прикосновенныхъ къ процессу лицъ и о составѣ всѣхъ наличныхъ законныхъ наслѣдниковъ спорнаго имущества [4]). Въ связи съ процессами по разнаго рода долговымъ обязательствамъ Гильдія должна была удостовѣрять степень правоспособности отвѣтчика, устанавливая, отдѣленъ ли онъ или нѣтъ отъ отца и т. п. [5]).

По другимъ поводамъ и надобностямъ на Гильдію возлагалась обязанность удостовѣрять общественное положеніе состоящихъ въ ея вѣдомствѣ лицъ. Напримѣръ, въ 1797 г. въ Москвѣ умеръ нѣкто Жанъ Мартенъ Германтугъ, уроженецъ города Вормса, занимавшійся въ Москвѣ сѣдельнымъ мастерствомъ. Въ 1803 г. губернскому правленію понадобилось установить, не былъ ли означенный Германтугъ приписанъ къ Купечеству или мѣщанству. Съ запросомъ объ этомъ губернское правленіе обратилось въ магистратъ, а магистратъ тотчасъ же предписалъ Гильдіи навести соотвѣтствующія справки. Гильдія запросила старостъ всѣхъ слободъ, но означеннаго лица нигдѣ въ запискѣ не оказалось [6]). Такія же справки Гильдія производила и относительно цеховыхъ. Военная коллегія запросила, напримѣръ, у московскаго губернскаго правленія въ 1804 г. «состоитъ ли цѣховой Иванъ Егоровъ сынъ фонъ-Фиксъ въ московскомъ фельшерномъ цеху записаннымъ и съ котораго времени и по какому закону запи-

---

1) Ibid. №№ 186, 1056.
2) Опись дѣлъ Моск. Купеч. Управы т. I, приложеніе стр. 8, къ № 133.
3) Арх. Куп. Управы № 1116.
4) Ibid. № 2119.
5) Ibid. № 3316.
6) Ibid. № 2709.

санъ, временно или навсегда»; губернское правленіе предписало Гильдіи отвѣтить на эти вопросы [1]). Замѣтимъ тутъ же, что Гильдіи помимо такихъ текущихъ справокъ объ отдѣльныхъ купцахъ приходилось иногда по запросамъ высшихъ учрежденій составлять и общія статистическія вѣдомости по различнымъ сторонамъ купеческой жизни. Мы уже упоминали нѣсколько выше о возложенныхъ на Гильдію работахъ въ связи съ анкетой о развитіи торговаго купеческаго отхода въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Теперь отмѣтимъ еще составленіе Гильдіею вѣдомостей о купцахъ, торгующихъ при портахъ. Отъ 1804 г. имѣемъ предложеніе гражданскаго губернатора градской московской думѣ съ понужденіемъ къ скорѣйшему сочиненію означенныхъ выше вѣдомостей; губернатору уже извѣстно, что дума возложила это дѣло на Гильдію, и онъ приказываетъ думѣ, чтобы она предписала Гильдіи доставить въ думу тѣ вѣдомости непремѣнно въ теченіе мѣсяца; губернаторъ ставилъ при этомъ думѣ на видъ, что составленіе этихъ вѣдомостей не можетъ вызвать никакихъ затрудненій, такъ какъ Гильдія безъ сомнѣнія имѣетъ вѣрный списокъ всему Купечеству и по сему списку она и можетъ чрезъ старостъ въ скоромъ времени собрать всѣ нужныя свѣдѣнія о каждомъ купцѣ. Дума предписала Гильдіи въ скорѣйшемъ времени составить означенныя вѣдомости [2]). Въ Гильдію направлялись предписанія о учиненіи повальныхъ обысковъ для опредѣленія поведенія отдѣльныхъ купцовъ. Вотъ, напримѣръ, указъ въ Гильдію изъ второго департамента московскаго магистрата отъ 16 января 1797 г.: «вслѣдствіе учиненной въ семъ департаментѣ резолюціи въ оную Гильдію послать указъ и велѣть о московскомъ купцѣ Алексѣѣ Семеновѣ сынѣ Семеновѣ, какого онъ какъ напредъ сего былъ, такъ иныя поведенія учинить на основаніи Уложенія X главы 161 ст. и указа 1763 г. февраля 10 дня чрезъ рядскихъ серебренаго ряда людей большой повальной обыскъ, которой и доставить въ сей департаментъ въ непродолжительномъ времени» [3]). На Гильдію возлагалась обязанность имѣть присмотръ за поведеніемъ подозрительныхъ купцовъ. Въ 1801 г., напримѣръ, въ московской палатѣ суда и расправы разбиралось дѣло о недозволенной карточной игрѣ. Къ этому дѣлу въ числѣ многихъ лицъ различнаго общественнаго положенія оказались прикосновенными и московскіе купцы Михей Иконниковъ и Степанъ Смирновъ, «на коихъ показано было, что и они въ непозволенной карточной игрѣ упражнялись». Сами они не признали себя въ томъ виновными, но въ качествѣ подозрительныхъ были присланы изъ суда въ камеральный департаментъ городского правленія для отсылки въ Гильдію съ тѣмъ, чтобы надъ ними былъ присмотръ. По доставленіи ихъ въ Гильдію, Гильдія взяла съ нихъ подписку въ томъ, что они впредь не будутъ участвовать въ запрещенныхъ играхъ [4]).

Наконецъ, Гильдія обязана была руководить вызовомъ въ подлежащія учрежденія купцовъ, почему либо понадобившихся «къ дѣламъ». [5]) Гильдія высылаетъ купцовъ въ московскій магистратъ по требованію послѣдняго по разнымъ касающимся до нихъ дѣламъ; сыскиваетъ чрезъ слободскихъ старостъ и представляетъ по принадлежности купцовъ, къ которымъ предъявляются различные

---

[1]) Ibid. № 3344.
[2]) Ibid. № 3464.
[3]) Ibid. № 491.
[4]) Ibid. № 2189.
[5]) Ibid. №№ 519, 2126, 2459.

иски; по распоряженіямъ шестигласной думы вызываетъ въ эту думу купцовъ для возложенія на нихъ разныхъ по думѣ службъ, или для выслушанія рѣшеній по поданнымъ ими въ думу прошеніямъ, или для участія въ разнаго рода торгахъ; черезъ Гильдію вызываются къ дѣламъ и купцы, записавшіеся временно въ цѣхи: напримѣръ, въ указѣ въ Гильдію изъ перваго департамента московскаго магистрата отъ 25 января 1798 г. читаемъ «имѣетъ оная Гильдія московскому третьей гильдіи купцу временно записанному въ цехъ по портному мастерству Елисею Захарову сыну Мирошкину объявить, дабы явился въ положенный закономъ срокъ въ сей департаментъ для выслушанія учиненнаго по дѣлу о взысканіи съ него за испорченный сертукъ, дѣланный имъ московскому купцу Григорію Яковлеву, денегъ рѣшительнаго опредѣленія» [1]). На обязанности Гильдіи лежало вызывать и желающихъ купцовъ ко всякимъ торгамъ, подрядамъ, поставкамъ и проч. [2]).

Кромѣ такихъ исполнительныхъ дѣйствій по отдѣльнымъ дѣламъ, приравнивавшихъ Гильдію къ мелкимъ агентамъ полицейской власти, Гильдіи приходилось принимать извѣстное участіе и въ заботахъ о благоустройствѣ города и о развитіи купеческихъ промысловъ. Въ вопросахъ городского внѣшняго благоустройства на долю Гильдіи выпадало также лишь исполненіе распоряженій, получавшихся ею сверху, по иниціативѣ оберъ-полицеймейстера или военнаго губернатора. Въ 1798 г. московскій оберъ полицеймейстеръ Каверинъ по приказанію военнаго губернатора графа Салтыкова призывалъ къ себѣ всѣхъ рядскихъ старостъ «для объявленія имъ воли его сіятельства, дабы во всѣхъ рядахъ проходныя линіи содержаны были во всевозможной чистотѣ и въ каждую недѣлю по крайней мѣрѣ одинъ разъ усыпались пескомъ, такъ какъ и не были бы заставливаемы всѣмъ тѣмъ, что ходящимъ можетъ служить затѣсненіемъ и препятствіемъ, равномѣрно дабы никто изъ купечествующихъ не могъ сидѣть въ лавкахъ съ огнемъ безъ всякой предосторожности, а въ случаѣ необходимости имѣлъ бы свѣчу, зажженную въ фонарѣ, но и симъ средствомъ пользоваться не далѣе узаконенныхъ часовъ». За симъ оберъ-полицеймейстеръ обратился съ требованіемъ къ городскому головѣ, чтобы и онъ «не оставилъ по сему предмету сдѣлать должныя распоряженія тѣмъ паче, что наблюденіе чистоты въ рядахъ ничего болѣе, кромѣ особливой чести торгующимъ во оныхъ, такъ какъ и пренебреженіе оной, ничего кромѣ неудовольствій публики и совершеннаго безобразія не дѣлаетъ». Тогда во исполненіе этого приказанія градскій глава и обратился къ Гильдіи съ предписаніемъ собрать всѣхъ рядовъ старостъ и обязать ихъ подпискою имѣть крѣпкое смотрѣніе за торгующими въ рядахъ купцами «въ исполненіи ими всего вышепрописаннаго» [3]). Въ 1804 г. московскій оберъ-полицеймейстеръ сообщилъ головѣ, что главнокомандующій усмотрѣлъ крайнюю неисправность мостовыхъ въ городской части по Введенскому переулку подлѣ рыбнаго ряду, внутри онаго и позади, и требуетъ исправленія. Голова тотчасъ же увѣдомляетъ о томъ Гильдію и предлагаетъ ей «сдѣлать распоряженіе о семъ» [4]).

Участіе Гильдіи въ регламентированіи городского устройства и городской жизни не ограничивалось, однако, такими чисто исполнительными дѣйствіями второстепеннаго значенія. 13 пунктъ инструкціи 1742 г. требовалъ отъ Гильдіи также и проявленія самостоятельнаго почина въ вопросахъ, касавшихся благо-

---

[1]) Ibid. № 845.
[2]) Опись Купеч. Арх. т. I, приложеніе стр. 9, къ № 143 и мног. др.
[3]) Опись Арх. Куп. Упр. т. I, приложеніе стр. 41, къ № 896.
[4]) Архивъ Купеч. Упр. № 3378.

состоянія подвѣдомаго Гильдіи населенія, а именно въ дѣлѣ регулированія торгово-промышленныхъ оборотовъ. Этимъ пунктомъ на Гильдію возлагалось «имѣть смотрѣніе, дабы гражданамъ, какъ купцамъ, такъ и ремесленнымъ людямъ, отъ постороннихъ разныхъ чиновъ и отъ пріѣзжихъ купецкихъ людей въ ихъ торгахъ и промыслахъ помѣшательства не было; также пріѣзжимъ купецкимъ и уѣзднымъ людямъ отъ гражданъ въ цѣнахъ и продолженіемъ времени утѣсненія и принужденія не было, какъ о томъ Ея Императорскаго Величества указы и Торговый Уставъ повелѣваютъ». По смыслу этого пункта мѣропріятія по урегулированію торговъ и промысловъ согласно существующимъ узаконеніямъ сосредоточивались именно въ рукахъ гильдейскаго присутствія. На практикѣ, впрочемъ, и въ этомъ отношеніи Гильдія оказывалась не самостоятельной распорядительной инстанціей, а лишь исполнительнымъ органомъ при московскомъ магистратѣ. Можно привести для примѣра одинъ изъ многихъ магистратскихъ указовъ въ Гильдію, по которымъ ясно обрисовывается взаимоотношеніе этихъ учрежденій въ вопросахъ этого рода. Староста таганскаго мучного ряда въ 1798 г. усмотрѣлъ, что пріѣхавшіе изъ города Ельца купцы и мѣщане, всего девять человѣкъ, привезли въ Москву въ немаломъ количествѣ мѣшковую муку разныхъ сортовъ, сложили ее на постоялыхъ дворахъ въ Таганской части и пускаютъ ее въ розничную продажу. Справедливо разсудивъ, что такая торговля пріѣзжихъ купцовъ противорѣчитъ существующимъ узаконеніямъ, какъ-то: указу 4 іюля 1729 г. и 11 и 56 стт. Городового Положенія, а также приноситъ существенный ущербъ мѣстнымъ московскимъ купцамъ, староста возбудилъ предложеніе о воспрещеніи розничнаго торга въ Москвѣ елецкимъ мучнымъ торговцамъ, но съ этимъ предложеніемъ онъ обратился не въ Гильдію, а въ магистратъ. Магистратъ принялъ это дѣло къ разсмотрѣнію и, выписавъ на справку кромѣ стт. 11 и 56 Городового Положенія еще и стт. 116 и 144, призналъ необходимымъ воспретить розничную торговлю мукою въ Москвѣ пріѣзжимъ купцамъ. Затѣмъ магистратъ предпринялъ слѣдующія дѣйствія. О воспрещеніи торговли елецкимъ купцамъ магистратъ послалъ требованіе въ московскую полицію, а кромѣ того онъ обратился съ указомъ въ Гильдію, въ коемъ предписывалъ, чтобы Гильдія подтвердила рядскому старостѣ Таганской части о неослабномъ наблюденіи за пресѣченіемъ недозволенной торговли. На основаніи этого указа изъ магистрата Гильдія и отобрала у означеннаго старосты подписку, въ которой было сказано, что староста «обязуется симъ реверсомъ въ томъ, чтобъ имѣть смотрѣніе недреманнымъ окомъ, дабы никто въ Таганкѣ не торговалъ непозволенною продажею, какъ то было уже учинено елецками купцами, и если усмотритъ, что сіе будетъ кѣмъ чинено, то долженъ объявлять во узаконенное мѣсто, дабы оно могло воспрепятствовать въ непозволительной продажѣ» [1]). Итакъ, распоряженія по урегулированію торговли и по пресѣченію недозволенныхъ торговъ исходятъ отъ магистрата, почему рядскій староста и доноситъ о замѣченныхъ имъ недозволенныхъ торгахъ въ магистратъ. На долю Гильдіи выпадаетъ лишь наблюденіе за старостой въ томъ смыслѣ, чтобы онъ рачительно и безъ упущеній исполнялъ свои обязанности. Таковы были формы непосредственнаго участія Гильдіи въ управленіи купеческимъ и мѣщанскимъ населеніемъ Москвы. Намъ остается упомянуть еще о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ, которыя порою приходилось выполнять Гильдіи по порученію учрежденій, не стоявшихъ въ прямой связи съ купеческимъ населеніемъ.

---

1) Опись Архива Куп. Упр. т. I, приложеніе, стр. 41, къ № 777.

Такъ, напримѣръ, городская дума, юридически объединявшая по Городовому Положенію Екатерины II всѣ сословныя группы городского населенія, созывая для какихъ-либо надобностей представителей этихъ группъ, обращалась для вызова купцовъ и мѣщанъ къ услугамъ Гильдіи. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ. 29 апрѣля 1803 г. шестигласная дума указомъ предписывала Гильдіи слѣдующее: въ виду того, что московскій комендантъ требуетъ «приказать всѣмъ торгующимъ на прибывшихъ въ Москву баркахъ хозяевамъ безъизъятно собраться въ думу 30 апрѣля въ 11 часовъ утра по случаю общаго комендантомъ со членами думы составленія таксы,—имѣетъ оная Гильдія чрезъ нарочно посланныхъ на баркахъ и судахъ торгующимъ хозяевамъ или ихъ прикащикамъ объявить, чтобъ они сего апрѣля 30 дня въ 10 часовъ утра явились въ сію думу и ихъ съ подписками о томъ прислать въ думу»[1]). Оказывается далѣе, что та же Гильдія должна была брать на себя не только призывъ въ думу купцовъ, вызываемыхъ туда по ихъ дѣламъ, но также и созывъ въ засѣданія общей думы состоявшихъ въ этой думѣ гласныхъ отъ купцовъ, цеховыхъ и мѣщанъ. Дума перелагала, такимъ образомъ, на Гильдію обязанности, которыя естественнѣе всего было бы выполнять разсыльнымъ канцелярій самой думы. Вотъ образцы указовъ изъ думы въ Гильдію, доказывающіе справедливость этого наблюденія. Указъ въ Гильдію изъ думы отъ 5 мая 1802 г.: «Высочайшимъ указомъ повелено сей думѣ канцелярію свою устроить соразмѣрно пространству дѣлъ и обязанностей, для чего, сочинивъ штатъ, представить на утвержденіе Правительствующаго Сената, а отъ камеральнаго департамента, отъ департамента коммиссіи и отъ коммиссіи по строенію казармъ принять всѣ дѣла, книги и суммы (дѣло шло о возстановленіи думской канцеляріи въ виду уничтоженія Павловскаго устройства городского управленія въ столицахъ и возобновленія силы Екатерининскаго Городового Положенія), того ради въ сей думѣ и опредѣлено въ здѣшнюю Гильдію послать указъ и велѣть всѣмъ тѣмъ въ здѣшней столицѣ живущимъ, которые выбраны въ общую думу, чрезъ кого слѣдуетъ, повѣстить, дабы оные для такового всеобщаго предположенія явились въ сію думу сего мая 6 числа въ 9 часовъ утра и потомъ о исполненіи сего въ думу рапортовать». Гильдія рапортомъ отвѣчала: «реченнымъ гласнымъ, чтобъ они явились въ оную думу, отъ Гильдіи повѣстки посланы, а о цеховыхъ сообщено въ цеховую управу» [2]). Такія же порученія возлагались на Гильдію и впослѣдствіи, уже по возстановленіи думской канцеляріи, при чемъ опять-таки на Гильдію возлагался созывъ въ думу повѣстками гласныхъ не только отъ купцовъ, но и отъ мѣщанъ и отъ цеховыхъ. Такъ, въ указѣ въ Гильдію изъ думы отъ 5 іюня 1802 г. читаемъ: «въ сей думѣ опредѣлено въ оную Гильдію послать указъ и велѣть выбраннымъ въ общую городскую думу по купечеству, по мѣщанству и по цеху гласнымъ повѣстить, дабы они явились всѣ въ городскую думу для общественнаго о городскихъ доходахъ постановленія завтрешняго числа въ 8 часу утра непремѣнно» [3]); или въ указѣ отъ 5 января 1803 г.: «по приложенному при семъ реестру избраннымъ отъ общества въ сію думу гласнымъ повѣстить съ подпискою, чтобъ они неотмѣнно явились въ сію думу сего генваря 8 числа для выслушанія нѣкотораго дѣла и учиненія постановленія» [4]).

Перелагая на Гильдію обязанности думскихъ разсыльныхъ, дума перелагала

---

[1]) Архивъ Купеч. Упр. № 2783.
[2]) Ibid. № 2461.
[3]) Ibid. № 2493.
[4]) Ib. № 2696.

на ту же Гильдію и выполненіе различныхъ порученій, съ которыми обращались къ самой думѣ высшіе представители мѣстной администраціи. Напримѣръ, гражданскій губернаторъ въ 1803 г. запросилъ отъ думы свѣдѣній о содержаніи въ Москвѣ почтъ за 1799, 1800 и 1801 гг. Дума сейчасъ же шлетъ указъ въ Гильдію: «какъ по дѣламъ думы сей о содержаніи почтъ за помянутые годы никакого свѣдѣнія не имѣется и для того съ приложеніемъ той формы въ Гильдію послать указъ, дабы оная, сочиня по ней за тѣ годы надлежащую вѣдомость, къ 17 числу сего дня представила оную въ думу непремѣнно» [1]). Когда требовалось отобрать отъ купцовъ какія-либо показанія по вопросамъ общегосударственнаго характера въ удовлетвореніе запросовъ высшихъ учрежденій, опять-таки отобраніе этихъ показаній выпадало на долю Гильдіи. Примѣромъ тому можетъ служить дѣло по обсужденію вопроса о соединеніи рѣкъ Оби и Енисея. Вопросъ былъ возбужденъ при императорѣ Павлѣ кригсъ--комиссаромъ Новицкимъ, проектъ котораго встрѣтилъ одобрительное вниманіе государя, въ виду чего было повелѣно запросить по этому вопросу мнѣніе Купечества всѣхъ тѣхъ городовъ, которые имѣютъ торговыя сношенія съ Сибирью. Тогда и московскій городской голова получилъ ордеръ отъ губернатора съ предписаніемъ доставить мнѣніе Московскихъ Купцовъ по тремъ пунктамъ: 1) какія выгоды могутъ получиться для внутренней коммерціи отъ соединенія названныхъ рѣкъ, 2) какіе именно товары и на какую цѣну могутъ быть двинуты по намѣчаемому новому водному пути и 3) до котораго именно мѣста могутъ достигать суда въ обратный ходъ. Городской голова и препоручилъ отобраніе этихъ свѣдѣній Гильдіи, чрезъ которую и поступило довольно обширное мнѣніе, подписанное именитымъ гражданиномъ Жигаревымъ, 2 гильдіи московскимъ купцомъ Шемелинымъ, московскимъ купцомъ Касьяновымъ и живущимъ въ Москвѣ холмогорскимъ 1 гильдіи купцомъ Сорокинымъ [2]).

Съ отмѣною при императорѣ Павлѣ Екатерининскаго Городового Положенія и съ постановленіемъ на мѣсто думы и магистрата городского правленія или ратгауза, кругъ вышеочерченныхъ функцій Гильдіи нѣсколько измѣнился. Въ декабрѣ 1799 г. Гильдія получила указъ изъ камеральнаго департамента городского правленія, коимъ предписывалось, чтобы на будущее время граждане являлись для объявленія капиталовъ уже не въ Гильдію, какъ ранѣе, а въ камеральный департаментъ, для чего при немъ учреждается особая экспедиція; точно также выдача паспортовъ отъѣзжающимъ купцамъ должна была теперь отойти отъ Гильдіи къ камеральному департаменту. Купеческое Общество встрѣтило эти перемѣны съ большимъ неудовольствіемъ. На гражданскомъ совѣтѣ 20 декабря 1799 г. по заслушаніи изложеннаго указа было постановлено обратиться въ департаментъ коммиссіи по снабженію г. Москвы припасами съ рапортомъ, въ которомъ изъяснить, что указанныя нововведенія и незаконны, и тягостны для Купечества: объявленіе капиталовъ въ камеральномъ департаментѣ будетъ противорѣчить V главѣ II отдѣленія Устава объ управленіи Москвою, въ коей къ вѣдѣнію камеральнаго департамента отнесены только тѣ доходы, которые городу принадлежатъ, между тѣмъ какъ сборъ съ капиталовъ вовсе не принадлежитъ городу, но указомъ 10 марта 1781 г. точно повелѣвается собираемыя съ капиталовъ процентныя деньги отдавать уѣзднымъ казначеямъ; кромѣ того взносъ этихъ денегъ не въ Гильдію, а въ камеральный департаментъ «все Об-

---

1) Ib. № 2737.

2) Опись Арх. Купеч. Управы стр. 52—55, къ № 1098.

щество Московскаго Купечества почитаетъ для себя за крайнее отягощеніе», ибо «по долговременному обыкновенію» всѣ уже привыкли объявлять капиталы и вносить тѣ деньги старостамъ и многіе теперь «по новости мѣста и по непривычкѣ» могутъ замедлить или и вовсе пропустить объявленіе капиталовъ; къ тому же срокъ объявленія капиталовъ истекаетъ 1 января и въ столь краткое время будетъ невозможно успѣть извѣстить о новомъ порядкѣ «цѣлое общество, состоящее толь въ многочисленномъ количествѣ». Въ виду всего этого совѣтъ гражданъ положилъ просить объ отмѣнѣ новаго порядка и о возвращеніи къ старому [1]). Впрочемъ, какъ извѣстно, въ скоромъ времени всѣ вообще нововведенія императора Павла по устройству управленія столицами были отмѣнены и во всѣхъ частяхъ этого управленія возстановились порядки, существовавшіе при Екатеринѣ II.

V.

Чтобы покончить рѣчь о присутствіи Гильдіи Московскаго Купечества, намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, которое занимало это присутствіе среди прочихъ, входившихъ съ нимъ въ сношенія, учрежденій. Вопросъ этотъ разбивается на двѣ части: предстоитъ опредѣлить 1) отношенія гильдейскаго присутствія къ учрежденіямъ, выше его стоявшимъ, и 2) отношенія его къ учрежденіямъ, такъ или иначе ему подчиненнымъ. Въ предшествующемъ изложеніи намъ уже приходилось касаться по разнымъ поводамъ отдѣльныхъ фактовъ изъ исторіи отношеній Гильдіи къ учрежденіямъ высшаго порядка. Теперь намъ предстоитъ лишь обобщить эти факты, дополнивъ ихъ и нѣкоторыми новыми наблюденіями.

Въ ближайшемъ и тѣснѣйшемъ подчиненіи Гильдія стояла къ магистрату. Именно магистратъ являлся непосредственнымъ начальствомъ Гильдіи. Отъ магистрата въ видѣ общаго правила Гильдія получала всевозможныя приказанія. Даже если эти приказанія имѣли первоначальнымъ источникомъ иныя, болѣе высокія инстанціи, все же онѣ доходили до Гильдіи при обычномъ теченіи дѣла черезъ магистратъ. Объ исключеніяхъ мы скажемъ ниже. Въ магистратъ направляла Гильдія и рапорты и донесенія о своей дѣятельности, равно какъ и собиравшіеся ею казенные доходы. Было время, когда магистратское руководство дѣятельностью гильдейскаго присутствія принимало и еще болѣе непосредственныя формы. По указамъ изъ магистрата расходы по Гильдіи должны были производиться старостою первой гильдіи обще съ старостами второй и третьей гильдій и ихъ товарищами не иначе, какъ «подъ присмотромъ московскаго магистрата ратмана». Эту оговорку мы встрѣчаемъ во всѣхъ тѣхъ общественныхъ приговорахъ, въ коихъ въ началѣ года излагались общія инструкціи вновь выбраннымъ гильдейскимъ старостамъ и всегда эта оговорка включалась въ эти приговоры со ссылкою на предписаніе о томъ изъ магистрата [2]). Однако, съ 1787 г. такая оговорка исчезаетъ изъ инструкцій, даваемыхъ гильдейскимъ старостамъ [3]). Это нисколько не означало, впрочемъ, ослабленія подчиненности Гильдіи магистрату. Во все послѣдующее время изучаемаго періода магистратъ остается непосредственнымъ начальствомъ Гильдіи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ оффиціальномъ дѣлопроизводствѣ Гильдія трактуется, какъ нѣчто, похожее на отдѣленіе при магистратѣ. Вотъ примѣръ. Когда въ 1804 г. военный губерна-

---

[1]) Матеріалы для исторіи Моск. Купечества. Обществ. приговоры т. I, стр. 193—194.
[2]) Общ. приговоры I, 1778 г. № 1; 1779 г. № 12 и т. д.
[3]) Ibid. 1787 г. № 2 и т. д.

торъ Беклешовъ предписалъ второму департаменту магистрата рапортовать, почему объявленіе капиталовъ чинится въ ономъ департаментѣ, тогда магистратъ предписалъ Гильдіи «наискорѣе подать о томъ рапортъ», и Гильдія рапортовала, что «объявленіе капиталовъ въ сей Гильдіи происходитъ вслѣдствіе присланнаго въ 1776 г. мая 3 числа изъ московскаго магистрата указа, послѣдовавшаго вслѣдствіе манифеста 1775 г. марта 17». Здѣсь объявленіе капиталовъ въ Гильдіи не различается отъ объявленія капиталовъ въ магистратѣ [1]).

Выше было сказано, что прочія присутственныя мѣста, стоявшія надъ Гильдіей, сносились съ Гильдіей черезъ магистратъ. Этому можно привести множество примѣровъ, и, повидимому, такой порядокъ сношеній и былъ общимъ правиломъ. Но, нужно замѣтить, что допускались также и весьма частыя отступленія отъ этого общаго правила. Различныя учрежденія сносились и непосредственно съ Гильдіей, минуя магистратъ. Выше, въ особой главѣ уже приходилось останавливаться на различныхъ формахъ участія городского головы въ дѣятельности гильдейскаго присутствія. Мы видѣли тамъ, что это участіе продвигалось довольно далеко въ связи съ той общей двойственностью, которая была свойственна положенію городского головы и какъ руководителя всесословной городской думы, и какъ представителя Купеческаго Общества. Наряду съ этимъ и шестигласная дума, въ коей городской голова состоялъ предсѣдателемъ, по разнымъ случаямъ подобно магистрату непосредственно сносилась съ Гильдіей. Въ документахъ встрѣчаются указанія на то, что въ сознаніи оффиціальныхъ сферъ изучаемаго времени и относительно шестигласной думы господствовали такія же сбивчивыя представленія, какъ и относительно существа должности городского головы. Ясное и твердое разграниченіе органовъ всесословнаго общегородского самоуправленія и органовъ сословнаго купеческаго самоуправленія, проведенное въ законахъ того времени, никакъ не давалось пониманію самихъ оффиціальныхъ сферъ, и онѣ нерѣдко смѣшивали эти два ряда учрежденій въ одно неоформленное цѣлое. Отсюда и возникала возможность появленія такихъ, напримѣръ, оффиціальныхъ распоряженій. Въ 1797 г. губернскій прокуроръ обратился въ шестигласную думу съ слѣдующимъ предписаніемъ: руководствуясь ст. 405 Высочайшаго учрежденія, возлагающей на губернскаго прокурора попеченіе о содержащихся подъ стражей, прокуроръ, испрося на то дозволенія начальствующаго по гражданской части въ Москвѣ и ея губерніи, предлагаетъ московской шестигласной думѣ и всему почтенному Московскому Купеческому Обществу въ священные дни страстной и пасхальной недѣль снабдить подаяніемъ губернскій тюремный замокъ. «Всегдашніе опыты и извѣстное благочестіе и нищелюбіе Московскаго Купеческаго Общества подаютъ надежду, что шестигласная дума не оставитъ на сіе спасительное дѣло подать щедрой помощи»—писалъ губернскій прокуроръ, явнымъ образомъ почитая шестигласную думу органомъ Купеческаго Общества. И шестигласная дума постановила «послать съ прописаніемъ вышеписаннаго указа въ Гильдію Московскаго Купечества и велѣть Московскому Купеческому Обществу объявить, и чѣмъ оное отзовется, немедленно сію думу репортовать» [2]). Такъ устанавливались въ рядѣ случаевъ непосредственныя подчиненныя отношенія Гильдіи и къ шестигласной думѣ.

Наконецъ, и различныя учрежденія, стоявшія внѣ строя городского упра-

---

[1]) Архивъ Купеч. Упр. № 3174.

[2]) Опись Архива Купеч. Упр. т. I, приложеніе къ № 615, стр. 29.

вленія, нерѣдко сносились съ Гильдіей непосредственно по разнымъ дѣламъ, относившимся до ихъ вѣдомства. Такъ, хотя Гильдія всѣ стекавшіеся къ ней казенные сборы съ Купечества направляла въ магистратъ, но по ряду вопросовъ, касавшихся такихъ сборовъ, казенная палата непосредственно сносилась съ Гильдіей. Такъ, казенная палата, указами побуждаетъ Гильдію поспѣшить съ доставленіемъ въ палату вѣдомости о купеческихъ объявленныхъ капиталахъ и грозитъ за промедленіе «отнестись, куда слѣдуетъ, о штрафованіи гильдейскихъ старшинъ съ товарищи» [1]); та же палата требуетъ отъ Гильдіи присылки вѣдомостей о приходѣ, расходѣ и остаткѣ печатныхъ пашпортныхъ бланковъ и о поступившихъ за нихъ пошлинныхъ деньгахъ. Гильдія посылаетъ эти деньги въ губернское казначейство чрезъ магистратъ, а вѣдомости представляетъ въ казенную палату [2]). Однако въ другихъ случаяхъ казенная палата обращается къ Гильдіи съ требованіемъ о высылкѣ этихъ же вѣдомостей черезъ второй департаментъ московскаго магистрата [3]). Въ документахъ находимъ рядъ случаевъ непосредственнаго обращенія къ Гильдіи и губернскаго правленія. Наприм., губернское правленіе приказываетъ Гильдіи взыскать съ московскаго купца вѣсовыя деньги за перевозку его векселя съ протестомъ изъ пермскаго губернскаго правленія къ чердынскому городничему; деньги эти предписано было Гильдіи представить въ московское губернское правленіе; губернское правленіе по указу изъ военной коллегіи запрашиваетъ Гильдію, записанъ ли въ цехѣ одинъ фельдшеръ; вызываетъ изъ Гильдіи въ губернское правленіе для принесенія присяги служащихъ въ гильдейской канцеляріи канцеляристовъ при полученіи ими новаго чина и т. д.[4]). Всѣ эти данныя подтверждаютъ высказанную выше мысль, что Гильдія Московскаго Купечества, хотя и разсматривалась порой лишь, какъ канцелярія при гражданскомъ совѣтѣ или, какъ подчиненное отдѣленіе при магистратѣ, но на самомъ дѣлѣ являлась въ служебной практикѣ учрежденіемъ, занимавшимъ самостоятельно оформленное положеніе въ системѣ оффиціальныхъ присутственныхъ мѣстъ того времени.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ и объ отношеніяхъ Гильдіи къ тѣмъ органамъ, которые находились у нея въ подчиненіи. То были слободскіе и рядскіе старосты. Слобода являлась мелкимъ полицейско-административнымъ союзомъ, на которые дѣлилось подвѣдомственное Гильдіи населеніе. И слободскіе старосты были подчиненными агентами Гильдіи, чрезъ которыхъ Гильдія и осуществляла перечисленныя выше полицейско-административныя свои функціи. Когда въ Гильдію поступали запросы о наличности въ составѣ Московскаго Купечества или мѣщанства того или иного лица, Гильдія требовала о томъ сказокъ отъ старостъ всѣхъ 33 слободъ, имѣвшихся въ Москвѣ [5]). Черезъ слободскихъ старостъ производились и всякаго рода сборы и взысканія. Въ 1789 г. по одному дѣлу, производившемуся въ сиротскомъ судѣ, потребовалось выяснить личность и годъ рожденія одной купеческой дочери. Сиротскій судъ затребовалъ свѣдѣній о томъ отъ Гильдіи. Гильдія донесла въ сиротскій судъ, что слободской староста той слободы умеръ и справиться о той дѣвицѣ и о ея родственникахъ не у кого [6]). Значитъ, безъ слободскихъ старостъ Гильдія была безсильна въ подобныхъ

---

[1]) Ibid. № 2791.
[2]) Ibid. № 2789.
[3]) Ibid. № 2789.
[4]) Ibid. №№ 3320, 3344, 3361 и мн. др.
[5]) Ibid. №№ 159; 2709.
[6]) Ibid. № 759.

случаяхъ. Въ 1793 г. магистратъ указомъ предписывалъ Гильдіи по запросу московской экспедиціи придворной конторы собрать свѣдѣнія о купцахъ, которые пожелали бы взять на себя поставку золотыхъ матеріаловъ на изготовленіе парадныхъ платьевъ придворнымъ пѣвчимъ и при этомъ магистратъ писалъ: «въ Гильдію послать указъ и велѣть, чтобъ она чрезъ слободскихъ старостъ здѣшнимъ московскимъ купцамъ и мѣщанамъ о семъ объявила». Къ дѣлу приложены подписки всѣхъ слободскихъ старостъ о томъ, что они въ Гильдіи указъ слышали и слобожанамъ о немъ объявляли» [1]). Такъ, указанная роль слободскихъ старостъ, какъ подчиненныхъ агентовъ Гильдіи, признавалась и магистратомъ за твердо установленный порядокъ. Значительнѣйшую часть магистратскихъ указовъ Гильдія просто передавала слободскимъ старостамъ для приведенія въ исполненіе.

Необходимо отмѣтить однако, что къ концу XVIII и въ началѣ XIX столѣтія указанныя функціи слободскихъ старостъ на практикѣ въ значительной мѣрѣ теряютъ прежнее значеніе. Любопытное указаніе на это явленіе и его причины находимъ въ общественномъ приговорѣ купеческаго схода отъ 20 мая 1804 г. Вопросъ шелъ объ установленіи правильной регистраціи недоимщиковъ по казеннымъ сборамъ изъ числа крестьянъ, записавшихся въ Московское Купечество. Губернское правленіе находило нужнымъ, чтобы Гильдія раздала слободскимъ старостамъ вѣдомости о такихъ неплательщикахъ съ тѣмъ, чтобы старосты, каждый по своей слободѣ, слѣдили за очищеніемъ этихъ недоимокъ и представляли о томъ вѣдомости частнымъ приставамъ. Гражданскій совѣтъ въ общественномъ пригсворѣ высказался, напротивъ того, за то, чтобы управа благочинія доставила въ Гильдію тѣхъ неплательщиковъ, такъ какъ самой Гильдіи чрезъ слободскихъ старостъ невозможно вести учетъ тѣмъ неплательщикамъ, «поколику Гильдіи извѣстно, что не только тѣ вновь записавшіеся изъ крестьянъ въ Московское Купечество и мѣщанство, но и изъ числа природныхъ сихъ наименованій граждане многіе, оставивши прежнія мѣста предками ихъ и самими ими занимаемыя и по древнему обыкновенію къ слободамъ принадлежащія, развлеклись въ послѣдующія времена по разнымъ частямъ города Москвы и находятся нынѣ жительствомъ по волѣ своей, гдѣ кто за удобное признаетъ, какъ въ собственныхъ домахъ, такъ и въ квартирахъ, нерѣдко перемѣняемыхъ, чрезъ что оныя слободы, коихъ прежде было 33, премѣня древнее существованіе большею частью разночинцамъ, а потому и вновь входящіе въ Купечество и мѣщанство изъ разныхъ званіевъ, приписываясь по желанію своему къ тѣмъ несуществующимъ слободамъ, покупаютъ дома и занимаютъ квартиры по всему городу, хотя жъ Гильдія, при запискѣ ихъ, также и при объявленіи отъ всего вообще Купечества каждогодно капиталовъ, отбираетъ отъ каждаго показанія объ его жительствѣ, токмо и сіе свѣдѣніе всегда оказывается непостояннымъ.....» [2]).

Такимъ образомъ, утрата слободской организаціей территоріальнаго характера дѣлала и слободскихъ старостъ не всегда пригоднымъ орудіемъ при Гильдіи для выполненія тѣхъ обязанностей, которыя на нихъ обычно возлагала Гильдія.

Рядскіе старосты наблюдали за купцами, торгующими въ одномъ ряду. Соотношеніе рядскихъ и слободскихъ старостъ затруднительно опредѣлить въ точныхъ чертахъ на основаніи имѣющихся у насъ документовъ. Функціи тѣхъ

---

1) Опись Архива Купеч. Упр. I, дополненіе, стр. 9, къ № 134.
2) Общ. пригов. 1, 1804 г. № 27.

и другихъ были однородны. Можетъ быть, въ кругъ обязанностей рядскихъ старостъ входило преимущественно наблюденіе за поведеніемъ купцовъ именно въ отношеніи ихъ торговыхъ дѣйствій, а также за внѣшнимъ благоустройствомъ торговыхъ рядовъ. Вступая въ должности, рядскіе старосты получали инструкціи отъ шестигласной думы. Такъ, отъ 1803 г. имѣемъ указъ изъ шестигласной думы въ Гильдію съ предписаніемъ Гильдіи, чтобы она представила въ думу рядскихъ старостъ «для полученія надлежащаго по должности наставленія». Изъ этого дѣла видно, что рядскіе старосты, на этотъ, по крайней мѣрѣ, разъ являлись въ думу туго, по одному или по небольшимъ группамъ, и Гильдія по повторительнымъ указамъ изъ магистрата нѣсколько разъ должна была отбирать отъ рядскихъ старостъ подписки въ томъ, что старосты въ думу явятся [1]). Мы уже приводили въ предшествующемъ изложеніи въ другой связи факты, показывающіе, что на Гильдіи лежало не столько руководство дѣятельностью рядскихъ старостъ, сколько надзираніе за тѣмъ, чтобы рядскіе старосты въ точности исполняли распоряженія, преподанныя имъ отъ магистрата или отъ оберъ-полицеймейстера. Предлагаемъ здѣсь читателю припомнить изложенныя выше дѣла по вопросу о недозволенной розничной мучной торговлѣ въ Москвѣ купцами, пріѣзжающими изъ Ельца, и по вопросу о соблюденіи въ рядахъ чистоты, внѣшняго благообразія и урегулированія вечерняго освѣщенія въ цѣляхъ предосторожности отъ пожарныхъ случаевъ [2]).

Нельзя не отмѣтить, что гильдейское присутствіе временами высказывало нѣкоторую неувѣренность въ своей обязанности посредствовать между рядскими старостами и другими учрежденіями. Такъ, въ 1803 г. шестигласная дума вслѣдствіе сообщенія московскаго коменданта предписала Гильдіи всѣхъ рядовъ старостъ, чрезъ нарочно посланныхъ отъ Гильдіи сыскавъ, представить въ думу 30 апрѣля къ девяти часамъ утра съ вѣдомостями о продажныхъ цѣнахъ, для учиненія таксы. Гильдія на это отвѣчала шестигласной думѣ, что у нея о количествѣ рыночныхъ рядовъ свѣдѣній не имѣется и потому ею посланы во всѣ части сообщенія о томъ, чтобы части, сыскавъ таковыхъ старостъ, представили ихъ прямо въ оную думу. Но на слѣдующій день Гильдія получила отъ думы новый указъ, въ которомъ говорилось, что рядскіе старосты должны еженедѣльно подавать вѣдомости о продажныхъ цѣнахъ въ думу, для чего Гильдіи и подтверждается представить въ думу въ назначенный день рядскихъ старостъ.

---

[1]) Арх. Куп. Упр. № 2807.
[2]) Опись Арх. Куп. Упр. ст. 41 къ №№ 777, 896.

Глава третья.

Совѣты гражданъ при „Гильдіи Московскаго Купечества".

I.

Изучивъ составъ, а также формы и содержаніе дѣятельности присутствія «Гильдіи Московскаго Купечества», мы переходимъ теперь къ изученію тѣхъ «совѣтовъ гражданъ», которые собирались при Гильдіи.

Изучающій составъ и дѣятельность этихъ совѣтовъ долженъ прежде всего предостеречь себя отъ одной опасности. Какъ уже приходилось разъяснять въ своемъ мѣстѣ, со времени изданія Городового Положенія 1785 г. мы встрѣчаемъ при Московской Гильдіи собранія двоякаго рода: наряду съ прежними собраніями Купеческаго Общества, происходившими и до 1785 г., теперь при той же Гильдіи начинаютъ происходить также и собранія «общества градскаго», впервые учрежденнаго Городовымъ Положеніемъ 1785 г. Разумѣется, собранія перваго и второго рода были совершенно различны. Собранія Купеческаго Общества являлись органомъ сословно-купеческаго самоуправленія; собранія «общества градскаго» служили однимъ изъ органовъ самоуправленія общегородского. Въ связи съ этимъ и предметы дѣятельности тѣхъ и другихъ собраній не совпадали. Но при всемъ томъ, благодаря цензовымъ ограниченіямъ, установленнымъ по Городовому Положенію 1785 г. для права участія въ собраніяхъ «общества градскаго», составъ этихъ собраній почти совпадалъ съ составомъ прежнихъ гражданскихъ совѣтовъ при Гильдіи. Въ то время какъ общая дума по Городовому Положенію 1785 г. составлялась изъ представителей всѣхъ шести разрядовъ градскаго населенія, «собраніе общества градскаго», являясь также органомъ общегородского самоуправленія, тѣмъ не менѣе составлялось такимъ образомъ, что въ немъ получали возможность участвовать лишь тѣ элементы городского населенія, которые входили въ составъ и «гражданскихъ совѣтовъ» при Гильдіи. Итакъ, тѣ и другія собранія, совершенно различныя по своей юридической природѣ и по кругу своихъ дѣйствій, оказывались почти тождественными по составу. Потому то тѣ и другія одинаково происходили при «Гильдіи Московскаго Купечества»; потому то приговоры тѣхъ и другихъ одинаково заносились въ книги «общественныхъ приговоровъ» Московскаго Купеческаго Общества. Отсюда возникала нерѣдко въ практикѣ тогдашняго управленія запутанное смѣшеніе двухъ совершенно различныхъ органовъ; бывали случаи, когда оффиціальныя инстанціи впадали въ недоразумѣніе и не только переставали различать приговоры того и друго рода, но начинали даже смѣшивать самое «общество градское» съ обществомъ «Московскаго Купечества». Опасность такого смѣшенія грозитъ и современному изслѣдователю тѣхъ матеріаловъ, которые онъ находитъ въ книгахъ общественныхъ приговоровъ, сохранившихся въ архивѣ «Гильдіи Московскаго Купечества». Во избѣжаніе такой опасности мы и выдѣлимъ, прежде всего,

изъ этихъ «общественныхъ приговоровъ», все то, что относится собственно до «собраній общества градскаго».

Среди приговоровъ, занесенныхъ въ «книги общественнымъ приговорамъ при Гильдіи», находимъ приговоры, посвященные утвержденію городовой обывательской книги и опредѣленію размѣра взносовъ съ лицъ, вписывающихся въ такую книгу. Здѣсь не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что передъ нами—акты дѣлопроизводства «собранія общества градскаго», на которое такого рода дѣла именно были возложены Городовымъ Положеніемъ. Первый приговоръ такого рода состоялся въ сентябрѣ 1787 г., когда въ Гильдіи, въ «залѣ общаго собранія» собрались, какъ сказано въ приговорѣ: «московскіе именитые граждане и все общество купеческое и мѣщанское въ присутствіи господина градскаго главы», въ дальнѣйшемъ текстѣ приговора собравшіеся прямо называются «обществомъ градскимъ» [1]). Извѣстенъ затѣмъ совершенно тождественный приговоръ отъ 13 августа 1791 г. [2]). Помимо этихъ приговоровъ, вполнѣ безспорно относимыхъ къ актамъ дѣятельности «общества градскаго», слѣдуетъ указать на рядъ другихъ приговоровъ, въ которыхъ приходится усматривать трудно уловимое смѣшеніе собранія купеческаго совѣта съ собраніемъ общества градскаго. Московское Купеческое Общество получило отъ камеръ-коллегіи на откупъ пять «новинскихъ береговъ». Въ 1788 г. московскій магистратъ предписалъ Гильдіи «предложить обществу на совѣтѣ, дабы оное по силѣ Городового Положенія 44 ст. чрезъ посредство опредѣленнаго отъ себя стряпчаго» исходатайствовало, откуда надлежитъ, на всѣ тѣ урочища планы. 17 ноября 1788 г. собраніе именитыхъ гражданъ и купцовъ всѣхъ трехъ гильдій въ присутствіи городского головы постановило «опредѣленному отъ Московскаго Купеческаго Общества стряпчему вслѣдствіе Городового Положенія 44 ст. въ защищеніе общества и во удовлетвореніе онаго»—исходатайствовать, откуда надлежитъ, планы на упомянутыя урочища, а также добиваться возвращенія во владѣніе Купеческаго Общества тѣхъ мѣстъ на этихъ берегахъ, которые неправильно были захвачены частными лицами [3]). Здѣсь рѣчь идетъ объ имуществѣ, принадлежащемъ Купеческому Обществу, и порученіе дается стряпчему, опредѣленному отъ Купеческаго Общества, а дѣлается это со ссылкою на 44 ст. Городового Положенія, въ которой обществу градскому предоставляется право отстаивать свои интересы чрезъ посредство стряпчаго! Итакъ, Общество Купеческое отождествляетъ себя съ обществомъ градскимъ и такое отождествленіе поддерживается и московскимъ магистратомъ. Далѣе, статьей 31-й Городового Положенія обществу градскому предоставлялось выбирать городского голову, бургомистровъ и ратмановъ, старостъ и судей словеснаго суда. И вотъ, въ книгахъ приговоровъ, которыя велись при Гильдіи, находимъ рядъ приговоровъ по такимъ именно выборамъ, постановлявшихся на собраніяхъ именитыхъ гражданъ и купцовъ трехъ гильдій [4]). Ясно, что то были собранія «общества градскаго»!

---

[1]) Обществ. пригов. I, 1787 г. № 13.

[2]) Ibid. 1791 № 18; 1800 г. № 20: «именитые и купцы трехъ гильдій» и № 56; см. еще ibid. 1789 г. № 10, вопросъ о томъ, можно ли принять въ 1-ю гильдію по объявленному капиталу дворянина рѣшался на собраніи именитыхъ купцовъ всѣхъ гильдій и депутатовъ, избранныхъ для составленія городовой обывательской книги.

[3]) Ibid. 1788 г. № 8.

[4]) Ibid. 1788 №№ 9, 10; 1791 г. № 28; 1794 г. № 11; 1798 г. № 27: указъ магистрата о выборахъ данъ на имя «градскаго общества».

Въ 1797 г. магистратъ предложилъ на «совѣтѣ московскаго общества» разсмотрѣть вопросъ, нельзя ли несостоятельныхъ должниковъ, кои не сыщутъ партикулярной работы для зарабатыванія своей недоимки, отдавать въ общественныя работы. Собраніе московскихъ именитыхъ гражданъ и купцовъ трехъ гильдій 10 іюля 1797 г. постановило отклонить это предложеніе магистрата въ виду многихъ неудобствъ, а въ особенности потому, что «у здѣшняго общества никаковыхъ дозволенныхъ по силѣ Городового Положенія 18 и 19 статей заведеніевъ еще нѣтъ», почему и общественныхъ работъ не предвидится [1]). Но въ 18 и 19 стт. Городового Положенія говорится о разнаго рода общественныхъ заведеніяхъ, учреждать которыя предоставляется г о р о д у, т. е., надо думать, о б щ е с т в у г р а д с к о м у. Здѣсь опять Купеческое Общество руководствуется правилами, предписанными до общества градскаго. Въ 1797 г. купецъ Дудышкинъ, избранный на гражданскомъ совѣтѣ въ Лефортовскую часть членомъ для рѣшенія дѣлъ, до устройства и тишины относящихся, заявилъ въ московскомъ магистратѣ, что онъ не можетъ принять этой должности, какъ уже выбранный ранѣе въ депутаты для свидѣтельствованія покоевъ въ той же Лефортовской части. Магистратъ предписываетъ замѣнить Дудышкина другимъ лицомъ и предложеніе это адресуетъ «обществу градскому». Для разсмотрѣнія же этого предписанія собирается обычный гражданскій совѣтъ изъ именитыхъ гражданъ и купцовъ трехъ гильдій, да и самое дѣло по существу принадлежало къ кругу дѣятельности купеческаго гражданскаго совѣта [2]). Надо думать, что здѣсь магистратъ въ своемъ указѣ просто по смѣшенію терминологіи назвалъ «обществомъ градскимъ» гражданскій купеческій совѣтъ. Совершенно такое же смѣшеніе терминологіи находимъ и въ предложеніи московскаго губернскаго правленія градскому головѣ отъ декабря 1797 г., въ коемъ придписывалось, чтобы купцы, избранные на трехлѣтіе къ храненію вещей въ Оружейной палатѣ, уже не избирались ни къ какимъ другимъ должностямъ. Конечно, и это дѣло по своему существу касалось купеческаго гражданскаго совѣта, и голова направилъ предложеніе губернскаго правленія въ Гильдію, но въ самомъ предложеніи предписывалось доложить это распоряженіе «обществу градскому» на собраніи «общества градскаго» [3]). Въ 1798 г. купецъ Балашевъ, выбранный на гражданскомъ совѣтѣ къ пріему и отпуску соли, принесъ жалобу гражданскому губернатору на то, что его выбрали яко бы неправильно, не взирая на его болѣзненность и семидесятилѣтнюю старость. Жалоба эта оказалась лживой, и на собраніи именитыхъ гражданъ и купцовъ трехъ гильдій 28 мая 1798 г. было постановлено просить у губернскаго правленія дозволенія поступить съ Балашевымъ по силѣ 52 статьи Городового Положенія. Въ этой статьѣ говорится, однако, о правѣ «общества градскаго» исключать изъ общества гражданъ въ извѣстныхъ случаяхъ [4]). 5 марта 1799 г. именитые граждане и купечество трехъ гильдій, собранное въ шестигласной думѣ, въ присутствіи градскаго головы приступило къ выборамъ бургомистровъ и ратсгеровъ въ новыя учрежденія, вводимыя на основаніи «Устава столичнаго города Москвы». Это собраніе прямо названо въ приговорѣ «градскимъ обществомъ» [5]).

Таковы данныя, заключающіяся въ приговорахъ, происходившихъ при Гиль-

---

[1]) Ibid. 1797 г. № 20.
[2]) Ibid. 1797 г. № 29.
[3]) Ibid. стр. 166.
[4]) Ibid. 1798 г. № 15.
[5]) Ibid. 1799 г. № 8.

дiи совѣтовъ, относительно взаимной близости Общества Купеческаго и общества градскаго. Съ одной стороны, въ перемежку съ приговорами купеческихъ гражданскихъ совѣтовъ въ книги приговоровъ при Гильдіи, очевидно, заносились и приговоры такихъ собраній, которыя представляли собою не что иное, какъ настоящія собранія общества градскаго. Съ другой стороны, сами собранія купеческихъ совѣтовъ дѣйствовали порою на основаніи узаконеній, относившихся въ сущности до собраній общества градскаго, какъ бы смѣшивая себя съ послѣдними. Причиною явленій и того и другого рода служила тождественность личнаго состава собраній обѣихъ категорій.

Оговоривъ во избѣжаніе недоразумѣній это важное обстоятельство, мы приступимъ теперь къ изученію тѣхъ именно собраній при Гильдіи, которыя представляли собою настоящіе «гражданскіе при Гильдіи совѣты».

Кто входилъ въ составъ такихъ совѣтовъ? До 1785 г. мы находимъ на этихъ совѣтахъ однихъ лишь гильдейскихъ купцовъ. При этомъ наблюдается слѣдующее. Иногда на совѣтѣ участвуютъ купцы какой либо одной гильдіи—первой или второй; иногда совѣтъ состоитъ изъ купцовъ и первой и второй гильдій или изъ всѣхъ трехъ гильдій. Что означаетъ это явленіе? Для разъясненія его прежде всего надлежитъ помнить, что помимо общекупеческаго совѣта у каждой гильдіи существовала своя гильдейская организація, свои гильдейскія дѣла, свои собранія купцовъ данной только гильдіи, которыя собирались въ томъ же помѣщеніи, что и общекупеческіе совѣты. Итакъ, нѣкоторыя изъ собраній, запротоколированныхъ въ книгахъ протоколовъ при Гильдіи Московскаго Купечества, вообще должны разсматриваться, не какъ общекупеческіе совѣты, а какъ собранія купцовъ отдѣльныхъ гильдій. Это явствуетъ и изъ содержанія соотвѣтствующихъ протоколовъ. Вотъ, напримѣръ, протоколъ отъ 22 февраля 1771 г.: присутствовало только второй гильдіи купечество и на собраніи разсматривались вопросы о томъ, въ какомъ порядкѣ впредь наряжать къ разнымъ службамъ купцовъ второй гильдіи. Было постановлено взять за образецъ рѣшеніе, состоявшееся по этому же вопросу въ первой гильдіи, т. е. впредь не созывать каждый разъ купцовъ на гильдейскій совѣтъ для опредѣленія того или иного купца къ очередной службѣ, а поручить производить такія опредѣленія самимъ гильдейскимъ старшинамъ, безъ созыва на совѣтъ купцовъ [1]). Итакъ, здѣсь каждая гильдія отдѣльно для себя, на своемъ гильдейскомъ, а не на общекупеческомъ совѣтѣ, устанавливаетъ внутренній распорядокъ въ предѣлахъ своей гильдіи для назначенія купцовъ на очередныя службы. Вотъ, рядъ примѣровъ такихъ же одногильдейскихъ собраній купцовъ первой гильдіи, на которыхъ опять-таки рѣшаются дѣла, только до этой гильдіи касающіяся:—приговоры отъ 1771 г. №№ 9, 10 (отъ 9 ноября), 1778 г. № 9 (декабрь), 1779 г. № 18 и т. д.—по коимъ купцы первой гильдіи утверждаютъ изъ своихъ гильдейскихъ средствъ нѣкоторыя ассигновки своимъ первогильдейскимъ старшинамъ.

Отъ этихъ собраній отдѣльныхъ гильдій слѣдуетъ отличать собранія, имѣвшія значеніе общекупеческаго схода при Гильдіи Московскаго Купечества, рѣшенія котораго имѣли силу для всей совокупности купцовъ всѣхъ гильдій. На нихъ и присутствовали купцы разныхъ гильдій. Однако, бывали случаи въ началѣ изучаемаго періода, когда въ такомъ же качествѣ общекупеческаго схода выступали собранія, на коихъ участвовала одна только первая гильдія. Значитъ, нужно различать собранія первогильдейскихъ купцовъ, собиравшихся для рѣ-

---

[1]) Ibid. 1771 г. № 3.

шенія дѣлъ, касавшихся только одной ихъ первой гильдіи, и собранія тѣхъ же первогильдейскихъ купцовъ, собиравшихся для рѣшенія дѣлъ, касавшихся всего Гильдейскаго Купечества: въ первомъ случаѣ передъ нами—обособленно-гильдейскій сходъ одной только 1-й гильдіи, во второмъ случаѣ, передъ нами—общекупеческій совѣтъ, хотя и составленный только изъ однихъ первогильдейцевъ. Это, слѣдовательно, два разныя учрежденія, хотя и съ одинаковымъ составомъ. Для подкрѣпленія сказаннаго примѣромъ достаточно сопоставить уже указанныя выше собранія первогильдейцевъ, на коихъ рѣшались дѣла, лишь до первой гильдіи относящіяся, со слѣдующими собраніями—18 января 1771 г. (№ 2); 9 марта 1778 г. (№ 1); 26 февраля 1779 г. (№ 12): и здѣсь участвуютъ только купцы первой гильдіи, но, какъ явствуетъ изъ приговоровъ этихъ собраній, на нихъ разсматривались и рѣшались вопросы, касавшіеся уже всей совокупности Гильдейскаго Купечества, и при томъ вопросы такой крупной важности, какъ порядокъ самообложенія, распредѣленіе функцій между членами присутствія Гильдіи Московскаго Купечества, распоряженіе различными статьями принадлежащаго всему Купеческому Обществу имущества. Нѣкоторыми изъ этихъ постановленій возлагались опредѣленныя обязанности на купцовъ второй и третьей гильдій, несмотря на то, что члены этихъ гильдій на данныхъ собраніяхъ не принимали участія. Ясно, такимъ образомъ, что передъ нами въ данныхъ случаяхъ—собраніе съ властью общекупеческаго совѣта, хотя и составленное лишь изъ купцовъ одной первой гильдіи. Справедливость этого заключенія подтверждается также и слѣдующимъ наблюденіемъ: начиная со второй половины 80-хъ годовъ XVIII вѣка—тождественные по содержанію приговоры по тѣмъ же вопросамъ принимаются уже не иначе, какъ на совмѣстныхъ собраніяхъ купцовъ всѣхъ трехъ гильдій [1]); очевидно, то были вопросы, по своему существу обнимавшіе все Гильдейское Купечество въ совокупности.

Итакъ, въ первыя три четверти XVIII столѣтія общекупеческіе совѣты при Гильдіи составлялись либо изъ купцовъ разныхъ гильдій, либо только изъ первогильдейскихъ купцовъ, которые имѣли право представлять на своихъ сходахъ все Гильдейское Купечество въ совокупности. Но со второй половины 80-хъ гг. XVIII столѣтія это преимущество первой гильдіи исчезаетъ, и гражданскіе совѣты при Гильдіи Московскаго Купечества составляются уже постоянно изъ купцовъ всѣхъ трехъ гильдій. Съ того же времени можно отмѣтить и еще одно новое явленіе. По изданіи Городового Положенія 1785 г. въ составъ гражданскихъ совѣтовъ при гильдіи сверхъ купцовъ трехъ гильдій постоянно входили еще именитые граждане. Это обстоятельство объясняется, разумѣется, тѣмъ, что къ образованному въ 1785 г. разряду именитыхъ гражданъ принадлежали, главнымъ образомъ, лица, занимавшіеся также торгами и промыслами и до 1785 г. входившіе въ составъ гильдейской организаціи. Теперь они были выдѣлены въ особый разрядъ именитыхъ гражданъ, но, очевидно, это выдѣленіе относилось собственно до порядка участія названнаго разряда въ самоуправленіи общегородскомъ (такъ, именитые граждане выбирали своихъ особыхъ гласныхъ въ общую думу и имѣли своихъ особыхъ представителей въ шестигласной думѣ), но въ отношеніи сословно-купеческаго самоуправленія именитые граждане

---

[1]) Ibid. 1787 г. № 2; 1787 г. № 4; 1789 г. № 2; 1790 г. № 3; 1792 г. № 3; 1793 г. № 2; 1795 г. № 5; 1796 г. № 3; 1797 г. № 6; 1798 г. № 1; 1799 г. № 5; 1800 г. № 12; 1801 г. № 7; 1802 г. № ; 1803 г. № 1.

по прежнему примыкали къ Гильдейскому Купечеству, хотя и составляли въ гражданскомъ при Гильдіи совѣтѣ особую группу[1]). Начиная съ 1785 г., почти во всѣхъ общественныхъ приговорахъ мы и находимъ такое обозначеніе состава гражданскаго совѣта: «московскіе именитые граждане, 1-й, 2-й и 3-й гильдій Купечество въ присутствіи господина градскаго головы, будучи въ собраніи, и слушавъ.... приговорили». Иногда впрочемъ употреблялась иная, краткая формула: «въ присутствіи господина градскаго головы Московское Купечество, будучи въ собраніи и слушавъ.... приговорили», при чемъ эта вторая формула совершенно соотвѣтствовала по значенію первой.

Въ нѣкоторыхъ, довольно рѣдкихъ, случаяхъ составъ общегражданскаго при Гильдіи совѣта осложнялся еще однимъ элементомъ; въ началѣ иныхъ приговоровъ мы читаемъ: «московскіе именитые граждане, купечество 1-й, 2-й и 3-й гильдій и мѣщане, подъ названіемъ посадскихъ, въ присутствіи господина городского головы».

Какъ и почему въ купеческихъ совѣтахъ участвовали мѣщане? Здѣсь прежде всего надлежитъ различать время до изданія Городового Положенія 1785 г. и время по изданіи названнаго закона. Мы знаемъ, что до муниципальной реформы Екатерины II въ Москвѣ гражданскіе совѣты при Гильдіи Московскаго Купечества фактически замѣняли собою общепосадскій сходъ, существовавшій во всѣхъ другихъ городахъ и руководившій совмѣстно съ магистратомъ дѣлами посадскаго міра. Посадскій міръ обнималъ въ своемъ составѣ не только купцовъ, но и всѣхъ посадскихъ тяглецовъ, какъ то: ремесленниковъ, чернорабочихъ и т. п., не принадлежавшихъ къ Купечеству. Они также были членами посадскаго міра и, слѣдовательно, членами посадскаго схода. Въ Москвѣ купеческая организація лишь фактически осуществляла функціи общепосадскаго схода, но въ сущности de jure и всѣ прочіе посадскіе тяглецы столицы могли бы претендовать на участіе въ дѣлахъ, которыя въ остальныхъ посадахъ вершились собраніями всѣхъ посадскихъ тяглецовъ. Въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія образовывается новый разрядъ городского населенія—мѣщане (по манифесту 17 марта 1775 г.), къ которому оказались присоединенными и мелкіе торговцы, ранѣе сопричислявшіеся къ Купечеству. Эти-то мѣщане и продолжали въ 70-хъ годахъ участвовать въ купеческихъ сходахъ при Гильдіи, по скольку эти сходы занимались не спеціально купеческими, а общепосадскими дѣлами; такъ, напримѣръ, совмѣстно съ купцами они выбирали членовъ магистрата. Указомъ сената отъ 7 ноября 1779 г. было повелѣно для производства выборовъ магистратскихъ членовъ предварительно избрать по слободамъ повѣренныхъ (или, какъ сказали бы мы теперь выборщиковъ), при чемъ предписывалось въ составъ этихъ повѣренныхъ избирать отъ каждой слободы по равному числу отъ купцовъ и отъ мѣщанъ. Для обсужденія этого сенатскаго распоряженія въ Гильдію и были собраны какъ купцы, такъ и мѣщане, которые на общемъ своемъ собраніи совмѣстно выработали ходатайство о назначеніи дополнительныхъ выборовъ въ московскій магистратъ и это общее ходатайство купцовъ и мѣщанъ было поручено представить въ главный магистратъ старшинамъ трехъ купеческихъ гильдій[2]). И гораздо позднѣе, когда воз-

---

[1]) Здѣсь замѣтимъ, что при выработкѣ Городового Положенія 1785 г., какъ это видно изъ одного чернового проекта этого Положенія, существовало предположеніе создать для именитыхъ гражданъ особую корпоративную организацію, подобную купеческой, но потомъ это предположеніе было оставлено и именитые граждане вошли въ составъ корпораціи, объединенной «Гильдіей Московскаго Купечества». Проектъ, о которомъ мы говоримъ, еще не извѣстенъ въ печати.

[2]) Ibid. 1779 г. № 34.

никала необходимость ликвидировать нѣкоторые вопросы, связанные съ прежними выборами магистратскихъ учрежденій, происходившими еще при дѣйствіи стараго порядка городского управленія, на собранія при Гильдіи созывались для обсужденія такихъ вопросовъ совмѣстно и купцы и мѣщане. Такъ, напримѣръ, еще въ 1794 г. тянулось дѣло о взысканіи начета съ нѣкоторыхъ бывшихъ членовъ прежняго московскаго магистрата. Прежній магистратскій президентъ Мамоновъ и бургомистръ Орловъ были признаны виновными въ неправильномъ веденіи одного частнаго исковаго дѣла грека Хаджи Ангелова. По претензіямъ потерпѣвшихъ отъ неправильнаго веденія этого дѣла съ названныхъ магистратскихъ членовъ предстояло взыскать 675 р. 63 к. Но такъ какъ Мамоновъ и Орловъ умерли, не оставивъ никакого имущества, то взысканіе опредѣлено было обратить на избиравшее названныхъ лицъ общество. Избирателями являлись тогда и купцы и мѣщане, и вотъ, въ 1794 г. для обсужденія только что изложеннаго постановленія въ Гильдію на совѣтъ были собраны именитые граждане, купцы всѣхъ трехъ гильдій и мѣщане, которые сообща и рѣшили возбудить въ губернскомъ правленіи ходатайство объ отмѣнѣ этого начета по соображеніямъ, которыя намъ придется разсмотрѣть въ своемъ мѣстѣ въ другой связи [1]).

Таковъ былъ одинъ рядъ случаевъ участія мѣщанъ въ гражданскихъ совѣтахъ при Гильдіи: они вызывались ликвидаціей наслѣдія старыхъ до-Екатерининскихъ порядковъ городского управленія. Но затѣмъ, и при новыхъ порядкахъ, уже по изданіи Городового Положенія 1785 г. купцамъ и мѣщанамъ приходилось соединяться въ совмѣстныя собранія. Это происходило въ случаѣ возникновенія такихъ дѣлъ, которыя касались и Купеческаго и мѣщанскаго Обществъ. Въ такихъ случаяхъ эти гражданскіе при Гильдіи совѣты получали характеръ соединенныхъ собраній обоихъ обществъ, не уничтожавшихъ раздѣльности послѣднихъ. Ясное указаніе на это находимъ въ приговорахъ отъ 1791—1792 года. Въ этомъ году Купечество и мѣщанство рѣшили сообща принять на себя содержаніе мытнаго двора. И вотъ, сначала для разсмотрѣнія этого вопроса собираются въ Гильдіи одни купцы: 5 сентября 1791 г. въ собраніи именитыхъ гражданъ и купцовъ всѣхъ трехъ гильдій было постановлено взять въ Москвѣ на вѣчное содержаніе Московскаго Купечества и мѣщанъ мытный и животинный дворъ, шалашныя мѣста и Новинскіе берега изъ опредѣленнаго оброка и возбудить о томъ ходатайство передъ московскимъ главнокомандующимъ [2]). А затѣмъ, когда Купечество на своемъ совѣтѣ рѣшило для себя этотъ вопросъ, состоялось новое собраніе уже съ участіемъ мѣщанъ, которое и подтвердило во всѣхъ частяхъ предшествующее постановленіе [3]). Такимъ же образомъ, въ 1787 г. именитые граждане, купцы трехъ гильдій, мѣщане и цеховые сообща возбудили ходатайство о выдачѣ имъ изъ государственнаго банка заимообразно 600 тысячъ рублей на построеніе гостиннаго двора [4]).

Итакъ, Купеческое и мѣщанское Общества были по многимъ дѣламъ связаны общностью имущественныхъ интересовъ и владѣльческихъ правъ. И отъ прежнихъ временъ остались у нихъ общія имущества. Такъ, обоимъ обществамъ принадлежалъ совмѣстно по крѣпости «общественный домъ», и когда съ конца 80-хъ годовъ на этотъ домъ заявила свои притязанія казна и московскій главно-

---

[1]) Ibid. 1794 г. № 10.
[2]) Ibid. 1791 г. № 22.
[3]) Ibid. 1792 г. № 10.
[4]) Ibid. 1787 г. № 8.

командующій сталъ возбуждать вопросъ о принятіи названнаго дома въ казенное владѣніе, хотя съ уплатою за это изъ казны шести тысячъ рублей, то, естественно, для обсужденія этихъ предложеній потребовалось созывать совмѣстные совѣты купцовъ и мѣщанъ [1]). Оба Общества – Купеческое и мѣщанское—издавна совмѣстно содержали богадѣльню для «обоего пола престарѣлыхъ неимущихъ собратій своихъ до ста человѣкъ». За ветхостью прежняго богадѣленнаго дома, въ 1803 г. на совмѣстномъ собраніи 19 мая они постановили ходатайствовать о предоставленіи имъ сообща подъ устройство новой богадѣльни мѣстъ упраздненнаго Андреевскаго монастыря и прошеніе о томъ поручено было возбудить отъ имени обоихъ обществъ старостѣ первой купеческой гильдіи Лухманову [2]). Прошеніе это увѣнчалось успѣхомъ. Упраздненный Андреевскій монастырь былъ Высочайше пожалованъ К у п е ч е с к о м у и м ѣ щ а н с к о м у Обществамъ подъ богадѣльню, и вотъ для принятія этого пожалованія и выбора благодарственной депутаціи 7 іюля 1803 г. въ Гильдіи собирается совѣтъ, составъ котораго въ приговорѣ такъ и обозначенъ: «въ присутствіи господина градскаго головы Московское Купеческое и мѣщанское Общество».... На этомъ же совѣтѣ совмѣстно было рѣшено сверхъ богадѣльни устроить въ новопожалованномъ Андреевскомъ упраздненномъ монастырѣ «Коммерческій Классъ» на 50 учащихся обоего пола [3]). Городскимъ головою былъ выработанъ проектъ устава и штатовъ этого коммерческаго училища; для одобренія того и другого опять-таки былъ созванъ соединенный совѣтъ Купеческаго и мѣщанскаго Обществъ (16 октября 1803 г.), который кромѣ того вотировалъ и утвердилъ ежегодную ассигновку въ 15 тысячъ рублей на содержаніе этого училища [4]).

Бывали и другого рода дѣла, по которымъ обоимъ обществамъ приходилось дѣйствовать совмѣстно чрезъ посредство соединенныхъ сходовъ. Купцы совмѣстно съ мѣщанами выбирали «маклеровъ, слугъ и рабочихъ людей» [5]). Ревизскія сказки составлялись по слободамъ совмѣстно для купцовъ и мѣщанъ: такъ, на сходѣ 30 января 1795 г. на совѣтѣ именитыхъ гражданъ, купцовъ трехъ гильдій и м ѣ щ а н ъ было постановлено выбрать отъ каждой слободы по одному или по два человѣка для собиранія сказокъ съ купцовъ и съ мѣщанъ подъ общимъ руководительствомъ слободскихъ и городскихъ старостъ [6]).

Наконецъ, отправленіе подводной повинности и выборы въ нѣкоторыя службы возлагались правительственной властью сообща и на купцовъ и на мѣщанъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ.

Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ совмѣстные сходы купцовъ и мѣщанъ были необходимы, ибо естественно, что соотвѣтствующія рѣшенія могли получить силу лишь съ одобренія представителей обоихъ обществъ. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить, что при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ обоихъ обществъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ Купеческое Общество выступало на первый планъ, подвергаясь и положительнымъ и отрицательнымъ послѣдствіямъ такого первенства. Такъ, повинность по поставкѣ подводъ подъ шествіе Ихъ Величествъ и подъ почту выполнялась совмѣстно купцами и мѣщанами, но всѣ относящіяся сюда постановленія принимались на сходахъ одного Купечества безъ участія

---

[1]) Ibid. 1789 г. № 17.
[2]) Ibid. 1803 г. № 30.
[3]) Ibid. 1803 г. № 33.
[4]) Ibid. 1803 г. № 45.
[5]) Ibid. 1787 г. № 16.
[6]) Ibid. 1795 г. № 9.

мѣщанъ, хотя постановленія эти непосредственно касались и мѣщанства. Вся распорядительная и направляющая дѣятельность по организаціи этой повинности сосредоточилась въ рукахъ Купеческаго Общества, мѣщанству оставалось только выполнять ту лолю повинности, которая Купечествомъ на него возлагалась. Въ 1799 г. губернское правленіе предписало съ Московскаго Купечества и мѣщанства (кромѣ цеховыхъ) поставить на двѣ станціи—въ Москву и въ село Богородское по Казанскому тракту 61½ лошадей, что въ денежныхъ суммахъ составляло 7.380 р. въ годъ. Предписаніе это было разсмотрѣно 9 марта 1799 г. на совѣтѣ именитыхъ гражданъ и купцовъ трехъ гильдій (мѣщанъ на совѣтѣ не было), которые и приговорили—«въ разсужденіе московскихъ мѣщанъ нѣкоторыхъ бѣдности въ число вышеписанной договорной суммы въ помощь Московскому Купечеству полагаемъ получить отъ московскаго мѣщанства четвертую часть, т. е. 1.845 р., которую вѣримъ принять и употреблять на вышеписанную надобность сего году городовымъ старостамъ» [1]).

Въ 1800 г. московское губернское правленіе опредѣлило, чтобы на 1800 г. отъ Купеческаго Общества, мѣщанъ и цеховыхъ было поставлено по Петербургскому тракту въ Москвѣ и на Богородскомъ посадѣ подъ почты, эстафеты, курьеровъ и проѣзжающихъ 68 лошадей. Получивъ это опредѣленіе, Купечество на собраніи именитыхъ гражданъ и купцовъ всѣхъ трехъ гильдій—опять-таки безъ участія какъ мѣщанъ, такъ и цеховыхъ—приговорили въ число требуемыхъ на наемъ тѣхъ лошадей суммъ получить съ мѣщанъ за 15 лошадей, а съ цеховыхъ за 6½ лошадей. Мѣщанамъ и цеховымъ, слѣдовательно, опять-таки предоставлялось лишь принять къ исполненію расчетъ, установленный купеческимъ совѣтомъ. Опредѣленіе размѣровъ самой наемной суммы за требуемыя подводы производилось точно также на купеческихъ совѣтахъ безъ участія заинтересованныхъ въ томъ мѣщанъ. Такъ, въ 1800 г. въ томъ же приговорѣ, который только что былъ процитированъ, было поручено городскимъ старостамъ произвести торги желающимъ принять на себя поставку этихъ подводъ и заключить контрактъ, засвидѣтельствованный у маклера, съ тѣми людьми, за которыми послѣдняя цѣна состоится. По этой цѣнѣ и производилась затѣмъ разверстка взносовъ за подводы между Купечествомъ, мѣщанствомъ и цеховыми [2]). При расчетѣ съ поставщиками подводъ поставщики имѣли дѣло только съ Купеческимъ Обществомъ, получая полностью слѣдуемую имъ сумму изъ купеческой казны, а уже затѣмъ Купеческое Общество поручало городскому головѣ предписать мѣщанскому и цеховому обществамъ внести ихъ доли въ присутствіе Московской Гильдіи [3]). Такой же порядокъ примѣнялся и въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣсто найма подводъ у подрядчиковъ общества по предписанію правительственной власти должны были прямо внести назначенную сумму въ казну. Такъ, въ апрѣлѣ 1798 г. губернское правленіе предписало на оплату добавочныхъ подводъ подъ почты прямо взыскать съ купцовъ и мѣщанъ по 30 коп. съ души, что составляло сумму 5.836 р. 50 к. (съ 8.308 душъ именитыхъ гражданъ и купцовъ трехъ гильдій и съ 11.147 душъ мѣщанъ). И Купеческое Общество, согласно приговору купеческаго совѣта, сразу вноситъ въ первый департаментъ магистрата всю эту сумму—5.836 р. 50 к.—изъ наличныхъ при Гильдіи общественныхъ суммъ, слѣдовательно, расплачивается съ казной и за себя, и за мѣщанское общество, предоставляя затѣмъ мѣщанскимъ старостамъ собрать съ

---

[1]) Ibid. 1799 г. № 10.
[2]) Ibid. 1800 г. №№ 2 и 8.
[3]) Ibid. 1797 г. № 13.

мѣщанъ и внести въ Купеческую Гильдію падающую на мѣщанъ долю этого платежа. Все это постановляется на собраніи именитыхъ гражданъ и купцовъ трехъ гильдій безъ участія мѣщанъ [1]). Мѣщанское общество вносило иногда меньшую сумму сравнительно съ наложеннымъ на него постановленіемъ гражданскаго купеческаго совѣта и ссылалось при этомъ на свои «изнеможенія», не позволяющія собрать сполна всѣхъ требуемыхъ денегъ, но для Купеческаго Общества такое рѣшеніе мѣщанъ не имѣло обязательной силы, и мы имѣемъ примѣры тому, что въ отвѣтъ на такія заявленія мѣщанскаго общества совѣтъ именитыхъ гражданъ и гильдейскихъ купцовъ постановлялъ неослабно взыскать съ мѣщанъ чрезъ городовыхъ старостъ и остальную долю наложеннаго на мѣщанъ платежа [2]). Такое же подчиненіе мѣщанскаго общества распорядительной власти Общества Купеческаго примѣнялось и при выборахъ въ нѣкоторыя службы. Вотъ нѣсколько тому примѣровъ. Въ 1802 г. «Московское Купеческое Общество», будучи въ Гильдіи, выбрало къ оцѣнкѣ питейныхъ домовъ въ Московскомъ уѣздѣ четырехъ человѣкъ изъ купцовъ и изъ мѣщанъ [3]). Въ томъ же году «Московское Купеческое Общество, будучи въ собраніи», выбрало въ смотрители надъ рядами 11 человѣкъ, въ томъ числѣ одного мѣщанина [4]); въ 1803 г. «Купеческое Общество» избираетъ 4 смотрителей надъ богадѣльней, въ томъ числѣ одного мѣщанина и 2 смотрителей надъ площадкой, въ томъ числѣ опять одного мѣщанина [5]).

Таковы были соотношенія Купеческаго и мѣщанскаго Обществъ. Они владѣли нѣкоторыми общими имуществами. Они отправляли сообща нѣкоторыя повинности и службы. Въ отношеніи такихъ повинностей и службъ распорядительныя функціи осуществлялись купеческимъ гражданскимъ совѣтомъ безъ участія мѣщанъ. Но въ отношеніи общихъ имуществъ необходимыя распоряженія постановлялись не иначе, какъ на совмѣстныхъ собраніяхъ и купцовъ, и мѣщанъ, и вотъ почему на иныхъ совѣтахъ при Гильдіи мы находимъ, кромѣ именитыхъ гражданъ и купцовъ трехъ гильдій, также и мѣщанъ [6]).

Чтобы покончить съ вопросомъ о личномъ составѣ гражданскихъ совѣтовъ при Гильдіи, упомянемъ, что отъ общихъ совѣтовъ надо отличать частныя собранія отдѣльныхъ группъ, входившихъ въ составъ Купеческаго Общества. Мы уже отмѣчали выше, что каждая гильдія собиралась и особо для разсмотрѣнія дѣлъ, касавшихся только одной данной гильдіи. Кромѣ того свои особыя дѣла имѣлись у тѣхъ членовъ Купеческаго Общества, которые записывались въ купцы изъ крестьянъ. По закону такія лица сверхъ платежей и службы по купечеству продолжали платить подати и по крестьянству на прежнее свое жилище; для этого имъ нужно было выбирать изъ своей среды особыхъ сборщиковъ и разрѣшать разные другіе вопросы, связанные съ раскладкой и уплатой такихъ податей. Потому то «записавшіеся изъ крестьянъ въ купечество», помимо участія въ общегражданскихъ совѣтахъ, сходились по мѣрѣ надобности и на свои особыя собранія, которыя происходили также въ помѣщеніи Гильдіи Московскаго Купечества. Въ такихъ собраніяхъ участвовали сообща записавшіеся изъ крестьянъ какъ въ Купечество, такъ и въ мѣщанство по той причинѣ, что обязанность

---

[1]) Ibid. 1798 г. № 11.
[2]) Ibid. 1797 г. № 27.
[3]) Ibid. 1802 г. № 73.
[4]) Ibid. 1802 г. № 103.
[5]) Ibid. 1803 г. № 11.
[6]) Ibid. 1799 г. № 1; примѣръ отдѣльнаго собранія «мѣщанскаго общества».

уплаты крестьянскихъ податей на прежнее жилище одинаково распространялась на тѣхъ и другихъ. Для этой цѣли они совмѣстно выбирали общихъ сборщиковъ [1]).

Выше разсмотрѣнъ вопросъ о томъ, какіе элементы населенія участвовали въ гражданскихъ при Гильдіи совѣтахъ. Теперь мы переходимъ къ вопросу о формахъ и размѣрахъ этого участія. Здѣсь главнымъ образомъ надлежитъ обратить вниманіе на два обстоятельства: 1) гражданскіе совѣты при Гильдіи изучаемаго періода,—за исключеніемъ нѣкоторыхъ избирательныхъ совѣтовъ, о которыхъ будетъ сказано ниже при изученіи порядка выборовъ при Купеческомъ Обществѣ,—были не представительными, а непосредственными собраніями именитыхъ гражданъ и гильдейскихъ купцовъ, и 2) для дѣйствительности такихъ собраній не существовало никакого обязательнаго кворума. Вотъ почему численность участниковъ этихъ совѣтовъ была весьма неустойчива. Укажемъ нѣсколько примѣровъ, рисующихъ эту неустойчивость. Беремъ сначала нѣсколько совѣтовъ однихъ первогильдейцевъ за 1771 годъ. На совѣтѣ 18 января означеннаго года, на которомъ разсматривались важные вопросы: наказъ старшинамъ, вотированіе мірскихъ сборовъ, отдача на откупъ мірскихъ оброчныхъ статей и т. д.: подъ приговоромъ подписалось 90 купцовъ; на совѣтѣ въ февралѣ того же года,—принявшемъ также важное постановленіе объ отпускѣ въ распоряженіе старшины и старосты 300 р. изъ гильдейской суммы на разные расходы—подписалось подъ приговоромъ всего 41 человѣкъ, а на совѣтѣ 18 мая въ томъ же году при выборахъ словеснаго судьи подъ избирательнымъ приговоромъ находимъ 96 подписей. А рядомъ съ этимъ встрѣчаемъ сходы первогильдейцевъ, на которыхъ участвуютъ 20, 26 человѣкъ при принятіи постановленій, аналогичныхъ вышеприведеннымъ [2]). Возьмемъ теперь совѣты съ участіемъ купцовъ нѣсколькихъ гильдій. 18 января 1771 г. на совѣтѣ, устанавливавшемъ порядокъ отбыванія мірскихъ службъ, участвовало 88 купцовъ первой гильдіи и 38 купцовъ второй гильдіи, всего — 126 человѣкъ. Въ мартѣ того же года на совѣтъ явилось отъ первой и второй гильдіи вмѣстѣ всего только 20 человѣкъ (предстояло распорядиться на счетъ свозки нечистотъ изъ рядовъ); собравшіеся сами рѣшили, что за малолюдствомъ совѣта нельзя принять никакого постановленія; 1 іюня того же года на совѣтѣ при выборѣ магистратскаго ратмана участвовало 71 купецъ первой гильдіи и 37 купцовъ второй гильдіи, всего 108 человѣкъ. На совѣтѣ 20 января 1787 г. при выборѣ словесныхъ судей отъ всѣхъ трехъ гильдій находилось 84 человѣка; на совѣтѣ 1791 г. подъ увольненіемъ одного купца изъ общества въ тверское купечество подписано всего 13 именъ купцовъ разныхъ гильдій и т. д. [3]). Не увеличиваемъ числа примѣровъ, ибо и приведенные вполнѣ ясно показываютъ, что численность участниковъ отдѣльныхъ совѣтовъ бывала чрезвычайно различна. Причина этого заключалась въ отсутствіи какихъ бы то ни было правилъ относительно состава совѣтовъ. Хотя, какъ мы только что видѣли, и бывали случаи, когда совѣтъ расходился, не считая возможнымъ приступить къ рѣшенію дѣлъ въ виду малаго количества прибывшихъ членовъ, но случалось это, обыкновенно, тогда, когда купечеству предстояло заняться дѣлами, которыя оно охотно готово было отложить, какъ, напримѣръ, выполненіе какой-нибудь экстрен-

---

[1]) Ibid. 1803 г. № 80.
[2]) Ibid. 1771 г. №№ 2, 9, 8; 1778 г. № 9; 1779 г. № 11, 12.
[3]) Ibid. 1771 г. № 1, 4, 10; 1791 г. № 26; 1787 г. № 1.

ной службы, и ссылка на малочисленность совѣта служила при этомъ лишь удобнымъ предлогомъ оттянуть дѣло; доказательствомъ чему можетъ служить то обстоятельство, что другіе совѣты при точно такомъ же незначительномъ количествѣ прибывшихъ участниковъ преспокойно занимались текущими дѣлами не меньшаго значенія. По общему обыкновенію совѣтъ почитался дѣеспособнымъ и выражающимъ волю всего Купеческаго Общества при любомъ числѣ прибывшихъ на него членовъ. Когда въ 1805 г. обсуждался вопросъ о преобразованіи Гильдіи Московскаго Купечества въ «домъ общества градскаго» съ его двумя отдѣленіями — купеческимъ и мѣщанскимъ,—тогда при проектированіи новаго порядка были даны справки о прежнемъ устройствѣ купеческаго самоуправленія и, въ частности, о прежнихъ гражданскихъ при Гильдіи совѣтахъ. Въ этихъ справкахъ находимъ и совершенно точное указаніе на тотъ именно способъ составленія этихъ совѣтовъ, который охарактеризованъ выше. «Здѣшнее Купеческое Общество—читаемъ мы тамъ—съ давнихъ времянъ въ собраніяхъ своихъ, для совѣтовъ о дѣлахъ общественныхъ бываемыхъ, довольствовалось тѣмъ однимъ числомъ засѣдающихъ въ оныхъ совѣтахъ, кто изъ приглашающихся по повѣсткамъ гильдейскихъ старостъ и по собственному желанію бываютъ въ нихъ» [1]).

И такъ, на совѣты могли являться всѣ члены Купеческаго Общества и любое количество собравшихся составляло полноправный гражданскій совѣтъ при Гильдіи. Исключеніе составляли совѣты, созывавшіеся для производства выборовъ въ гражданскія должности. Тогда примѣнительно къ обряду выборовъ въ депутаты коммиссіи о выборахъ новаго уложенія 1766 г. непосредственный сходъ членовъ Купеческаго Общества замѣнялся собраніемъ повѣренныхъ (они назывались также и «присяжными повѣренными» и «повѣренными выборщиками»), которые предварительно выбирались для этой цѣли всѣмъ Обществомъ въ опредѣленномъ числѣ. Повѣренные эти выбирались по слободамъ, коихъ въ Москвѣ состояло 33. Избравъ «повѣренныхъ» или «выборщиковъ», купцы затѣмъ по гильдіямъ выбирали «кандидатовъ» на подлежащія замѣщенію должности. И наконецъ, «выборщики» приступали къ баллотированію всѣхъ этихъ «кандидатовъ», при чемъ тѣ изъ кандидатовъ, которые собирали наибольшее число голосовъ, почитались избранными всѣмъ Купеческимъ Обществомъ. Ниже, при разсмотрѣніи избирательныхъ функцій гражданскихъ совѣтовъ, мы остановимся подробнѣе на этомъ порядкѣ.

О внѣшнемъ распорядкѣ при гражданскихъ совѣтахъ сказать можно немногое по той причинѣ, что распорядокъ этотъ также мало былъ регламентированъ, какъ и составъ совѣтовъ. Совѣты собирались по повѣсткамъ, которыя разносились по купцамъ состоявшими при Гильдіи солдатами. Впрочемъ, повидимому, только купцамъ первой гильдіи повѣстки доставлялись на домъ [2]). Какимъ образомъ были оповѣщаемы о совѣтахъ прочіе члены Купеческаго Общества,—недостаточно ясно. На каждомъ совѣтѣ должны были присутствовать гильдейскіе старосты и ихъ помощники. При самомъ выборѣ названныхъ должностныхъ лицъ въ избирательномъ приговорѣ иногда прямо вписывалось опредѣленіе: «выбраннымъ въ городовые старосты и съ ихъ помощниками быть при всякомъ купеческомъ совѣтѣ непремѣнно, не представляя никакихъ отговорокъ» [3]). Такимъ же непремѣннымъ членомъ гражданскихъ совѣтовъ при Гильдіи является городской

---

[1]) Арх. Купеч. Управы. Опись т. I, дѣло № 34.
[2]) Общ. пригов. 1771 г. № 2, стр. 5, стлб. 2.
[3]) Ibid. 1795 г. № 19.

голова. Объ этомъ подробно было сказано выше, когда шла рѣчь объ отношеніи городского головы къ гильдейскому присутствію. Мѣстомъ собранія гражданскихъ совѣтовъ служили или помѣщеніе Гильдіи, или помѣщеніе шестигласной думы [1]).

II.

Дѣла на гражданскихъ совѣтахъ возникали либо по иниціативѣ самого Купеческаго Общества, либо по иниціативѣ гильдейскаго присутствія, либо по иниціативѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ учрежденій, которыя приходили въ соприкосновеніе съ Купеческимъ Обществомъ по различнымъ вопросамъ управленія.

Иниціатива самого Общества въ возбужденіи дѣлъ, подлежащихъ обсужденію на гражданскихъ совѣтахъ, проявлялась въ связи съ весьма разнообразными сторонами дѣятельности Общества. Такъ, по иниціативѣ Общества возбуждались различные вопросы относительно порядка службы членовъ гильдейскаго присутствія. Выше, въ своемъ мѣстѣ было указано, что въ началѣ каждаго года Общество утверждало на совѣтахъ наказы, содержавшіе въ себѣ общія постановленія о томъ, какъ должны быть распредѣлены функціи между отдѣльными членами гильдейскаго присутствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же принимались и нѣкоторыя общія распоряженія о наиболѣе важныхъ затратахъ изъ общественныхъ средствъ, которыя поручалось произвести членамъ гильдейскаго присутствія въ теченіе года. За весь изучаемый періодъ мы имѣемъ почти отъ каждаго года по одному такому общественному приговору съ подобнымъ характеромъ «наказа» вновь образованному на годъ составу присутствія. Приговоры эти начинаются словами: «купечество, будучи въ Гильдіи, въ собраніи, на совѣтѣ, имѣя разсужденіе, съ общаго согласія приговорили»... Эта формула и обозначаетъ, что данное постановленіе было принято не въ силу полученнаго откуда либо указа, а по собственному почину міра, ибо въ противномъ случаѣ употреблялась другая формула: «купечество, будучи въ Гильдіи, въ собраніи на совѣтѣ и слушавъ указа (или указовъ) присланныхъ изъ».... и затѣмъ обозначалось изъ какого именно учрежденія указывалось обсудить на совѣтѣ данный вопросъ. Подобныхъ приговоровъ находимъ среди общественныхъ приговоровъ, дошедшихъ до насъ за время существованія Гильдіи, не менѣе 20. Въ такомъ же порядкѣ мірской иниціативы нерѣдко обсуждались на совѣтахъ и вопросы, касавшіеся организаціи службы состоявшихъ при гильдейскомъ присутствіи канцеляристовъ и чиновъ военной команды; напримѣръ: вопросъ о выдачѣ жалованья служившему при Гильдіи канцеляристу Протодьяконову за время его болѣзни—на гражданскомъ совѣтѣ 26 іюля 1779 г.; вопросъ о продолженіи уплаты жалованья регистратору и канцеляристу гильдейскимъ, прикомандированнымъ къ депутатскому собранію по сочиненію и продолженію городовой обывательской книги,—на гражданскомъ совѣтѣ 5 сентября 1789 г., или вопросъ объ отставленіи отъ должности состоявшаго при Гильдіи сержанта Морщикова и о прекращеніи выдачи ему жалованья «за нѣкоторыми его пороками и прочими извѣстными обществу дурными поведеніями» и объ опредѣленіи на его мѣсто находящагося при Гильдіи на солдатской вакансіи вахмистра Горвацкаго—на совѣтѣ 6 іюня 1789 г.; или вопросъ объ отставленіи отъ должности Полянскаго, нѣкогда присланнаго въ Гильдію къ письменнымъ дѣламъ изъ московскаго магистрата и объ избраніи на его мѣсто

---

[1]) Ibid. 1799 г. №№ 8, 12, 14, 15.

Алексѣя Иванова—на совѣтѣ 11 декабря 1789 г.; Полянскаго, «коего—какъ сказано было въ приговорѣ—впредь общество за нѣкоторыми обстоятельствами, извѣстными обществу, у себя имѣть не желаетъ», рѣшено было представить обратно при рапортѣ въ московскій магистратъ, откуда онъ былъ присланъ. Вопросы объ опредѣленіи къ Гильдіи стряпчихъ и замѣнѣ опредѣленныхъ другими лицами подымались и разрѣшались на гражданскихъ совѣтахъ также по мірской иниціативѣ;—мы уже говорили объ этомъ выше, при разсмотрѣніи вообще порядка службы стряпчихъ при Гильдіи. Стряпчій Смирновъ, въ 1804 г., покидая службу при Гильдіи по разстроенности здоровья и желая получить похвальный аттестатъ, обращается съ просьбой объ этомъ прямо въ гражданскій при Гильдіи совѣтъ, который и приступаетъ непосредственно къ разсмотрѣнію этой просьбы и удовлетворяетъ ее [1]).

Во многихъ случаяхъ Общество на гражданскомъ совѣтѣ самостоятельно приступало къ обсужденію и рѣшенію различныхъ вопросовъ, касавшихся мірскихъ финансовъ. Такъ, не требовалось ни откуда указовъ для рѣшенія гражданскихъ совѣтовъ относительно экстренныхъ ассигновокъ изъ мірскихъ суммъ въ распоряженіе гильдейскихъ старшинъ или городского головы [2]). Тоже нужно сказать и о разрѣшеніи гильдейскимъ старшинамъ употреблять нужныя суммы изъ указанныхъ міромъ статей мірского дохода на опредѣленныя цѣли, разъ навсегда предустановленныя въ приговорѣ гражданскаго совѣта. И такія постановленія гражданскій совѣтъ принималъ по собственной иниціативѣ [3]). Порядокъ экстренныхъ сборовъ «на необходимыя общественныя надобности» устанавливался на совѣтахъ этимъ же путемъ [4]). Кромѣ того, мы имѣемъ длинный рядъ случаевъ когда гражданскіе совѣты по самостоятельному почину вотировали экстренныя ассигновки изъ мірскихъ суммъ не вообще въ распоряженіе гильдейскихъ старшинъ и городскихъ головъ, а на точно обозначенные въ самихъ приговорахъ предметы [5]). Вотированіе займовъ на общественныя нужды также производилось по усмотрѣнію самихъ совѣтовъ [6]).

Распоряжаясь эксплоатаціей различныхъ статей общественнаго имущества, а также основывая различныя общественныя заведенія и содержа ихъ на общественныя средства, гражданскіе совѣты дѣйствуютъ по своей иниціативѣ и во многихъ случаяхъ выносятъ рѣшенія по вопросамъ, выдвинутымъ ими самими, а не подсказаннымъ имъ иными инстанціями. Въ такомъ именно порядкѣ совѣты поручаютъ завѣдываніе сборами съ общественныхъ угодій опредѣленнымъ членамъ гильдейскаго присутствія [7]), или рѣшаютъ вопросы о сдачѣ нѣкоторыхъ общественныхъ угодій на откупъ или, наоборотъ, объ отрѣшеніи откупщиковъ и о возвращеніи соотвѣтственныхъ угодій въ непосредственное завѣдываніе гильдейскихъ старостъ [8]), объ отдачѣ въ наймы купеческаго общественнаго двора, о продажѣ такого двора, о пріобрѣтеніи но-

---

[1]) Ibid. 1804 г. № 8.
[2]) Ibid. 1771 г. № 9; 1790 г. № 13; 1795 г. № 13; 1798 г. № 24; 1803 г. № 47; 1804 г. № 34.
[3]) Ibid. 1771 г. № 12.
[4]) Ibid. 1798 г. № 23.
[5]) Ibid. 1779 г. № 29; 1800 г. № 11; 1801 г. № 23; 1802 г. № 60; 1803 г. № 58; 1804 г. № 15; 1804 г. № 33; 1796 г. № 14; 1797 г. № 9; 1798 г. № 6; 1801 г. № 63; 1801 г. № 118; 1804 г. № 10 и друг.
[6]) Ibid. 1795 г. № 24.
[7]) Ibid. 1787 г. № 4; 1789 г. № 3.
[8]) Ibid. 1790 г. № 8; 1797 г. № 17; 1797 г. № 22.

ваго, о постройкѣ или пріобрѣтеніи общественныхъ лавокъ [1]), о возбужденіи ходатайствъ относительно постройки новаго гостиннаго двора [2]) или относительно пріобщенія къ общественнымъ землямъ сосѣднихъ казенныхъ пустопорожнихъ земель [3]); самостоятельно возбуждаетъ міръ на гражданскихъ совѣтахъ и вопросы о началѣ судебныхъ процессовъ по спорамъ съ третьими лицами относительно общественныхъ имуществъ [4]). Ассигновки на содержаніе общественной купеческой богадѣльни, заведеніе на мірскія средства коммерческаго училища, приглашеніе на службу Обществу архитектора—все это ставится на обсужденіе гражданскихъ совѣтовъ и получаетъ на нихъ рѣшеніе въ порядкѣ общественной иниціативы [5]).

Къ третьей категоріи вопросовъ, къ обсужденію которыхъ гражданскіе совѣты приступали по собственному почину, можно отнести вопросы, касавшіеся мірскихъ службъ и повинностей. Сюда отнесемъ, напримѣръ, различныя рѣшенія гражданскихъ совѣтовъ по организаціи падавшей на Общество подводной повинности и, главнымъ образомъ, по отдачѣ поставки подводъ по контракту охочимъ поставщикамъ [6]), и производство выборовъ къ очереднымъ мірскимъ службамъ, или рѣшенія объ отказѣ отъ новыхъ съ оставленіемъ у данной службы прежде выбранныхъ къ ней купцовъ [7]). Въ 1771 г. Общество на совѣтѣ по собственному почину приступило къ обсужденію инструкціи полицей-мейстерской канцеляріи 1722 г., коей регулировалось отбываніе городскими жителями повинностей по тушенію пожаровъ, по несенію рогаточныхъ карауловъ и др. и обсужденіе закончилось возбужденіемъ ходатайства относительно облегченія этого повинностнаго бремени [8]).

Возбужденіе разнаго рода ходатайствъ по вопросамъ, касавшимся интересовъ Купеческаго Общества, составляло четвертую категорію дѣлъ, возникавшихъ на совѣтахъ по иниціативѣ самого Общества. Въ такомъ порядкѣ на совѣтахъ были, напримѣръ, возбуждаемы ходатайства о сокращеніи числа членовъ магистрата, о сокращеніи числа словесныхъ судей—тѣ и другіе выбирались Обществомъ, которое поэтому и выдвигало вопросъ объ уменьшеніи личнаго состава этихъ учрежденій [9]); далѣе, въ приговорахъ гражданскихъ совѣтовъ встрѣчаемъ ходатайства относительно отмѣны различныхъ правилъ, стѣснительныхъ для торговли, напримѣръ, отмѣны конфискаціи неклейменыхъ иностранныхъ товаровъ въ лавкахъ и домахъ [10]); относительно продленія срока, назначеннаго по указу 1793 г. для распродажи вывезенныхъ изъ-за границы товаровъ [11]); относительно выселенія евреевъ, занимающихся торгами [12]); относительно облегченія порядка выдачи паспортовъ для торговыхъ отлучекъ [13]) и т. п.

---

[1]) Ibid. 1787 г. № 5; 1787 г. № 18; 1791 г. № 6; 1791 г. № 21; 1791 г. № 24; 1804 г. № 34; 1792 г. № 11; 1804 г. № 47; 1804 г. № 53; 1804 г. № 59; 1805 г. №№ 4, 5; 1805 г. № 16.

[2]) Ibid. 1790 г. № 10; 1795 г. № 16; 1799 г. № 3; 1802 г. № 63.

[3]) Ibid. 1802 г. № 64.

[4]) Ibid. 1792 г. № 13; 1795 г. № 14; 1799 г. № 23.

[5]) Ibid. 1803 г. № 49; 1804 г. № 44; 1804 г. № 30; 1804 г. № 48; 1805 г. № 3.

[6]) Ibid. 1780 г. №№ 35, 40.

[7]) Ibid. 1789 г. № 22; 1804 г. № 33.

[8]) Ibid. 1771 г. № 1.

[9]) Ibid. 1779 г. №№ 16, 34; 1787 г. № 11.

[10]) Ibid. 1789 г. № 11.

[11]) Ibid. 1790 г. 14;1793 г. № 15.

[12]) Ibid. 1790 г. №№ 1 и 14.

[13]) Ibid. 1789 г. № 19.

Наконецъ, по почину Общества на совѣтахъ возбуждались вопросы объ избраніи особыхъ депутацій для принесенія поздравленія Ихъ Величествамъ по различнымъ торжественнымъ случаямъ и о разнаго рода приготовленіяхъ къ встрѣчѣ Высочайшихъ Особъ при посѣщеніи ими Москвы [1]). Итакъ, опредѣленіе порядка службы членовъ гильдейскаго присутствія и другихъ лицъ, при Гильдіи состоящихъ; распоряженіе средствами мірской казны; мѣры по эксплоатаціи мірскихъ угодій; завѣдываніе общественными заведеніями, благотворительными и учебными; раскладка мірскихъ службъ и повинностей; возбужденіе ходатайствъ передъ высшими властями о нуждахъ Общества; организація встрѣчъ государямъ при посѣщеніи ими Москвы и вѣрноподданническихъ привѣтствій или принесенія благодарностей за особыя оказанныя Обществу милости—вотъ кругъ вопросовъ и дѣлъ, въ которомъ вращалась иниціатива самого міра на собиравшихся при Гильдіи гражданскихъ совѣтахъ.

Къ проявленію мірской иниціативы на гражданскихъ совѣтахъ надлежитъ, въ сущности, отнести и тѣ случаи, когда вопросы на совѣтахъ возбуждались по докладу или по предложенію гильдейскихъ старшинъ. И здѣсь иниціатива принадлежала собственно міру, а старшина или староста только освѣдомлялъ Общество о положеніи дѣлъ, требующемъ тѣхъ или иныхъ мѣропріятій. Такъ, напримѣръ, староста докладывалъ о запущеніи недоимки откупщикомъ, державшимъ за собою какую-либо мірскую оброчную статью—напримѣръ мытный и животинный дворы—и о необходимости приступить къ взысканію этой недоимки, и въ результатѣ такого доклада являлся приговоръ о порученіи самому старостѣ взыскать недоимку [2]); или староста докладывалъ о томъ, что отпущенной ему міромъ суммы въ безотчетное его распоряженіе оказывается недостаточно, и заявлялъ о необходимости дальнѣйшей ассигновки,—и Общество на совѣтѣ разрѣшало дополнительную ассигновку [3]); или староста докладывалъ о болѣзни выбраннаго міромъ оцѣнщика и о необходимости замѣстить его другимъ лицомъ, и міръ на основаніи этого доклада производилъ новые выборы [4]). Но на ряду съ такими случаями, когда староста лишь докладывалъ о текущихъ фактахъ изъ области мірскихъ дѣлъ, а мірской приговоръ являлся уже естественнымъ выводомъ изъ такого доклада,—бывали случаи и другого рода, когда староста въ качествѣ представителя гильдейскаго присутствія вносилъ на гражданскій совѣтъ опредѣленный проектъ какой-либо мѣры общаго характера. Напримѣръ, въ 1802 г. городовые старосты предложили ввести нѣкоторыя ограниченія при пріемѣ въ Купечество желающихъ изъ крестьянъ; въ 1803 г. городовые старосты предложили на гражданскомъ совѣтѣ возбудить ходатайство о разрѣшеніи выдавать купцамъ паспорты на простой, а не на гербовой бумагѣ, безъ платежа пошлины [5]). Въ обоихъ указанныхъ случаяхъ предложенія городовыхъ старостъ были приняты Обществомъ и въ мірскіе приговоры были записаны соотвѣтствующія постановленія. Тутъ уже иниціатива въ самой постановкѣ вопросовъ принадлежала гильдейскому присутствію, а гражданскіе совѣты лишь слѣдовали за этой иниціативой.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ гражданскіе совѣты приступали къ разсмотрѣнію и разрѣшенію различныхъ вопросовъ на основаніи предписаній

---

[1]) Ibid. 1779 г. № 20; 1787 г. № 6.
[2]) Ibid. 1790 г. № 2.
[3]) Ibid. 1771 г. № 17.
[4]) Ibid. 1801 г. № 19.
[5]) Ibid. 1802 г. № 49; 1803 г. № 6.

изъ разнаго рода сторонних учрежденій. И среди этихъ учрежденій на первомъ мѣстѣ въ указанномъ отношеніи надлежитъ поставить московскій магистратъ. Выше было указано на то, что московскій магистратъ являлся той ближайшей инстанціей, которой непосредственно подчинялось гильдейское присутствіе въ своей повседневной дѣятельности. Въ виду этого немудрено, что и на созываемые при Гильдіи гражданскіе совѣты весьма широко распространялась руководящая роль московскаго магистрата и при постановленіи своихъ приговоровъ совѣтамъ всего чаще приходилось считаться съ иниціативой именно этого учрежденія. Количество дѣлъ, возникавшихъ на гражданскихъ совѣтахъ на основаніи указовъ, присланныхъ въ Гильдію изъ московскаго магистрата, составляло очень высокій процентъ общаго числа дѣлъ, тамъ разсматривавшихся. Попробуемъ распредѣлить ихъ на категоріи. Прежде всего надо различать случаи, въ которыхъ обращеніе къ гражданскому совѣту исходило прямо отъ самого московскаго магистрата, и другіе случаи, въ которыхъ магистратъ являлся только передаточной инстанціей между Гильдіей и собирающимися при ней совѣтами съ одной стороны и различными учрежденіями, далѣе, нежели магистратъ, отстоявшими отъ купеческаго сословнаго самоуправленія, съ другой.

Магистратъ непосредственно отъ себя обращался къ гражданскимъ совѣтамъ, главнымъ образомъ, по слѣдующимъ случаямъ. На совѣтахъ вотировались ассигновки на содержаніе самого магистрата и состоящей при немъ канцеляріи и команды, а также на содержаніе шестигласной думы и сиротскаго суда. Предложеніе объ ассигнованіи на это соотвѣтствующихъ суммъ вносилось Гильдіей на совѣты гражданъ каждый разъ не иначе, какъ по указу изъ магистрата. Иногда магистратъ возбуждалъ кромѣ того вопросы объ увеличеніи такихъ ассигновокъ сверхъ обычной нормы или объ единовременныхъ экстренныхъ ассигновкахъ сверхъ постоянныхъ ежегодныхъ выдачъ [1]). Далѣе, не иначе, какъ по указу изъ магистрата, созывались гражданскіе совѣты для производства выборовъ въ гильдейскіе старшины и старосты, въ словесные судьи и въ маклеры [2]). Въ третьихъ, предложенія произвести на совѣтахъ выборы къ разнаго рода купеческимъ службамъ всегда поступали изъ московскаго магистрата, напримѣръ при выборахъ къ пріему вещей изъ зараженныхъ домовъ, къ пріему соли и вина, къ аукціону, въ счетчики при разныхъ учрежденіяхъ, въ цѣновщики и т. д. [3]). Пріемъ въ Купечество новыхъ членовъ и увольненіе купцовъ изъ Купеческаго Общества или въ иногороднія Купеческія Общества или въ монахи производился—иногда по иниціативѣ самого Общества, но большею частью и это дѣлалось по предложенію изъ московскаго магистрата, куда предварительно направлялись о томъ просьбы отъ заинтересованныхъ лицъ [4]). Въ-пятыхъ, магистратъ направлялъ на обсужденіе гражданскихъ совѣтовъ поступавшія къ нему дѣла, если онѣ непосредственно касались интересовъ Купеческаго Общества или соприкасались съ падавшими на это Общество платежами. Напримѣръ, въ связи

---

[1]) Ibid. 1771 г. №№ 16 и 17; 1788 г. № 2; 1790 г. № 5; 1791 г. № 4.

[2]) Ibid. 1780 г. № 43; 1787 г. №№ 1 и 10; 1789 г. № 21; 1792 г. №№ 17а, 17б; 1793 г. № 14; 1797 г. №№ 30, 31; 1798 г. №№ 26, 27.

[3]) Ibid. 1771 г. № 18; 1778 г. № 6; 1789 г. № 23; 1792 г. № 17б; 1797 г. №№ 28, 13; 1803 г. № 19; 1778 г. №№ 7 и 8; 1790 г. № 9; 1795 г. № 10; 1798 г. № 26; 1793 г. № 11; 1802 г. № 73.

[4]) Ibid. 1791 г. № 26; 1792 г. № 7; 1796 г. № 8; 1805 г. № 37; 1804 г. № 41; 1802 г. №№ 81, 85.

съ тяжбой, которую Общество вело съ нѣкоторыми лицами, завладѣвшими отдѣльными участками на принадлежащихъ Обществу Новинскихъ берегахъ, Гильдія и гражданскіе при Гильдіи совѣты предпринимали различныя дѣйствія не иначе, какъ по указанію московскаго магистрата, а магистратъ съ своей стороны передавалъ свои распоряженія на разсмотрѣніе и одобреніе гражданскихъ совѣтовъ: въ этихъ случаяхъ магистратъ посылалъ въ Гильдію указы, въ которыхъ прямо предписывалось передать соотвѣтствующій вопросъ на разсмотрѣніе гражданскаго совѣта [1]). Или когда возникъ вопросъ о перемѣщеніи рядовъ въ гостинномъ дворѣ, и дѣло объ этомъ поступило въ московскій магистратъ, послѣдній призналъ, что разрѣшеніе этого вопроса должно быть передано на усмотрѣніе купеческаго гражданскаго совѣта, такъ какъ за содержаніе торговыхъ рядовъ платитъ Купечество [2]).

Затѣмъ, въ магистратъ поступали изъ всевозможныхъ учрежденій всякаго рода дѣла, касавшіяся Купечества, а магистратъ уже отъ себя препровождалъ такіе указы въ Гильдію для доклада гражданскому совѣту, если онъ находилъ, что данное дѣло входитъ въ компетенцію этого послѣдняго. Напримѣръ, разыскная канцелярія препровождала купцовъ, попавшихся въ воровствѣ, въ магистратъ, а оттуда уже дѣло о нихъ передавалось на гражданскій совѣтъ [3]). Купечество содержало въ Москвѣ на общественныя средства церковь Успенія, и поднимавшіеся въ связи съ этимъ вопросы духовная консисторія направляла въ магистратъ, а магистратъ передавалъ ихъ на обсужденіе гражданскаго совѣта [4]). Губернское правленіе и болѣе высокія учрежденія до сената включительно точно такъ же по дѣламъ, касавшимся Купечества, адресовались къ магистрату, который уже отъ себя сносился по такимъ дѣламъ въ случаѣ надобности съ гильдейскимъ присутствіемъ или съ гражданскимъ совѣтомъ [5]). Изучая общественные приговоры, постановлявшіеся на этихъ совѣтахъ, всего чаще встрѣчаешь именно такой порядокъ движенія дѣлъ и можно, кажется, придти къ заключенію, что магистратъ почитался по преимуществу органомъ, направляющимъ ходъ купеческаго сословнаго самоуправленія и посредствовавшимъ между нимъ и всѣми государственными учрежденіями. Однако, несмотря на это, нерѣдки были и такіе случаи, когда Гильдія вносила на разсмотрѣніе гражданскихъ совѣтовъ указы разныхъ учрежденій, полученныя непосредственно отъ этихъ учрежденій, а не черезъ московскій магистратъ. Здѣсь напомнимъ еще разъ и то, что наряду съ Гильдіей и городской голова передаетъ на обсужденіе гражданскихъ совѣтовъ указы, получаемые имъ изъ разныхъ учрежденій по дѣламъ, касающимся Купечества. При этомъ, замѣчается, что черезъ городского голову на гражданскіе совѣты поступаютъ дѣла, преимущественно исходящія отъ московскаго главнокомандующаго и рѣже отъ губернскаго правленія, тогда какъ остальныя учрежденія въ большинствѣ случаевъ направляютъ относящіяся до Купечества дѣла не къ головѣ, а въ Гильдію.

Какія же учрежденія сносились съ органами купеческаго самоуправленія непосредственно, минуя магистратъ и являясь прямыми иниціаторами возбужденія соотвѣтствовавшихъ вопросовъ на гражданскихъ совѣтахъ? Располагая эти учрежденія по степени ихъ близости къ купеческому самоуправленію, мы преж-

---

[1]) Ibid. 1788 г. № 8.
[2]) Ibid. 1771 г. № 7.
[3]) Ibid. 1771 г. № 11.
[4]) Ibid. 1788 г. № 1.
[5]) Ibid. 1797 г. № 19; 1798 г. № 11; 1795 г. № 9 и мног. др.

де всего должны назвать шестигласную думу, нерѣдко помимо магистрата приходившую въ соприкосновеніе съ купеческими совѣтами. Не трудно выяснить причину этого явленія. Выше приходилось уже не разъ отмѣчать, что въ строѣ городского управленія, какъ онъ опредѣлился муниципальной реформой Екатерины II, крайне неясно были очерчены границы компетенціи общегородского и сословно-купеческаго самоуправленій. Два эти вѣдомства на каждомъ шагу пересѣкались, входили одно въ другое, единовременно занимались одними и тѣми же дѣлами. Отсюда возникала и близость шестигласной думы—этого органа общегородского самоуправленія—къ гильдейской организаціи и, въ частности, къ купеческимъ совѣтамъ. Въ главѣ о дѣятельности гильдейскаго присутствія мы видѣли, какъ часто шестигласная дума сносилась съ Гильдіей помимо магистрата. Также непосредственно обращалась она въ нерѣдкихъ случаяхъ и къ купеческимъ совѣтамъ, насылая въ Гильдію указы съ тѣмъ, чтобы они были докладываемы на собраніяхъ Купечества для постановки по нимъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ рѣшеній. Шестигласная дума подымала иногда вопросы, касавшіеся городского благоустройства, но требовавшіе затратъ именно со стороны Купеческаго Общества: въ такихъ случаяхъ дума и входила съ своими предложеніями прямо въ совѣтъ Купечества при Гильдіи. Въ видѣ примѣра укажемъ на предложеніе думы въ 1792 г. построить новый мытный дворъ, при чемъ на купеческомъ совѣтѣ было постановлено ограничиться лишь ремонтированіемъ стараго [1]). Подобно магистрату и дума входила въ Гильдію съ указами о производствѣ выборовъ къ различнымъ службамъ. Кажется, можно такъ разграничить роли магистрата и думы въ такого рода случаяхъ: магистратъ слѣдилъ за выполненіемъ гильдейскимъ Купечествомъ очередныхъ службъ, уже установленныхъ и практикуемыхъ; дума же подымала вопросы о привлеченіи Купеческаго Общества къ новымъ службамъ, производившимся расширеніемъ потребностей городского благоустройства. Такъ, въ 1795 г. дума предложила Купеческому Обществу выбирать смотрителей надъ 15 гербергами въ Москвѣ, при чемъ Купечество на совѣтѣ постановило: «оное оставить на разсужденіе шестигласной думы самой» [2]). Такимъ образомъ, здѣсь въ сущности вопросъ шелъ о томъ, дума или Гильдія должны взять на себя организацію надзора за гербергами, при чемъ и дума и Гильдія стремились переложить это дѣло другъ на друга. Въ такомъ же порядкѣ установленія новыхъ службъ дума входила въ совѣты Купечества съ указами о выборѣ смотрителей надъ запрещенной торговлей, о выборѣ 17 купцовъ для приготовленія всего нужнаго къ предстоящей въ Москвѣ коронаціи, о выборѣ сборщиковъ съ приходящихъ къ Москвѣ судовъ [3]) и т. д. Обычный порядокъ возбужденія подобныхъ вопросовъ состоялъ въ томъ, что дума получала предписанія отъ губернскаго правленія установить тѣ или иныя новыя службы и затѣмъ направляла такія дѣла въ купеческіе при Гильдіи совѣты. Общегородское самоуправленіе оказывалось при этомъ въ роли посредника между коронной администраціей и сословно-купеческимъ самоуправленіемъ. Въ такой же роли оказывалась дума и въ тѣхъ случаяхъ, когда она возбуждала въ купеческихъ совѣтахъ вопросы о взносахъ изъ общественныхъ купеческихъ средствъ нужныхъ суммъ на выполненіе общественныхъ повинностей, напримѣръ, подводной или на покрытіе спеціальныхъ сборовъ, вновь налагаемыхъ на Купечество, напримѣръ, сбора въ 300 р. ежегодно на содержаніе приказныхъ у «прокурор-

[1]) Ibid. 1792 г. № 19.
[2]) Ibid. 1795 г. № 11.
[3]) Ibid. 1797 г. № 23; 1797 г. № 8; 1803 г. № 18.

скихъ дѣлъ», установленнаго по иниціативѣ главнокомандующаго на томъ основаніи, что «прокуроръ печется объ устраненіи запрещенной торговли» [1]).

Иногда поднятіе тѣхъ или иныхъ вопросовъ на купеческихъ совѣтахъ производилось по непосредственному указу изъ самого губернскаго правленія. Сносясь съ Гильдіей и купеческими совѣтами то черезъ магистратъ, то черезъ шестигласную думу, губернское правленіе, правда, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ, входило своими указами и въ прямое сообщеніе съ органами купеческаго самоуправленія [2]). Очень многочисленны случаи внесенія на купеческіе совѣты вопросовъ, поднятыхъ по иниціативѣ московскаго главнокомандующаго. Всѣ относящіяся до Купечества предложенія главнокомандующаго были направляемы либо въ магистратъ, либо, всего чаще, къ городскому головѣ и уже отъ нихъ передавались затѣмъ въ Гильдію. Предложенія эти касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ городского благоустройства и тѣхъ общегосударственныхъ повинностей, которыя были возлагаемы на городское населеніе [3]). Казенная палата обращалась непосредственно въ Гильдію по вопросамъ о зачисленіи въ Купечество желающихъ изъ крестьянъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи палаты; о взысканіи съ Купечества различныхъ сборовъ и недоимокъ по нимъ; о требованіи отъ Гильдіи ежегодной отчетности по казеннымъ сборамъ [4]).

Наконецъ, на купеческихъ совѣтахъ были обсуждаемы и рѣшаемы вопросы также и по требованіямъ и предложеніямъ центральныхъ учрежденій. Камеръ-коллегія—преимущественно черезъ московскій магистратъ — обращалась къ Купеческому Обществу съ разнаго рода запросами и требованіями относительно выборовъ купцовъ къ пріему и отпуску вина и откупныхъ за вино денегъ къ питейнымъ домамъ [5]). До проведенія Екатерининской городской реформы гильдейское купеческое самоуправленіе въ значительнѣйшей мѣрѣ подчинялось направляющему руководству главнаго магистрата. Правильно-ли произведены тѣ или другіе выборы по Купечеству; надлежитъ-ли наложить на Купечество ту или иную экстренную службу; слѣдуетъ-ли опредѣлить опекуновъ къ такому то купцу; какъ расчесть оплату Купечествомъ той или иной повинности,— по всѣмъ такимъ вопросамъ рѣшающій голосъ принадлежалъ главному магистрату въ то время, когда это учрежденіе являлось своего рода министерствомъ городовъ для всей Россіи, а подъ городскимъ обществомъ разумѣлось еще только одно «посадское», т. е. купеческое и ремесленное населеніе городовъ. И вотъ по вышеуказаннымъ вопросамъ въ 60 и 70-хъ годахъ Екатерининскаго царствованія, какъ и ранѣе, купеческимъ совѣтамъ часто приходилось собираться для обсужденія указовъ, присланныхъ изъ главнаго магистрата въ Гильдію, обыкновенно, черезъ московскій магистратъ [6]). Главная соляная контора—сносилась съ купеческими совѣтами по вопросамъ о выборѣ купцовъ къ соляной продажѣ [7]). Наконецъ, и высшее государственное учрежденіе—сенатъ—въ качествѣ инстанціи, на окончательное рѣшеніе которой могли восходить всѣ вопросы, относящіеся до управленія, нерѣдко имѣлъ дѣло съ купеческимъ само-

---

[1]) Ibid. 1797 г. № 26; 1796 г. № 12; 1802 г. № 89.
[2]) Ibid. 1790 г. № 12; 1797 г. № 11; 1798 г. № 21.
[3]) Ibid. 1788 г. № 8; 1789 г. №№ 1, 15; 1793 г. №№ 7, 18; 1796 г. №№ 6, 7; 1797 г. №№ 3, 14, 18, 21; 1798 г. №№ 5, 7; 1799 г. №№ 4, 9; 1802 г. №№ 3, 4 и т. д.
[4]) Ibid. 1792 г. № 2; 1802 г. № 52; 1803 г. № 5.
[5]) Ibid. 1771 г. № 19; 1779 г. № 33; 1791 г. № 17.
[7]) Ibid. 1771 г. №№ 4, 5, 6, 10, 14; 1778 г. № 3; 1779 г. №№ 15, 19, 21, 22.
[6]) Ibid. 1771 г. № 15; 1779 г. № 29.

управленіемъ. Сенатъ вызывалъ первостатейныхъ купцовъ для присутствованія на особыхъ совѣщаніяхъ, которыя устраивались при сенатѣ по нѣкоторымъ особо важнымъ и экстреннымъ дѣламъ—напримѣръ, въ 1771 г. было совѣщаніе при сенатѣ о содержаніи чумныхъ карантиновъ и лазаретовъ Московскаго Купечества и на это совѣщаніе были вызваны въ Петербургъ 12 первостатейныхъ московскихъ купцовъ. Сенатъ предписывалъ обращать на счетъ общественной купеческой казны начеты на купцовъ, выбиравшихся къ казеннымъ сборамъ; сенатъ устанавливалъ новыя выборныя отъ Купечества должности, напримѣръ, гофъ-маклеровъ (1779 г.), новыхъ нотаріусовъ и др. Сенатъ входилъ въ разрѣшеніе вопросовъ объ организаціи подводной повинности съ Московскаго Купечества и т. д. [1]). Сенатскіе указы поступали въ Гильдію черезъ главный и московскій магистраты.

Въ заключеніе упомянемъ, что въ краткій періодъ дѣйствія Павловскаго «Устава столичнаго города Москвы» и гильдейское присутствіе и гражданскіе при Гильдіи совѣты дѣйствовали исключительно по указамъ изъ московскаго городского правленія или ратгауза.

III.

Какъ ни многочисленны были тѣ учрежденія, съ которыми приходилось считаться купеческому самоуправленію въ разсматриваемую эпоху, какъ ни разнообразны были тѣ инстанціи, которымъ принадлежала иниціатива въ поднятіи вопросовъ, обсуждавшихся на гражданскихъ при Гильдіи совѣтахъ, все-же наиболѣе близко и постоянно было соотношеніе купеческихъ совѣтовъ съ тремя учрежденіями: гильдейскимъ присутствіемъ, магистратомъ и шестигласной думой. Мы считаемъ поэтому необходимымъ войти въ нѣкоторыя дальнѣйшія подробности по вопросу о характерѣ отношеній, существовавшихъ между купеческими совѣтами и только что названными учрежденіями.

Роль гильдейскихъ старшинъ и старостъ при гражданскихъ совѣтахъ была уже подробно разсмотрѣна нами выше, въ главѣ о дѣятельности гильдейскаго присутствія. Здѣсь мы только формулируемъ вкратцѣ основные моменты этой роли. Гильдейскіе старшины и старосты обязательно должны были присутствовать на всѣхъ гражданскихъ совѣтахъ. Только съ разрѣшенія совѣта, по общественному приговору, старосты могли увольняться въ отпускъ, при чемъ въ такихъ приговорахъ постановлялось: 1) разрѣшить старостѣ отпускъ и 2) представить магистрату или — во время дѣйствія «Устава» Павла I — юстицкому и камеральному департаментамъ городского правленія—о выдачѣ паспорта уволеннымъ въ отпускъ старостамъ [2]). Старшины и старосты, какъ члены гильдейскаго присутствія имѣли свой кругъ дѣятельности, отдѣльный отъ функцій гражданскихъ совѣтовъ, но въ то же время гильдейское присутствіе являлось также и исполнительнымъ органомъ при гражданскомъ совѣтѣ и этимъ опредѣлялся и весь характеръ взаимоотношеній между Гильдіей и гражданскимъ совѣтомъ. Въ началѣ годичнаго срока своей службы старшины и старосты получали отъ гражданскаго совѣта общій наказъ. Кромѣ того, совѣты давали и въ теченіе года отдѣльныя порученія старшинамъ, чему множество примѣровъ находимъ въ общественныхъ приговорахъ. Наряду съ этими отдѣльными порученіями по единичнымъ случаямъ, совѣты въ дополненіе къ своимъ общимъ наказамъ давали иногда

---

[1]) Ibid. 1771 г. № 13; 1778 г. № 4; 1779 г. №№ 23, 24, 26, 28; 1793 г. № 17; 1802 г. № 84.
[2]) Ibid. 1799 г. № 25.

старшинамъ общее полномочіе на совершеніе извѣстныхъ дѣйствій по своему усмотрѣнію, безъ доклада каждый разъ совѣту гражданъ, опредѣленно отличая отъ такимъ полномочій всѣ другія дѣйствія старшинъ, которыя они могли осуществлять не иначе, какъ доложивъ о нихъ каждый разъ совѣту. Распредѣленіе функцій между отдѣльными членами гильдейскаго присутствія также устанавливалось на гражданскихъ совѣтахъ. Завѣдываніе гильдейской казной принадлежало старшинамъ тоже, какъ исполнительнымъ органамъ гражданскаго совѣта. Они производили выдачи изъ этой казны по приговорамъ совѣта; въ случаѣ экстренныхъ выдачъ до созыва совѣта, старшины непремѣнно докладывали объ этомъ post factum на ближайшемъ совѣтѣ для утвержденія заднимъ числомъ произведенной выдачи. По прошествіи срока своей службы старосты и ихъ помощники должны были отчитываться передъ совѣтомъ въ завѣдываніи въ теченіе года общественной купеческой казной. Старосты, вновь избранные, принимали отъ своихъ предшественниковъ подробный отчетъ о приходахъ и расходахъ гильдейской казны за время ихъ службы и повѣряли кассовую наличность и затѣмъ краткій экстрактъ изъ принятаго ими отчета докладывали гражданскому совѣту. Въ 1804 г. въ общественномъ приговорѣ отъ 9 декабря было постановлено, чтобы о накопившихся недоимкахъ по взимаемымъ съ Купечества сборамъ старосты подавали вѣдомости на первомъ же общественномъ совѣтѣ по окончаніи года ихъ службы. Запущенная недоимка взыскивалась на старостахъ и ихъ помощникахъ [1]). Такимъ образомъ, всѣ факты, въ которыхъ выражались взаимныя отношенія между гильдейскимъ присутствіемъ и гражданскимъ совѣтомъ, рисуютъ строй этихъ отношеній совершенно опредѣленными чертами: гражданскій совѣтъ относился къ гильдейскому присутствію, какъ распорядительное учрежденіе къ своему исполнительному органу.

Посмотримъ теперь, какой характеръ носили отношенія гражданскихъ совѣтовъ къ московскому магистрату. Мы видѣли выше, что магистратъ являлся обычной посредствующей инстанціей между купеческимъ самоуправленіемъ и всѣми государственными учрежденіями и затѣмъ магистратъ занималъ начальственное положеніе по отношенію къ гильдейскому присутствію, поскольку послѣднее дѣйствовало отдѣльно отъ гражданскаго совѣта. Теперь мы должны къ этому прибавить, что и по отношенію къ гражданскимъ совѣтамъ магистратъ занималъ положеніе руководящей инстанціи. Магистратъ не только посредствовалъ между гражданскими совѣтами и прочими учрежденіями, но и подчинялъ совѣты своей распорядительной власти. Выше перечислены тѣ категоріи дѣлъ, которыя магистратъ передавалъ на рѣшеніе гражданскихъ совѣтовъ, но какъ въ этихъ случаяхъ, такъ и вообще всѣ общественные приговоры, постановлявшіеся на совѣтахъ гражданъ при Гильдіи, по дѣламъ, внесеннымъ на эти совѣты магистратомъ, и возбужденнымъ на совѣтахъ по иниціативѣ самого Купеческаго Общества или по иниціативѣ другихъ учрежденій—одинаково поступали на утвержденіе московскаго магистрата, и только по утвержденіи ихъ магистратомъ приговоры подлежали исполненію черезъ гильдейское присутствіе. Иногда магистратъ дополнялъ или видоизмѣнялъ состоявшіеся на гражданскихъ совѣтахъ приговоры. Примѣръ тому можно видѣть въ разрѣшеніи вопроса о купцахъ, попадающихся въ воровствѣ. 1 іюня 1771 г. на гражданскомъ совѣтѣ разсматривался вопросъ о купцахъ Григорьевѣ и Максимовѣ, задержанныхъ разыскной экспедиціей по обвиненію ихъ въ кражѣ

---

[1]) Ibid. 1803 г. № 29; 1804 г. № 1; 1804 г. № 62; 1805 г. № 1.

4 рабронов̀ изъ саней проѣзжавшаго по Варварской улицѣ служителя премьеръ-маіора Загряскаго. Разыскная экспедиція вмѣстѣ съ московскимъ магистратомъ постановила взыскать съ названныхъ купцовъ истцова иска и судебныхъ пошлинъ всего 122 руб. 24¾ коп. и кромѣ того учинить тѣмъ купцамъ наказаніе плетьми. Гражданскій при Гильдіи совѣтъ съ своей стороны постановилъ въ виду несостоятельности Григорьева и Максимова внести указанную сумму изъ общественной купеческой казны, а Григорьева и Максимова представить въ магистратъ для ссылки на поселеніе въ Нерчинскую провинцію; при этомъ совѣтъ постановилъ, чтобы на будущее время старшины сами уплачивали въ такихъ случаяхъ налагаемые на провинившихся купцовъ начеты, если эти начеты не будутъ превышать 50 руб., а самихъ купцовъ представлять для отсылки въ рекруты или на поселеніе. Если же начетъ будетъ превосходить 50 руб., то о такихъ купцахъ докладывать каждый разъ гражданскому совѣту. Магистратъ и внесъ въ это постановленіе существенное измѣненіе, а именно: магистратъ предписалъ гильдейскимъ старшинамъ представлять къ отдачѣ въ рекруты или на поселеніе не всѣхъ купцовъ, подвергаемыхъ начету на сумму не свыше 50 руб., а только тѣхъ, которые окажутся явно и безнадежно несостоятельными; тѣхъ же, которые явятся состоянія добраго и «такую сумму могутъ впредь по исправѣ уплатить»,—не представлять [1]). Утвержденію магистрата подлежали и производившіеся на гражданскихъ совѣтахъ выборы въ старосты, въ смотрители рядовъ, въ словесные судьи, также какъ и къ очереднымъ купеческимъ службамъ [2]). Съ другой стороны гражданскіе совѣты избирали служащихъ при канцеляріи магистрата и заявляли свои желанія относительно смѣны неугодныхъ Купеческому Обществу магистратскихъ канцеляристовъ и секретарей [3]).

Руководя дѣйствіями гражданскихъ совѣтовъ, разсматривая и утверждая приговоры этихъ совѣтовъ, магистратъ выступалъ и представителемъ интересовъ Купеческаго Общества въ томъ случаѣ, когда они нарушались другими учрежденіями. По крайней мѣрѣ именно къ магистрату прибѣгали за помощью гражданскіе совѣты въ случаяхъ ихъ столкновеній съ различными учрежденіями. Вотъ тому примѣры. Въ 1770 г. вновь опредѣленный оберъ-полицеймейстеръ бригадиръ Н. Бахметьевъ по собственному усмотрѣнію, безъ сношенія съ магистратомъ измѣнилъ 14 п. инструкціи московской полицеймейстерской канцеляріи, изданной еще въ 1722 г. Согласно п. 14 названной инструкціи жители Москвы, въ томъ числѣ и купцы обязывались всегда имѣть на готовѣ пожарные инструменты и немедленно являться съ ними на пожаръ, лишь только раздастся набатный колоколъ или трещеточная и барабанная отъ воинскихъ командъ тревога. Между тѣмъ оберъ-полицеймейстеръ Н. Бахметевъ самовольно постановилъ, чтобы жители по составленному имъ росписанію безотлучно дежурили при съѣзжихъ съ пожарными инструментами. Согласно этому постановленію среди прочихъ жителей и купцы находились въ особо учрежденныхъ для того квартирахъ съ пожарными инструментами денно и нощно «яко подъ карауломъ» по цѣлымъ недѣлямъ. Каждому жителю приходилось отбывать эту повинность каждую четвертую или пятую, или, по крайней мѣрѣ, шестую или седьмую недѣлю. На совѣтѣ 18 января 1771 г. Купечество подняло вопросъ о необходимости возбудить

---

[1]) Ibid. 1771 г. № 11.

[2]) Ibid. 1802 г. №№ 101, 103; 1771 г. №№ 8, 15; 1793 г. № 16; 1796 г. № 25; 1797 г. № 1; 1803 г. № 6; 1803 г. № 40.

[3]) Ibid. 1791 г. № 9.

ходатайство объ отмѣнѣ этого обязательства дежурить на съѣзжихъ, которое, какъ сказано было въ приговорѣ: «господиномъ оберъ - полицеймейстеромъ по единственному своему разсужденію, вновь, сверхъ вышеизъясненнаго узаконенія, безъ сношенія съ магистратомъ и безъ всякаго отъ вышняго правительства указу учиненное Московскому Купечеству, а особливо среднестатейнымъ и бѣднымъ (а вообще уповательно и всѣмъ жителямъ) столь тягостно и несносно, что онаго безъ существительнаго раззоренія и лишенія купецкихъ своихъ промысловъ и пропитанія снести не могутъ». Рѣшено было поручить старшинамъ съ товарищи «съ прописаніемъ вышеписаннаго» войти въ московскій магистратъ съ просьбой, чтобы «оной Московское Купечество» отъ того отягощенія со стороны оберъ-полицеймейстера защитилъ и настоялъ на томъ, чтобы и впредь оберъ-полицеймейстеръ ни въ чемъ не отступалъ самовольно отъ инструкціи полицеймейстерской канцеляріи [1]). Другой примѣръ возьмемъ отъ времени позднѣйшаго, когда уже дѣйствовало Екатерининское Городовое Положеніе. Въ 1789 г. управа благочинія чрезъ частныхъ приставовъ стала требовать отъ обывателей высылать отъ каждаго дома людей, а въ части на дневанье и для публичныхъ надобностей, не указывая, въ чемъ онѣ будутъ состоять. Купечество собралось на совѣтъ 4 декабря 1789 г. для обсужденія этого требованія, и въ приговорѣ было указано на то, что по 137 пункту устава управы благочинія сказано только о взиманіи съ обывателей извѣстнаго платежа на содержаніе ночныхъ сторожей, но о привлеченіи самихъ обывателей къ дневанію и отправленію различныхъ публичныхъ надобностей нигдѣ ничего не говорится, а по 7 пункту Городового Положенія прямо воспрещено налагать на городовыхъ жителей новыя подати и службы. Въ виду всего этого на совѣтѣ и было постановлено обратиться черезъ городовыхъ старостъ въ московскій магистратъ съ ходатайствомъ, чтобы магистратъ выяснилъ для какихъ именно надобностей управа благочинія требуетъ къ дневанію обывателей и на основаніи какихъ предписаній и законовъ [2]). Ходатайства о разнаго рода облегченіяхъ для Купеческаго Общества также направлялись гражданскими совѣтами прежде всего въ московскій магистратъ съ тѣмъ, чтобы онъ уже отъ себя давалъ имъ нужное дальнѣйшее движеніе. Такъ, напр., въ 1789 г., рѣшивъ возбудить ходатайство объ упрощеніи и облегченіи процедуры при полученіи паспортовъ, гражданскій совѣтъ поручилъ городовымъ старостамъ внести эти ходатайства въ московскій магистратъ [3]).

Начальственное положеніе московскаго магистрата по отношенію къ купеческому самоуправленію выражалось и въ томъ, что магистратъ налагалъ штрафы на органы этого самоуправленія за неисполненіе его предписаній. Характерны и тѣ выраженія, въ которыхъ магистратъ высказывалъ свои выговоры при наложеніи такихъ штрафовъ. Они свидѣтельствуютъ о силѣ того авторитета, который магистратъ присваивалъ себѣ въ сношеніяхъ съ органами Купеческаго Общества. Въ 1797 г. магистратъ потребовалъ замѣнить другимъ купцомъ одного изъ выбранныхъ къ присмотру за казенными вещами при оружейной палатѣ. Гильдія подала въ магистратъ рапортъ съ возраженіями противъ исполненія этого предписанія. Магистратъ наложилъ штрафъ въ 25 руб. на скрѣпившаго этотъ рапортъ гильдейскаго старосту и въ грозномъ указѣ писалъ при этомъ,

---

[1]) ibid. 1771 г. № 1.
[2]) Ibid. 1789 г. № 18.
[3]) Ibid. 1789 г. № 19.

чтобы Гильдія впредь «начальству своему донесенія подавала ясныя и обстоятельныя, не дѣлая въ томъ подобно оному безплодныхъ и безполезно время отъ настоящаго дѣла отъемлющихъ во одно токмо ей предосужденіе переписокъ, но прилагая всемѣрное стараніе исполнять предписанное въ самой полности и сколько возможно въ непродолжительномъ времени съ крайнимъ поспѣшеніемъ и неусыпной прилежностью». При этомъ магистратъ подчеркивалъ, что онъ не допускаетъ предположенія, чтобы на таковое неповиновеніе магистратскому предписанію Гильдія была уполномочена «обществомъ», но тѣмъ не менѣе на случай, если бы—противъ всякаго ожиданія—оказалось, что «общество» также, согласно съ Гильдіей, противится замѣнѣ Юдина другимъ лицомъ, то Гильдіи предписывалось: «объявить обществу, что сей магистратъ, по регламенту главнаго магистрата, начальство есть всему гражданству, гдѣ такожъ повелено, чтобы магистраты вездѣ содержаны въ знатности и почтеніе приведены были «яко дѣйствительные начальники отъ гражданъ каждаго города почитаемы быть могли» и потому, а также и въ силу всѣхъ другихъ «высочайшихъ относительно до власти установленныхъ правительствъ надъ ввѣренными въ начальство ихъ подчиненными узаконеній» Гильдіи предписывалось «предложить обществу, чтобы оное на мѣсто Юдина къ назначенному на него исправленію избрало другого способнаго и достойнаго изъ гражданъ». Въ высшей степени любопытно, что и послѣ такого грознаго начальственнаго окрика Купечество на гражданскомъ совѣтѣ, разсмотрѣвъ изложенный выше магистратскій указъ, приговорило вмѣсто неукоснительнаго выполненія магистратскаго предписанія представить въ магистратъ дальнѣйшія объясненія. Объясненія эти сводились къ тому, что Общество въ свое время избрало Юдина въ числѣ прочихъ 17 человѣкъ къ присмотру за казенными вещами въ оружейной палатѣ и всѣ выбранные одинаково были признаны тогда безпорочными и удовлетворяющими своему назначенію шестигласною думою и всѣми четырьмя департаментами московскаго магистрата, и со стороны самой оружейной палаты также не было никакихъ возраженій ни противъ кого изъ выбранныхъ туда купцовъ. На этомъ основаніи гражданскій совѣтъ предлагалъ магистрату снестись по вопросу объ отставленіи Юдина прежде всего съ самой оружейной палатой и запросить ея отзыва, «и какъ скоро отъ оной потребованъ будетъ на мѣсто Юдина другой, то общество и не оставитъ тогда приступить къ выбору другого» [1]). Изложенный любопытный эпизодъ показываетъ, что магистратъ держалъ себя по отношенію къ купеческому самоуправленію дѣйствительно «яко начальство». Но мы видимъ также отсюда, что гражданскій совѣтъ не доводилъ своего подчиненія магистрату до безгласнаго послушанія всѣмъ его приказаніямъ; въ случаѣ надобности гражданскій совѣтъ вступалъ въ пререканія съ магистратомъ, выдвигалъ и защищалъ свою точку зрѣнія.

Подчиненіе гражданскихъ совѣтовъ магистрату не было безапелляціоннымъ. Въ общественныхъ приговорахъ мы не разъ встрѣчаемся съ тѣмъ, что гражданскій совѣтъ переноситъ спорные вопросы въ дальнѣйшія инстанціи, а иногда и прямо выступаетъ съ жалобами на дѣйствія и рѣшенія магистрата, съ которыми онъ не считаетъ возможнымъ согласиться. Въ 1779 г. на гражданскомъ совѣтѣ было рѣшено возбудить ходатайство о сокращеніи числа членовъ магистрата, подлежавшихъ избранію отъ Купеческаго Общества; ходатайство было направлено въ московскій магистратъ. Маги-

---

[1]) Ibid. 1797 г. № 15.

стратъ отвѣтилъ, что онъ не считаетъ возможнымъ дать дальнѣйшій ходъ этому ходатайству, такъ какъ оно идетъ въ разрѣзъ съ постановленіями закона, т.-е. магистратскаго регламента, въ которомъ количество магистратскихъ членовъ обозначено совершенно точно. Выслушавъ этотъ отвѣтъ московскаго магистрата, гражданскій совѣтъ приговорилъ внести о томъ доношеніе въ главный магистратъ и требовать оттуда милостивой резолюціи [1]). Въ томъ же 1779 г. на совѣтѣ было рѣшено возбудить еще болѣе важное ходатайство. По случаю полученнаго отъ сената приказанія избрать гофмаклера, гражданскій совѣтъ приговорилъ ходатайствовать объ освобожденіи Московскаго Купечества какъ отъ выбора гофмаклера, такъ и вообще отъ всѣхъ непристойныхъ ему службъ. При этомъ было постановлено: отрепортовать о семъ съ требованіемъ милостивой резолюціи въ московскій магистратъ, «если жъ, паче чаянія, онаго репорта московскій магистратъ зачѣмъ либо принять не благоволитъ, то съ прописаніемъ онаго, представить въ главный магистратъ» [2]).

Главный магистратъ являлся не единственнымъ прибѣжищемъ для Купеческаго Общества въ случаѣ столкновеній его съ московскимъ магистратомъ. Во второй половинѣ 80-хъ годовъ XVIII в. при первомъ департаментѣ московскаго магистрата состоялъ секретарь Иванъ Григорьевъ. Магистратскій секретарь игралъ вообще слишкомъ крупную роль въ жизни Купеческаго Общества: вѣдь отъ него въ значительнѣйшей мѣрѣ зависѣло давать то или иное направленіе тѣмъ дѣламъ, съ которыми Обществу безпрестанно приходилось обращаться къ магистрату. Немудрено, что Общество было очень заинтересовано въ томъ, чтобы имѣть на указанномъ мѣстѣ «своего человѣка». Но Григорьевъ не ладилъ съ Купеческимъ Обществомъ. Приготовляя къ докладу дѣла, онъ нерѣдко неполно и односторонне подбиралъ ссылки на относящіеся къ данному вопросу законы и указы для того, чтобы вывести заключенія, какъ разъ противоположныя тому, чего домогалось Купеческое Общество. Наконецъ въ 1791 г. на гражданскомъ совѣтѣ было рѣшено возбудить ходатайство передъ московскимъ магистратомъ о перемѣнѣ Григорьева, на томъ основаніи, что Общество Купеческое «и впредь не только не надѣется получать отъ Григорьева въ дѣлахъ своихъ законнаго удовольствія, но за производимою на него общественною просьбою и паче опасается отъ него вящщаго по общественнымъ и частнымъ дѣламъ неудовольствія и «волокитъ». Магистратъ отказался удовлетворить это ходатайство. Тогда, на совѣтѣ 14 мая 1791 г. было постановлено: «поелику оный секретарь Иванъ Григорьевъ въ сей городоваго магистрата первый департаментъ опредѣленъ въ 1785 г. по представленію онаго городового магистрата указомъ московской губернской канцеляріи», то и войти съ прошеніемъ объ отставленіи Григорьева въ губернское правленіе [3]).

Въ 1764 г. по указу Сената шалашныя на льду Москвы-рѣки мѣста были отданы московской шестигласной думой всему Купеческому Обществу, а платьемойные мосты у Васильевскихъ бань и поперечный лодочный перевозъ и конопойныя проруби отданы были думою съ 1794 г. впредь на три года московскимъ купцамъ Горюнову и Иванову съ платежомъ оброка въ городовые доходы. Между тѣмъ, въ 1796 г. второй департаментъ московскаго магистрата отдалъ всѣ названныя мѣста и оброчныя статьи опекунскому совѣту воспитательнаго дома.

---

[1]) Ibid. 1779 г. №№ 16 и 17.
[2]) Ibid. 1779 г. № 24.
[3]) Ibid. 1791 г. № 12.

Шестигласная дума увѣдомила о томъ Купеческое Общество указомъ въ Гильдію. Обсудивъ это заявленіе думы, Купеческое Общество на совѣтѣ 31 октября 1796 г. постановило испросить у второго департамента магистрата копію съ его рѣшенія объ отдачѣ шалашныхъ мѣстъ опекунскому совѣту, «и на оное подписавъ отъ всего купеческаго общества неудовольствіе, просить аппелляціоннымъ порядкомъ о законномъ того дѣла разсмотрѣніи въ московской палатѣ гражданскаго суда» [1]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы можемъ, кажется, заключить, слѣдующее: обычно на административныя распоряженія московскаго магистрата, возбуждавшія неудовольствіе Купеческаго Общества, гражданскій совѣтъ аппеллировалъ къ тѣмъ учрежденіямъ, которымъ магистратъ былъ непосредственно подчиненъ. Въ свое время главный магистратъ занималъ именно такое положеніе прямого начальства московскаго магистрата. Въ дѣлахъ, къ которымъ тѣснѣйшее соотношеніе имѣли другія учрежденія болѣе высокаго ранга, нежели московскій магистратъ, гражданскій совѣтъ къ нимъ и обращался въ случаѣ своего разнорѣчія съ магистратомъ: таковъ приведенный выше примѣръ по дѣлу о магистратскомъ секретарѣ, получившемъ назначеніе на свое мѣсто отъ губернскаго правленія. Наконецъ, если неправильныя съ точки зрѣнія Купеческаго Общества дѣйствія магистрата нарушали имущественныя права Общества, гражданскій совѣтъ черезъ купеческаго стряпчаго приступалъ къ защитѣ своихъ интересовъ судебнымъ порядкомъ. Въ общемъ, слѣдовательно, гражданскій совѣтъ вмѣстѣ съ своимъ исполнительнымъ органомъ—гильдейскимъ присутствіемъ—относились къ московскому магистрату, какъ къ своему, хотя и не безаппелляціонному, начальству.

Отношенія гражданскихъ совѣтовъ и шестигласной думы носили нѣсколько иной характеръ. Купеческое самоуправленіе съ одной стороны представляло собою нѣкоторую самостоятельную сферу, имѣло свои внутреннія дѣла и свои особыя задачи. Съ другой стороны, оно разсматривалось, какъ составная часть самоуправленія общегородского, какъ одинъ изъ тѣхъ болѣе мелкихъ союзовъ, на которые должны были опираться въ своей дѣятельности общегородскія учрежденія. Вотъ почему, въ извѣстныхъ отношеніяхъ Гильдія и состоящіе при ней гражданскіе совѣты дѣйствуютъ отдѣльно отъ шестигласной думы, въ иныхъ отношеніяхъ они являются соподчиненными сотрудниками этой думы и принимаютъ къ исполненію ея распоряженія.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ можно, кажется, различить слѣдующіе оттѣнки. Во-первыхъ, на долю Купеческаго Общества нерѣдко выпадала обязанность выполнять какую-нибудь часть того или иного общегородского дѣла, руководимаго въ цѣломъ городскими думами—общей и шестигласной. Въ такихъ случаяхъ, конечно, Купеческому Обществу оставалось только выполнять распоряженія думы. Наприм., составленіе городовой обывательской книги относилось до всѣхъ шести разрядовъ городского населенія и, согласно Городовому Положенію, выполнялось, особой коллегіей, спеціально для того избираемой. Купеческое Общество должно было имѣть своихъ представителей въ этой коллегіи, какъ одна изъ составныхъ частей «общества градскаго». Общія распорядительныя дѣйствія по этому дѣлу принадлежали шестигласной думѣ, которая [2]) и направляла въ Гильдію указы о выборѣ отъ Купечества старостъ и депутатовъ для сочиненія городовой обывательской книги и входила въ сношенія съ купеческими

---

[1]) Ibid. 1796 г. № 11.
[2]) Ibid. 1803 г. № 37.

совѣтами по вопросамъ, касавшимся организаціи этихъ выборовъ. Другой примѣръ альтерманы цеха прикащиковъ и лавочныхъ сидѣльцевъ избирались на купеческихъ совѣтахъ, очевидно потому, что это была не ремесленная, а торговая организація по своему составу, и избирались въ альтерманы этого цеха купцы. Но всѣ вообще цеховыя управы въ то время, помимо своихъ чисто профессіональныхъ задачъ, входили въ составъ и общегородского управленія, т. е. избирали своихъ представителей въ общегородскія думы. Вотъ почему и шестигласная дума имѣла ближайшее наблюденіе надъ составленіемъ цеховыхъ управъ, а, въ частности, и альтерманъ цеха прикащиковъ и лавочныхъ сидѣльцевъ именно въ шестигласную думу подаетъ прошеніе объ увольненіи, и дума съ своей стороны предписываетъ на купеческомъ совѣтѣ произвести выборы новаго альтермана и представить вновь выбраннаго на ея усмотрѣніе [1]). Здѣсь опять Купеческое Общество подчиняется шестигласной думѣ постольку, поскольку оно является одной изъ составныхъ частей общегородского самоуправленія. Завѣдываніе городскими гербергами принадлежало шестигласной думѣ, но къ выбору смотрителей къ этимъ гербергамъ дума привлекала Купеческое Общество [2]).

На ряду съ явленіями этого рода можно, однако, замѣтить и нѣчто иное. Во многихъ случаяхъ шестигласная дума стремилась просто цѣликомъ переложить на Купеческое Общество нѣкоторыя тягости, возлагавшіяся въ сущности на общегородское управленіе и на общегородскую казну. Нужно замѣтить, что Купеческое Общество въ такихъ случаяхъ не оставалось пассивнымъ и стремилось, насколько это было ему доступно, занять оборонительное положеніе. Въ 1792 г., наприм., шестигласная дума, убѣдившись изъ рапорта смотрителя надъ запрещенной торговлей въ существованіи незаконной торговли у ямщиковъ Рогожской слободы, предложила Купеческому Обществу приступить къ постройкѣ въ названной слободѣ амбаровъ, лавокъ, гербергов и постоялыхъ дворовъ для пріѣзжающихъ купцовъ. Купеческое Общество на совѣтѣ 26 іюля 1792 г., заслушавъ это предложеніе, «постановило указать думѣ, что названная слобода находится на городской выгонной землѣ, а по п. 6 ст. 16 Городового Положенія заведеніе въ городѣ площадей, пристаней, амбаровъ, магазиновъ и тому подобныхъ учрежденій, для города потребныхъ, возлагается на самое городскую думу, почему ей и надлежитъ самой учинить о томъ благоразсмотрѣніе и опредѣленіе и представить,куда слѣдуетъ» [3]). Наконецъ,шестигласной думѣ приходилось посредствовать между общегосударственными учрежденіями и Купеческимъ Обществомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда высшія власти, не разграничивая сплошь и рядомъ общегородского и купеческаго самоуправленій, обращались по дѣламъ послѣдняго не въ Гильдію и не въ магистратъ,а въ шестигласную думу. Такая путаница въ направленіи дѣлъ была не рѣдкостью въ то время и она-то въ рядѣ случаевъ ставила шестигласную думу просто въ положеніе передаточной инстанціи между Купеческимъ Обществомъ и высшими административными властями, хотя собственно такая роль по общему правилу, какъ мы уже видѣли, должна была принадлежать магистрату. Такъ напр., въ 1788 г. вслѣдствіе начавшейся войны съ Швеціей находившіеся въ Москвѣ полки были переведены въ Петербургъ, что вызвало необходимость усилить въ Москвѣ полицейскую команду. Государыня повелѣла для этой цѣли набрать изъ праздношатающихся одинъ или два конныхъ эскадрона и содержать ихъ изъ городовыхъ доходовъ. Но главнокомандую-

[1]) Ibid. 1804 г. № 4.
[2]) Ibid. 1795 г. № 22.
[3]) Ibid. 1792 г. № 12.

щій Москвы, полагая, что городовыхъ доходовъ едва ли хватитъ на содержаніе и одного эскадрона, предложилъ Обществу именитыхъ гражданъ и первостатейныхъ купцовъ взять на себя оплату одного эскадрона, и если они на то согласятся, то собранную ими сумму внести въ шестигласную думу. Согласіе было дано, на содержаніе эскадрона ассигновано 20 тысячъ рублей, и шестигласная дума стала посредницей между Купеческимъ Обществомъ и главнокомандующимъ по проведенію всей этой операціи. Въ 1798 г. съ Высочайшаго утвержденія главный директоръ водяныхъ коммуникацій Сиверсъ предписалъ устранять всякое засореніе навозомъ и другими нечистотами водъ Москвы-рѣки. Между тѣмъ на ряду съ другими оброчными статьями Московское Купеческое Общество имѣло на своемъ содержаніи и шалаши на льду Москвы-рѣки для торговли тамъ всякими товарами. Московскій военный губернаторъ ради охраненія Москвы-рѣки отъ загрязненія и распорядился торговлю въ шалашахъ уничтожить. Такъ какъ шалаши вмѣстѣ съ прочими оброчными статьями снимались Купеческимъ Обществомъ у города, то требованіе военнаго губернатора и было направлено въ шестигласную думу, которая и вошла прямо отъ себя въ гражданскій совѣтъ съ предложеніемъ Купеческому Обществу или перенести тѣ шалаши въ другое мѣсто, или просить выложить ихъ изъ оброка. Общество рѣшилось на послѣднее и, опять-таки, шестигласная дума, согласно прошенію Общества, начала сноситься съ казенной палатой о выключеніи тѣхъ шалашей изъ оклада платимыхъ Купеческимъ Обществомъ оброчныхъ платежей [1]). Въ 1805 г. главноначальствующій Москвы выставилъ требованіе о томъ, чтобы были измѣнены условія договора Купеческаго Общества съ содержателями мытнаго пригоннаго двора. Это требованіе было направлено къ шестигласной думѣ, которая, разсудивъ, что «означенный контрактъ былъ заключенъ въ 1804 г. не думою, но здѣшнимъ Купеческимъ Обществомъ», и передала предложеніе главноначальствующаго на обсужденіе гражданскаго совѣта [2]).

Наконецъ, шестигласной думѣ приходилось и отъ себя обращаться къ Купеческому Обществу по ряду различныхъ дѣлъ и, опять-таки, не въ качествѣ начальственной надъ нимъ инстанціи, а просто ради необходимаго согласованія своихъ мѣропріятій по общегородскому хозяйству съ дѣйствіями Купеческаго Общества. Напримѣръ, купецъ Красниковъ въ 1804 г. вошелъ въ шестигласную думу съ просьбой разрѣшить ему выстроить мясныя лавки на крѣпостной его землѣ въ городской части, съ тѣмъ, чтобы въ тѣ его будущія лавки былъ переведенъ мясной рядъ, находящійся на мытномъ дворѣ, ибо по его объясненію на мытный дворъ Купеческое Общество предполагаетъ перевести москательный рядъ. Шестигласная дума и запросила Купеческое Общество о его намѣреніяхъ на счетъ москательнаго ряда и получила въ отвѣтъ, что указанія Красникова лишены всякаго основанія [3]). Это—сношенія между двумя самостоятельными учрежденіями, изъ которыхъ каждое имѣетъ свой особый кругъ дѣятельности.

Таково было положеніе гражданскаго при Гильдіи совѣта въ ряду ближайшихъ къ нему учрежденій.

IV.

Намъ предстоитъ перейти теперь къ содержанію дѣятельности гражданскихъ совѣтовъ Купеческаго Общества за время существованія Московской

---

1) Ibid. 1798 г. № 7.
2) Ibid. 1805 г. № 12.
3) Ibid. 1804 г. № 7.

Гильдіи. Прежде чѣмъ мы приступимъ къ обзору отдѣльныхъ отраслей этой дѣятельности, отмѣтимъ нѣкоторыя общія черты ея. Если въ интересующую насъ теперь эпоху все вообще городское самоуправленіе было лишено сколько-нибудь замѣтной самостоятельности и дѣйствовало не иначе, какъ по приказамъ мѣстной коронной администраціи [1]), то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и на дѣятельность купеческаго сословнаго самоуправленія распространялась та же властная административная опека, съ которой гражданскимъ при Гильдіи совѣтамъ приходилось считаться на каждомъ шагу. Любопытно, однако, отмѣтить, что, не смотря на это, гражданскіе совѣты далеко не всегда принимали къ безпрекословному исполненію распоряженія, предписанія и предложенія, обращенныя къ нимъ отъ разныхъ учрежденій, и не разъ подымали свой голосъ въ защиту интересовъ Купеческаго Общества, или выдвигали самостоятельныя точки зрѣнія на способъ разрѣшенія вопросовъ, вносимыхъ на ихъ разсмотрѣніе.

Главнымъ образомъ, впрочемъ, расхожденія гражданскихъ совѣтовъ съ стоявшими надъ ними учрежденіями носили, если можно такъ выразиться, оборонительный характеръ. Совѣты пытались нерѣдко защищаться отъ наложенія на Общество новыхъ платежей, службъ и повинностей. Купеческому Обществу приходилось оплачивать содержаніе нѣкоторыхъ учрежденій или нѣкоторыхъ должностей при различныхъ учрежденіяхъ, если эти учрежденія и должности имѣли то или иное отношеніе къ обслуживанію интересовъ Купеческаго Сословія. И вотъ, со стороны такихъ учрежденій проявлялось иногда стремленіе повысить въ свою пользу падавшее на Купеческое Общество обложеніе или путемъ общаго расширенія своего штата или путемъ увеличенія въ своемъ составѣ такихъ должностей, которыя подлежали бы оплатѣ изъ средствъ Купеческаго Общества. Противъ такихъ притязаній Купеческое Общество и старалось прежде всего оборониться. Вотъ тому примѣры. На средства Купеческаго Общества падало содержаніе московскаго магистрата. Въ 1787 г. Купечество по общественному приговору постановило впредь по 1790 г. отпускать на жалованье канцелярскимъ служителямъ и на покрытіе канцелярскихъ расходовъ сверхъ апробованнаго штата по 200 р. въ годъ второму департаменту московскаго магистрата. Въ 1788 г. второй департаментъ возбудилъ вопросъ о дальнѣйшемъ расширеніи своего штата, признавая необходимымъ въ виду умноженія дѣлъ имѣть сверхъ прежняго штатнаго комплекта еще 2 экспедиторовъ, протоколиста, 2 канцеляристовъ и 2 копіистовъ. Магистратъ предполагалъ достигнуть такого расширенія своей канцеляріи просто путемъ непосредственныхъ сношеній съ гражданскимъ при Гильдіи совѣтомъ и обратился къ этому совѣту съ указомъ о производствѣ соотвѣтствующей ассигновки. Но на совѣтѣ 8 февраля 1788 г. Купеческое Общество признало невозможнымъ согласиться на дальнѣйшія прибавки къ отпускаемымъ уже на содержаніе магистрата суммамъ и при этомъ постановило доложить магистрату, что въ случаѣ нужды въ увеличеніи числа канцелярскихъ служителей и расходовъ на жалованье имъ второй департаментъ магистрата долженъ представить о томъ «высшей командѣ» [2]). Въ 1799 г. главный магистратъ обратился въ Гильдію съ указомъ о томъ, чтобы Московское Купечество опредѣлило жалованье состоящему при главномъ магистратѣ переводчику Данилѣ Риккеру за переводъ вступаемыхъ въ московскій

---

[1]) Факты, указывающіе на это, собраны въ книгѣ А. А. Кизеветтера: «Городовое Положеніе 1785 г.».

[2]) Ibid. 1788 г. № 2.

магистратъ векселей на иностранныхъ языкахъ: «ибо тотъ переводъ будетъ происходить собственно для ихъ пользы». Гражданскій совѣтъ отнесся къ этому предложенію совершенно отрицательно, заявивъ въ приговорѣ, что «общественной купеческой пользы во ономъ переводчикѣ купечество не находитъ». Совѣтъ призналъ гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы означенный переводчикъ получалъ вознагражденіе за свои труды съ самихъ челобитчиковъ по $^1/_4\%$ съ рубля вексельной суммы [1]). Въ 1796 г. по предложенію главнокомандующаго на Купеческое Общество было возложено содержаніе приказныхъ служителей при прокурорскихъ дѣлахъ въ размѣрѣ 300 р. въ годъ на томъ основаніи, что прокуратура между прочимъ наблюдаетъ и за недопущеніемъ запрещенной торговли. Купеческое Общество явнымъ образомъ считало этотъ мотивъ недостаточнымъ для принятія на себя новаго обязательнаго платежа, и въ 1796 г. приняло предложеніе главнокомандующаго очевидно лишь въ виду невозможности ему противиться. Избавиться отъ этого платежа Общество желало, какъ нельзя болѣе. Въ 1800 г. удалось достигнуть того, что ежегодный отпускъ этихъ 300 р. былъ отнесенъ на счетъ суммы отъ неполнаго комплекта состоящихъ на городскомъ иждивеніи чиновъ и служителей. Въ 1802 г. московскій губернскій прокуроръ опять затребовалъ отъ Купеческаго Общества ассигновки означенной суммы. Но на этотъ разъ гражданскій совѣтъ воспротивился рѣшительнымъ образомъ, и въ приговорѣ 3 октября 1802 г. высказалъ слѣдующее: «что на жалованье вышеписаннымъ приказно-служителямъ оныя деньги 300 р., по приговору купечества, хотя отпускались прежде изъ общественной купеческой суммы, но однако жъ желаніе сіе было не на всегда заключенное, а единственно на случай только того времени, ибо сіе ясно видѣть можно, потому что послѣ того та сумма уже и не отпускалась изъ Гильдіи, а велено ее производить городскому правленію изъ городскихъ доходовъ на счетъ суммы отъ неполнаго комплекта состоящихъ на городскомъ иждивеніи чиновъ и служителей остающейся, которая и отпускалась; съ предписаніемъ чего оной думѣ и донесть рапортомъ съ тѣмъ, что Купеческое Общество на жалованье вышеписаннымъ приказно-служителямъ по неимѣнію у себя излишней въ сборѣ суммы отпускать нынѣ не желаетъ» [2]). Отражать такого рода притязанія различныхъ присутственныхъ мѣстъ на позаимствованія изъ гильдейскихъ общественныхъ суммъ гражданскому совѣту приходилось весьма часто. Кромѣ уплаты жалованья служащимъ поступали требованія и на содержаніе помѣщеній для разныхъ учрежденій. Въ 1790 г., напримѣръ, губернское правленіе обратилось въ Гильдію съ указомъ о томъ, чтобы Купеческое Общество наняло въ каждой части города на большихъ улицахъ по 2 небольшихъ покоя для помѣщенія словесныхъ судовъ. Гражданскій совѣтъ приговорилъ отрапортовать губернскому правленію, что Общество къ найму такихъ покоевъ за неимѣніемъ положенной на то суммы приступить не можетъ. При этомъ, въ общественномъ приговорѣ была выставлена цѣлая юридическая аргументація для доказательства того, что словесные суды должны находиться не въ особыхъ помѣщеніяхъ, а при полицейскихъ частяхъ. Наиболѣе сильной была тутъ ссылка на 176 ст. Устава Благочинія, въ которой говорится, что судьи словеснаго суда и выборные должны безотлучно находиться «въ части своей» [3]).

Другая категорія запросовъ на сверхъ обычныя уплаты изъ общественныхъ

---

[1]) Ibid. 1779 г. № 21.
[2]) Ibid. 1802 г. № 89.
[3]) Ibid. 1790 г. № 12.

средствъ ,по которымъ Купеческое Общество старалось отклонять требованія различныхъ учрежденій, относилась къ переложенію на Общество начетовъ, начислявшихся на лицъ, выбранныхъ Купеческимъ Обществомъ къ разнымъ службамъ, или просто на отдѣльныхъ членовъ Общества. Въ 1791 г. камеръ-коллежскій департаментъ потребовалъ, чтобы Купеческое Общество уплатило 1.500 р. съ рекамбіею и процентами, которые въ 1775 г. остались невзысканными съ иноземца Грунта по векселю, принятому съ Грунта для перевода тѣхъ денегъ изъ дмитровской воеводской канцеляріи въ камеръ-коллегію, и невзысканіе это произошло по упущенію купца Лихонина, бывшаго тогда по выбору Московскаго Купечества у содержанія денежной казны при каменно-мостскомъ питейномъ дворѣ. За несостоятельностью Лихонина камеръ-коллежскій департаментъ и обращалъ падавшій на Лихонина начетъ на избравшее его Общество. Гражданскій совѣтъ возсталъ противъ этого притязанія. Въ приговорѣ совѣта было указано на то, что начетъ на Лихонина былъ утвержденъ сенатомъ еще въ 1783 г., когда Лихонинъ находился «въ совершенномъ состояніи» и когда взысканіе могло быть обращено на него самого. И совѣтъ гражданъ отказался принять на Общество уплату начета, пока не будутъ выяснены причины столь значительнаго промедленія во взысканіи этого начета со стороны камеръ коллежскаго департамента, для каковой цѣли совѣтъ и призналъ необходимымъ предварительно вытребовать копію съ самаго рѣшенія камеръ-коллежскаго департамента по дѣлу объ этомъ взысканіи [1]). Требуемые документы были представлены въ Гильдію и разсмотрѣны на одномъ изъ слѣдующихъ гражданскихъ совѣтовъ. По разсмотрѣніи этихъ документовъ совѣтъ пришелъ къ заключенію, что обращеніе начета на Общество въ данномъ случаѣ не согласно съ законами и постановилъ подать апелляціонную жалобу черезъ стряпчаго и впредь до рѣшенія по этой жалобѣ «взысканіемъ тѣхъ неправо налагаемыхъ съ выборщиковъ денегъ обождать» [2]). Въ 1797 г. третій департаментъ московскаго магистрата выступилъ съ предложеніемъ, чтобы Купеческое Общество брало на себя платежъ по 12 р. за тѣхъ несостоятельныхъ должниковъ изъ своей среды, кои не сыщутъ партикулярной работы, а слѣдовать будутъ къ отсылкѣ въ каторжную работу. Купечество на совѣтѣ постановило предложеніе это отклонить по неимѣнію на то въ Гильдіи необходимой суммы и потому, что «у здѣшняго общества никакихъ дозволенныхъ по силѣ Городового Положенія 18 и 19 стт. заведеніевъ еще нѣтъ и ни въ каковыя работы употреблять тѣхъ должниковъ негдѣ» [3]).

Въ 90-хъ годахъ XVIII в. подъ рядъ нѣсколько лѣтъ тянулось дѣло, въ которомъ Купеческое Общество развило большую настойчивость и проявило немало энергіи, доказывая неправомѣрность распространенія на все Общество начетовъ, падавшихъ на членовъ прежняго магистратскаго присутствія. Бывшіе члены московскаго магистрата президентъ Мамоновъ и бурмистръ Орловъ по рѣшенію сената были приговорены къ уплатѣ 675 р. 63 к. въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ грекомъ Хаджи Ангеловымъ вслѣдствіе непорядочнаго производства московскимъ магистратомъ его долгового дѣла. Мамоновъ и Орловъ умерли, не оставивъ никакого имущества, и за ихъ смертью означенное взысканіе первымъ департаментомъ московскаго магистрата было обращено на ихъ выборщиковъ, т.-е., иначе говоря, на все Купеческое Общество, ибо, какъ ска-

---

[1]) Ibid. 1791 г. № 17.
[2]) Ibid. 1791 г. № 20.
[3]) Ibid. 1797 г. № 20.

зано въ общественномъ приговорѣ отъ 10 октября 1794 г., выборщики, т.-е. члены Общества, подписи которыхъ стояли подъ избраніемъ президента и бургомистра, «навсегда по общественнымъ нашимъ приговорамъ считаются въ видѣ цѣлаго нашего Общества». Этого-то начета Общество и не желало ни въ коемъ случаѣ принять на себя. 10 октября 1794 г. состоялся общественный приговоръ, въ которомъ было изложено подробно мотивированное возраженіе противъ распространенія этого начета на выборщиковъ. Мотивы эти сводились къ слѣдующему. Магистратъ ссылался на указъ 31 августа 1731 г., по которому выборщики должны были отвѣчать за выбранныхъ. Но по указу 1731 г. избирались только бурмистры къ таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ и начеты за нихъ на ихъ выборщиковъ велѣно было обращать лишь въ случаѣ недобора по тѣмъ сборамъ, т.-е. лишь на возмѣщеніе ущерба, причиненнаго казенному интересу, а вовсе не по тяжебнымъ дѣламъ и искамъ между партикулярными людьми. Магистратскіе же президенты и бургомистры избирались вообще не на основаніи указа 1731 г., а на основаніи магистратскаго регламента 1721 г., въ которомъ ничего не говорится о наложеніи взысканій на ихъ выборщиковъ за ихъ просудъ. Затѣмъ, въ излагаемомъ приговорѣ приводилось еще одно весьма важное указаніе. Выборы магистратскихъ членовъ лишь до 1773 г. производились старинным порядкомъ, т.-е. посредствомъ составленія письменныхъ избирательныхъ приговоровъ, подъ которыми избиратели давали свои рукоприкладства, такъ что было совершенно явственно, кто именно выбиралъ то или иное лицо на данную должность. Но высочайшимъ указомъ 1773 г. 23 ноября этотъ старый порядокъ выборовъ былъ замѣненъ новымъ: посредствомъ баллотированія, послѣ чего «старые купеческіе выборы совсѣмъ пресѣклись»; между тѣмъ, при баллотированіи «выборщики остаются неизвѣстными», т.-е. никто не знаетъ, кѣмъ шары были положены направо и кѣмъ налѣво при баллотированіи даннаго должностного лица. При такомъ способѣ выборовъ теряетъ уже всякій смыслъ распространеніе начетовъ на выборщиковъ, ибо выборщики неизвѣстны и платить приходится всему Обществу. Въ приговорѣ указывалось и на прецедентъ, бывшій въ 1786 г., когда совершенно подобное же взысканіе по иску поручицы Пассековой было отмѣнено на основаніи такихъ же соображеній, тоже изложенныхъ тогда въ общественномъ приговорѣ. Наконецъ, въ приговорѣ была сдѣлана ссылка и на ст. 43 Городового Положенія, въ коей говорится: «да не взыщется на обществѣ градскомъ личное преступленіе гражданина». На основаніи всѣхъ этихъ соображеній гражданскій совѣтъ постановилъ просить губернское правленіе пріостановить взысканіе, налагаемое магистратомъ по дѣлу Хаджи Ангелова на выборщиковъ, т.-е. на все Купеческое Общество, и затѣмъ представить ходатайство въ правительствующій сенатъ о томъ, чтобы и на будущее время Общество было избавлено отъ подобныхъ взысканій [1]. Губернское правленіе, несмотря на это, все-таки указало произвести взысканіе съ Купеческаго Общества, предоставивъ ему о своемъ неудовольствіи донести, куда слѣдуетъ. Тогда приговоромъ отъ 30 мая 1795 г. Общество постановило поручить своему стряпчему истребовать копію съ опредѣленія по этому дѣлу и подать на это опредѣленіе апелляціонную жалобу во второй департаментъ московскаго магистрата, а затѣмъ, если понадобится, просить «о защищеніи всего купеческаго общества и въ вышнихъ правительствахъ» [2].

---

[1]) Ibid. 1794 г. № 10.
[2]) Ibid. 1795 г. № 14.

Черезъ мѣсяцъ было постановлено кромѣ того поручить городскому головѣ подать прошеніе московскому главнокомандующему, чтобы онъ испросилъ у Государыни высочайшій указъ объ отмѣнѣ взысканія этихъ денегъ съ Купеческаго Общества [1]). Прошло болѣе года; жалобы и ходатайства, возбужденныя Московскимъ Купеческимъ Обществомъ, еще не принесли никакихъ результатовъ, а губернское правленіе чрезъ московскій магистратъ возобновило требованіе, чтобы 675 руб. 63 коп. начетныхъ денегъ по дѣлу Ангелова были внесены въ магистратъ изъ гильдейскихъ суммъ «въ самой скорости, не ожидая въ томъ болѣе подтвержденія». Гражданскій совѣтъ въ приговорѣ 31 октября 1796 г. въ отвѣтъ на это вновь постановилъ принести жалобу на этотъ начетъ во второй департаментъ московскаго магистрата, причемъ опять въ приговорѣ были приведены всѣ вышеизложенные доводы [2]). Проходитъ еще два года. И въ маѣ 1798 г. московскій магистратъ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять обратился въ Гильдію съ требованіемъ «непремѣнно и въ самоскорѣйшемъ времени» внести начетныя деньги по дѣлу Ангелова и «для чего понынѣ оныхъ невзыскано, подать отвѣтъ». Какъ видно изъ отвѣтнаго общественнаго приговора, дѣло это по жалобѣ Московскаго Купеческаго Общества въ это время находилось уже въ сенатѣ и гражданскій совѣтъ постановилъ просить «вышетребуемымъ взысканіемъ обождать» до окончанія дѣла въ сенатѣ [3]). Дальнѣйшихъ свѣдѣній по данному дѣлу въ общественныхъ приговорахъ изучаемаго періода не находится, но для насъ и важенъ не окончательный результатъ разсмотрѣннаго конфликта, а тотъ фактъ, что Московское Купеческое Общество съ своей стороны такъ опредѣленно и послѣдовательно выдвинуло и отстаивало свое отрицательное отношеніе къ обращенію на счетъ общественныхъ средствъ начетовъ на избираемыхъ Обществомъ магистратскихъ членовъ. Важно отмѣтить и ту связь, которую гражданскій совѣтъ устанавливалъ между отрицаніемъ групповой отвѣтственности всего Общества за просуды своихъ избранниковъ и введеніемъ новаго порядка купеческихъ выборовъ посредствомъ баллотировки шарами.

Въ третьихъ, бывали случаи, когда Купеческое Общество становилось въ оппозицію различнымъ проектамъ, не изъ его среды исходившимъ, по части обремененія общественной гильдейской казны затратами на разныя цѣли, соприкасавшіяся съ нуждами Купечества, но либо не признававшіяся имъ настоятельно важными, либо предназначавшіяся имъ къ удовлетворенію въ иныхъ размѣрахъ и формахъ. Такъ напр., еще съ 1795 г. по соглашенію городского головы съ губернаторомъ при главномъ народномъ училищѣ былъ заведенъ классъ бухгалтеріи, на содержаніе котораго было постановлено обращать по 1000 руб. ежегодно изъ городскихъ доходовъ. Между тѣмъ, въ 1799 г. и въ 1801 г. городскимъ правленіемъ былъ возбуждаемъ вопросъ о томъ, чтобы Купеческое Общество взяло на себя оплату жалованья преподавателю бухгалтеріи. Оба раза купеческій совѣтъ отвѣчалъ отрицательно, ссылаясь на отсутствіе свободныхъ суммъ и на постановленія, принятыя въ 1795 г. [4]). До 1788 г. Купеческому Обществу приходилось вносить 150 р. въ годъ на содержаніе причта церкви Успенія, что у гостиннаго двора, такъ какъ въ приходѣ этой церкви находился московскій магистратъ. Въ 1788 г. генералъ-губернаторъ Еропкинъ указалъ маги-

---

[1]) Ibid. 1795 г. № 16.
[2]) Ibid. 1796 г. № 13.
[3]) Ibid. 1798 г. № 16.
[4]) Ibid. 1799 г. № 24; 1801 г. № 78.

страту, чтобы Купечество, если желаетъ церковь содержать, то опредѣлило бы причту не менѣе 200 руб. въ годъ и чтобы откупили домъ для житья священнику. Въ отвѣтъ на это предложеніе Купеческое Общество приговорило донести, что оно впредь совсѣмъ не находитъ надобности содержать ту церковь, такъ какъ всѣ присутственныя мѣста, и магистратъ въ томъ числѣ, состоятъ въ приходѣ Казанскаго собора, гдѣ и приводъ къ присягѣ производится [1]). Въ 1789 г. Купеческое Общество получило предложеніе отъ главнокомандующаго относительно другой церкви. У гостиннаго двора находилась церковь Введенія во храмъ Богородицы. Въ 1789 г. гостинный дворъ былъ предназначенъ къ полной перестройкѣ, благодаря которой означенная церковь должна была оказаться внутри новаго гостиннаго двора; въ виду этого главнокомандующій и выступилъ съ предложеніемъ, чтобы Купеческое Общество положило изъ общественныхъ средствъ опредѣленную ругу на содержаніе той церкви и ассигновало бы нужную сумму на выкупъ имѣющейся при той церкви земли съ состоящими на этой землѣ двумя доходными каменными домами, такъ какъ земля эта неизбѣжно должна понадобиться на расширеніе гостиннаго двора. И это предложеніе было отвергнуто Купеческимъ Обществомъ, при чемъ въ приговорѣ гражданскаго совѣта былъ указанъ тотъ вполнѣ вѣскій доводъ, что новый гостинный дворъ предназначенъ къ продажѣ частями отдѣльнымъ владѣльцамъ, а вовсе не составитъ общественной собственности, а потому всѣ рѣшенія относительно упомянутой церкви надлежитъ принимать не Купеческому Обществу, а будущимъ частнымъ владѣльцамъ гостиннодворскихъ помѣщеній [2]).

Можно указать еще на одинъ приговоръ гражданскаго совѣта, который любопытенъ тѣмъ, что въ немъ Купечество въ общей формѣ выразило мысль о томъ, что ассигнованія изъ общественныхъ гильдейскихъ суммъ, выходящія за предѣлы обязательныхъ указныхъ сборовъ, должны производиться по свободному усмотрѣнію самого Общества, а не по принудительнымъ распоряженіямъ коронной власти. Купечество ассигновало 10 тысячъ рублей на постройку тріумфальныхъ воротъ по случаю коронаціи императора Александра I. Императору угодно было высказать пожеланіе, чтобы этой суммѣ было дано какое-либо иное назначеніе. По прошествіи нѣкотораго времени главноначальствующій въ Москвѣ Салтыковъ запросилъ Гильдію, какое же именно употребленіе рѣшило сдѣлать Купеческое Общество изъ упомянутой ассигновки. Запросъ главноначальствующаго былъ внесенъ Гильдіею на обсужденіе гражданскаго совѣта и въ состоявшемся тамъ приговорѣ было сказано, что послѣ полученія отзыва императора, «что де конечно жители московской столицы изобрѣтутъ лучшее употребленіе изъ своихъ стяжаній, нежели пожертвованіемъ оными на временное и безполезное украшеніе», Московское Купечество къ собранію означенной суммы и не приступало, «почтя оное уже за ненужное», и затѣмъ въ приговорѣ было добавлено: «но если когда-либо общество и пожелаетъ какую сумму употребить изъ своихъ стяжаній на полезные предметы.... то сіе должно зависѣть согласно вышеобъясненнаго Высочайшаго рескрипта и Городового Положенія предначертанныхъ правилъ въ ст. 42 непосредственно отъ собственнаго благопроизволенія всего Общества Московскаго Купечества» [3]).

---

[1]) Ibid. 1788 г. № 1.
[2]) Ibid. 1789 г. № 15.
[3]) Ibid. 1802 г. № 3.

Приведенные до сихъ поръ примѣры касались отказовъ Купеческаго Общества отъ новыхъ расходовъ на государственныя и общественныя нужды и отъ покрытія изъ общественныхъ средствъ начетовъ, падающихъ на должностныхъ лицъ, обществомъ избираемыхъ. Но бывали и такіе случаи, когда Купеческому Обществу приходилось обороняться отъ попытокъ возложить на него расходы за частные проступки частныхъ же лицъ только потому, что они принадлежали къ числу членовъ Общества. Такой случай былъ, напримѣръ, въ 1792 г. Дворянка Малцова и купецъ Даруевъ вели споръ на счетъ стекольнаго товара и впредь до окончанія спора взаимно согласились хранить тотъ товаръ въ наемной палатѣ, находящейся подъ церковью Николая Чудотворца на Берсеневкѣ. Четвертый департаментъ московскаго магистрата указомъ предписалъ, чтобы наемныя деньги за ту палату (25 р. въ годъ) внесла Гильдія, которая бы уже отъ себя взыскала затѣмъ эти деньги съ купца Даруева, а также чтобы Гильдія за счетъ Даруева выдала деньги и за перекладку и перевозку того товара. Вотъ—характерный обращикъ стремленія тогдашнихъ учрежденій распространить круговую поруку Купеческаго Общества за всѣхъ его членовъ даже за предѣлы государственныхъ повинностей, на Общество падавшихъ. Гражданскій совѣтъ, разсматривавшій этотъ указъ на собраніи 30 января 1792 г., рѣшительно отвергъ возможность такого расширенія области круговой поруки, и высказалъ въ приговорѣ, что «платежъ означенныхъ наемныхъ денегъ, а равно сему и за перевозку товаровъ выдачу денегъ производить общество никакого долгу не имѣетъ, а потому и городовымъ старостамъ на то и приговору дать не можетъ, ибо обществу какъ небезъизвѣстно, что означенный купецъ Даруевъ состоитъ человѣкъ капиталистый и означенныя наемныя деньги платить самъ въ состояніи, а при томъ и претензія его настоитъ въ томъ собственная, почему и можетъ онъ, Даруевъ, за наемъ реченной палатки и за перевозъ товара деньги употреблять изъ своего кошта, а по окончаніи спорнаго дѣла имѣть въ томъ расчетъ, съ кѣмъ надлежитъ», и на этомъ основаніи на совѣтѣ было постановлено просить, чтобы четвертый департаментъ магистрата «благоволилъ къ наемкѣ палатки и къ дачѣ на перевозъ товара денегъ принудить самого его, Даруева, а Гильдію отъ того чинить свободну» [1]). Разногласія между Купеческимъ Обществомъ и другими учрежденіями возникали не только по вопросу о наложеніи на Общество новыхъ платежей, но и по вопросамъ, касавшимся установленія того или иного порядка отбыванія платежей, безспорно закрѣпленныхъ закономъ. И въ такихъ случаяхъ Обществу случалось отстаивать свою точку зрѣнія, расходившуюся съ требованіями, ему предъявлявшимися. Такое разногласіе возникало, напримѣръ, по вопросу о порядкѣ уплаты сбора съ записки въ обывательскую книгу. Въ 1801 г. по городу Москвѣ была составлена Высочайше конфирмованная смѣта городскихъ доходовъ, и по этой смѣтѣ сборъ за внесеніе въ обывательскую книгу былъ опредѣленъ въ 5.000 р. ежегодно. Городское правленіе на этомъ основаніи и предъявило къ Гильдіи требованіе, чтобы отъ Купеческаго Общества по этой статьѣ была вносима въ казну непремѣнно указанная выше сумма съ угрозой, что если городское правленіе «за медленность и неисполненіе сего получитъ отъ начальства какое непріятное предписаніе, то останется таковое невыполненіе на отчетѣ Гильдіи». Гражданскій совѣтъ рѣшительно отказался признать правомѣрность такого распоряженія. Согласно ст. 72 Городового Положенія на совѣтѣ было

---

[1]) Ibid. 1792 г. № 6.

опредѣленъ размѣръ взноса съ записывающихся въ обывательскую книгу купцовъ, а именно—съ именитыхъ по 100 р., съ купцовъ 1-й гильдіи—по 50 р., съ купцовъ 2-й гильдіи—по 25 р., съ купцовъ 3-й гильдіи—по 5 р., съ мѣщанъ—по 1 р. съ каждой семьи. Установленіемъ этихъ нормъ и исчерпывались обязанности Общества согласно Городовому Положенію, общая же сумма всего этого сбора должна была опредѣлиться въ зависимости отъ числа записывающихся въ обывательскую книгу и означить ее впредь, а тѣмъ болѣе внести ее заранѣе по такой предположительной нормѣ въ казну не было возможности, да по Городовому Положенію Общество и не было къ тому обязано. Это и выразило Общество въ приговорѣ отъ 22 января 1801 г. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «какое жъ количество каждый годъ съ сихъ вновь записывающихся, согласно вышеозначенному постановленію, будутъ собираться суммы, по совершенной въ томъ неизвѣстности купечество ограничить сего не можетъ». Ясно, что въ данномъ случаѣ совѣтъ Купеческаго Общества стоялъ на твердой почвѣ закона и былъ совершенно правъ въ его толкованіи. Однако, Коммиссія о снабженіи столицы припасами, поставленная по Уставу Павла во главѣ управленія городскимъ хозяйствомъ, настаивала черезъ городское правленіе на исполненіи Гильдіею предшествующаго предписанія и на внесеніе ею по означенной статьѣ въ городовую казну 5.000 р. Повторные указы въ этомъ смыслѣ нѣсколько разъ насылались въ Гильдію и докладывались гражданскому совѣту. Но и совѣтъ оставался непреклоненъ и отвѣчалъ на такіе указы слѣдующимъ образомъ: «гребуемое о сборѣ съ записавшихся въ городовую обывательскую книгу купцовъ и мѣщанъ положеніе Московское Купечество согласно Городового Положенія 72 ст. уже сдѣлало, каковаго и нынѣ отмѣнить не можетъ, а утверждаетъ оное, яко во всемъ согласное съ предписанною 72 статьею, въ его силѣ» [1]).

Наряду съ конфликтами между Купеческимъ Обществомъ и другими учрежденіями на почвѣ самообороны Общества отъ новыхъ принудительныхъ платежей Общество нерѣдко проявляло извѣстную самостоятельность и ради самозащиты отъ наложенія на него новыхъ **службъ**. Ниже мы увидимъ, что отправленіе разнаго рода обязательныхъ службъ падало на Купеческое Общество весьма тяжелымъ бременемъ и даже Городовое Положеніе 1785 г., вопреки точному смыслу вошедшихъ въ этотъ законъ опредѣленій, не избавило Общество вполнѣ отъ этого бремени. При такихъ условіяхъ со стороны Купеческаго Общества болѣе чѣмъ естественно было зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы на Купечество не были налагаемы службы по крайней мѣрѣ сверхъ тѣхъ предѣловъ, которые уже были признаны въ законѣ и освящены практикой. Попытки наложить на Купечество такія лишнія противъ обычнаго порядка службы были нерѣдки. Онѣ вели свое начало отъ широкораспространенной и въ Московской Руси, и въ первой половинѣ XVIII ст. практики наложенія на посадскія общины такъ называемыхъ «запросныхъ» службъ, которыя могли быть налагаемы неожиданно въ какомъ угодно количествѣ и по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Только въ царствованіе Екатерины II такія «службы» стали сокращаться и были сдѣланы попытки ввести ихъ въ точно опредѣленныя закономъ границы [2]). Но историческая старина все еще сильно давала о себѣ знать Купеческому Обществу, и въ Екатерининское царствованіе все еще приходилось усиленно отбиваться отъ сверхкомплектныхъ службъ. Посмотримъ, въ какія формы облекалась эта самооборона.

---

[1]) Ibid. 1801 г. № 48.

[2]) См. сочин. А. А. Кизеветтера. «Посадская община въ Россіи XVIII ст.».

Прежде всего гражданскіе совѣты рѣшительно протестовали противъ привлеченія купцовъ къ такимъ службамъ, отъ которыхъ Купечество было прямо освобождено точными постановленіями закона. Въ 1804 г. московскій земскій судъ затребовалъ отъ Московскаго Купечества цѣновщиковъ и присяжныхъ свидѣтелей для производства оцѣнокъ по разнымъ поступившимъ въ тотъ судъ дѣламъ, въ томъ числѣ для оцѣнки домовъ, принадлежащихъ высланнымъ на екатеринославскую фабрику съ бумажной фабрики Баташовой фабричнымъ. Гражданскій совѣтъ приговоромъ отъ 1 апрѣля 1804 г. призналъ, что Купеческому Обществу не надлежитъ посылать цѣновщиковъ въ уѣзды для оцѣнокъ состоящихъ въ уѣздахъ имѣній, въ доказательство чего указывалось на слѣдующее: указомъ сената отъ 16 іюля 1772 г. были отмѣнены выборы постоянныхъ оцѣнщиковъ для оцѣнки всякаго рода имѣній и вещей въ виду многихъ непорядковъ, бывшихъ при прежнихъ оцѣнкахъ, а вмѣсто того постановлено въ случаѣ надобности каждый разъ отдѣльно требовать къ производству оцѣнки знающихъ людей, «которые о количествѣ оцѣниваемыхъ вещей могли бы имѣть совершенное свѣдѣніе», но требовать ихъ «изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ кто вѣдомъ», а Высочайшимъ указомъ 19 марта 1786 г. повелѣно вообще «производить дѣло не по матеріямъ ихъ, но по роду людей». Отсюда гражданскій совѣтъ и выводилъ то заключеніе, что городскіе купцы не должны быть привлекаемы къ производству уѣздныхъ оцѣнокъ [1]).

Въ 1803 г. Гильдія вдругъ получила приказъ произвести на гражданскомъ совѣтѣ выборы «порядочнаго человѣка» въ церковные старосты для смотрѣнія и собиранія церковнаго денежнаго сбора въ ружной Ризположенской, что въ Кремлѣ на сѣняхъ церкви. Гражданскій совѣтъ въ отвѣтъ на это постановилъ донести, куда слѣдуетъ, рапортомъ, что Московское Купеческое Общество, не имѣя въ виду такового законоположенія, по которому бъ велѣно было избирать для таковыхъ должностей изъ Купечества, къ выбору не приступило [2]). Это была не единичная попытка привлечь Купеческое Общество къ выбору изъ своей среды старостъ къ церквамъ. Приблизительно въ то же время московскій военный губернаторъ по соглашенію съ московскимъ митрополитомъ Платономъ поднялъ вопросъ о порученіи шести кладбищенскихъ церквей въ вѣдомство полиціи съ тѣмъ, чтобы чистые остатки церковной казны ежегодно передавались полиціею въ консисторію для содержанія на эти средства вдовъ и сиротъ священно- и церковнослужителей. И сейчасъ же явилась мысль о привлеченіи выборныхъ отъ Купечества къ обязательному обслуживанію этихъ церквей церковными старостами. «Къ надлежащему того устроенію—писалъ военный губернаторъ—много послужитъ, ежели будутъ выбраны изъ купцовъ и мѣщанъ въ старосты церковные люди благоразумные и честные». При внесеніи этого предложенія на разсмотрѣніе гражданскаго совѣта Гильдія выписала на справку вышеприведенный общественный приговоръ: «по справкѣ въ Гильдіи оказалось, что Московское Купечество ранѣе по требованію выбора старосты къ церкви въ Кремлѣ на сѣняхъ на совѣтѣ положило, что по неимѣнію законоположенія о томъ выбирать не будутъ». И на этотъ разъ по докладу на совѣтѣ «никто въ церковные старосты желанія не объявилъ» [3]).

Протестуя противъ новыхъ службъ, прямо не предписанныхъ въ законѣ,

---

[1]) Общ. пригов. I, 1804 г. № 24.
[2]) Ibid. 1803 г. № 10.
[3]) Архивъ Купеч. Управы. Дѣло № 2823.

Купеческое Общество выступало съ возраженіями и противъ попытокъ количественнаго увеличенія тѣхъ службъ, которыя ежегодно отправлялись Купечествомъ. Такъ, напримѣръ, Купечество ежегодно выбирало опредѣленное количество оцѣнщиковъ. Тѣмъ не менѣе, различныя учрежденія по встрѣчающимся надобностямъ предъявляли иногда Купечеству требованія прислать имъ особыхъ оцѣнщиковъ, спеціально для нихъ выбранныхъ. Въ 1800 г. предстояла продажа инвалиднаго дома съ долгаузомъ и принадлежащей къ нему землей со всѣми угодьями. Городское правленіе приказало истребовать для описи, смѣты и оцѣнки всего этого двухъ человѣкъ отъ Купечества надежныхъ и довѣрія заслуживающихъ. Общество приговорило донести городскому правленію, что въ декабрѣ 1799 г. Московское Купечество уже избрало на весь 1800 г. для оцѣнки домовъ и товаровъ четырехъ человѣкъ, «почему и къ вышеписанному для оцѣнки инвалиднаго дома выполненію они способны» [1]). Въ 1804 г. въ московскую дворянскую опеку былъ присланъ для оцѣнки разный шелковый товаръ, выработанный на фабрикѣ Милютина, и опека затребовала черезъ магистратъ знающихъ цѣновщиковъ изъ Купечества, а магистратъ предписалъ Гильдіи произвести выборы этихъ оцѣнщиковъ; но гражданскій совѣтъ опять приговорилъ увѣдомить магистратъ, что въ Москвѣ уже состоятъ избранными 4 человѣка для оцѣнокъ, почему означенный шелковый товаръ и должны цѣнить эти цѣновщики [2]). Такихъ примѣровъ можно было бы привести весьма много.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданскій совѣтъ въ отвѣтъ на приказаніе избрать къ какой-либо новой службѣ купца, въ самой формѣ общественнаго приговора подчеркивалъ, что такія новыя службы не могутъ быть принудительно налагаемы на Купечество, помимо добровольнаго его на то согласія. Напримѣръ, въ 1803 г. состоялся указъ главной контрольной экспедиціи о томъ, чтобы Московское Купечество избрало одного благонадежнаго купца въ московскую контрольную экспедицію, состоящую при московской адмиралтейской конторѣ, для пріема отъ подрядчиковъ различныхъ матеріаловъ и вещей. Въ отвѣтъ на это приказаніе гражданскій совѣтъ однако приговорилъ: репортовать, что «на купеческомъ собраніи для вступленія въ вышеписанные пріемщики никто желанія своего не изъявилъ» [3]).

Съ изданіемъ Городового Положенія 1785 г. Купеческое Общество получило новую точку опоры для самообороны отъ разнаго рода службъ, къ которымъ по прежнему различныя учрежденія пытались привлекать Купечество, и въ приговорахъ гражданскихъ совѣтовъ въ этихъ случаяхъ все чаще встрѣчаемъ ссылки на соотвѣтствующія статьи Городового Положенія. При оружейной палатѣ издавна состояли избираемые Купеческимъ Обществомъ изъ числа искусныхъ въ томъ купцовъ 10 человѣкъ для смотрѣнія за государственными регаліями, рѣдкостями, вещами и уборами, а на время особыхъ работъ по случаю коронованія государей добавлялось еще по 7 человѣкъ. Такимъ образомъ, и въ 1801 г. при оружейной палатѣ состояло 17 человѣкъ выборныхъ изъ Купечества. Одинъ изъ нихъ умеръ, другой былъ переведенъ на иную службу; изъ оставшихся 15 человѣкъ пятеро подлежали увольненію въ виду окончанія всѣхъ работъ, связанныхъ съ коронаціей, а остальные 10, по мнѣнію оружейной палаты, должны были согласно прежнему порядку

---

[1]) Обществ. приговоры I, 1800 г. № 31.
[2]) Ibid. 1804 г. № 3.
[3]) Ibid. 1803 г. № 21.

остаться при этой палатѣ. Купечеству и было предложено опредѣлить, кого именно изъ числа преимущественно свѣдущихъ въ каменьяхъ и металлахъ въ количествѣ 10 человѣкъ оставить при палатѣ съ увольненіемъ отъ всѣхъ другихъ службъ. Но въ ст. 101 Городового Положенія опредѣленно было сказано, что записавшіеся въ Гильдію купцы не должны быть впредь избираемы «къ пріуготовленію дворцоваго или казнѣ принадлежащаго» и «къ смотрѣнію казнѣ принадлежащаго». И гражданскій совѣтъ справедливо призналъ, что это постановленіе Городового Положенія какъ разъ относится къ данному случаю, «согласно чему—сказано было въ приговорѣ отъ 12 августа 1802 г.—оныхъ 10 человѣкъ къ вышеписанной должности избирать смѣлости не имѣемъ» [1]). На основаніи адмиралтейскаго регламента и указа 1743 г. Московское Купечество выбирало браковщиковъ къ сукнамъ, каразеѣ и прочимъ матеріаламъ къ адмиралтейской конторѣ 2 человѣка и къ комиссаріатскому депо 4 человѣка, а съ 1800 г. по распоряженію главноначальствующаго по гражданской части къ тѣмъ 6 выборнымъ добавлено еще 4 человѣка, свѣдущихъ въ кожевенныхъ и холщевенныхъ товарахъ. Но въ 1801 г. генералъ-интендантъ потребовалъ еще прибавки 6 браковщиковъ къ комиссаріатскому депо. Тогда Купеческое Общество рѣшило уже просить пощады и, высказавъ въ приговорѣ отъ 11 января 1801 г., что при наличности выбранныхъ ранѣе браковщиковъ никакой остановки въ дѣлахъ при тѣхъ учрежденіяхъ быть уже не можетъ, сослалось на ст. 7 Городового Положенія, въ которой было сказано: «власть имѣющія мѣста или лица да не налагаютъ на городъ новыхъ податей, или службъ, или тягостей» [2]).

Мы уже знаемъ, что, не смотря на приведенное постановленіе Городового Положенія, на Купечество все-таки налагались разные экстренныя службы, и Купеческому Обществу приходилось очень усиленно отстаивать въ этомъ отношеніи свои права. Если была возможность сослаться на законъ, прямо воспрещавшій и уничтожавшій какія-либо прежнія службы, Купеческое Общество не упускало случая ссылаться на такіе законы въ противовѣсъ предъявляемымъ ему требованіямъ. Когда къ тому не представлялось прямой возможности, Общество выдвигало другія возраженія противъ новыхъ службъ, вытекавшія изъ несоотвѣтствія той или иной службы особенностямъ корпоративной купеческой организаціи. Такъ, напримѣръ, въ 1802 г. московскій губернаторъ предписалъ для измѣренія въ столицѣ домовъ и казенныхъ мѣстъ избрать изъ Купечества по каждой городской части соотвѣтствующее обширности части количество человѣкъ въ комитетъ для уравненія городскихъ повинностей. На гражданскомъ совѣтѣ было рѣшено представить губернатору, что Купечество не можетъ произвести этихъ выборовъ, потому что 1) на гильдейскихъ собраніяхъ Купечество бываетъ не изо всѣхъ частей города и 2) въ Гильдіи не имѣется свѣдѣній о степени обширности каждой части города. На этихъ основаніяхъ рѣшено было поручить городскому головѣ сообщить управѣ благочинія, чтобы она выполненіе этого требованія возложила по частямъ города на кого слѣдуетъ [3]). Въ 1771 г. въ сентябрѣ по случаю возмущенія въ Москвѣ отъ черни (въ связи съ чумой) предписано было выбрать изъ лучшихъ московскихъ купцовъ не менѣе 500 человѣкъ, да изъ средостатейныхъ 500 же человѣкъ и организовать изъ этихъ 1.000 человѣкъ команду такъ, чтобы надъ каждыми 50 чел. были пятидесятники,

---

[1]) Ibid. 1802 г. № 82.
[2]) Ibid. 1801 г. № 5.
[3]) Ibid. 1802 г. № 62.

а надъ всей тысячью начальствованіе принялъ бы президентъ московскаго магистрата Мамоновъ. Купеческое Общество на гражданскомъ совѣтѣ представило рядъ соображеній въ доказательство невозможности исполненія этого предписанія: эпидемія опустошила ряды Московскаго Купечества, и все еще продолжаются новыя заболѣванія; кромѣ того многіе купцы находятся въ отлучкахъ. Въ виду этого, вмѣсто составленія постоянной команды, Общество предлагало ограничиться отобраніемъ отъ купцовъ всѣхъ трехъ гильдій, жительствующихъ своими дворами, подписокъ въ томъ, что они въ случаѣ, если начнется возмущеніе отъ черни, явятся сами или пришлютъ своихъ прикащиковъ или сидѣльцевъ въ распоряженіе президента Мамонова [1]). Таковы были случаи, въ которыхъ Купеческое Общество отступало отъ безусловнаго повиновенія всѣмъ насылавшимся ему предписаніямъ съ цѣлью самообороны отъ увеличенія служебнаго бремени. Но протестами противъ наложенія новыхъ службъ не ограничивалась эта самооборона. Служебное бремя могло усиливаться и другимъ способомъ: браковаціемъ купцовъ, избранныхъ къ той или иной службѣ, и требованіемъ новыхъ выборовъ. Такія требованія замѣны кого-либо изъ выборныхъ къ службѣ другимъ лицомъ также нерѣдко вызывали протесты Купеческаго Общества и приводили къ оспариванію гражданскимъ совѣтомъ законности или цѣлесообразности предъявляемыхъ ему требованій. Учрежденія, обслуживавшіяся выборными отъ Купеческаго Общества, очень легко относились къ вопросу о замѣнѣ выборныхъ новыми лицами и требовали переизбраній по малѣйшимъ къ тому поводамъ или при первомъ же заявленіи о томъ самихъ выбранныхъ къ службамъ купцовъ. Напротивъ того, Купеческое Общество относилось къ такимъ замѣнамъ крайне несочувственно, справедливо усматривая въ нихъ отягощеніе для всего Общества. Всего чаще несогласіе Общества на перевыборы мотивировалось недостаточною обоснованностью заявляемыхъ о томъ требованій, тогда какъ Общество каждый разъ соглашалось на перевыборы не иначе, какъ по представленіи явныхъ и точныхъ доказательствъ тѣмъ доводамъ, которые выставлялись въ пользу перевыборовъ. Ссылка на болѣзненное состояніе выбраннаго къ службѣ человѣка не пользовалась никакимъ довѣріемъ у гражданскаго совѣта. Тому можно было бы привести многочисленныя доказательства. Ограничимся двумя примѣрами. На 1789 г. Купечество на совѣтѣ избрало въ старостины помощники купца Метелицына. Магистратъ въ январѣ 1789 г. приказалъ выбрать другого на мѣсто Метелицына въ виду болѣзни послѣдняго, но гражданскій совѣтъ приговорилъ: «къ отмѣнѣ онаго Метелицына отъ показанной должности и къ выбору на мѣсто его другого, яко бы за болѣзнью, къ выбору приступить не можно, ибо какъ изъ онаго указа явствуетъ, что о болѣзни его, Метелицына, никакого свидѣтельства не учинено» [2]). Въ 1801 г. городское правленіе предписало Купеческому Обществу вмѣсто купца Сидорова «въ разсужденіи имѣющейся въ немъ болѣзни» выбрать другого къ должности маркгфохта. Но гражданскій совѣтъ приговорилъ: «Московское Купечество реченнаго купца Сидорова, такъ какъ онъ ежедневно бываетъ при своей собственной торговлѣ лично, находитъ въ совершенномъ здоровьѣ, почему и выбрать на мѣсто его другого надобности не предвидитъ, а оставляетъ его при той же должности [3])... Это было въ маѣ 1801 г. Однако черезъ три мѣсяца, въ сентябрѣ, городское правленіе вторично потребовало замѣны Сидорова, и на этотъ разъ Купеческое Общество уступило [4]).

---

[1]) Ibid. 1771 г. № 14.
[2]) Ibid. 1789 г., № 4.
[3]) Ibid. 1801 г., № 53.
[4]) Ibid. 1801 г., № 94.

Огульныя ссылки на преступность выбраннаго къ службѣ купца, безъ яснаго удостовѣренія его преступленій, также мало склоняли гражданскій совѣтъ къ удовлетворенію требованій о перевыборѣ. Мы уже излагали выше, въ другой связи, конфликтъ гражданскаго совѣта и Гильдіи съ московскимъ магистратомъ по вопросу объ увольненіи купца Юдина, выбраннаго въ числѣ 17 человѣкъ къ оружейной палатѣ. Не повторяя изложеннаго, замѣтимъ здѣсь, что магистратъ требовалъ отставленія Юдина «за учиненныя имъ яко бы противозаконныя дѣянія», а гражданскій совѣтъ отказывался исполнить требованіе магистрата на томъ основаніи, что гражданскій совѣтъ не получалъ никакого увѣдомленія о томъ, въ чемъ состоятъ эти противозаконныя дѣянія и даже не знаетъ, какія именно вещи препоручены присмотру Юдина въ оружейной палатѣ, а имѣетъ въ виду лишь то, что отъ самой оружейной палаты жалобъ на Юдина не поступало [1]). Даже когда избранный къ службѣ купецъ оказывался въ отлучкѣ, Купеческое Общество не такъ-то легко соглашалось на замѣну его другимъ. Такъ, когда юстицкій департаментъ городского правленія потребовалъ замѣны другимъ лицомъ купца Рахманова, выбраннаго къ службѣ и оказавшагося въ отлучкѣ, гражданскій совѣтъ приговорилъ: «какъ по справкѣ въ Гильдіи дачи Рахманову паспорта не оказалось, слѣдовательно, мы почитали и нынѣ почитаемъ его не въ отсутствіи, а на лицо, каковое положеніе въ прежней силѣ и подтверждаемъ [2]).

Иногда гражданскій совѣтъ рѣшительно расходился съ другими учрежденіями въ оцѣнкѣ способности избранныхъ купцовъ къ несенію данной службы и на этой почвѣ опять-таки происходили конфликты, въ которыхъ гражданскій совѣтъ держался самостоятельной позиціи. Въ 1800 г., напримѣръ, городское правленіе признало трехъ купцовъ, выбранныхъ въ коммиссаріатское депо для бракованія товаровъ, неспособными къ бракованію холстовъ, коломенки и кожевеннаго товару «по незнанію ихъ въ оныхъ товарахъ доброты». Но гражданскій совѣтъ приговорилъ: «какъ означенные люди для бракованія способные, то ихъ и нынѣ въ той же должности оставить». Все, что гражданскій совѣтъ нашелъ возможнымъ сдѣлать въ видѣ уступки, это—избрать въ помощь означеннымъ купцамъ еще четырехъ человѣкъ, знающихъ въ холщевыхъ и кожевенныхъ товарахъ [3]). О легкости, съ которой различныя учрежденія относились къ требованіямъ перевыборовъ купцовъ къ службамъ, можно судить по слѣдующему примѣру. Въ 1798 г. въ коммиссію строенія казармъ былъ избранъ, между прочимъ, купецъ Козновъ. Козновъ долго не являлся въ эту коммиссію. Казалось бы, всего правильнѣе было бы въ виду этого подвергнуть Кознова принудительному туда приводу. Но вмѣсто того коммиссія строенія казармъ стала требовать избранія другого купца къ этой службѣ. Въ этомъ требованіи сказывался изъ глубокой древности идущій, архаическій взглядъ на то, что службы и повинности должны быть выполняемы тяглыми, круговою порукою стянутыми, союзами во что бы ни стало и правительственнымъ учрежденіямъ остается только требовать, чтобы служба была исполнена безо всякаго вниманія къ обстоятельствамъ, затрудняющимъ почему-либо въ данный моментъ ея выполненіе. Гражданскій совѣтъ, однако, рѣшительно отказался примкнуть къ такой точкѣ зрѣнія и приговорилъ: «къ отмѣнѣ онаго Кознова отъ означенной должности по неимѣнію никакихъ причинъ Обществу приступить не можно, а оставляютъ его по прежнему своему

---

[1]) Ibid. 1797 г. № 15.
[2]) Ibid. 1800 г., № 48.
[3]) Ibid. 1801 г., № 1.

выбору быть при той должности, почему и благоволено бъ было чрезъ кого слѣдуетъ его, Кознова, вытребовать» [1]).

Бывали случаи, когда купецъ, избранный къ какой-либо службѣ, оказывался уже ранѣе избраннымъ къ другой службѣ. Тогда предстояло рѣшить, отъ какой изъ этихъ службъ надлежитъ его освободить при невозможности совмѣстительства. И по такимъ вопросамъ гражданскому совѣту случалось становиться въ оппозицію къ получаемымъ изъ другихъ учрежденій предписаніямъ. Такъ, напримѣръ, въ 1797 г. купецъ Дудышкинъ былъ избранъ въ Лефортовскую часть членомъ «для рѣшенія дѣлъ, до устройства и тишины относящихся». Онъ, однако, заявилъ въ магистратъ, что его уже ранѣе избрали въ депутаты для освидѣтельствованія покоевъ. Тогда магистратъ предписалъ Обществу избрать вмѣсто Дудышкина въ Лефортовскую часть другого. Но гражданскій совѣтъ призналъ невозможнымъ выполнить это предписаніе на томъ основаніи, что «оный Дудышкинъ избранъ Московскимъ Купеческимъ Обществомъ въ Лефортовскую часть баллотированіемъ». Это было въ декабрѣ 1797 г. Въ февралѣ 1798 г. въ Гильдію былъ полученъ указъ отъ губернскаго правленія съ такимъ же приказаніемъ смѣнить Дудышкина въ Лефортовской части, но гражданскій совѣтъ и на этотъ разъ постановилъ остаться при прежнемъ общественномъ приговорѣ отъ 23 декабря 1797 г. [2]).

Любопытныя пререканія возникали между гражданскимъ совѣтомъ и главнымъ магистратомъ по вопросу о томъ, возможно-ли избирать къ нѣкоторымъ службамъ купцовъ безграмотныхъ. Въ 1771 г. въ словесные судьи оказался выбраннымъ безграмотный купецъ Мочаловъ и въ отвѣтъ на опротестованіе этого выбора главнымъ магистратомъ, гражданскій совѣтъ въ приговорѣ отъ 29 апрѣля 1771 г. выставилъ, между прочимъ, то соображеніе, что «если всѣ службы будутъ нести одни только тѣ купцы, кои грамотны, а безграмотные будутъ свободны, то изъ сего послѣдуетъ, что впредь многіе купцы для таковой льготы и свободности, какъ сами грамотѣ и писать обучаться, такъ и дѣтей своихъ обучать не будутъ, потому что всякому грамотному купцу будетъ чувствительно, если онъ за то, что грамотѣ учился и выучился, такъ какъ бы за какую вину или преступленіе всѣ за безграмотныхъ службы и тягость съ разореніемъ несть принужденъ будетъ» [3]). Дословно такую же мотивировку встрѣчаемъ черезъ 28 лѣтъ въ общественномъ приговорѣ отъ 10 іюня 1799 г. въ отвѣтъ на опротестованіе камерною частью выбора безграмотнаго купца Меньшева въ смотрители винныхъ магазиновъ [4]).

Иногда гражданскій совѣтъ не включалъ въ текстъ общественнаго приговора мотивовъ своего несогласія на требуемую отъ него замѣну выбраннаго къ службѣ купца другимъ лицомъ, а просто поручалъ городскому головѣ изложить въ доношеніи соотвѣтствующему учрежденію мотивы, словесно высказанные при обсужденіи даннаго вопроса на собраніи Купечества. Такъ, мы остаемся въ неизвѣстности о томъ, по какимъ соображеніямъ гражданскій совѣтъ воспротивился требованію городского правленія замѣнить другимъ лицомъ купца Сазонова, избраннаго въ коммиссію для построенія казармъ и признаннаго городскимъ правленіемъ подлежащимъ освобожденію отъ этой службы въ виду того, что онъ еще прежде того избранія обязался поставкою бумаги въ государствен-

---

[1]) Ibid. 1798 г. № 10.
[2]) Ibid. 1789 г. № 29; 1797 г. №
[3]) Ibid. 1771 г. № 6.
[4]) Ibid. 1799 г. № 19.

ную адмиралтейскую коллегію [1]). Наконецъ, встрѣчаются и такіе общественные приговоры, въ которыхъ гражданскій совѣтъ вообще безъ всякихъ мотивовъ постановляетъ просто оставить прежде выбранныхъ купцовъ при ихъ службахъ, не перемѣняя ихъ другими, несмотря на требованіе городского правленія или другихъ учрежденій [2]).

Не только требованія о замѣнѣ выбранныхъ къ службамъ купцовъ другими лицами, но и требованія о смѣнѣ находящихся у службъ купцовъ новыми встрѣчались иногда отказомъ со стороны гражданскаго совѣта. Такъ, въ августѣ 1802 г. гражданскій совѣтъ отказывался смѣнить магистратскаго ратмана Ковылина, несмотря на предложеніе о томъ губернскаго правленія, ссылавшагося на медицинское свидѣтельство о болѣзни Ковылина. Въ приговорѣ было сказано, что Обществу извѣстно, что Илья Ковылинъ занимается торговыми дѣлами, какъ здоровый, и потому гражданскій совѣтъ высказался за вторичное освидѣтельствованіе Ковылина черезъ губернскаго штабъ-лекаря [3]). Въ августѣ 1801 г девять частныхъ городовыхъ судей, уже въ теченіе трехъ лѣтъ состоявшихъ въ этой должности по выбору Купечества, вошли въ юстицкій департаментъ городского правленія съ просьбой объ освобожденіи ихъ отъ службы, такъ какъ они запустили свои торговыя дѣла. Юстицкій департаментъ предписалъ Купеческому Обществу произвести новые выборы, указавъ на 31 ст. Городового Положенія (въ коей сказано, что голова, бургомистры и ратманы выбираются на три года). Но, несмотря на это предписаніе, гражданскій совѣтъ постановилъ «вышеписанныхъ купцовъ Московское Купеческое Общество оставляетъ при той же должности будущаго 1802 г. до 1 числа» [4]).

Наряду съ самообороной противъ наложенія новыхъ службъ Купеческое Общество вступало въ конфликты съ властями ради самозащиты и отъ увеличенія бремени различныхъ натуральныхъ повинностей. Въ 1796 г., напр., главнокомандующій въ Москвѣ предписалъ отвести отъ городского общества домъ для помѣщенія полицеймейстера или нанять на общественныя средства соотвѣтствующее помѣщеніе, за неимѣніемъ для этой цѣли казеннаго дома. Это предписаніе Купеческое Общество не сочло для себя обязательнымъ и въ приговорѣ заявило, что «общество на отведеніе для квартированія г-на полицеймейстера никакихъ у себя особыхъ общественныхъ домовъ, равно какъ и на наемъ отъ Купеческаго Общества таковаго дома общественной суммы въ сборѣ у себя не имѣетъ и къ сбору на оное денегъ за силою городоваго положенія 7 ст. приступить не осмѣливается» [5]). Въ 1771 г. президентъ главнаго магистрата предписалъ гильдинскимъ старшинамъ нанять на общественныя средства рабочихъ для очистки отъ сора и нечистоты порожжаго мѣста, находящагося въ Китаѣ-городѣ. Предписаніе это было доложено на гражданскомъ совѣтѣ и тамъ было постановлено, что выполненіе этой повинности до Купеческаго Общества не относится, такъ какъ указанное порожжее мѣсто не принадлежитъ Обществу, а составляетъ собственность казны и сдано изъ платежа оброка сенатору Волкову, который и долженъ взять на себя выполненіе предписываемой повинности [6]).

---

[1]) ibid. 1800 г. № 52; ср. 1803 г. № 44.
[2]) Ibid. 1801 г. № 52; дѣло идетъ о смотрителѣ при аукціонѣ.
[3]) ibid. 1802 г. № 83.
[4]) ibid. 1801 г. № 89.
[5]) Ibid. 1796 г. № 7.
[6]) Ibid. 1771 г. № 5.

Таковы были столкновенія Купеческаго Общества съ властями, вызываемыя стремленіемъ властей увеличить сверхъ обычныхъ предѣловъ бремя платежей, службъ и повинностей, падавшихъ на Общество. Этимъ не ограничивались, однако, предметы столкновеній и другой, не менѣе значительный, рядъ ихъ вызывался вмѣшательствомъ властей во внутренніе распорядки мірского хозяйства Купеческаго Общества. Общество нерѣдко возставало и противъ такихъ вмѣшательствъ, желая сохранить за собою самостоятельность въ распоряженіи своими мірскими дѣлами или предпочитая болѣе выгодныя для себя рѣшенія сравнительно съ тѣмъ, что предлагалось посторонними Обществу учрежденіями. Такъ напр., въ 1789 г. главнокомандующій поручалъ городскому головѣ «преклонять Купеческое Общество на уступку казнѣ крѣпостнаго общественнаго дома, въ которомъ находились главный и московскій магистраты, или безвозмездно или, по крайней мѣрѣ, за 6000 руб.» Однако Общество на гражданскомъ совѣтѣ признало, что домъ этотъ крайне нуженъ Обществу и предложеніе главнокомандующаго было признано непріемлемымъ [1]). Подобныя же разногласія происходили между Обществомъ и шестигласной думой по вопросу о мытномъ дворѣ. Общество въ 1792 г. просило главнокомандующаго разрѣшить приступить къ ремонтированію этого двора. Напротивъ, того шестигласная дума предлагала Купеческому Обществу построить мытный дворъ совершенно вновь. Общество тѣмъ не менѣе рѣшило остаться при своемъ прежнемъ планѣ, находя его и болѣе цѣлесообразнымъ и болѣе соразмѣрнымъ съ состояніемъ общественныхъ средствъ [2]). Затѣмъ возникъ вопросъ, по какому плану производить ремонтъ. Губернское правленіе запрашивало, согласно ли Общество принять планъ архитектора Карина, а Общество выражало согласіе принять этотъ планъ, но лишь при соблюденіи тѣхъ условій, которыя были изложены въ общественномъ прошеніи на имя главнокомандующаго, составленномъ на основаніи прежнихъ общественныхъ приговоровъ [3]).

Не будемъ входить пока въ подробности всѣхъ этихъ вопросовъ, которыя будутъ отмѣчены ниже, при изложеніи дѣятельности гражданскаго совѣта по отдѣльнымъ предметамъ. Пока намъ важно только установить самый фактъ проявленія самостоятельности гражданскаго совѣта въ вопросахъ мірского хозяйства.

Въ отмѣченныхъ только что случаяхъ вмѣшательство постороннихъ учрежденій было вызвано ходатайствами, съ которыми само Общество обращалось къ главнокомандующему. Но иногда тотъ же главнокомандующій по собственному почину подсказывалъ Обществу различныя мѣропріятія по общественному хозяйству и бывали случаи, когда Общество рѣшалось проявлять къ такимъ указаніямъ отрицательное отношеніе. Напр., въ 1793 г. было предложено завести герберги въ нежилыхъ каменныхъ дворцахъ на Подсолнечной горѣ и Черной грязи, чтобы этимъ предотвратить появленіе тамъ сырости, а также трактиры въ деревянномъ дворцѣ въ Завидовѣ. Предложеніе это было отклонено на томъ основаніи, что не нашлось желающихъ снять эти помѣщенія подъ герберги и трактиры [4]). При расчетахъ съ откупщиками по содержанію ими различныхъ оброчныхъ мірскихъ статей по заключеннымъ съ Обществомъ контрактамъ Купеческому Обществу также случалось расходиться въ истолкованіи контрактовъ съ магистратомъ и губернскимъ правленіемъ, которые по жало-

---

[1]) Ibid. 1789 г. № 17.
[2]) Ibid. 1792 г. № 19.
[3]) Ibid. 1793 г. № 1.
[4]) Ibid. 1793 г. № 8.

бамъ откупщиковъ дѣлали Обществу свои указанія, не всегда принимаемыя Обществомъ къ обязательному выполненію [1]). Наконецъ, какъ мы уже говорили объ этомъ выше, въ своемъ мѣстѣ, различныя учрежденія нерѣдко пытались оказать давленіе на Общество, убѣждая его увеличить контингентъ состоящихъ при Гильдіи наемныхъ служащихъ, какъ-то, нотаріусовъ, аукціонистовъ, маклеровъ, приказныхъ въ то время, какъ Общество вовсе не было склонно умножать расходованіе общественныхъ средствъ на увеличеніе этихъ штатовъ, не вызываемое, по его мнѣнію, дѣйствительною необходимостью, и Обществу приходилось отклонять подобныя предложенія и со стороны магистрата, и со стороны губернскаго правленія, и со стороны самого сената [2]).

Еще одинъ кругъ вопросовъ служилъ въ иныхъ случаяхъ предметомъ столкновеній между Обществомъ и сторонними на него воздѣйствіями. То были вопросы о принятіи въ составъ Общества новыхъ членовъ и объ увольненіи изъ состава Общества желающихъ изъ него выйти. Такъ, напримѣръ, между Обществомъ и московскимъ магистратомъ происходила цѣлая полемика по вопросу о возможности принятія въ составъ Купеческаго Общества дворянъ, при чемъ Общество относилось весьма отрицательно къ поступленію дворянъ въ его ряды [3]). Точно такъ же и просьбы отдѣльныхъ купцовъ объ увольненіи ихъ изъ Общества, хотя бы и подкрѣпляемыя иногда указами изъ магистрата и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій, въ которыя просители находили нужнымъ предварительно обращаться, встрѣчали порою отказъ со стороны Общества по мотивамъ, на которыхъ мы еще будемъ имѣть случай остановиться [4]).

Наконецъ, напомнимъ въ заключеніе этого обзора одинъ эпизодъ изъ дѣятельности гражданскаго совѣта, о которомъ уже пришлось говорить въ предшествующемъ изложеніи [5]). Когда при императорѣ Павлѣ въ Москвѣ былъ введенъ новый порядокъ управленія Москвой, гражданскій совѣтъ приговоромъ отъ 20 декабря 1799 г. выступилъ съ рядомъ возраженій противъ различныхъ сторонъ этого новаго порядка и съ просьбой вернуться къ прежнему. Тогда это заявленіе не произвело желаемаго дѣйствія, но оно характерно, какъ доказательство того, что Купеческое Общество на гражданскихъ совѣтахъ не только подымало голосъ противъ отдѣльныхъ распоряженій различныхъ учрежденій, стѣснительныхъ и невыгодныхъ для Общества или противорѣчившихъ закону, но отваживалось въ случаѣ необходимости и на общую критику правительственныхъ реформъ въ области городского управленія, если эти реформы непосредственно касались Купеческаго Общества.

Итакъ, гражданскіе при Гильдіи совѣты не уклонялись отъ проявленія извѣстной самостоятельности въ кругѣ предоставленной имъ дѣятельности, разумѣется, поскольку такія проявленія вообще были возможны при административномъ строѣ того времени. Возможность эта въ общемъ была очень невелика и разсмотрѣнные выше случаи изъ дѣятельности гражданскихъ совѣтовъ, въ концѣ концовъ, все же не устраняли чисто подчиненнаго положенія купеческаго сословнаго самоуправленія и по отношенію къ общегородскому самоуправленію, и еще въ большей мѣрѣ по отношенію къ коронной администраціи. Въ значительной мѣрѣ эта подчиненность стояла въ связи съ тѣмъ тяглымъ характеромъ, который въ

---

[1]) Примѣръ тому см. Ibid. 1787 г. № 12.
[2]) См. ibid. 1778 г. № 3; 1803 г. № 46; 1802 г. № 87; 1802 г. № 4; 1799 г. № 27; 1796 г. № 9.
[3]) Ibid. 1789 г. № 10.
[4]) Ibid. 1803 г. №№ 56, 64, 51.
[5]) См. выше глава II, § IV.

теченіе почти всего XVIII столѣтія присвоялся посадскимъ союзамъ вообще, а въ частности и московской гильдейской организаціи. Власть смотрѣла на эти союзы прежде всего, если не исключительно, какъ на орудія на круговой порукѣ основаннаго выполненія мѣстнымъ населеніемъ различныхъ видовъ государственнаго тягла. Исторія сословно-купеческой организаціи въ Москвѣ, какъ и въ другихъ городахъ, за изучаемое время и является прежде всего исторіей напряженнаго несенія платежей, службъ, повинностей въ пользу государства, требовавшаго весьма сильнаго расходованія матеріальныхъ и служебныхъ средствъ и силъ и оставлявшаго сравнительно немного простора для обслуживанія внутреннихъ интересовъ самого населенія, для развитія его свободной самодѣятельности въ этомъ направленіи. Со времени царствованія Екатерины II, правда, происходитъ значительное ослабленіе тяглаго характера гильдейской организаціи, съ Гильдейскаго Купечества снимается рядъ прежнихъ обязательныхъ повинностей, и ставятся извѣстные предѣлы наложенію на городскія общественныя организаціи, а въ томъ числѣ и на Купеческое Общество, обязательныхъ службъ и прочихъ принудительныхъ отягощеній. Но все это далеко еще не было равносильно полному раскрѣпощенію Купеческаго Общества и освобожденію его отъ прежняго тяглаго положенія. А вмѣстѣ съ тѣмъ и прежній подчиненный характеръ купеческаго самоуправленія все еще давалъ себя чувствовать на каждомъ шагу.

Теперь мы и приступимъ къ систематическому обзору дѣятельности гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ по отдѣльнымъ сторонамъ ея.

V.

Прежде всего, гражданскій совѣтъ имѣлъ ближайшее отношеніе къ вопросамъ, касающимся измѣненій личнаго состава Купеческаго Общества. Пріемъ и увольненіе членовъ зависѣли отъ приговоровъ совѣта.

Предписанія относительно пріема въ Общество новыхъ членовъ обыкновенно присылались изъ московскаго магистрата. Форма ихъ была слѣдующая: «по указу Его Величества въ департаментѣ магистрата приказали такому-то, по имѣемому имъ капиталу быть въ Московскомъ Купечествѣ въ той слободѣ, въ которой онъ пожелаетъ, и для того отослать его въ Гильдію при указѣ, съ предписаніемъ тѣмъ, чтобы съ капитала процентныя деньги были приняты.... съ такого-то срока, да и впредь принимаемы были, а потому и въ исправномъ платежѣ положенныхъ по купечеству всякихъ государственныхъ податей и въ служеніяхъ гражданскихъ взять съ него вмѣсто присяги росписку съ лучшимъ поручительствомъ—и по исполненіи репортовать, при томъ съ той росписки приложить копію, а о написаніи въ городовую обывательскую книгу Гильдіи отъ себя представить градскому главѣ» [1]). Въ этомъ стереотипномъ текстѣ перечислены составные моменты процедуры присоединенія къ Купеческому Обществу новаго члена, и ничего не сказано объ участіи гражданскаго совѣта въ этой процедурѣ. Тѣмъ не менѣе вступленіе въ Купеческое Общество новаго члена предполагало или формальное выраженное или молчаливое согласіе Общества, которое могло вмѣсто согласія наложить на это и свое veto. Этотъ моментъ занимающей насъ процедуры освѣщается дошедшими до насъ общественными приговорами гражданскихъ совѣтовъ. Гильдія докладывала о вновь вступающихъ въ Общество членахъ на совѣтѣ и совѣтъ выносилъ по этимъ докладамъ свои постановленія. Въ ноябрѣ 1803 г. Общество приговорило, чтобы на будущее время городскіе

1) Опись дѣлъ Московской Купеческой Управы т. I, приложеніе стр. 1 и далѣе passim.

старосты и безъ доклада совѣту, сами именемъ купеческаго сословія рѣшали вопросъ о принятіи въ Общество новыхъ членовъ, «буде замѣтятъ ихъ полезными Обществу», но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы желающіе вступить въ Общество лично являлись въ Гильдію и представлялись городовымъ старостамъ; если же они этого не исполнятъ, то по одному бумажному предписанію изъ магистрата старосты должны были отказывать въ пріемѣ въ Общество [1]). Общество съ своей стороны ставило извѣстныя условія и предъявляло извѣстныя требованія для пріема въ свою среду новыхъ членовъ. Здѣсь нужно сказать особо о пріемѣ въ составъ Московскаго Купечества иногородныхъ купцовъ, и о пріемѣ лицъ, ранѣе вообще не принадлежавшихъ къ Купеческому Сословію.

Въ 1803 г. купецъ города Моршанска Голиковъ черезъ второй департаментъ московскаго магистрата заявилъ о своемъ желаніи вступить въ Московское Купечество. Гражданскій совѣтъ не счелъ возможнымъ дать на это свое согласіе 1) «по неозначенію того, нѣтъ-ли на немъ какихъ взысканій, и 2) не состоялъ-ли онъ въ какихъ закону противныхъ поступкахъ [2]). Въ тѣхъ же выраженіяхъ было отказано въ томъ же году темниковскому купцу Стрегулину, при чемъ было добавлено требованіе личной явки въ Гильдію желающихъ вступить въ Московское Купечество [3]). Обратное принятіе въ Общество исключеннаго изъ него купца также не могло состояться безъ согласія Общества. Въ 1802 г., напримѣръ, владимірское губернское правленіе черезъ московское губернское правленіе запросило, желаетъ-ли Московское Купеческое Общество принять обратно купца Плотникова «ежели будетъ виновенъ, по наказаніи или безъ наказанія». Въ приговорѣ совѣта на это было отвѣчено такъ: «если бы въ требованіи владимірскаго губернскаго правленія прописано было его, Плотникова, преступленіе, то общество, соображая невозможность его проступка, въ надеждѣ его поведенія исправленія, можетъ быть и было бы согласно его по прежнему въ общество принять», но за неозначеніемъ, въ чемъ состоитъ преступленіе Плотникова, Общество не можетъ согласиться на его обратный пріемъ [4]).

Особыя условія нерѣдко ставились Обществомъ на гражданскихъ совѣтахъ для принятія въ свою среду лицъ изъ другихъ общественныхъ состояній. Въ 1804 г. однодворецъ Тульской губерніи Грызловъ просилъ черезъ московскій магистратъ о принятіи его въ Московское Купеческое Общество, для чего представлялъ по себѣ поручителей. Гражданскій совѣтъ, однако, постановилъ, что принять Грызлова за однимъ только поручительствомъ невозможно и потребовалъ вмѣсто порукъ внесенія залога въ обезпеченіе казеннаго интереса. Грызловъ и былъ принятъ въ Московское Купечество, послѣ того, какъ имъ было внесено 150 р. въ видѣ залога на случай неисправнаго платежа имъ по обоимъ званіямъ—однодворскому и купеческому—государственныхъ податей [5]). Нерѣдко изъявляли желаніе вступить въ Московское Купечество лица крестьянскаго сословія. Главный вопросъ, составлявшій при этомъ камень преткновенія, заключался въ способахъ обезпеченія уплаты такими лицами ихъ податей по крестьянству на прежнемъ мѣстѣ ихъ жительства. 139-я статья Городового Положенія Екатерины II согласно съ постановленіями прежняго законодательства предписывала, чтобы въ случаѣ вступленія въ посадъ крестьянина вѣдомства ди-

---

[1]) Обществ. приговоры I, 1803 г. № 64.
[2]) Ibid. 1803 г. № 56.
[3]) Ibid. 1803 г. № 64.
[4]) Ibid. 1803 г. № 95.
[5]) Ibid. 1804 г. № 32.

ректора домоводства онъ впредь до новой переписи по государству платилъ бы по крестьянству крестьянскую подать, гдѣ надлежитъ, а по посаду посадскую подать. Это правило дѣйствовало и ранѣе изданія Городового Положенія 1785 г.: крестьянинъ, записавшійся въ посадъ, долженъ былъ впредь до слѣдующей ревизіи платить двойную подать и по крестьянству и по посаду. И вотъ, поднимался вопросъ: на кого въ такомъ случаѣ должно ложиться ручательство въ исправномъ отбываніи такими лицами ихъ прежнихъ податныхъ обязанностей по крестьянству?

Въ 1792 г. московская казенная палата чрезъ московскій магистратъ сообщила въ Гильдію о желаніи записаться въ Московское Купечество двухъ крестьянъ экономической Рогачевской волости Дмитровской округи, двухъ крестьянъ Богородской округи Вохонской волости, одного крестьянина съ сыномъ Бронницкой округи дворцовой Гжельской волости, и одного крестьянина Бронницкой округи дворцовой Гвоздинской волости, при чемъ палата запрашивала, пріемлетъ ли на себя Общество ручательство за исправность уплаты ими государственнаго платежа по крестьянству до новой ревизіи. Приговоромъ гражданскаго совѣта было постановлено принять просителей въ Купеческое Общество, если они дадутъ надежное поручительство за себя въ исправномъ отправленіи по купечеству государственныхъ податей и гражданскихъ службъ, но принять на себя обязательство за нихъ въ уплатѣ ими государственныхъ податей по крестьянству на прежнемъ жилищѣ Общество рѣшительно отказалось, сославшись на то, что 139 статья Городового Положенія отнюдь не возлагаетъ такой обязанности на Купеческое Общество для подобныхъ случаевъ [1]). Въ 1801 г. общество при принятіи въ свою среду крестьянъ казеннаго вѣдомства не только не брало на себя ручательства за исправную уплату ими податей по крестьянству, но, наоборотъ, съ нихъ самихъ требовало, какъ условіе принятія ихъ въ Купечество, поручителей не только уже въ исправномъ отбываніи ими купеческихъ податей и службъ, но и въ платежѣ ими по крестьянскому ихъ званію податей до будущей ревизіи. При этомъ освидѣтельствованіе самихъ поручителей со стороны ихъ личной и матеріальной благонадежности возлагалось Обществомъ на обязанность гильдейскихъ старостъ. На такихъ именно условіяхъ приговоромъ отъ 11 января 1801 г. была принята въ Московское Купечество группа крестьянъ разныхъ селеній казеннаго вѣдомства, и затѣмъ въ теченіе всего 1801 г. всѣ дальнѣйшіе пріемные приговоры относительно вступающихъ въ Купечество изъ казенныхъ крестьянъ постановлялись прямо со ссылкою на приговоръ 11 января и на изображенныя тамъ условія [2]). Въ 1802 г. гражданскому совѣту пришлось подвергнуть этотъ вопросъ новому пересмотру. Въ апрѣлѣ 1802 г. городовые старосты доложили гражданскому совѣту, что во время 5 ревизіи многіе разныхъ губерній крестьяне экономическаго, удѣльнаго и конюшеннаго вѣдомствъ были приняты въ Московское Купечество съ ручательствомъ за исправный ими взносъ оброчной и подушной податей на прежнихъ жилищахъ и въ виду этого ручательства на Гильдіи накопилась большая недоимка по названнымъ платежамъ. По этому докладу старостъ гражданскій совѣтъ постановилъ, чтобы на будущее время казенные крестьяне принимались въ Московское Купечество на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) въ исправности выполненія ими купеческихъ податей и службъ они должны представлять по себѣ отдѣльныхъ надежныхъ поручителей, которые и будутъ под-

---

[1]) Ibid. 1792 г. № 2.

[2]) Ibid. 1801 г. № 2; №№ 20; 29; 30; 32; 49; 61; 71; 92; 102; 105.

вергаться освидѣтельствованію городовыми старостами въ отношеніи надежности ихъ поручительства; 2) что же касается исправности отбыванія такими лицами ихъ прежнихъ податей по крестьянству, то они должны при вступленіи въ Купечество представлять о томъ обязательство не отъ отдѣльныхъ поручителей, а отъ своего прежняго крестьянскаго міра, безъ чего принимать ихъ въ Купечество Общество отказывается [1]). Это постановленіе гражданскаго совѣта встрѣтило однако возраженія со стороны московскаго магистрата, который нашелъ его несогласнымъ съ существующими законоположеніями и даже отказался войти, куда слѣдуетъ, съ представленіемъ объ этомъ приговорѣ Купеческаго Общества. Тогда, 1 іюля 1802 г. Общество постановило новый приговоръ, въ которомъ выразило согласіе впредь брать на себя ручательство за уплату такими лицами и крестьянскихъ ихъ платежей, но лишь въ томъ случаѣ, если они при вступленіи въ Купечество внесутъ въ воспитательный домъ или какое-нибудь другое присутственное мѣсто такую сумму, проценты съ которой были бы достаточны для уплаты ими податей по крестьянству, или представятъ подъ залогъ недвижимое имѣніе [2]). Съ этими условіями и дѣйствительно пришлось считаться записывающимся въ Купечество изъ крестьянъ. Такъ, въ сентябрѣ 1802 г. московскій магистратъ представилъ въ Гильдію къ запискѣ въ Московское Купечество нѣсколькихъ крестьянъ экономическаго вѣдомства и вѣдомства государственной экспедиціи конскихъ заводовъ, и при этомъ Купеческому Обществу уже предлагалось принять ихъ съ платежомъ за нихъ лишь по одному Купечеству, на что гражданскій совѣтъ и изъявилъ свое согласіе [3]). А въ октябрѣ того же года Алексинской стрѣлецкой слободы стрѣлецъ Кленковъ, желая вступить въ Московское Купечество, внесъ въ сохранную казну московскаго опекунскаго совѣта 120 руб. ассигнаціями на случай своей неисправности въ платежѣ до будущей ревизіи по крестьянству казенныхъ податей, и гражданскій совѣтъ постановилъ принять его въ Купечество, а представленный имъ билетъ изъ опекунскаго совѣта на внесенную имъ туда вышеуказанную сумму совѣтъ постановилъ хранить у гильдейскихъ старостъ [4]). Въ 1803 г. крестьянинъ Серпуховского уѣзда экономической Заборовской волости деревни Лавцовой Аѳиногенъ Ивановъ желалъ вступить въ Московское Купечество за поручительствомъ трехъ московскихъ купцовъ 3 гильдіи; но московскій магистратъ уже непосредственно отъ себя увѣдомилъ Иванова, что Московское Купеческое Общество не приметъ его безъ внесенія имъ денежнаго залога или представленія подъ залогъ недвижимаго имѣнія въ обезпеченіе исправнаго отбыванія имъ податей по крестьянству до будущей ревизіи. Тогда Аѳиногенъ Ивановъ возбудилъ ходатайство, нельзя ли обойтись безъ внесенія залога, если родственникъ его, московскій купецъ 3 гильдіи Шитовъ причислитъ его къ своему семейству. Казенная палата и магистратъ съ своей стороны находили возможной такую замѣну и уже дали въ этомъ смыслѣ предписанія Гильдіи, но гражданскій совѣтъ въ приговорѣ отъ 21 августа 1803 г. постановилъ: такъ какъ Купеческое Общество приняло правило о залогѣ по случаю накопившейся на таковыхъ записавшихся изъ крестьянъ казеннаго вѣдомства недоимки, то и даннаго просителя оно можетъ принять въ составъ Купеческаго Общества не иначе, какъ по внесеніи имъ залога [1]).

---

[1]) Ibid. 1902 г. № 49.
[2]) Ibid. 1802 г. № 71.
[3]) Ibid. 1802 г. № 85.
[4]) Ibid. 1802 г. № 86.
[5]) Ibid. 1803 г. № 36

Еще больше сомнѣній и затрудненій встрѣчало Общество по вопросу о принятіи въ свой составъ лицъ дворянскаго происхожденія. Въ 1789 г. премьеръ-маіоръ Петръ Александровичъ Римскій-Корсаковъ, объявя у себя капиталъ въ 10050 руб., выразилъ желаніе записаться въ первую гильдію Московскаго Купечества. Московскій магистратъ запросилъ Общество, желаетъ ли оно принять въ гильдію этого просителя. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ Общество въ своемъ приговорѣ отъ 6 іюня 1789 г. представило цѣлую диссертацію, явно направленную на отклоненіе означенной просьбы. Въ приговорѣ были приведены выписки изъ слѣдующихъ узаконеній. Во-первыхъ, были выписаны изъ наказа коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія Екатерины II главы XV статьи 360, 365, 366, 367, 368, 375, въ которыхъ говорится, что дворянство есть нарицаніе въ чести, отличающее украшенныхъ имъ людей отъ лицъ прочихъ состояній и что къ полученію такой чести ведутъ военная служба и участіе въ отправленіи правосудія, почему эти именно занятія и составляютъ приличествующія дворянамъ упражненія. Затѣмъ приводились 1 и 20 статьи жалованной грамоты дворянству, въ которыхъ указывается, что основаніе дворянскаго достоинства состоитъ въ заслугахъ на службѣ государству, на которую каждый благородный дворянинъ и долженъ являться по первому призыву самодержавной власти. Изъ этихъ узаконеній Общество «осмѣливалось» вывести то заключеніе, что «самое существо дворянскаго званія нудитъ каждаго изъ дворянъ упражняться главнѣйше въ службѣ военной, въ мирное жъ время въ отправленіи гражданскаго правосудія, къ чему они имѣютъ какъ бы вліянно природою предъ всѣми прочими сугубые таланты, затѣмъ дворянству на степени средственныя нисходить, какъ напр., вступить наравнѣ съ купечествомъ въ промыселъ торговый удобности не предвидится, поелику торговля или коммерція купеческая ни отвлеченія, ни отлучки упражняющагося въ томъ не терпитъ, инаково жъ неминуемо и неизбѣжно послѣдуетъ въ торгово-производствѣ замѣшательство, а важнѣе еще въ кредитѣ подрывъ, нарушающій всякое довѣріе». Затѣмъ выставлялось другое затрудненіе для принятія дворянина въ составъ Купеческаго Общества: какимъ образомъ—говорилось въ приговорѣ—можно было бы записавшагося въ Купечество дворянина привлекать къ отправленію общественныхъ нуждъ и тягостей или въ случаѣ уклоненія его отъ платежа по Купечеству «персонально его къ тому понудить»? Не пришлось ли бы здѣсь столкнуться съ рядомъ узаконеній, какъ то: ст. 12 жалованной грамоты дворянству, гдѣ сказано, что дворянинъ можетъ быть судимъ только себѣ равными, и стт. 13 и 36 той же грамоты, коими дворяне «ради ихъ личнаго достоинства» освобождались отъ личныхъ податей и службъ? Въ-третьихъ, въ приговорѣ было приведено нѣсколько выписокъ изъ узаконеній, въ которыхъ купеческое состояніе юридически противополагалось состоянію дворянскому. Такъ, приводились ст. 379 Екатерининскаго «Наказа», въ которомъ сказано, что «средній родъ» не причисляется ни къ дворянству, ни къ хлѣбопашцамъ», ст. 380—что къ среднему роду принадлежатъ тѣ, кто, не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, наукахъ, мореплаваніи, торговлѣ и ремеслахъ; далѣе указывалось на то, что въ ст. 80 Городового Положенія къ людямъ средняго рода отнесены тѣ, кто «трудолюбіемъ и добронравіемъ пріобрѣли отличное состояніе», тогда какъ въ жалованной грамотѣ дворянству дворяне опредѣлены, какъ люди, службой «пріобрѣтшіе потомству своему нарицаніе благородное»; точно также стт. 27, 28, 29, 30 и 32 жалованной грамоты дворянству о пріобрѣтеніи капиталовъ, по выраженію раз-

сматриваемаго приговора, «не единосортны» со статьями 100, 104, 105, 110, 111, 116 и 117 жалованной грамоты городамъ, «ибо, чѣмъ гильдейскимъ торговать дозволено, чтобъ тѣмъ же самымъ могли торгъ производить и дворяне, не узаконено». Въ четвертыхъ, въ приговорѣ указывалось на то, что вездѣ, гдѣ въ законахъ перечисляются разряды лицъ, могущихъ вступать въ Купечество, ни разу не упоминаются дворяне; такъ напримѣръ по 46 ст. манифеста 1775 г. марта 17 дозволено вступать въ Купечество отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ, «но чтобъ и самимъ помѣщикамъ, коихъ существенное нарицаніе есть благородные дворяне, въ гильдіи купечества записываться, на то точнаго законоположенія нѣтъ». Въ пятыхъ, отмѣчалось, что въ статьяхъ 77 и 78 въ 26 отдѣленіяхъ перечислены различныя доказательства состоянія городовыхъ обывателей, «но изъ всѣхъ сихъ 26 отдѣленій ни одно съ тѣми, коими должно доказывать благородіе, сходства ни малѣйшаго не изъявляетъ, почему и сіе къ запискѣ дворянъ въ гильдіи купечества, по Высочайшему соизволенію составленныя и составляемыя изъ людей средняго роду, наноситъ явную преграду». Наконецъ, въ шестыхъ, приговоръ выдвигалъ ограничительное толкованіе 31 ст. жалованной грамоты дворянству, въ которой было сказано: «буде кто благородный желаетъ пользоваться городовымъ правомъ, то повинуется оному». Въ виду всѣхъ приведенныхъ выше узаконеній составители разсматриваемаго приговора высказывали предположеніе, что эта статья относится лишь до тѣхъ чиновниковъ, кои дослужились до чиновъ, «бывъ породою не изъ дворянъ». Исходя изъ всѣхъ этихъ соображеній и ссылокъ на законы, Общество заявляло въ приговорѣ, что на вопросъ магистрата относительно просьбы Римскаго-Корсакова «рѣшительно отвѣчать оно не осмѣливается», а проситъ внести, куда надлежитъ, копію съ этого приговора для яснѣйшаго истолкованія приведенныхъ въ немъ узаконеній [1]).

И такъ, Общество оставляло вопросъ открытымъ, но изъ вышеизложеннаго приговора совершенно ясно, что Общество совершенно не было расположено къ принятію въ свой составъ лицъ изъ среды дворянъ. Нельзя не замѣтить, что почти вся аргументація, развитая въ приговорѣ, нами изложенномъ, въ сущности била мимо цѣли. Она доказывала, что законъ различалъ дворянское и купеческое сословія и не смѣшивалъ ихъ. Но вѣдь никто и не подвергалъ сомнѣнію этого тезиса. Вопросъ шелъ не объ отрицаніи юридическихъ различій между названными сословіями, а о томъ, допустимо-ли одному и тому же лицу совмѣщать принадлежность заразъ къ обоимъ сословіямъ. Если, какъ указывалось въ приговорѣ, въ законахъ нигдѣ не было выражено дозволенія дворянамъ вступать въ Купечество, то вѣдь авторы приговора не могли привести и ни одного мѣста изъ узаконеній, въ которомъ это было бы воспрещено. Нѣкоторыми статьями жалованной грамоты дворянству, приведенными въ приговорѣ, дворяне опредѣленно освобождались отъ службъ и повинностей, распространенныхъ на Купечество. Но вѣдь эти статьи явнымъ образомъ относились до опредѣленія правъ и преимуществъ дворянина, какъ такового, и ими еще не предрѣшался вопросъ о томъ, не будетъ-ли дворянинъ, вступившій въ Купечество, обязанъ, не по дворянству, а по Купечеству, нести и всѣ купеческія повинности. Такимъ образомъ, аргументація, приведенная въ приговорѣ, не являлась достаточно убѣдительною. Между тѣмъ можно было бы привести одну статью Городового Положенія 1785 г., которую составители приговора страннымъ образомъ оставили неиспользованной, но которая какъ разъ совершенно ясно опредѣляла, что дворяне, даже и въ

---

[1]) Ibid. 1789 г. № 10.

случаѣ присоединенія своего къ градскому обществу, не могли быть привлекаемы къ несенію мѣщанскихъ службъ. Это—статья 13-я, гдѣ сказано, что дворяне, имѣющіе въ городахъ недвижимость, «долженствуютъ нести гражданскія тягости равно прочимъ мѣщанамъ; ради же дворянскаго достоинства благородные освобождаются отъ личныхъ податей и службъ». Вотъ по аналогіи съ этой статьей дѣйствительно можно было заключить, что и въ случаѣ вступленія дворянина въ Купеческое Общество онъ не могъ бы подлежать привлеченію къ отбыванію наравнѣ съ купцами очередныхъ мірскихъ службъ. Это обстоятельство конечно создавало бы для этой категоріи членовъ Купеческаго Общества привиллегированное положеніе, отяготительное для всего остальнаго Общества и одного этого было уже достаточно, чтобы Купеческое Общество отнеслось вполнѣ отрицательно къ пріему въ свой составъ лицъ изъ среды дворянъ.

Увольненіе изъ Купеческаго Общества производилось не иначе, какъ съ разрѣшенія гражданскаго совѣта. Желающіе уволиться подавали о томъ просьбы въ магистратъ, а магистратъ—или въ періодъ дѣйствія Устава Павла городское правленіе—запрашивалъ Гильдію, могутъ-ли они быть уволены; Гильдія же докладывала эти запросы гражданскому совѣту, которому и принадлежало рѣшающее слово. Мы имѣемъ достаточное количество какъ разрѣшительныхъ, такъ и запретительныхъ общественныхъ приговоровъ по вопросу объ увольненіи изъ Купечества. Разсмотрѣніе этихъ приговоровъ обстоятельно обрисовываетъ условія, которыми обставлялись увольнительные акты. Иногда гражданскій совѣтъ отказывалъ въ увольненіи, не приводя въ приговорѣ никакихъ мотивовъ такого отрицательнаго рѣшенія. Напримѣръ, въ 1800 г. сынъ умершаго московскаго купца Рудинскаго просилъ объ увольненіи его изъ Московскаго Купечества въ петербургское. Общественный приговоръ по этому дѣлу гласилъ: «на полученный указъ въ московское городское правленіе изъ Гильдіи отрепортовать съ тѣмъ, что Московское Купечество ко увольненію реченнаго Рудинскаго въ с.-петербургское купечество не приступило» [1]).

Приговоры, содержащіе разрѣшеніе на увольненіе, писались обыкновенно въ такой формѣ: «по справкѣ въ Гильдіи къ увольненію такого-то препятствій не оказалось и потому согласно приговорили—такого-то уволить [2]). Иногда справка въ гильдейскихъ дѣлахъ наводилась не до созыва гражданскаго совѣта по данному дѣлу, а послѣ, и тогда, разрѣшительный общественный приговоръ получалъ такую форму: «ежели до показаннаго—такого-то—купца препятствіевъ по Гильдіи не окажется, то—такого-то—уволить» [3]).

Какія же могли быть препятствія, при которыхъ Общество отказывало въ увольненіи? Иногородные и иностранные купцы, поселившіеся въ данномъ городѣ, при желаніи выѣхать изъ него съ семействомъ и имѣніемъ должны были согласно ст. 129 Городового Положенія 1785 г. заплатить всѣ долги и внести городу трехгодичную городовую подать. На этомъ основаніи гражданскіе совѣты, давая такимъ лицамъ разрѣшенія на увольненіе, ставили условіе: «ежели—такой-то—заплатилъ городу трехгодичную городовую подать» [4]). Для всѣхъ другихъ купцовъ

---

[1]) Ibid. 1800 г. № 47.

[2]) Ibid. 1804 г. № 46; 1805 г. № 21.

[3]) Ibid. 1801 г. №№ 54, 65, 87; 1802 г. №№ 18, 61, 74; 1803 г. №№ 38, 89, 40, 41, 42, 54, 55, 61.

[4]) Ibid. 1801 г. № 62; 1802 г. № 19.

при увольненіи изъ Общества не требовалось выполненія этого условія, но оставался въ силѣ рядъ другихъ условій. Такъ, въ увольнительныхъ приговорахъ оговаривалось, что увольненіе разрѣшается, если на увольняемомъ по Гильдіи не числится недоимокъ по казеннымъ платежамъ или вообще какихъ бы то ни было взысканій [1]). Препятствіемъ къ увольненію могли служить и падавшія на увольняемаго обязанности по отбыванію мірскихъ службъ. Въ 1792 г., напримѣръ, московскій купецъ Христіанъ Готлибъ Наушъ пожелалъ уволиться изъ Купеческаго Общества для опредѣленія въ канцелярскіе служители при почтамтѣ. Гражданскій совѣтъ не призналъ возможнымъ согласиться на его увольненіе на томъ основаніи, что на общественныхъ выборахъ въ 1791 г. на предстоящее трехлѣтіе онъ получилъ 67 голосовъ въ ратманы, 36 голосовъ въ бургомистры, 15 голосовъ въ засѣдатели въ губернскій магистратъ, 10 голосовъ въ совѣстный судъ, былъ зачисленъ въ кандидаты на всѣ эти должности и «по избираемымъ балламъ въ теченіе будущаго времени неизвѣстно еще, что не можетъ-ли онъ паче чаянія на убылыя мѣста поступить гдѣ въ служеніе» [2]). Итакъ, не только выбранные къ службамъ въ теченіе всего того срока, на который они были избраны, но и кандидаты къ нимъ въ теченіе того же срока не подлежали увольненію изъ Общества.

Особыя затрудненія могли выдвигаться въ томъ случаѣ, если предстояло уволить купца изъ Общества для поступленія въ монахи. Тогда возникалъ вопросъ, кѣмъ будутъ уплачиваться за него подати—до новой ревизіи или до кончины уволеннаго? Въ рядѣ случаевъ Общество, соглашаясь на увольненіе купцовъ въ монахи, принимало на счетъ общественныхъ суммъ и уплату за нихъ податей до ревизіи или до ихъ кончины. Но это дѣлалось лишь въ томъ случаѣ, если увольняемые въ монахи были больны и стары и не могли уже ни въ чемъ быть полезны Обществу. Въ противномъ случаѣ требовалось поручительство въ томъ, что подати за нихъ будутъ вносимы ихъ родственниками, иначе Общество отказывало въ увольненіи. Напримѣръ, Общество въ 1804 г. отказало въ увольненіи въ монашество купцу Сергѣю Осиповичу Солодовникову по тремъ причинамъ: 1) за молодостью его лѣтъ, 2) за непредъявленіемъ согласія на то отъ его матери, 3) за непредставленіемъ порукъ въ уплатѣ за него податей [3]). Конечно, и представленіе такихъ порукъ ничѣмъ еще не связывало Общества въ его рѣшеніи, и мы имѣемъ рядъ случаевъ отказа въ увольненіи въ монашество, несмотря на представленіе просителями поручительствъ въ уплатѣ за нихъ податей [4]). Не иначе какъ съ обязательствомъ родственниковъ или другихъ лицъ платить за увольняемыхъ государственные поборы впредь до ревизіи Общество увольняло купцовъ и въ другія общественныя состоянія, напримѣръ, въ служители при университетѣ, въ приказные служители при разныхъ учрежденіяхъ или просто «для избранія другого рода жизни» [5]). Впрочемъ, Обществу во всякомъ случаѣ необходимо было знать, въ какое именно званіе переходитъ увольняемый купецъ, и безъ этого оно не давало увольнительныхъ приговоровъ. Причина этого разъясняется въ приговорѣ отъ 16 октября 1803 г. Московскій Купецъ Ульбрехтъ просилъ объ увольненіи изъ Купечества «для избранія другого рода жизни»; гра-

---

[1]) Ibid. 1791 г. № 26; 1803 г. № 14.

[2]) Ibid. 1792 г. № 7.

[3]) Ibid. 1796 г. № 8; 1803 г. №№ 20, 53, 57; 1802 г. №№ 14, 40, 68; 1805 г. № 37; 1804 г. № 41.

[4]) Ibid. 1802 г. № 91.

[5]) Ibid. 1802 г. № 100; 1803 г. № 22; 1805 г. № 28.

жданскій совѣтъ постановилъ: «поелику въ присланномъ изъ 2 департамента московскаго магистрата указѣ, въ какой именно Ульбрехтъ родъ жизни записаться желаетъ, не означено, то посему Купеческое Общество безъ означенія сего и уволить его Ульбрехта не можетъ, потому-что если оный Ульбрехтъ по увольненіи Обществомъ поступитъ въ военную службу, въ такомъ случаѣ Общество лишиться должно, по неизвѣстности объ ономъ, той пользы, каковая 99 ст. Городового Положенія предоставлена»[1]); а въ означенной статьѣ Городового Положенія было сказано, что, если записанный въ Гильдію купецъ добровольно пойдетъ или сына запишетъ въ военную службу, то обществу градскому зачесть онаго въ рекруты при первомъ наборѣ.

Кромѣ увольненія купцовъ изъ Общества по просьбамъ увольняемыхъ Обществу было предоставлено право и принудительнаго увольненія въ видѣ кары со сдачей увольняемыхъ въ рекруты или съ представленіемъ ихъ къ ссылкѣ на поселеніе. Такъ, купцы, попавшіеся въ воровствѣ, за которыхъ въ виду ихъ несостоятельности Обществу приходилось уплачивать истцовы иски и судебныя пошлины, представлялись Обществомъ къ отсылкѣ на поселеніе съ зачетомъ ихъ Обществу въ рекруты въ ближайшій наборъ. Въ 1771 г. Общество постановило, въ видѣ общаго правила, чтобы въ такихъ случаяхъ гильдейскіе старшины сдавали купцовъ въ рекруты или на поселеніе даже безъ доклада гражданскому совѣту, если размѣръ иска не превыситъ 50 р., при болѣе же высокомъ искѣ старшины должны были докладывать дѣло на совѣтѣ. Магистратъ добавилъ къ этому приговору отъ себя, чтобы и при искѣ менѣе чѣмъ въ 50 р. старшины не представляли такихъ купцовъ къ ссылкѣ на поселеніе, если эти купцы будутъ «состоянія добраго и житія честнаго» и «такую сумму могутъ впредь по исправѣ заплатить». Изъ того же общественнаго приговора отъ 1 іюня 1771 г. можно усмотрѣть, что Купеческое Общество представляло купцовъ къ ссылкѣ на поселеніе и за упорный неплатежъ податей [2]).

Въ случаяхъ этого рода мы имѣемъ дѣло уже съ проявленіемъ карательной власти Купеческаго Общества по отношенію къ отдѣльнымъ его членамъ. А потому, быть можетъ, будетъ всего умѣстнѣе здѣсь же упомянуть и о томъ, что на Купеческое Общество возлагалась и полицейско-надзирающая власть по отношенію ко всѣмъ его членамъ, которую Общество осуществляло при помощи слободскихъ старостъ, какъ это и было уже указано выше при обозрѣніи функцій этихъ послѣднихъ. Такъ, напримѣръ, въ 1804 г. магистратъ прислалъ въ Гильдію московскаго купца Болдина, находящагося подъ судомъ уголовной палаты въ чиненіи фальшивыхъ надписей на заемномъ письмѣ, для «отдачи въ Общество съ тѣмъ, чтобъ за нимъ имѣлся присмотръ». Общество на совѣтѣ постановило отдать Болдина на росписку слободскому старостѣ и родственникамъ «съ обязательствомъ, чтобъ они за поведеніемъ Болдина имѣли наикрѣпчайшій присмотръ и отнюдь до противныхъ закону проступковъ не допускали, а если таковые пороки замѣтятъ, то объявили бъ о семъ городскимъ старостамъ, при чемъ должны представить и самаго Болдина» [3]).

Разъ Обществу было присвоенно наблюденіе за положеніемъ каждаго отдѣльнаго его члена, то отсюда же вытекало и возложеніе на Общество назначенія опекуновъ и попечителей, какъ къ малолѣтнимъ купеческимъ сиротамъ, такъ и къ взрослымъ купцамъ, отдававшимся подъ опеку за расточительность и

---

[1]) Ibid. 1803 г. № 51.
[2]) Ibid. 1771 г. № 11.
[3]) Ibid. 1804 г. № 14.

иные пороки. Выборы опекуновъ и попечителей во всѣхъ такихъ случаяхъ происходили на гражданскихъ совѣтахъ, чему находимъ большое количество примѣровъ въ общественныхъ приговорахъ.

VI.

Переходимъ къ дѣятельности гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ по выборамъ купцовъ въ различныя мірскія должности.

Изъ среды Купеческаго Общества въ теченіе всего XVIII столѣтія избирались члены московскаго магистрата. Во всѣхъ городахъ члены городовыхъ магистратовъ, бургомистры и ратманы, избирались на посадскихъ сходахъ, но мы уже знаемъ, что въ Москвѣ общепосадскій сходъ въ теченіе всего XVIII столѣтія замѣнялся гражданскимъ совѣтомъ при Гильдіи. Здѣсь происходили и выборы магистратскихъ бургомистровъ и ратмановъ. При возникновеніи московскаго магистрата составъ его присутствія былъ опредѣленъ въ 13 человѣкъ: 1 президентъ, 4 бургомистра и 8 ратмановъ. Это количество членовъ было опредѣлено примѣнительно къ численности посадскаго населенія Москвы на основаніи правилъ, установленныхъ для такого исчисленія въ шестой главѣ регламента главнаго магистрата. Въ 1779 г. Московское Купеческое Общество возбудило, однако, ходатайство о сокращеніи личнаго состава присутствія московскаго магистрата. Въ ходатайствѣ указывалось, что означенное число членовъ въ свое время, при возникновеніи магистратскихъ, учрежденій соотвѣтствовало численности Московскаго Купечества, которое по даннымъ первой и второй ревизій превышало 13 тысячъ душъ, но затѣмъ «отъ разныхъ изнуреніевъ и непринадлежащихъ до него тягостей» Московское Купечество значительно уменьшилось въ своей численности и уменьшеніе это было еще болѣе усилено раздѣленіемъ на купцовъ и мѣщанъ, которое послѣдовало по манифесту 17 марта 1775 г., такъ что по третьей ревизіи вмѣстѣ съ вновь прибылыми насчитывалось купцовъ, объявившихъ свой капиталъ, всего 2.500 душъ, считая въ томъ числѣ умершихъ, больныхъ и престарѣлыхъ; итакъ, сравнительно съ 20-ми и 40-ми годами XVIII столѣтія, когда производились первая и вторая ревизіи, въ составѣ Московскаго Купечества оказывалась почти одна пятая часть его прежней численности. На этомъ основаніи Общество и ходатайствовало о разрѣшеніи выбирать впредь въ московскій магистратъ не 13, а только 7 членовъ: 1 президента, 2 бургомистровъ и 4 ратмановъ. Фактически въ моментъ предъявленія этого ходатайства въ московскомъ магистратѣ находилось 8 членовъ: 1 президентъ, 3 бургомистра и 4 ратмана. Общество и просило уволить его отъ дополнительнгго выбора пяти человѣкъ [1]). Московскій магистратъ отказался, однако, дать ходъ этому ходатайству, указывая на то, что Москвѣ «по величеству города» надлежитъ имѣть въ магистратѣ количество членовъ, соотвѣтствующее первому разряду по росписанію магистратскаго регламента. Тогда Общество на совѣтѣ 8 мая 1779 г. поручило гильдейскимъ старостамъ направить это ходатайство прямо въ главный магистратъ [2]).

Ходатайство это не только не увѣнчалось успѣхомъ, но вскорѣ число выбираемыхъ отъ Общества членовъ московскаго магистрата еще болѣе умножилось, и по изданіи Городового Положенія 1785 г. Общество выбирало уже въ названный магистратъ восемь бургомистровъ и 16 ратмановъ. Этимъ еще не

---

[1]) Ib. 1779 г. № 16.

[2]) Ibid. 1779 г. № 17.

исчерпывалось число должностныхъ лицъ, избиравшихся Обществомъ въ это время. Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XVIII столѣтія Общество избирало:

1—городского голову,
2—засѣдателей совѣстнаго суда,
6—засѣдателей губернскаго магистрата,
8—бургомистровъ городового московскаго магистрата,
16—ратмановъ городового московскаго магистрата,
3—словесныхъ судей,
3—городовыхъ судей,
3—городовыхъ старостъ,
5—старостиныхъ помошниковъ,
2—членовъ палаты уголовнаго суда,
2—членовъ палаты гражданскаго суда,
2—членовъ въ управу благочинія.

За время дѣйствія Устава города Москвы императора Павла Общество избирало ратсгеровъ въ городское правленіе. По отмѣнѣ этого Устава возстановился прежній кругъ выборныхъ должностей, но въ московскій магистратъ Общество стало выбирать уже только 6 бургомистровъ и 12 ратмановъ [1]).

Выборы во всѣ эти должности производились разъ въ три года, только выборы въ городовые старосты и ихъ помощники и въ судьи словеснаго суда были ежегодные. Порядокъ выборовъ былъ сложенъ. Онъ заключался въ томъ, что въ каждой части города именитые граждане и купцы всѣхъ трехъ гильдій выбирали 1) опредѣленное количество «повѣренныхъ выборщиковъ» и 2) опредѣленное количество «кандидатовъ» во всѣ вышеуказанныя должности. Затѣмъ «повѣренные» должны были баллотировать въ эти должности по очереди всѣхъ «кандидатовъ». Надо замѣтить, что при этомъ одни и тѣ же лица могли быть выбираемы и въ «повѣренные», и въ «кандидаты». Такъ, напримѣръ, на выборахъ 1788 г. въ этомъ отношеніи получилось слѣдующее. Отъ именитыхъ гражданъ было избрано 2 повѣренныхъ и 4 кандидата, тѣ и другіе были всѣ разныя лица. Отъ купцовъ первой гильдіи было избрано 36 повѣренныхъ и 40 кандидатовъ; изъ этого числа 27 человѣкъ были одновременно выбраны и въ повѣренные, и въ кандидаты, 9 человѣкъ—только въ повѣренные, а 13 человѣкъ только въ кандидаты. Отъ купцовъ второй гильдіи было выбрано всего 48 повѣренныхъ и 58 кандидатовъ; въ томъ числѣ 32 человѣка были избраны одновременно и въ повѣренные, и въ кандидаты, 16 человѣкъ только въ повѣренные и 26 человѣкъ только въ кандидаты. Отъ купцовъ третьей гильдіи было выбрано всего 81 человѣкъ, въ томъ числѣ 18 человѣкъ одновременно и въ повѣренные, и въ кандидаты, 20 только въ повѣренные, 63—только въ кандидаты [2]).

На каждую должность баллотировались всѣ кандидаты. Выбывающіе до истеченія срока полномочій замѣнялись подбальными, хотя иногда производились и новые выборы, и въ этомъ случаѣ дѣйствовала прежняя коллегія выборщиковъ: въ избирательныхъ на выборщиковъ приговорахъ прямо писалось: «ежели въ теченіе наступившаго трехлѣтняго времени случатся какіе выборы къ должностямъ, то и оные препоручаемъ означеннымъ же избраннымъ выборщикамъ» [3]).

---

1) Ibid. 1803 г. № 68.
2) Ibid. 1791 г. № 29; 1801 г. №№ 38, 42; 1802 г. № 22 и др.
3) Ibid. 1788 г. №№ 9 и 10.

Дальнѣйшія подробности о порядкѣ такихъ выборовъ раскрываются изъ тѣхъ пререканій, которыя иногда возникали между избранными и выборщиками и которыя въ свою очередь были разсматриваемы на гражданскихъ совѣтахъ. Изложимъ содержаніе такихъ пререканій и затѣмъ посмотримъ, какія данныя о процедурѣ выборовъ изъ нихъ вытекаютъ. Въ 1802 г. купцы Ѳедоръ Кожевниковъ и Андрей Кригеръ предъявили главноначальствующему въ Москвѣ гр. Салтыкову жалобы на неправильности, яко бы допущенныя при выборѣ ихъ въ общественныя должности. Кожевниковъ жаловался на городского голову и выборщиковъ въ томъ, что онъ былъ выбранъ къ засѣданію въ уголовную палату, а они назначили его въ гражданскую палату, и кромѣ того онъ уже имѣлъ паспортъ для отлученія изъ Москвы къ своимъ иногороднимъ торгамъ и не успѣлъ воспользоваться паспортомъ только по болѣзни, какъ былъ застигнутъ выборами. Поэтому, онъ просилъ или совсѣмъ освободить его, «яко уволеннаго» отъ «нонѣшняго служенія», или, если это будетъ признано невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, предоставить ему засѣдать, согласно избранію, въ уголовной, а не въ гражданской палатѣ. Кригеръ просилъ уволить его отъ службы по тремъ причинамъ: по слабости здоровья, потому что онъ имѣетъ чинъ коммерціи совѣтника и потому, что онъ выбранъ нынѣ въ магистратъ вторымъ бургомистромъ, хотя онъ уже ранѣе служилъ первымъ бургомистромъ, почему онъ и «относитъ сіе къ своему униженію». Въ отвѣтъ на эти жалобы гражданскій совѣтъ постановилъ представить главноначальствующему слѣдующее разъясненіе. Всѣ кандидаты, въ томъ числѣ и названные жалобщики, были баллотированы всѣми выборщиками по списку, безъ различія однако жъ палатъ и магистратскихъ департаментовъ, т. е. каждый изъ нихъ баллотировался въ три званія, сначала въ ратманы, потомъ въ бургомистры, а напослѣдокъ въ засѣдатели палатъ. Кожевниковъ предъявилъ просьбу объ исключеніи его изъ служенія, но просьба эта не была уважена. Тогда онъ изъявилъ желаніе, чтобы его баллотировали прямо въ уголовную палату засѣдателемъ. Нѣкоторые выборщики соглашались на это, но «послѣдствіе баллотировки открыло тому противное», а именно по количеству балловъ онъ оказался лишь четвертымъ кандидатомъ въ палатскіе засѣдатели, всѣ остальные подвергнутые баллотировкѣ получили еще меньше балловъ и остались для занятія мѣстъ въ магистратѣ и другихъ правительствахъ. По окончаніи баллотировки началось распредѣленіе кому въ какой палатѣ быть присутствующимъ; при этомъ Общество руководилось высочайшимъ постановленіемъ о преимуществѣ уголовныхъ дѣлъ передъ гражданскими и потому засѣдателями въ уголовную палату были зачислены два кандидата съ наибольшимъ количествомъ балловъ, а двумъ слѣдующимъ—въ томъ числѣ и Кожевникову—по количеству балловъ и пришлось предоставить мѣста засѣдателей въ гражданской палатѣ. На томъ же основаніи изъ остальныхъ кандидатовъ получившіе сравнительно большее количество балловъ были опредѣлены въ уголовные департаменты, а получившіе меньшее количество балловъ—въ гражданскіе департаменты магистрата, потому и Кригеръ получилъ мѣсто бургомистра въ гражданскомъ департаментѣ магистрата. Ссылка Кожевникова на полученный имъ отпускъ изъ Москвы не имѣетъ силы, ибо, хотя уволенныхъ по пашпортамъ въ отпускъ 33-й статьей Городового Положенія запрещено избирать въ общественныя должности, но Кожевниковъ взялъ пашпортъ еще за два года до выборовъ, въ теченіе двухъ лѣтъ никуда не выѣзжалъ, а въ моментъ выборовъ срокъ его пашпорта уже истекалъ. Что же касается Кригера, то ссылка его на свою болѣзнь неосновательна, такъ какъ Обществу извѣстно, что онъ ежедневно занимается на биржѣ коммерче-

скими дѣлами, а указаніе на унизительность для него занимать должность второго бургомистра также не имѣетъ значенія, ибо «баллотировка, какъ выше значитъ, производилась генеральная всѣмъ вообще бургомистрамъ, а помѣщенъ онъ во-вторые по числу балловъ». Неосновательна и ссылка его на свой чинъ, ибо по учрежденію о губерніяхъ (ст. 55) первой и второй бургомистры помѣщены въ 12 классѣ, а по новому штату всѣ бургомистры магистрата положены въ 7 классѣ [1]). Кожевниковъ, несмотря на этотъ приговоръ, все таки рѣшилъ не складывать оружія и повелъ дѣло дальше. Черезъ тринадцать дней послѣ составленія вышеизложеннаго приговора въ Гильдію поступилъ запросъ отъ гражданскихъ дѣлъ стряпчаго относительно неправильностей, яко бы допущенныхъ при выборахъ, и запросъ этотъ явно былъ внушенъ жалобой Кожевникова, ибо въ немъ были воспроизведены всѣ претензіи послѣдняго. Но и Общество на гражданскомъ совѣтѣ полностью повторило свой предшествующій приговоръ, составленный по поводу жалобы Кожевникова [2]). 2 апрѣля главноначальствующій въ ордерѣ заявилъ, что изъ донесенія губернскаго стряпчаго онъ замѣчаетъ ошибки въ разсортированіи по числу балловъ членовъ и потому предписываетъ городскому головѣ исправить это разсортированіе и вновь представить Его Сіятельству. Въ частности въ ордерѣ указывалось на то, что купецъ Девятовъ, избранный въ бургомистры, по выправкѣ казенныхъ дѣлъ стряпчаго оказался состоящимъ подъ судомъ, а выбранный въ ратманы купецъ Бродниковъ былъ исключенъ изъ службы за служебное упущеніе по прежней своей дѣятельности въ качествѣ магистратскаго члена, и хотя затѣмъ онъ и подошелъ подъ дѣйствіе указа 1801 г. объ освобожденіи подобныхъ ему отъ суда и слѣдствія, но все же главноначальствующій предписалъ устранить его отъ выборной службы впредь до дальнѣйшаго о немъ соображенія. Городской голова доложилъ этотъ ордеръ собранію выборщиковъ, и они въ виду выключенія Девятова и Бродникова замѣстили ихъ слѣдующими по порядку балловъ кандидатами, не произведя новой баллотировки [3]). Между тѣмъ и Кожевниковъ возобновилъ свои настоянія, и 24 апрѣля губернское правленіе по новой жалобѣ Кожевникова предписало учинить перебаллотировку всѣмъ, избраннымъ въ засѣдатели палатъ. Выборщики произвели перебаллотировку, но она дала точь въ точь прежніе результаты, и Кожевниковъ оказался на прежнемъ мѣстѣ, при томъ же и срокъ данному ему паспорту успѣлъ кончиться и потому—сказано было въ приговорѣ гражданскаго совѣта—«нынѣ онъ и самъ уволеннымъ себя почитать уже не можетъ» [4]). Кожевниковъ и на этомъ не успокоился и выдвинулъ уже новый доводъ для подкрѣпленія своей просьбы объ освобожденіи его отъ выборной службы: въ прошеніяхъ, поданныхъ имъ московскому главноначальствующему и въ сенатъ, съ приложеніемъ коммерческихъ документовъ, онъ доказывалъ, что «будучи обязанъ немаловажною при китайской границѣ торговлею, собственнаго его присутствія требующею, можетъ онъ отъ занятія назначаемою ему купеческомъ должностью потерпѣть ощутительное въ дѣлахъ своихъ разстройство». На этомъ основаніи главноначальствующій предписывалъ замѣстить Кожевникова въ гражданской палатѣ слѣдующимъ по количеству балловъ кандидатомъ. Это распоряженіе главноначальствующаго было передано городскому головѣ чрезъ губернское правленіе. Однако гражданскій совѣтъ рѣшительно сталъ на

---

[1]) Ibid. 1802 г. № 27.
[2]) Ibid. 1802 г. № 28.
[3]) Ibid. 1802 г. № 33.
[4]) Ibid. 1802 г. № 39.

защиту своего выбора. Въ приговорѣ отъ 9 іюня онъ повторилъ въ отвѣтъ на изложенное распоряженіе всѣ прежнія свои соображенія по поводу жалобы Кожевникова и затѣмъ добавилъ слѣдующее заключеніе: «если просьбу купца Кожевникова принять во уваженіе и отъ служенія его уволить, то нарушится тѣмъ порядокъ о выборѣ въ должности, святостію законовъ установленный, а совокупно съ тѣмъ подастся поводъ и всѣмъ, имѣющимъ внѣ Москвы торговлю, къ удаленію отъ отправленія возлагаемыхъ на нихъ обществомъ должностей, отчего можетъ послѣдовать въ исполненіи подобныхъ выборовъ великое неудобство». Въ виду этого Общество приговорило просить губернское правленіе представить о всемъ томъ на благоусмотрѣніе сената, а впредь до рѣшенія сената Кожевникова отъ должности не увольнять [1]). Однако, еще не дождавшись рѣшенія сената, главнокомандующій Москвы освободилъ Кожевникова отъ должности засѣдателя палаты гражданскаго суда и въ качествѣ кандидата старшаго по балламъ, опредѣлилъ въ его замѣстители купца Туманова. Тумановъ тотчасъ же и съ своей стороны возбудилъ ходатайство объ освобожденіи его отъ этой службы, ссылаясь при томъ на тѣ же самые мотивы, которые выдвигалъ и Кожевниковъ, т. е. на необходимость отлучаться изъ Москвы къ своимъ иногороднимъ торгамъ. Получивъ увѣдомленіе объ этомъ распоряженіи чрезъ губернское правленіе, гражданскій совѣтъ и на этотъ разъ не отступилъ отъ своего рѣшенія. Въ приговорѣ отъ 7 іюня 1804 г. Общество подчеркнуло, что законъ «уполномочиваетъ непосредственно Общество въ выборѣ изъ собратіи своей въ должности присутствующихъ» и, такъ какъ Общество убѣдилось, что губернское правленіе оставляетъ безъ вниманія эти постановленія закона, то «оно и поставляетъ уже несовмѣстнымъ дѣлать о томъ губернскому правленію свои представленія», а рѣшило поручить городскому головѣ совмѣстно съ избранными на сей случай отъ общества депутатами представиться главноуправляющему губерніей, изъяснить ему лично всѣ обстоятельства дѣла и просить его привести общественный приговоръ въ надлежащее дѣйствіе и предписать купцу Кожевникову занять мѣсто, къ которому онъ избранъ» [2]).

Къ изложенному любопытному конфликту присоединимъ еще слѣдующій эпизодъ, такъ же бросающій свѣтъ на нѣкоторыя подробности выборной процедуры. Въ декабрѣ 1804 г. по предписанію главноначальствующаго черезъ губернское правленіе были отставлены отъ своихъ должностей засѣдатель гражданской палаты Зеркальниковъ и магистратскіе бургомистры Бродниковъ, Миляковъ, Астафьевъ, Цынбальниковъ и Шемшуринъ. Были произведены новые выборы, по коимъ на всѣ означенныя мѣста были избраны новыя лица. Тогда противъ этихъ новыхъ выборовъ заявили протестъ ратманы московскаго магистрата, купцы Савельевъ, Ливенцовъ и Оконишниковъ. Они ссылались на баллотировочный списокъ 1803 г., по коему, по количеству полученныхъ ими балловъ, они являлись кандидатами на вышеупомянутыя, освободившіяся теперь должности, и замѣщеніе этихъ должностей другими лицами посредствомъ новыхъ выборовъ они сочли для себя обидою и просили «представленныя отъ нихъ причины, сообразивши съ порядкомъ общественнымъ, разсмотрѣть». Гражданскій совѣтъ призналъ, однако, эти претензіи неосновательными, разъяснивъ въ приговорѣ отъ 20 декабря 1804 г., что кандидатами на вакансіи, могущія открыться въ теченіе трехлѣтія, почитаются лишь тѣ, кои остались подбальными, не занявъ никакихъ

---

[1]) Ibid. 1802 г. № 70.
[2]) Ibid. 1804 г. №№ 21 и 35.

должностей, а занявшіе по количеству балловъ низшія должности на цѣлое трехлѣтіе, не могутъ претендовать на перемѣщеніе ихъ на высшія мѣста въ случаѣ открытія вакансій до истеченія трехлѣтія [1]).

Изложенные факты вдвойнѣ любопытны. Во-первыхъ, они съ большими подробностями обрисовываютъ конфликты, возгоравшіеся на почвѣ общественныхъ выборовъ, какъ между Купеческимъ Обществомъ и властями, такъ и между выборщиками и избираемыми. Во вторыхъ, они дополняютъ наши свѣдѣнія о самой избирательной процедурѣ. Всѣ кандидаты баллотировались на всѣ должности. Затѣмъ они распредѣлялись по должностямъ по количеству полученныхъ ими балловъ, при чемъ для замѣщенія должностей засѣдателей губернскихъ палатъ требовалось большее количество балловъ, нежели для замѣщенія магистратскихъ должностей, а въ предѣлахъ каждаго этого круга получившіе сравнительно большее число балловъ считались избранными къ уголовнымъ дѣламъ, а получившіе меньшее количество балловъ—къ гражданскимъ дѣламъ. Вопреки домогательствамъ самихъ избираемыхъ и требованіямъ, предъявлявшимся иногда правительственными учрежденіями, гражданскій совѣтъ твердо отстаивалъ то положеніе, что распредѣленіе по должностямъ должно обусловливаться только сравнительнымъ числомъ полученныхъ кандидатами балловъ, независимо отъ какихъ-либо иныхъ частныхъ обстоятельствъ. Такъ, нѣкоторые, кому уже ранѣе случалось быть избранными въ болѣе высокія должности, пытались доказывать, что опредѣленіе ихъ къ болѣе низкимъ должностямъ не можетъ уже имѣть мѣста, каковы бы ни были результаты баллотировки на новыхъ выборахъ. При открытіи досрочныхъ вакансій занимавшіе низшія мѣста иногда претендовали на повышеніе ихъ вмѣсто замѣщенія вакансій подбальными кандидатами. Но всѣ такія притязанія послѣдовательно были отвергаемы гражданскимъ совѣтомъ, точно такъ же, какъ и стремленія правительственныхъ учрежденій своими распоряженіями вносить изъятія и отклоненія отъ общаго порядка въ ходъ выборовъ.

Кромѣ выборовъ въ перечисленныя выше общественныя должности, на совѣтахъ Купеческаго Общества производились и иные выборы. Такъ, по указамъ изъ шестигласной думы на этихъ совѣтахъ избирались гласные въ думу отъ именитыхъ людей и отъ купцовъ всѣхъ трехъ гильдій. Текстъ этихъ избирательныхъ приговоровъ всегда начинается такъ: «именитые граждане, 1, 2 и 3 гильдій купечество, будучи въ купеческой залѣ въ собраніи и слушавъ полученнаго изъ московской городской шестигласной думы въ Гильдію указа, касательно о выборѣ въ о н у ю думу гласныхъ членовъ на трехгодичное время 1 именитаго гражданина и отъ гильдіевъ 1, 2 и 3 по одному жъ, имѣя разсужденіе, со общаго согласія, выбрали....». Въ виду словъ: «въ о н у ю думу» можно было бы заключить, что въ такихъ случаяхъ рѣчь идетъ о выборахъ въ шестигласную думу; несомнѣнно однако, что на самомъ дѣлѣ передъ нами—выборы въ о б щ у ю думу, ибо 1) шестигласная дума избиралась общей думой изъ числа ея гласныхъ и 2) шестигласная дума состояла всего изъ шести членовъ, въ составъ которыхъ отъ всего гильдейскаго Купечества входилъ одинъ представитель; здѣсь же избирается по одному представителю отъ каждой гильдіи, какъ это по Городовому Положенію именно полагалось для общей думы. Отмѣтимъ при этомъ двѣ черты. Для выборовъ гласныхъ общей думы отъ купеческихъ гильдій купцы собирались не отдѣльно по гильдіямъ, а на общій гражданскій совѣтъ и, во-вторыхъ, для такихъ выборовъ мы не видимъ предварительнаго выбора повѣренныхъ

---

[1]) Ibid. 1804 г. №№ 63, 66.

и кандидатовъ, а вмѣсто того гражданскій совѣтъ непосредственно избираетъ гласныхъ общей думы [1]). На ряду съ этимъ мы видимъ отдѣльныя собранія купцовъ иноземныхъ по націямъ (французы, итальянцы, нѣмцы, греки и т. д.) и иногородныхъ. Они выбираютъ сначала кандидатовъ и затѣмъ изъ нихъ избираютъ своихъ представителей въ общую думу [2]).

Шестигласная дума, а при дѣйствіи устава Павла городское правленіе, стремились возложить на гражданскій совѣтъ еще одни выборы. Когда приходило время приступать къ составленію городовой обывательской книги, названныя учрежденія предлагали черезъ Гильдію купеческому совѣту избирать тѣхъ старостъ и депутатовъ, которые согласно статьямъ 60 и 61 Городового Положенія должны были вмѣстѣ съ городскимъ головой составить коммиссію для сочиненія городовой обывательской книги. Однако гражданскій при Гильдіи совѣтъ полагалъ, что выборы этихъ депутатовъ до него не касаются, такъ какъ въ статьѣ 61 Городового Положенія говорится о депутатахъ «отъ каждой городовой части» и поэтому для выборовъ этихъ старостъ и депутатовъ должны быть составляемы сходы жителей каждой части города, созывъ которыхъ долженъ быть возложенъ на частные суды по распоряженію управы благочинія. Затѣмъ уже выбранные по частямъ старосты должны были, по мнѣнію гражданскаго совѣта, высылаться въ Московскую Гильдію, которая должна была руководить составленіемъ этими старостами списковъ, подлежащихъ представленію въ депутатскую коммиссію по сочиненію городовой обывательской книги [3]). Члены же этихъ словесныхъ судовъ, расположенныхъ по всѣмъ частямъ города, избирались опять-таки на общегражданскомъ совѣтѣ при Московской Гильдіи. Эти частные суды назывались еще «членами для рѣшенія дѣлъ, до устройства и тишины относящихся» [4]). По просьбамъ спорящихъ сторонъ гражданскіе совѣты избирали третейскихъ судей для разбирательства отдѣльныхъ опредѣленныхъ дѣлъ [5]).

Выше, въ своемъ мѣстѣ, мы уже говорили подробно о выборахъ нотаріусовъ, стряпчихъ, маклеровъ на гражданскихъ совѣтахъ. Была въ своемъ мѣстѣ рѣчь и о выборахъ на гражданскомъ совѣтѣ членовъ спеціальныхъ коммиссій (напримѣръ, коммиссіи десяти, коммиссіи двѣнадцати), которыя время отъ времени учреждались Купеческимъ Обществомъ для выполненія опредѣленныхъ порученій. Упомянемъ, наконецъ, что на гражданскомъ же совѣтѣ при Московской Гильдіи избирался старшина или альтерманъ цеха прикащиковъ и сидѣльцевъ и затѣмъ отсылался для утвержденія въ этой должности въ шестигласную думу. Цехъ этотъ былъ учрежденъ по уставу о цехахъ императора Павла съ тѣмъ, чтобы онъ дѣйствовалъ подъ непосредственнымъ управленіемъ ратгауза, а по отмѣнѣ ратгауза и возстановленіи Городового Положенія 1785 г. этотъ цехъ поступилъ въ подчиненіе шестигласной думѣ. На выборахъ альтермана этого цеха на гражданскомъ совѣтѣ присутствовали именитые граждане и купцы всѣхъ трехъ гильдій [6]).

---

1) Ibid. 1791 г. № 30; 1794 г. № 14; 1797 г. № 31; 1802 г. № 23.
2) Ibid. 1802 г. №№ 34, 35, 36, 37, 38; 1803 г. №№ 74, 75, 76, 78.
3) Ibid. 1801 г. № 4; 1804 г. № 37.
4) Ibid. 1797 г. № 29; 1798 г. № 8; 1801 г. №№ 120, 121; 1802 г. № 99.
5) Ibid. 1800 г. №№ 46, 48.
6) Ibid. 1800 г. №№ 21, 39; 1804 г. № 4.

VII.

Кромѣ выборовъ къ различнымъ общественнымъ должностямъ Купеческому Обществу постоянно приходилось производить выборы къ разнаго рода службамъ, издавна, еще со временъ московскаго государства, составлявшимъ спеціальную повинность посадскаго населенія. И въ дѣятельности гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ, какъ самые выборы къ такимъ службамъ, такъ и обсужденіе всякаго рода вопросовъ, до такихъ выборовъ относящихся, занимало не малое мѣсто. До царствованія Екатерины II бремя «службъ», возлагавшихся на посадское населеніе, не только не было уменьшаемо сравнительно съ эпохою московскаго государства, но, наоборотъ, еще болѣе разрасталось въ связи съ развитіемъ государственныхъ потребностей, къ обслуживанію которыхъ привлекалось тяглое населеніе. Съ начала 60-хъ годовъ въ правительственныхъ сферахъ ставится вопросъ о сокращеніи купеческихъ «службъ». Въ декабрѣ 1762 г. состоялось Высочайшее повелѣніе сенату «постараться, дабы купцы отъ непристойныхъ имъ службъ и отъ напрасныхъ отягощеній освобождены были» [1]). Эта облегчительная тенденція была, впрочемъ, подготовлена нѣкоторыми обстоятельствами, обозначавшимися нѣсколько ранѣе, еще при Елизаветѣ. Въ теченіе первой половины XVIII ст. на посадскихъ людей падало очень большое количество службъ при разныхъ казенныхъ сборахъ въ качествѣ сборщиковъ, счетчиковъ, цѣловальниковъ и т. п. Но съ середины XVIII ст. посадскія службы именно у сборовъ замѣтно сокращаются, чему въ особенности способствовало уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и сокращеніе службъ при питейныхъ сборахъ, вызванное распространеніемъ, а затѣмъ и окончательнымъ утвержденіемъ системы откуповъ. Правда, одновременно съ указанными явленіями замѣчается развитіе штатовъ выбранныхъ изъ среды Купечества служителей при мѣстныхъ магистратахъ и различныхъ полицейскихъ учрежденіяхъ въ связи съ расширеніемъ и осложненіемъ задачъ управленія въ городскихъ поселеніяхъ второй половины XVIII ст. Однако, далеко не вездѣ сокращеніе службъ при сборахъ уравновѣшивалось увеличеніемъ службъ по управленію и въ общемъ, начиная съ середины XVIII ст., можно констатировать извѣстное облегченіе посадскаго служилаго бремени. Въ 60-хъ годахъ XVIII ст. среди посадскихъ службъ по управленію вездѣ замѣчается преобладаніе выборныхъ служащихъ при полицейскихъ должностяхъ и при магистратахъ, а среди службъ у сборовъ почти вездѣ преобладаютъ службы у соляной продажи и лишь въ рѣдкихъ отдѣльныхъ случаяхъ наблюдается значительное скопленіе выборныхъ служащихъ и по питейнымъ сборамъ [2]).

101 статья Городового Положенія 1785 г., казалось, должна была бы составить эпоху въ исторіи купеческаго сословія въ интересующемъ насъ въ настоящій моментъ отношеніи. Статья эта гласила: «записавшихся въ гильдіи не избирать къ слѣдующимъ казеннымъ службамъ, гдѣ оныя еще суть, а имянно: 1) къ продажѣ соли или вина или иного чего, казнѣ принадлежащаго; 2) къ смотрѣнію казнѣ принадлежащаго; 3) въ разныя должности, извѣстныя подъ названіемъ ларечныхъ, цѣловальниковъ, носильщиковъ, дрягилей, щетчиковъ и караульщиковъ казнѣ принадлежащаго; 4) къ пріуготовленію дворцоваго или казнѣ принадлежащаго; а вмѣсто того платить гильдіямъ вообще, по скольку указомъ предписано есть или будетъ». Статья эта по буквальному своему

---

[1]) Ibid. 1779 г. № 24.

[2]) См. книгу А. А. Кизеветтера «Посадская община въ Россіи XVIII ст.».

смыслу представляла собою не что иное, какъ полное уничтоженіе всѣхъ купеческихъ службъ за исключеніемъ службъ по управленію. Однако, на практикѣ эта статья примѣнялась въ изучаемый нами теперь періодъ далеко не въ полномъ своемъ объемѣ. Службы при казенныхъ сборахъ и разнаго рода финансовыхъ казенныхъ порученіяхъ все же продолжались и по изданіи Городового Положенія 1785 г., хотя, конечно, не въ прежнихъ уже размѣрахъ. Въ одномъ общественномъ приговорѣ отъ 1771 г. мы встрѣчаемъ такое перечисленіе службъ, падающихъ на московское Купечество: московскіе купцы по выборамъ своего общества служатъ: 1) у казенныхъ суммъ въ выборныхъ, головахъ, ларешныхъ, браковщикахъ, счетчикахъ и цѣловальникахъ на каменномостномъ питейномъ дворѣ, въ главной соляной конторѣ, въ бывшемъ Сибирскомъ приказѣ, что нынѣ экспедиція мягкой рухляди, въ губернской канцеляріи, въ главномъ кригскоммиссаріатѣ, въ канцеляріи конфискаціи и въ прочихъ тому подобныхъ мѣстахъ не токмо въ Москвѣ, но и высылкою въ другіе города; 2) при разныхъ полицейскихъ должностяхъ, какъ-то: въ сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ и на рогаточныхъ караулахъ, каковыя службы многимъ приходится исполнять въ третьи и четвертыя, а рѣдко гдѣ въ пятыя и шестыя сутки. Отправленіе этихъ службъ многимъ недостаточнымъ купцамъ, «коихъ въ московскомъ купечествѣ большее количество передъ достаточными имѣется», приходится брать на себя лично за неимѣніемъ дворовыхъ людей и въ виду затруднительности пріискивать наемныхъ людей, за которыхъ при томъ все равно необходимо нести личную отвѣтственность [1]).

Далеко не всѣ эти службы отпали съ изданіемъ Городового Положенія 1785 г. Во главѣ 101 ст. Городового Положенія стояла отмѣна купеческихъ службъ у продажи соли и вина. Но и въ 80-хъ, и въ 90-хъ годахъ XVIII ст., и въ началѣ XIX в. гражданскіе при Гильдіи совѣты продолжаютъ выбирать купцовъ къ службамъ, связаннымъ съ соляной и винной продажей. Такъ, по 7 и 101 статьямъ Устава о соли гражданскіе совѣты ежегодно избирали въ казенную палату къ соляному сбору двухъ выборныхъ и двухъ присяжныхъ добросовѣстныхъ свидѣтелей [2]). Къ вѣсамъ соляного магазина и къ мѣрамъ виннаго магазина Купечество въ 80-хъ и 90-хъ годахъ выбирало ежегодно—одного словеснаго судью, двухъ выборныхъ и двухъ добросовѣстныхъ свидѣтелей; съ конца 90-хъ годовъ выбирали иногда по 4 выборныхъ и по 4 добросовѣстныхъ свидѣтеля [3]). Обязанность этихъ выборныхъ лицъ состояла въ разбирательствѣ споровъ между покупщиками и продавцами соли и въ смотрѣніи за сидѣльцами [4]). Кромѣ того Купеческое Общество избирало къ названнымъ магазинамъ соляного и виннаго приставовъ на трехлѣтія. Соляной приставъ долженъ былъ «имѣть казенную соль за своимъ присмотромъ и въ продажу производить и вырученныя деньги куда слѣдуетъ отдавать»; онъ же долженъ былъ на отпускаемыя ему средства нанимать рабочихъ къ перевѣсу соли. А Купеческое Общество брало на себя обязательство отвѣтствовать передъ камерною частью за всякую утрату ими казеннаго имущества и за всякое ихъ упущеніе [5]). Аналогичныя функціи присваивались и винному приставу [6]). Сидѣльцы при назван-

---

[1]) Ibid. 1771 г. № 1.

[2]) Ibid. 1788 г. № 6; 1789 г. № 5.

[3]) Ibid. 1789 г. № 23; 1795 г. № 1; 26; 1796 г. № 20; 1797 г. № 12; 28; 1798 г. № 25; 1799 г. № 32; 1800 г. № 72; 1802 г. № 8; № 105.

[4]) Ibid. 1800 г. № 71.

[5]) Ibid. 1798 г. № 13.

[6]) Ibid. 1798 г. № 14; 1799 г. № 6; 17.

ныхъ магазинахъ также выбирались изъ Купечества. Такъ, въ 1803 г. второй департаментъ магистрата, «по силѣ Высочайшихъ о соли и винѣ уставовъ» предписалъ Купеческому Обществу избрать 1 словеснаго судью, 2 выборныхъ, 12 добросовѣстныхъ свидѣтелей и 10 сидѣльцевъ, «кои бъ могли имѣть на рукахъ своихъ сіе казенное довѣріе». Передъ этимъ Купечество выбирало къ вину и къ соли вмѣстѣ по 4 выборныхъ и по 4 добросовѣстныхъ. Увеличеніе количества избираемыхъ добросовѣстныхъ до 12 чел. гражданскій совѣтъ призналъ чрезмѣрнымъ, а вмѣсто того рѣшилъ: такъ какъ выборныхъ требуется теперь только двоихъ, то изъ числа четырехъ выборныхъ двухъ перемѣстить въ добросовѣстные въ прибавку къ прежнимъ четыремъ, такъ, чтобы и получилось 2 выборныхъ и 6 добросовѣстныхъ, что гражданскій совѣтъ и почиталъ бы достаточнымъ [1]). Изъ этихъ данныхъ усматривается, что, если по изданіи Городового Положенія черныя работы при соляной и винной продажѣ, какъ-то: должности носильщиковъ, караульщиковъ и т. п., обслуживались уже не выборными изъ посадскихъ людей, а наемными рабочими, то все же всякія выборныя службы при соляной и винной продажѣ отнюдь не исчезли, и Купеческому Обществу приходилось выбирать купцовъ не только къ разбирательству споровъ по торговымъ сдѣлкамъ при этихъ продажахъ и къ общему завѣдыванію соляными и винными магазинами, но и къ выполненію обязанностей сидѣльцевъ за казенными прилавками. Выборамъ купцовъ во всѣ эти службы гражданскіе совѣты посвящали по необходимости не малое время.

На ряду съ этимъ въ теченіе всего изучаемаго періода, и до и послѣ изданія Екатерининскаго Городового Положенія, Купеческое Общество выбирало цѣновщиковъ, счетчиковъ, цѣловальниковъ въ нѣкоторыя учрежденія. Такъ, въ московскій магистратъ изъ Купечества ежегодно избиралось по два счетчика «къ аукціону». Въ Управу Благочинія избиралось ежегодно по 4 цѣновщика [2]). Когда въ Москвѣ дѣйствовала особая экспедиція о продажѣ сибирской мягкой рухляди, Купеческое Общество избрало туда одного «купчину»: свѣдѣніе объ этомъ находимъ въ одномъ изъ приговоровъ 1771 г. [3]). Въ 1801 г. Купеческому Обществу было предписано выбрать 8 человѣкъ «къ осматриванію и свидѣтельству товаровъ, привозимыхъ черезъ таможни, кои слѣдуютъ въ Москву противъ данныхъ изъ таможенъ на тѣ вещи ярлыковъ». По силѣ Высочайшаго указа 1800 г. 29 іюня на совѣтѣ 22 февраля 1801 г. эти выборы и были произведены [4]). Въ адмиралтейскую контору выбирали двухъ, а въ комиссаріатское депо четырехъ браковщиковъ къ сукнамъ [5]). Кромѣ такихъ постоянныхъ службъ при правительственныхъ учрежденіяхъ Купеческому Обществу приходилось выбирать изъ своей среды требуемое количество лицъ по единовременнымъ запросамъ властей. Такъ, напримѣръ, помимо постоянно выбираемыхъ оцѣнщиковъ, производившихъ оцѣнки въ городѣ, приходилось выбирать особыхъ оцѣнщиковъ для оцѣнки питейныхъ домовъ въ уѣздѣ [6]). Въ 1789 г. Управа Благочинія вдругъ

---

[1]) Ibid. 1803 г. № 9.

[2]) Ibid. 1789 г. № 6; 1790 г. №№ 9, 16; 1791 г. № 32; 1792 г. № 16; 1793 г. № 13; 1795 г. № 4; 1795 г. № 10; 1796 г. №№ 1, 17; 1797 г. № 32; 1798 г. № 26; 1799 г. № 34; 1801 г. №№ 29, 119; 1803 № 62; 1804 г. № 65.

[3]) Ibid. 1795 г. № 2; 1796 г. № 19; 1797 г. № 33; 1798 г. № 22; 1799 г. № 35; 1801 г. № 116; 1802 г. № 7; 1803 г. № 62.

[4]) Ibid. 1771 г. № 27.

[5]) Ibid. 1801 г. № 25.

[6]) Ibid. 1802 г. № 73; 1803 г. № 8.

потребовала отъ Гильдіи высылать опредѣленное количество купцовъ «къ дневанію» при этомъ учрежденіи, и это требованіе было настолько неожиданно, что гражданскій совѣтъ при Гильдіи вмѣсто немедленнаго производства выборовъ постановилъ запросить, для какихъ именно надобностей установляется это дневанье [1]).

Ко всѣмъ такимъ службамъ, установлявшимся штатами соотвѣтствующихъ правительственныхъ учрежденій или вызывавшихся ихъ единовременными запросами, присоединялась затѣмъ длинная вереница службъ, относившихся до удовлетворенія различныхъ потребностей городского хозяйства. Такъ, на Купеческое Общество падали выборы смотрителей въ рядахъ; они выбирались по указамъ въ Гильдію изъ городской думы; въ 1802 г. таковыхъ смотрителей было избрано 11 человѣкъ [2]); далѣе—въ уличные смотрители [3]); въ смотрители надъ магазинами [4]); въ смотрители за запрещенной торговлей бѣломѣстцевъ; въ 1789 г. выбрали 10 смотрителей за запрещенной торговлей; затѣмъ нѣсколько лѣтъ ежегодно продолжали на годъ полномочія избранныхъ ранѣе; наконецъ, въ 1795 г. избрали новыхъ; въ 1797 г. опять избрали новыхъ на три года; въ 1799 г. избрали новыхъ безъ обозначенія срока, и въ 1801 г. городское правленіе предписало Гильдіи, чтобы Купечество опредѣлило «поскольку времени быть тѣмъ смотрителямъ при исправленіи ихъ должностей», ибо безсрочная служба для смотрителей отяготительна. Получивъ этотъ указъ, Купечество на совѣтѣ 13 марта 1801 г. пять прежнихъ смотрителей замѣнило новыми, а пять оставило прежнихъ, но обошло полнымъ молчаніемъ вопросъ о срокѣ полномочій смотрителей [5]). Затѣмъ Купечество избирало выборныхъ къ описи лѣсныхъ и хлѣбныхъ цѣнъ [6]); къ сбору съ гостинныхъ дворовъ оброчныхъ денегъ и съ рядовъ десятой доли [7]); къ сбору съ приходящихъ въ Москву судовъ [8]); къ надзору за постройкой мытнаго двора [9]); въ смотрители скотопригоннаго двора [10]); въ смотрители за гербергами и трактирами [11]); къ сбору податей съ записавшихся въ Купечество изъ крестьянъ (они сами изъ своей среды выбирали этихъ сборщиковъ) [12]); къ надзору за постройкой и ремонтомъ различныхъ общественныхъ сооруженій, напримѣръ—богадѣльни, конской площадки и пр. [13]). Мы дали здѣсь лишь примѣрное перечисленіе различныхъ службъ, вызывавшихся потребностями общественнаго хозяйства; перечислить ихъ полностью было бы весьма затруднительно, ибо онѣ постоянно измѣнялись въ своемъ составѣ въ зависимости отъ текущихъ надобностей. Упомянемъ здѣсь особо объ одной временной «службѣ», которую интересно отмѣтить потому, что она была связана съ именемъ, очень громкимъ въ исторіи нашей культуры. Въ 1800 г.

---

[1]) Ibid. 1789 г. № 18.
[2]) Ibid. 1802 г. № 103.
[3]) Ibid. 1800 г. № 26.
[4]) Ibid. 1800 г. № 19.
[5]) Ibid. 1789 г. №№ 13, 22; 1791 г. № 8; 1792 г. № 8; 1795 г. № 23; 1797 г. № 23; 1800 г. № 4; 1801 г. № 36.
[6]) Ibid. 1771 г. № 22.
[7]) Ibid. 1771 г. № 25.
[8]) Ibid. 1800 г. № 30; 1801 г. №№ 39, 45; 1802 г. № 32; 1803 г. № 18.
[9]) Ibid. 1802 г. № 63.
[10]) Ibid. 1804 г. № 10.
[11]) Ibid. 1804 г. № 38.
[12]) Ibid. 1802 г. № 106; 1803 г. № 80; 1804 г. № 69.
[13]) Ibid. 1800 г. №№ 38, 66.

15 іюня на гражданскомъ совѣтѣ были выбраны два купца, одинъ русскій, другой иностранецъ, «ко освидѣтельствованію описей и перевозкѣ имѣнія поручика Новикова, въ разныхъ книгахъ на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ состоящаго, въ нанятые императорскаго воспитательнаго дома у опекунскаго совѣта лабазы». Къ этой «службѣ» были избраны изъ россійскихъ купцовъ Анисимъ Юлинъ Ваныкинъ, а изъ иностранныхъ – Францъ Куртенеръ. Въ октябрѣ 1800 г. президентъ городского правленія кн. И. М. Ухтомскій предложилъ вмѣсто Куртенера избрать «для разборки поручика Новикова книгъ» другое лицо. Выбрали Матвѣя Петрова Глазунова [1]). Въ 1801 г. въ апрѣлѣ содержатель типографіи Московскаго Университета Христофоръ Клаудій заявилъ желаніе купить изъ имѣнія поручика Николая Ивановича Новикова типографскіе инструменты: два стана, къ каждому по 4 рашкета, по 4 желѣзныхъ рамы, по 4 пары графы, по 3 пары деревяшекъ, по 1 желѣзному молотку и ключу, по 1 подсвѣшнику съ приборомъ и для помѣщенія всѣхъ сихъ вещей по 1 шкафу. За всѣ эти вещи Клаудій соглашался уплатить 450 р. Камеральный департаментъ московскаго городского правленія, вѣдавшій имущество Новикова, призналъ необходимымъ прежде удовлетворенія ходатайства Клаудія оцѣнить чрезъ состоящихъ при городскомъ правленіи цѣновщиковъ типографію, словолитную и все къ онымъ принадлежащее, «бывшія поручика Новикова и состоящія нынѣ подъ смотрѣніемъ коллежскаго совѣтника и кавалера Курбатова, а для большаго удостовѣренія кромѣ тѣхъ цѣновщиковъ привлечь къ оцѣнкѣ еще содержателя типографіи Правительствующаго Сената купца Семена Аникѣева Селивановскаго и еще кого-либо свѣдущаго изъ среды Купечества или мѣщанства и двухъ мастеровъ изъ ремесленной управы [2]). Въ сентябрѣ 1801 г. къ принятію типографіи Новикова изъ Купечества былъ избранъ купецъ Иванъ Васильевичъ Поповъ. Въ октябрѣ Поповъ былъ замѣщенъ Тр. Евс. Окоховымъ, а въ ноябрѣ въ виду заявленія Окохова, что онъ не свѣдущъ въ типографскихъ вещахъ, снова избрали Попова [3]). Вотъ все, что имѣется въ документахъ по настоящему дѣлу. Въ исторіи купеческихъ «службъ», разумѣется, это дѣло ничѣмъ не выдѣляется изъ сотенъ ему подобныхъ; на немъ пришлось остановиться лишь потому, что все, касающееся Н. И. Новикова, не можетъ не представлять историческаго интереса.

Приведенныя данныя достаточно указываютъ на то, что и послѣ изданія Городового Положенія 1785 г., несмотря на 101 ст. этого закона, гражданскимъ при Гильдіи совѣтамъ приходилось весьма часто имѣть дѣло съ выборами купцовъ къ всевозможнымъ службамъ. Кромѣ самаго производства выборовъ совѣты занимались иногда разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ и нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ о постановкѣ такихъ купеческихъ службъ. Службы эти отправлялись «по очередямъ» и по «выбору». Обѣ системы примѣнялись, повидимому, не раздѣльно, а въ извѣстныхъ комбинаціяхъ. Въ 1771 г. купцы 1 и 2 гильдій сдѣлали постановленія о томъ, чтобы выборы купцовъ къ службамъ производили подъ своей отвѣтственностью передъ міромъ сами старшины, не созывая каждый разъ для этого общественныхъ совѣтовъ, такъ какъ совѣты для выборовъ становятся очень частыми и, отрывая купцовъ отъ ихъ собственныхъ дѣлъ, чинятъ помѣшательство въ ихъ торгахъ, такъ что безпрестанное посѣщеніе избирательныхъ сходовъ «признавается быть тяжечнѣе самой службы». На этомъ основаніи Купечество, поручивъ назначеніе служебныхъ очередей усмотрѣнію коллегіи гильдейскихъ старшинъ, постановило,

---

[1]) Ibid. 1800 г. №№ 38, 66.
[2]) Арх. Купеч. Управы, № 2274.
[3]) Обществ. пригов. I, 1801 г. №№ 93, 103, 111.

что «оные ихъ выборы имѣемъ мы почитать равно въ такой силѣ, какъ бы оные отъ всего купечества выбраны и отданы были, и для того за тѣхъ отданныхъ ими купцовъ въ службы, въ случаѣ ихъ какихъ-либо неисправностей, отвѣтствовать во всемъ мы должны» [1]). Порядокъ этотъ, однако, какъ видно изъ дальнѣйшихъ приговоровъ, не удержался, и въ послѣдующіе годы выборы къ службамъ происходили на созываемыхъ для того совѣтахъ. При этихъ выборахъ Общество соблюдало извѣстную очередь между купцами, но въ то же время послѣдовательность очередей не устраняла и необходимости избранія, такъ какъ Общество брало на себя отвѣтственность за правильное отправленіе купцами возложенныхъ на нихъ службъ и потому должно было убѣдиться въ томъ, что очередной купецъ по личнымъ своимъ свойствамъ будетъ пригоденъ къ несенію данной службы, что его, какъ выражались наши предки въ эпоху московскаго государства, «съ такое дѣло станетъ». Въ этомъ и заключалась сущность общественнаго выбора къ службамъ очередныхъ купцовъ.

Взглядъ на общественные выборы, какъ на актъ поручительства избирателей за избираемаго передъ правительственною властью, имѣлъ глубоко изстаринное происхожденіе, уходилъ своими корнями въ отдаленную древность до-петровской эпохи. Но господство этого взгляда пережило затѣмъ и петровскую эпоху и сохраняло силу въ теченіе и послѣдующихъ десятилѣтій XVIII вѣка. Всѣ посадскіе выборы за XVIII вѣкъ носили именно такой характеръ. Однако, во вторую половину XVIII вѣка начинаетъ постепенно пролагать себѣ дорогу въ сознаніе населенія иной взглядъ на существо общественныхъ выборовъ. Избиратели мало по малу начинаютъ смотрѣть на производимые ими выборы не какъ на принятіе на себя обязательства нести отвѣтственность передъ властью за избранное ими къ той или иной службѣ лицо, а какъ на актъ облеченія избираемаго лица общественнымъ полномочіемъ, въ силу котораго не избиратели должны отвѣчать за избраннаго, а избранный долженъ нести отвѣтственность передъ избирателями за выполненіе возложеннаго на него избирателями полномочія. Гражданскимъ совѣтамъ при Московской Гильдіи такъ же приходилось входить въ обсужденіе этого двоякаго пониманія сущности общественныхъ выборовъ, и любопытно слѣдить по общественнымъ приговорамъ этихъ совѣтовъ, какъ настойчиво выдвигался ими, въ противовѣсъ архаической точкѣ зрѣнія высшихъ учрежденій, новый взглядъ на выборы, не какъ на натуральную повинность, а какъ на осуществленіе общественнаго права избирать къ разнымъ должностямъ довѣренныхъ отъ себя лицъ. Съ точки зрѣнія стараго пониманія сущности выборовъ избиратели разсматривались исключительно и всецѣло, какъ поручители за избранныхъ ими лицъ. Гражданскіе совѣты при Гильдіи во вторую половину XVIII вѣка не разъ отстаивали наоборотъ тотъ взглядъ, что выборъ вовсе не есть актъ поручительства, но есть актъ облеченія избираемаго общественнымъ полномочіемъ, который и не долженъ сопрягаться съ какими-либо повинностными тягостями для избирателей.

Въ 1779 г. Купеческое Общество избрало по предписанію сената новаго гофъ-маклера и при этомъ въ текстѣ избирательнаго приговора была включена слѣдующая оговорка: «но съ тѣмъ, что касается суммы денежной какъ въ переводахъ, такъ и въ нарядахъ казенныхъ и партикулярныхъ, ежели онъ гофъ-маклеръ учинитъ какое въ томъ упущеніе, то въ такомъ случаѣ онъ во всякомъ упущеніи отвѣтствовать самъ имѣетъ о себѣ во всемъ, а купечество ему

---

[1]) Ibid. 1771 г. № 3.

до интересу въ ономъ служеніи и ни въ чемъ не ввѣряетъ и не обязуется» [1]). Согласно старой традиціи отвѣтственность за избраннаго падала на тѣхъ именно лицъ, которыя подписали свои имена подъ избирательнымъ приговоромъ. Такимъ образомъ, общественные выборы почитались даже не дѣломъ цѣлаго міра и не дѣломъ всего избирательнаго собранія, а дѣломъ отдѣльныхъ группъ тѣхъ участниковъ избирательнаго собранія, которые соглашались дать свои руки подъ выборомъ того или иного избираемаго лица. Слѣдовательно, избирательный мірской сходъ на посадѣ собирался не для того, чтобы всѣмъ сходомъ производить выборы, а для того, чтобы на такомъ сходѣ вызывались охотники дать свои поруки на того или иного человѣка, идущаго на выборную должность. Такъ бывало повсюду на посадахъ въ теченіе XVIII столѣтія. Въ царствованіе Екатерины II въ Москвѣ, какъ мы уже знаемъ, установился иной порядокъ выборовъ. Купечество по частямъ города избирало повѣренныхъ выборщиковъ, которые и составляли выборную коллегію. Эта коллегія сообща производила каждый выборъ, т. е. относительно каждаго кандидата подавали голоса непремѣнно всѣ выборщики. Правительственная власть согласно прежнимъ воззрѣніямъ на общественные выборы и предполагала этихъ выборщиковъ сдѣлать отвѣтственными за всѣ недочеты и неисправности избранныхъ ими лицъ. Гражданскіе при Гильдіи совѣты прежде всего выдвинули въ противовѣсъ этому то положеніе, что выборщики представляютъ собою все Купеческое Общество и, слѣдовательно, если подъ избирательными приговорами и ставится подпись однихъ выборщиковъ, это еще не даетъ основанія только на нихъ возлагать отвѣтственность за упущенія выбранныхъ лицъ. Если уже выборы вообще должны соединяться съ такой отвѣтственносью, то ее надлежитъ налагать на все Общество, отъ лица котораго выборщики являются лишь делегатами. Такъ, когда взысканіе за упущенія выборнаго при каменномостномъ питейномъ домѣ московскаго купца Лихонина за несостоятельностью его было обращено на выборщиковъ, гражданскій совѣтъ въ приговорѣ отъ 22 августа 1791 г. прямо указалъ, что онъ понимаетъ это, какъ наложеніе взысканія на все Общество, «поелику выборщики всегда не инако бываютъ, какъ отъ лица всего Купеческаго Общества» [1]). Итакъ, тутъ проводилась вопреки прежней традиціи та мысль, что общественные выборы есть коллективное дѣло всего Общества, а не отдѣльныхъ группъ рукоприкладчиковъ.

Но затѣмъ гражданскіе совѣты не остановились на этомъ и начали отстаивать и ту мысль, что общественные выборы вообще не есть актъ поручительства избирателей за избираемаго передъ правительственной властью, что не избиратели должны отвѣчать передъ властью за избраннаго, а избранный долженъ отвѣчать и передъ властью за нарушеніе имъ законовъ и передъ своими избирателяли за нарушеніе имъ довѣрія, отъ нихъ полученнаго. Уже въ связи съ только что упомянутымъ дѣломъ Лихонина гражданскій совѣтъ выступилъ съ протестомъ противъ привлеченія избирателей къ отвѣтственности за выбранное ими лицо. Правда, здѣсь этотъ протестъ опирался еще не на общее принципіальное отрицаніе такой отвѣтственности, а лишь на неправильное предъявленіе ея въ данномъ случаѣ. Гражданскій совѣтъ указывалъ на то, что взысканіе на Лихонина опредѣленіемъ сената было возложено еще въ 1783 г., когда Лихонинъ обладалъ средствами, вполнѣ достаточными для покры-

---

[1]) Ib. 79, 26.
[2]) Ibid. 1791 г. № 20.

тія начета изъ собственныхъ денегъ; но магистратъ затянулъ предъявленіе взысканія на нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ Лихонинъ успѣлъ раззориться и только потому взысканіе стали переводить на Общество. Гражданскій совѣтъ и указывалъ на то, что при такомъ положеніи дѣла выходило, что Общество въ сущности должно нести кару не за свою вину, ибо оно выбрало на данную должность состоятельнаго человѣка, а за волокиту другихъ учрежденій [1]). Итакъ, въ этомъ протестѣ еще не заключалось общаго отрицанія отвѣтственности Общества за выбранныхъ имъ лицъ, а только разбирался исключительный частный казусъ неправильнаго порядка предъявленія начета. Но въ другомъ дѣлѣ, тянувшемся нѣсколько лѣтъ и подробно изложенномъ выше, въ другой связи, мы встрѣчаемся уже съ общимъ протестомъ противъ трактованія избирателей, какъ поручителей, обязанныхъ нести отвѣтственность за упущенія выбранныхъ ими лицъ. Разумѣемъ дѣло о взысканіи съ президента и бургомистровъ московскаго магистрата по претензіи купца Хаджи-Ангелова начетныхъ денегъ. Правительственныя учрежденія рѣшили обратить начетъ на тѣхъ членовъ Купеческаго Общества, которые выбирали этихъ президента и бургомистровъ. Тогда гражданскій совѣтъ уже въ общей формѣ заявилъ, что на общественные выборы нельзя по прежнему смотрѣть, какъ на актъ поручительства, хотя бы уже по тому, что выборы съ 1773 г. стали производиться баллотированіемъ шарами, а не прикладываніемъ рукъ къ избирательнымъ приговорамъ и, слѣдовательно, нельзя знать, кто именно за кого подавалъ свой голосъ [2]). Конечно, это была не одна только техническая перемѣна во внѣшней процедурѣ выборовъ, за нею скрывалось измѣненіе во взглядѣ на самое существо избирательнаго акта. Когда при выборахъ дѣло шло лишь о томъ, чтобы на каждое выборное лицо было достаточное количество надежныхъ порукъ, такъ, чтобы было съ кого взыскать въ случаѣ надобности за упущенія выбраннаго, тогда процедура выборовъ сводилась къ покрытію избирательнаго приговора достаточнымъ количествомъ подписей. Введеніе же баллотированія шарами указывало на то, что теперь выборы изъ акта поручительства превращались въ актъ облеченія избираемаго общественнымъ полномочіемъ, и баллотированіе шарами имѣло цѣлью дать возможность общественной волѣ обнаружиться наиболѣе свободно и безпрепятственно. Вотъ почему гражданскій совѣтъ совершенно правильно связывалъ съ введеніемъ баллотировки шарами отрицаніе отвѣтственности выборщиковъ за избранныхъ лицъ.

Впрочемъ, надлежитъ отмѣтить, что избирательные совѣты примѣняли и послѣ 1773 г. и новую и старую процедуру выборовъ. Въ приговорѣ отъ 20 декабря 1804 г. записано, что Купечество на гражданскомъ совѣтѣ выбрало по большинству голосовъ трехъ судей въ словесный судъ и одного смотрителя въ аукціонъ, да на голосахъ—двухъ цѣловальниковъ, четырехъ цѣновщиковъ и затѣмъ выборныхъ и добросовѣстныхъ къ соляной продажѣ [3]). Выборы «по большинству голосовъ» это—выборы по новому порядку, путемъ баллотировки каждаго кандидата всѣми наличными выборщиками; выборы «на голосахъ», это—выборы по старому порядку, когда на заявленнаго кандидата писался избирательный приговоръ и къ нему прикладывали руки тѣ, кто хотѣлъ; они и считались поручившимися за кандидата. Старина и новизна въ отношеніи

---

[1]) Ibid. 1779 г. № 26; 1791 г. №№ 17, 20.
[2]) Ibid. 1794 г. № 10.
[3]) Ibid. 1804 г. № 65.

порядка общественныхъ выборовъ въ теченіе всего изучаемаго нами теперь періода продолжали соперничать на избирательныхъ гражданскихъ при Гильдіи совѣтахъ.

VIII.

Намъ предстоитъ теперь перейти къ обзору дѣятельности гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ въ обширнѣйшей области, подлежавшей ихъ вѣдѣнію. То было завѣдываніе тѣми сборами и расходами, которые проходили чрезъ Московскую Гильдію, и тѣми имуществами, которыя принадлежали Купеческому Обществу. Наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы опредѣлить, въ какой мѣрѣ гражданскіе совѣты участвовали въ администраціи всѣхъ этихъ сборовъ, расходовъ и общественныхъ имуществъ и въ чемъ именно это участіе выражалось. Мы разсмотримъ поочередно участіе гражданскихъ совѣтовъ: 1) въ установленіи общихъ правилъ финансоваго общественнаго управленія, 2) въ управленіи доходами гильдейской кассы и 3) въ управленіе ея расходами.

Что касается перваго вопроса, то здѣсь прежде всего надлежитъ отмѣтить, что именно на гражданскихъ совѣтахъ ежегодно опредѣлялось, и на какихъ членовъ гильдейскаго присутствія возлагается на данный годъ завѣдываніе гильдейской кассой. Выше, въ другой связи, были уже приведены указанія изъ общественныхъ приговоровъ на то, что большею частью гражданскіе совѣты возлагали эту обязанность на старосту второй гильдіи совмѣстно съ нѣкоторыми помощниками старостъ третьей гильдіи. Постановленіе объ этомъ мы встрѣчаемъ въ тѣхъ общественныхъ приговорахъ, въ которыхъ въ началѣ каждаго года распредѣлялись функціи между отдѣльными членами гильдейскаго присутствія. Если среди года староста 2 гильдіи получалъ отпускъ, онъ долженъ былъ передать свои финансовыя функціи какому-либо другому члену гильдейскаго присутствія; для такой передачи, повидимому, не было надобности въ созывѣ гражданскаго совѣта и достаточно было разрѣшенія гильдейскаго присутствія, но зато при такой передачѣ вся отвѣтственность по управленію финансами Гильдіи все же оставалась на уходящихъ въ отпускъ. Это явствуетъ изъ приговора гильдейскаго присутствія отъ 4 іюля 1805 г., подписаннаго городовымъ старостой, двумя старостами, пятью помощниками старостъ и письмоводителемъ, т. е. всѣмъ составомъ гильдейскаго присутствія. Въ этомъ приговорѣ сказано, что «Московской Гильдіи старосты съ помощниками, будучи въ собраніи, слушали просьбу второй гильдіи старосты Петра Толченова и помощника его Николая Агѣева объ увольненіи ихъ по коммерческимъ ихъ надобностямъ въ мѣсячный отпускъ, при чемъ Толченовъ и Агѣевъ объявили, что они должность свою препоручаютъ третьей гильдіи старостѣ и помощникамъ его съ таковымъ притомъ обязательствомъ, что если во время ихъ отлучки произойдетъ по должности какое упущеніе, то они пріемлютъ все оное на себя и ни до какого отвѣтствія ихъ не допустятъ». Гильдейское присутствіе дало разрѣшеніе на эту просьбу, взявъ съ Толченова и Агѣева подписки, что они вернутся къ должностямъ въ срокъ и обязавъ ихъ сдать наличныя у нихъ суммы и вѣдомости о недоимкахъ старостѣ третьей гильдіи и его помощникамъ [1]). Бывали случали, когда изъ общаго завѣдыванія гильдейскими финансами гражданскіе совѣты выдѣляли какія-либо операціи особо важнаго значенія, и тогда на совѣтахъ принимались постановленія о спеціальномъ порученіи завѣдыванія такими операціями городскому головѣ или другимъ членамъ гильдейскаго

---

[1]) Ibid. 1805 г. № 34.

присутствія или всему присутствію въ совокупности. Такъ, напримѣръ, въ 1796 г. по предложенію главнокомандующаго, словесно объявленному градскому головѣ, гражданскому совѣту пришлось принять рядъ экстренныхъ ассигновокъ въ связи съ предстоявшимъ въ Москвѣ Высочайшимъ торжествомъ, и гражданскій совѣтъ при этомъ поручилъ эти сборы «въ полное распоряженіе и попеченіе городскому главѣ и обще съ городскими старостами» [1]). Многіе сборы, собиравшіеся съ Купечества, имѣли опредѣленное назначеніе и обыкновенно должны были расходоваться на опредѣленныя цѣли. Но иногда приходилось въ зависимости отъ текущихъ обстоятельствъ переводить суммы изъ одной статьи бюджета въ другую. Для такого перевода, однако, необходимо требовалось разрѣшеніе гражданскаго совѣта. Такъ, на совѣтѣ 18 декабря 1795 г. старосты доложили, что предстоитъ по указамъ изъ магистрата внести положенную сумму на жалованье приказнымъ служащимъ при магистратѣ и сиротскомъ и словесномъ судахъ и писцамъ, находящимся при ревизіи, а между тѣмъ «въ Гильдіи общественной купеческой суммы въ приходѣ еще въ наличности не имѣется, а на сію раздачу потребна сумма не малая». Тогда гражданскій совѣтъ постановилъ: взять на этотъ предметъ 2.500 р. заимообразно изъ хранящейся въ Гильдіи «гостинно-дворской суммы», съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи покрыть это позаимствованіе изъ сбору съ мытнаго двора и прочихъ оброчныхъ мѣстъ» [2]). Когда въ 1796 г. главнокомандующій предписалъ Гильдіи учинить какія-либо экстренныя ассигновки для ознаменованія предстоящаго въ Москвѣ Высочайшаго торжества, и Общество на совѣтѣ опредѣлило израсходовать на благотворительныя и просвѣтительныя цѣли и на иллюминацію всего 10.565 р., то совѣтъ постановилъ опять-таки взять эти 10.565 р. заимообразно изъ гостинно-дворской суммы, а на открытіе этого позаимствованія назначить затѣмъ особый сборъ по восьмой долѣ съ каждаго рубля объявленныхъ на 1796 г. капиталовъ [3]).

Итакъ, гражданскій совѣтъ не только указывалъ, кому изъ членовъ гильдейскаго присутствія надлежитъ завѣдывать гильдейской казной въ теченіе даннаго года, но и руководилъ этимъ завѣдываніемъ, устанавливая сборы, разрѣшая различныя ассигновки, распоряжаясь распредѣленіемъ наличныхъ суммъ гильдейской казны между различными текущими расходами и т. п. Словомъ, на долю старостъ, приставленныхъ къ гильдейской казнѣ, выпадали лишь чисто исполнительныя функціи, все же направляющее руководство по общественному финансовому хозяйству оставалось неизмѣнно въ рукахъ самого гражданскаго совѣта.

Наконецъ, гражданскіе совѣты собирались и для принятія отчетности отъ старостъ, завѣдывавшихъ гильдейской казной. Въ началѣ каждаго года гражданскій совѣтъ, назначая на будущій годъ того или иного старосту къ завѣдыванію гильдейской казной, въ то же время поручалъ отдѣльнымъ членамъ вновь избираемаго гильдейскаго присутствія «счесть» въ приходахъ и расходахъ того старосту, который завѣдывалъ гильдейской казной въ предшествующемъ году. Эта, какъ бы сказать, ревизіонная коммиссія должна была затѣмъ представлять гражданскому совѣту краткій экстрактъ изъ обревизованныхъ ею вѣдомостей и, если при этомъ на завѣдывавшемъ казною старостѣ не оказывалось никакихъ недоимокъ, то гражданскій совѣтъ уполномачивалъ ревизоровъ выдать завѣдывавшему

---

[1]) Ibid. 1796 г. № 6.
[2]) Ibid. 1795 г. № 24.
[3]) Ibid. 1796 г. № 6.

казною квитанціи въ принятіи отъ него наличной казны и безнедоимочнаго отчета [1]). Въ случаѣ же запущенія старостами недоимокъ по сборамъ, имъ порученнымъ, гражданскимъ совѣтамъ принадлежало опредѣленіе мѣръ по взысканію съ нихъ этихъ недоимокъ. При упорномъ уклоненіи старостъ отъ погашенія недоимокъ, гражданскіе совѣты поручали стряпчему, состоявшему при Гильдіи, возбуждать противъ старостъ судебное дѣло [2]).

По тѣмъ казеннымъ сборамъ, которые взимались съ Купечества черезъ Гильдію, Гильдія обязана была отчетностью передъ казенной палатой. Разрѣшеніе различныхъ казусовъ, возникавшихъ въ связи съ этой отчетностью, также составляло предметъ занятій гражданскихъ совѣтовъ. Гильдія ежегодно доставляла въ казенную палату вѣдомости о количествѣ объявленныхъ капиталовъ; о количествѣ мѣщанъ, подлежащихъ подушной подати, и о размѣрѣ подушнаго сбора; о количествѣ сбора на прежнее жилище съ записавшихся въ Купечество изъ крестьянъ съ показаніемъ, сколько собрано, куда отослано и сколько остается въ недоимкѣ; наконецъ пошлинный сборъ съ паспортовъ, выдаваемыхъ купцамъ для отъѣзда изъ Москвы, и съ билетовъ, выдаваемыхъ для проживанія въ Москвѣ, вписывался въ особыя книги и препровождался въ казенную палату. Въ январѣ 1803 г. казенная палата впервые прислала въ Гильдію предписаніе, чтобы всѣмъ названнымъ выше сборамъ Гильдія доставляла въ казенную палату ежемѣсячныя вѣдомости, и кромѣ того годовые отчеты съ приходными и расходными книгами—ко 2 января каждаго года. Раньше такихъ книгъ въ Гильдіи не велось «по неприсылкѣ о нихъ ни откуда предписанія, такъ какъ Гильдія состояла не на счетѣ присутственныхъ мѣстъ», по выраженію общественнаго приговора 16 января 1803 г., и гражданскому совѣту пришлось теперь сдѣлать постановленіе о заведеніи вновь такихъ книгъ [3]).

Всѣ распоряженія властей о порядкѣ взиманія казенныхъ сборовъ черезъ Гильдію и о взысканіи запущенныхъ по этимъ сборамъ недоимокъ докладывались гильдейскими старостами на гражданскихъ совѣтахъ, которые разсматривали эти распоряженія по существу и иногда выступали съ ихъ критикой и съ своими контръ-предложеніями. Такъ было, напримѣръ, въ 1804 г., когда губернское правленіе потребовало, чтобы Гильдія вела вѣдомости недоимщикамъ по сбору на прежнее жилище съ записавшихся въ Купечество изъ крестьянъ и доставляла бы эти вѣдомости слободскимъ старостамъ съ тѣмъ, чтобы эти старосты могли являться съ ними затѣмъ къ частнымъ приставамъ. Гражданскій совѣтъ, заслушавъ это распоряженіе, нашелъ его совершенно непримѣнимымъ на томъ основаніи, что прежнее населеніе московскихъ 33-хъ слободъ перемѣшалось и по слободамъ нельзя уже вести правильную регистрацію недоимщиковъ. Поэтому гражданскій совѣтъ полагалъ, что составленіе упомянутыхъ «вѣдомостей» должно было бы возлагаться прямо на Управу Благочинія [4]). Всѣ эти извлекаемыя изъ общественныхъ приговоровъ данныя въ своей совокупности даютъ возможность придти къ тому заключенію, что въ рукахъ гражданскихъ совѣтовъ сосредоточивалось все вообще направленіе общественнаго хозяйства Гильдіи Московскаго Купечества, такъ что и исполнительныя дѣйствія гильдейскаго присутствія въ этой области и сношенія гильдейскаго присутствія съ магистратомъ и другими учрежденіями по вопросамъ, относящимся къ обще-

---

1) Ibid. 1803 г. № 29; 1804 г. № 1.
2) Ibid. 1795 г. № 24.
3) Ibid. 1803 г. № 5.
4) Ibid. 1804 г. № 27.

ственному хозяйству, подлежали обсужденію, санкціи и контролю гражданскихъ совѣтовъ.

Переходя теперь къ болѣе дробному обозрѣнію участія гражданскихъ совѣтовъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ общественнаго хозяйства, бросимъ взглядъ поочередно на участіе гражданскихъ совѣтовъ въ управленіи сборами по Московской Гильдіи и въ управленіи расходованіемъ общественныхъ суммъ.

Сборы, производившіеся по Московской Гильдіи, могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Во-первыхъ, Гильдіи приходилось сбирать съ Купечества государственные налоги для немедленнаго препровожденія собранныхъ по нимъ суммъ въ государственную казну. Во-вторыхъ, Гильдія завѣдывала доходами общественной гильдейской казны, составлявшей финансовую основу хозяйства самого Купечества Общества.

Главнымъ казеннымъ сборомъ, лежавшимъ на Гильдіи до реформъ Екатерины II въ области прямого обложенія, была подушная подать, тогда падавшая и на Гильдейское Купечество. Сборъ этой подати производился гильдейскими старостами, которые, однако, ежегодно получали особое на это полномочіе отъ гражданскаго совѣта. «Московское купечество, будучи въ гильдіи на совѣтѣ, имѣя разсужденіе о собраніи на нынѣшній годъ на платежъ въ московскую губернскую канцелярію къ подушному сбору, приговорили на сей годъ на означенный въ московскую губернскую канцелярію по нынѣшней ревизіи съ числа душъ подушныхъ и накладныхъ денегъ платежъ... что съ кого надлежитъ по окладамъ взыскать, изъ коихъ и заплатить въ московскую губернскую канцелярію за московское купечество подушныя и съ накладными деньгами бездоимочно и, получа въ платежъ квитанціи, объявить купечеству»—такова была стереотипная форма тѣхъ распоряженій относительно подушнаго сбора, которыя включались въ ежегодныя инструкціи отъ гражданскихъ совѣтовъ каждому новому составу гильдейскаго присутствія.

Послѣ того, какъ при Екатеринѣ II Гильдейское Купечество было освобождено отъ несенія подушной подати, на обязанности Гильдіи лежалъ сборъ слѣдующихъ казенныхъ платежей: подушный сборъ на прежнее жилище до новой ревизіи съ крестьянъ, записавшихся въ Купечество; пошлины съ выдаваемыхъ купцамъ билетовъ на проживаніе въ Москвѣ и паспортовъ на отлучки изъ Москвы и однопроцентный сборъ съ объявляемаго купцами капиталовъ [1]).

По отношенію къ этимъ казеннымъ сборамъ роль гражданскаго совѣта ограничивалась общимъ наблюденіемъ за добросовѣстностью и правильностью дѣйствій членовъ гильдейскаго присутствія; никакой дѣйствительно-распорядительной власти гражданскіе совѣты по отношенію къ этимъ сборамъ имѣть не могли. Въ такомъ же положеніи стояли органы гильдейскаго самоуправленія—старосты и гражданскіе совѣты—и еще къ одному сбору, шедшему правда не въ государственное казначейство, но и не въ гильдейскую кассу, а въ казну общества градскаго, находившуюся въ завѣдываніи городской думы. То былъ сборъ съ записыванія въ городскую обывательскую книгу. Сборъ этотъ былъ установленъ Городовымъ Положеніемъ 1785 г. (ст. 72), при чемъ размѣръ его предоставлялось опредѣлять самому обществу градскому, но не свыше 100 рублей съ семьи. Въ 1787 г. собраніе общества градскаго, опредѣливъ размѣръ этого сбора въ 30 руб. съ семьи съ именитыхъ гражданъ,

---

[1]) Ibid. 1803 г. № 5.

по 15 руб. съ семьи съ купцовъ первой гильдіи, по 8 руб. съ семьи—съ купцовъ второй гильдіи и по 2 руб съ семьи съ купцовъ третьей гильдіи и совершенно освободивъ отъ этого сбора посадскихъ и цеховыхъ въ виду ихъ малосостоятельности, въ то же время постановило сборъ этихъ денегъ поручить гильдинскимъ старостамъ, «ибо онымъ сіе тѣмъ удобнѣе учинить, что въ концѣ сего года и при началѣ будущаго года все Купеческое Общество для подписки и объявленія капиталовъ и платежа съ оныхъ въ казну по 1% должны въ оную гильдію явиться», такъ что гильдейскимъ старостамъ и поручалось одновременно съ 1%-мъ сборомъ съ капиталовъ взимать и сборъ съ записки въ городовую обывательскую книгу, а затѣмъ старосты должны были препроводить эти суммы «въ городовую обывательскую казну, находящуюся въ вѣдомствѣ городской думы».

Точно такія же постановленія были приняты затѣмъ и на гражданскихъ совѣтахъ 1791 г. августа 13, 1800 г. августа 31, при чемъ въ 1800 г. гражданскій совѣтъ постановилъ уже и съ посадскихъ взимать съ записки въ обывательскую книгу по 50 коп. съ семьи [1]). Въ январѣ 1801 г. городовое правленіе увѣдомило Гильдію, что въ Высочайше конфирмованную вѣдомость о городскихъ доходахъ внесено 5000 руб. по графѣ дохода со взносовъ съ записки въ городовую обывательскую книгу, и въ виду этого городовое правленіе требовало, чтобы Гильдія озаботилась собраніемъ именно этой суммы, «невыполненіе чего останется на отчетѣ Гильдіи». Гражданскій совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго Гильдія внесла это предписаніе городового правленія, нашелъ необходимымъ повысить въ виду этого прежде установленные оклады этого сбора и постановилъ впредь взимать съ записки въ обывательскую книгу—съ именитыхъ по 100 руб. съ семьи, съ купцовъ 1 гильдіи по 50 руб. съ семьи, съ купцовъ 2 гильдіи по 25 руб. съ семьи, съ купцовъ 3 гильдіи по 5 руб. съ семьи, съ посадскихъ по 1 руб. Это повышеніе окладовъ, очевидно, было вызвано необходимостью приблизить поступленіе отъ этого сбора къ суммѣ 5000 руб., однако гражданскій совѣтъ при этомъ совершенно справедливо заявлялъ въ приговорѣ, что размѣръ поступленія съ этого сбора вообще не можетъ быть заранѣе предрѣшаемъ, такъ какъ онъ зависитъ отъ числа записывающихся въ обывательскую книгу [2]). Коммиссія по снабженію Москвы припасами, поставленная Павловскимъ Уставомъ во главѣ всего управленія хозяйствомъ Москвы, не удовольствовалась этимъ приговоромъ гражданскаго совѣта и вновь требовала отъ Гильдіи доставленія непремѣнно 5 тысячъ рублей съ записи въ обывательскую книгу. Однако гражданскій совѣтъ остался при своемъ прежнемъ постановленіи [3]). Приведенныя только что данныя вскрываютъ одно любопытное обстоятельство. Опредѣленіе размѣровъ сбора съ записки въ обывательскую городовую книгу Городовымъ Положеніемъ 1785 г. предоставлялось собранію общества градскаго. Собраніе общества градскаго и выполнило эту обязанность, возложивъ самое взиманіе этого сбора на гильдейскихъ старостъ. Однако, какъ только взиманіе этого сбора отошло къ гильдейскимъ старостамъ, такъ и всякія дальнѣйшія распоряженія властей относительно этого сбора стали уже направляться въ Гильдію, а Гильдіей стали докладываться гражданскому при Гильдіи совѣту и даже отвѣтственность за исправное взиманіе этого сбора стала возла-

---

[1]) Ibid. 1787 г. № 13; 1791 г. № 18; 1800 г. № 28.
[2]) Ibid. 1801 г. № 8.
[3]) Ibid. 1801 г. № 48.

гаться не на общество градское и не на думу, а на Гильдію и Гильдейскій гражданскій совѣтъ.

Болѣе обширная распорядительная власть естественно доставалась на долю гражданскаго при Гильдіи совѣта—въ управленіи доходами самой общественной гильдейской казны. По отношенію къ такимъ доходамъ гильдейская организація являлась уже не въ роли обязаннаго сборщика суммъ, не ей принадлежащихъ, а направляющихся или въ государственное казначейство или въ казну городской думы, а въ роли самостоятельнаго хозяина, постольку, конечно, поскольку вообще примѣнительно къ тому времени можно говорить о самостоятельности органовъ общественнаго самоуправленія. Доходы самой гильдейской казны слагались изъ двухъ крупнѣйшихъ категорій: 1) изъ самообложенія Купеческаго Общества; 2) изъ хозяйственной эксплуатаціи принадлежащаго Обществу имущества. Гражданскіе совѣты по мѣрѣ надобности постановляли приговоры о производствѣ съ членовъ Общества особыхъ сборовъ на удовлетвореніе различныхъ общественныхъ нуждъ. Въ 1771 г., напр., на совѣтѣ приговорили «на необходимые гильдейскіе расходы», которые въ этомъ же приговорѣ были перечислены, собрать съ купцовъ первой гильдіи съ каждаго купеческаго оклада съ каждаго рубля по 1 руб. 50 коп. [1]). Въ 1792 г. оказалось, что обычныхъ приходныхъ суммъ въ Гильдіи не хватитъ на построеніе и починку купеческаго общественнаго дома и на платежъ за прикупной у купца Туркина дворъ, и потому на покрытіе расходовъ на означенныя общественныя нужды гражданскій совѣтъ приговорилъ на 1792 годъ собрать со всего Общества съ каждой семьи по $^1/_4\%$ съ рубля (надо думать: съ каждаго рубля однопроцентнаго налога съ объявленнаго капитала) [2]). На 1793 и 1794 г. гражданскіе совѣты установляли такое же обложеніе—по $^1/_4\%$ съ рубля,—но уже не для покрытія какой-либо опредѣленной отдѣльной статьи общественныхъ расходовъ, а вообще на всѣ «необходимыя общественныя надобности» [3]). Въ приговорѣ отъ 8 декабря 1798 г. встрѣчаемъ уже нѣсколько иную норму такого обложенія: здѣсь «на необходимыя общественныя надобности» постановлялось собрать по 10 копѣекъ съ рубля съ платежной процентной суммы съ объявленныхъ капиталовъ. Въ 1799 г. постановили сбирать по 15 коп. съ платежнаго рубля [4]). Въ 1800 г. Общество на совѣтѣ 4 декабря приговорило «какъ на извѣстныя и непредвидимыя купечеству надобности нужно употребить немалое количество суммы, а въ Гильдіи денегъ имѣется весьма малое количество, то—собрать съ объявляемыхъ на будущій 1801 г. купеческихъ капиталовъ съ каждаго платежнаго рубля по 20 копѣекъ» [5]). Въ 1801 г. было постановлено на непредвидѣнныя надобности собрать по $^1/_4\%$ съ рубля [6]). Это было постановлено въ іюнѣ, а въ декабрѣ того же года было постановлено взять по 10 коп. съ каждаго платежнаго рубля однопроцентнаго сбора съ объявляемыхъ на 1802 г. капиталовъ [7]). Такое же постановленіе было принято въ ноябрѣ 1801 г. на будущій 1802 годъ [8]). Въ январѣ 1803 г. приговорили «для постройки имѣющихся въ вѣдомствѣ купечества богадѣльни и площадки, а

---

[1]) Ibid. 1771 г № 2.
[2]) Ibid. 1792 г. № 3.
[3]) Ibid. 1794 г. № 3.
[4]) Ibid. 1798 г. № 23; 1799 г. № 31.
[5]) Ibid. 1800 г. № 79.
[6]) Ibid. 1801 г. № 63.
[7]) Ibid. 1801 г. № 118.
[8]) Ibid. 1802 г. № 98.

также и для другихъ общественныхъ надобностей» собрать по ¼ коп. съ рубля «съ каждаго объявленнаго на сей годъ капитала»; въ ноябрѣ 1803 г. постановили на будущій 1804 годъ «на общественныя надобности» собрать по ¼% съ каждаго капитальнаго рубля [1]). Въ ноябрѣ 1804 г. было постановлено «на отстройку масляныхъ лавокъ на пригонномъ дворѣ и другія общественныя надобности» собрать по ¼% съ капитальнаго рубля [2]). Въ маѣ 1805 г. приговорили «для отстройки принадлежащихъ Купеческому Обществу зданій и другихъ общественныхъ же надобностей» собрать по ¼% съ объявленныхъ на 1805 г. капиталовъ [3]).

Итакъ, гражданскіе совѣты, можно сказать, ежегодно вотировали спеціальные сборы съ членовъ Купеческаго Общества. Размѣры этихъ сборовъ были назначаемы неодинаковые, но къ восьмисотымъ годамъ практика выработала для нихъ довольно устойчивыя нормы. Въ провинціальныхъ городахъ тогдашней Россіи такого рода мірскіе сборы составляли самый основной рессурсъ мірской кассы, изъ котораго получала удовлетвореніе наибольшая часть мірскихъ потребностей. Доходы отъ различныхъ статей мірского имущества, напротивъ того, играли совершенно незначительную роль въ общественномъ хозяйствѣ провинціальныхъ городовъ, потому что и размѣры самаго этого имущества были обыкновенно невелики и хозяйственная эксплуатація его въ большинствѣ случаевъ не получала сколько нибудь серьезнаго развитія. Въ Москвѣ же можно отмѣтить какъ разъ обратное явленіе. Уже изъ приведенныхъ выше данныхъ можно усмотрѣть, что спеціальные мірскіе сборы, вотировавшіеся гражданскими при Гильдіи совѣтами, служили здѣсь не основою мірского хозяйства, а лишь дополнительнымъ придаткомъ къ другимъ источникамъ пополненія мірской кассы. Въ нѣкоторыхъ приговорахъ, какъ мы видѣли выше, прямо говорилось, что сборъ вводится на данный годъ лишь въ виду необходимости пополнить нѣкоторый недостатокъ общественной суммы; въ другихъ случаяхъ сборъ устанавливался на одну опредѣленную и точно въ приговорѣ обозначаемую цѣль; сравнительно рѣже такіе сборы предназначались «на всякія вообще общественныя надобности». Основнымъ источникомъ мірскихъ доходовъ, которыми покрывались нужды общественнаго хозяйства, служили въ Москвѣ, въ противоположность провинціальнымъ городамъ, не такіе сборы, а поступленія съ различныхъ оброчныхъ статей, находившихся въ завѣдываніи Купеческаго Общества. Это ясно видно изъ тѣхъ общественныхъ приговоровъ, въ которыхъ гильдейскимъ старостамъ въ началѣ ихъ служебнаго года указывался порядокъ расходованія мірскихъ суммъ. Наибольшая часть расходовъ была относима при этомъ какъ разъ на счетъ поступленій отъ содержанія оброчныхъ статей.

Мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію дѣятельности гражданскихъ совѣтовъ по управленію мірскими доходами этой второй категоріи. Прежде всего отъ гражданскихъ совѣтовъ зависѣло избраніе той или другой формы эксплуатаціи такихъ оброчныхъ статей. Затѣмъ и всѣ текущія распоряженія по управленію ими, разъ онѣ были принимаемы на общественное содержаніе, постановлялись по приговорамъ тѣхъ же совѣтовъ.

Среди этихъ статей наиболѣе важную роль въ гильдейскомъ общественномъ хозяйствѣ играли за изучаемый нами теперь періодъ мытенный и калужскій животинный дворы, шалашныя мѣста на льду Москвы рѣки и мѣсто для поклажи

---

[1]) Ibid. 1803 г. № 2, 59.
[2]) Ibid. 1804 г. № 56.
[3]) Ibid. 1805 г. № 14

лѣсу у пяти Новинскихъ береговъ. Общественные приговоры гражданскихъ совѣтовъ вмѣстѣ съ сохранившимся въ архивѣ Московской Купеческой Управы особымъ дѣломъ о названныхъ оброчныхъ статьяхъ даютъ возможность довольно точно возстановить исторію хозяйственнаго завѣдыванія этими статьями и роль гражданскихъ совѣтовъ въ этой исторіи. Съ 1759 г. по 1763 г. сборы съ мытеннаго, помѣрнаго и калужскаго животиннаго дворовъ и съ шалашныхъ мѣстъ на льду Москвы рѣки сдавались на откупъ отъ московской губернской канцеляріи двумъ московскимъ купцамъ Бумажникову и Желѣзникову. Откупщики уплачивали за мытенный дворъ по 1.018 р. 17 коп., за помѣрный дворъ—по 170 р. 28 к., за животинный дворъ—по 104 р. 6 к., за шалашныя мѣста по 921 р. 98 к., итого—по 2.214 р. 49 к. въ годъ. Что же касается пяти Новинскихъ береговъ 1)—отъ устья рѣки Прѣсни до Студенца, 2) отъ рѣки Прѣсни внизъ по Москвѣ рѣкѣ до Дорогомиловскаго моста, 3) по Смоленской дорогѣ у Дорогомиловскаго моста, 4) выше мытенной избы въ урочищѣ Шелепихи, 5) у Дорогомиловской ямской слободы вверхъ по Москвѣ рѣкѣ по Яру, то сборы съ мѣстныхъ поклажъ на нихъ содержались на вѣрѣ Купеческимъ Обществомъ по окладу въ 1.021 р. 39 к. въ годъ, установленному по окладной книгѣ въ камеръ-коллегіи. Съ 1731 г. по 1763 г. вѣрные сборщики собирали съ этихъ статей отъ 184 р. до 598 р. въ годъ, слѣдовательно сравнительно съ окладной суммой получалась хроническая недоимка. Въ 1764 г. въ управленіи всѣми этими сборами совершилась коренная перемѣна. Еще въ 1761 г. указомъ сената въ камеръ-коллегію было предписано запросить всѣ городовые магистраты и Купеческія Общества, не желаютъ ли кабацкіе и всякіе прочіе сборы, состоящіе или на откупу или въ вѣрныхъ сборщикахъ, принять на свое содержаніе—сборы, состоящіе на откупу,—по откупнымъ окладамъ, а сборы, состоящіе на вѣрѣ, по средней цифрѣ поступавшихъ за прежніе года отъ вѣрныхъ сборщиковъ суммъ. Это предложеніе и было доложено на гражданскомъ совѣтѣ при Московской Гильдіи въ мартѣ 1763 г. На этомъ совѣтѣ Московское Купечество рѣшило отказаться отъ принятія на свое содержаніе кабацкихъ сборовъ въ московскомъ уѣздѣ, а также и отъ содержанія помѣрнаго двора «за пустотою онаго и за многими на Болотѣ постоялыми дворами»; что же касается мытеннаго и животиннаго дворовъ, шалашныхъ мѣстъ на льду Москвы рѣки и Москворѣцкихъ Новинскихъ береговъ, то всѣ эти статьи Купечество выразило желаніе принять на свое общественное содержаніе, но при этомъ гражданскій совѣтъ поставилъ свои условія: 1) чтобы ремонтъ означенныхъ дворовъ былъ принятъ на казенный коштъ и 2) чтобы Купеческое Общество получило право, если оно найдетъ это нужнымъ, отъ себя сдавать эти сборы отдѣльнымъ лицамъ на сроки, при чемъ приборныя суммы сверхъ оклада оставались бы въ пользу Общественной Купеческой казны, а недоборы до оклада Купечество обязалось бы покрывать изъ общественныхъ средствъ. Камеръ-коллегія начала торговаться. Она съ своей стороны предложила, чтобы Московское Купечество приняло на себя также и расходы по ремонту мытнаго и животиннаго дворовъ, такъ какъ прежніе откупщики ремонтировали ихъ на свой счетъ. Камеръ-коллегія полагала, что расходъ по ремонту дворовъ Купеческое Общество должно было бы покрывать изъ приборныхъ сверхъ оклада суммъ по этимъ сборамъ, а если приборовъ не воспослѣдуетъ, то изъ другихъ общественныхъ средствъ. Началъ торговаться и гражданскій при Гильдіи совѣтъ. Въ февралѣ 1764 г. совѣтъ постановилъ принять на содержаніе съ расходами и по ремонту только одинъ животинный дворъ, а ремонтъ мытеннаго двора предложить казнѣ взять на себя.

Въ концѣ концовъ камеръ-коллегія согласилась на условія, предложенныя гражданскимъ совѣтомъ, лишь бы не отдавать впредь эти сборы по прежнему отъ губернской канцеляріи вѣрнымъ сборщикамъ, всегда запускавшимъ большія недоимки.

Такимъ то образомъ въ 1764 г. и состоялась передача всѣхъ названныхъ выше статей на содержаніе Московскаго Купеческаго Общества; сборъ съ лѣсной поклажи на Новинскихъ берегахъ былъ принятъ Обществомъ по средней цифрѣ поступленій отъ вѣрныхъ сборщиковъ за предшествующіе годы (средняя цифра была выведена слѣдующимъ образомъ: сложили самый большой, самый малый и средній между ними сборы прежнихъ лѣтъ и третью часть получившейся суммы приняли за среднюю цифру), а всѣ остальные поименованные сборы — по откупнымъ окладамъ. Общая сумма платежа, принятаго на себя Обществомъ по всѣмъ этимъ сборамъ составила — 2.473 р. 37¼ к. въ годъ. Гражданскій совѣтъ согласился при этомъ на слѣдующія кондиціи. 1) Означенная сумма вносится отъ Общества въ камеръ-коллегію по третямъ года по 824 р. 45¾ к. При этомъ Общество согласно указу 1736 г. не уплачиваетъ съ этихъ взносовъ никакихъ пошлинъ. Общество по своему усмотрѣнію и изъ своей среды опредѣляетъ сборщиковъ къ этимъ сборамъ. Если очередная сумма не будетъ внесена въ срокъ, то всѣ члены московскаго магистрата и «лучшіе люди» изъ Купечества въ качествѣ заложниковъ заключаются подъ стражу впредь до взноса просроченныхъ суммъ, а за просрочку взимается съ Общества по 10 коп. съ каждаго просроченнаго рубля за годъ, а за меньшее время—по соотвѣтствующему расчету. Приборныя деньги сверхъ оклада остаются въ пользу Купеческаго Общества и могутъ быть употребляемы на общественныя нужды по приговорамъ гражданскихъ совѣтовъ, не ожидая ни откуда указовъ. 2) Означенные дворы должны быть приняты Купеческимъ Обществомъ отъ прежнихъ откупщиковъ по росписному списку и по описи. 3) Купеческое Общество беретъ на себя обязательство слѣдить за тѣмъ, чтобы торговля солониною въ вешнее время производилась только внутри мытнаго двора, на указанныхъ оброчныхъ мѣстахъ, а торговля деревянною посудою—только на льду Москвы рѣки въ шалашахъ и больше нигдѣ. 4) Ремонтъ животиннаго двора Московское Купечество будетъ производить изъ приборныхъ суммъ или при отсутствіи приборовъ изъ общественныхъ средствъ. Пригонный на продажу скотъ долженъ ставиться только на Калужскомъ животинномъ дворѣ, гдѣ бываютъ офицеры для осмотра нездороваго скота. 5) Расходы на ремонтъ мытеннаго двора Купечество будетъ производить изъ сборныхъ суммъ, но затѣмъ расходы эти должны быть вычитаемы изъ окладной суммы; къ ремонту этого двора можно будетъ приступать не иначе, какъ по аппробаціи камеръ-коллегіи. Таковы были главнѣйшіе пункты контракта. Дальнѣйшихъ пунктовъ (всего ихъ было 11) можно не приводить, такъ какъ они касались уже различныхъ мелкихъ подробностей, не представляющихъ особаго интереса для нашей цѣли. 6 октября 1764 г. представители Купеческаго Общества подписали этотъ контрактъ [1]).

Мы сказали, что Купеческое Общество, принимая на себя эти сборы, выговорило себѣ право сдавать ихъ отъ себя отдѣльнымъ содержателямъ изъ наддачи противъ оклада съ тѣмъ, чтобы окладная сборная сумма поступала въ камеръ-коллегію, а наддача обращалась въ общественную купеческую казну. Гражданскій совѣтъ и не замедлилъ использовать это свое право. Всѣ назван-

---

[1]) Архивъ Купеч. Управы. По описи т. I, дѣло № 1.

ные сборы были тотчасъ же сданы отъ Общества по приговору гражданскаго совѣта купцу 1 гильдіи Пивоварову, который обязался сверхъ окладной суммы 2.473 р. 37 к. наддавать въ пользу Общества 526 р. 62¾ к. Однако, за 1767, 1768, 1769 и 1770 гг. отъ Пивоварова указанной наддачи не поступало, и въ 1771 г. гражданскій совѣтъ приговорилъ взыскать съ Пивоварова въ Гильдію наддаточную сумму за всѣ эти годы съ указными за неплатежъ въ срокъ процентами. А вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено объявить новые торги на сдачу этихъ сборовъ—охочимъ купцамъ впредь на четыре года [1]). Сборы остались съ торговъ за тѣмъ же Пивоваровымъ еще на четыре года съ 1 января 1771 г. по 1 января 1775 г. Мы имѣемъ и полный текстъ кондицій, заключенныхъ Купеческимъ Обществомъ съ Пивоваровымъ. Изъ нихъ видно, что условія остались прежнія. Пивоваровъ обязывался ежегодно вносить со всѣхъ этихъ сборовъ 3.000 р. Изъ этихъ денегъ 2.473 р. 37 к. онъ долженъ былъ вносить по третямъ года въ камеръ-коллегію, а квитанціи во взносахъ представлять въ Гильдію, а 526 р. 63 к. долженъ былъ вносить въ Гильдію. За неисправность во взносахъ онъ могъ быть отрѣшенъ отъ сборовъ, а недоимки подлежали взысканію съ него самого или съ его поручителей. Поручителей онъ долженъ былъ поставить за себя изъ среды Московскаго Купечества [2]).

Пивоваровъ и въ это четырехлѣтіе не былъ исправнымъ содержателемъ принятыхъ имъ сборовъ и за 1772 годъ не внесъ въ Гильдію наддаточныхъ денегъ. Съ 1775 г. по 1778 г. сборы эти были переданы отъ гражданскаго совѣта уже другому содержателю, московскому купцу Михайлѣ Гусакову съ товарищи [3]). Съ 1779 г. по 1783 г. сборы перешли къ купцу Семену Емельянову. Кондиціи остались прежнія во всемъ, что касалось размѣровъ наддаточной суммы. Зато наддача противъ оклада въ пользу Гильдіи сразу была поднята безъ малаго въ восемь разъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Вмѣсто 3.000 р., какъ было раньше, Емельяновъ долженъ былъ съ этихъ сборовъ вносить ежегодно по 6.525 р. Изъ этой суммы въ камеръ-коллегію попрежнему поступало 2.473 р. 37 к., зато въ гильдейскую кассу должно было итти сверхокладной наддачи вмѣсто прежнихъ 526 р. 63 к. уже 4.051 р. 63 к. Настолько расширилась роль этихъ оброчныхъ статей, какъ финансоваго рессурса для общественной купеческой кассы [4]). Эту наддачу въ 4.051 р. 63 к. Емельяновъ обязался вносить въ Гильдію за каждый годъ напередъ, въ ноябрѣ или декабрѣ предшествующаго года [5]). Съ 1783 г. по 1787 г. сборы эти состояли опять за новыми содержателями—купцами Уткинымъ и Мининымъ. Повидимому, между этими содержателями и Купеческимъ Обществомъ происходили крупныя разногласія. Содержатели въ 1787 г. настаивали на рядѣ вычетовъ изъ той суммы, по которой они приняли на себя эти сборы. Они указывали на то, что ими было израсходовано 1.386 р. 74 к. на перестройку и починку лавокъ на мытномъ дворѣ, каковые расходы по смыслу заключеннаго содержателями съ Купеческимъ Обществомъ контракта подлежатъ вычету изъ уплачиваемыхъ содержателями суммъ; затѣмъ въ теченіе полутора мѣсяцевъ былъ запрещенъ мясной торгъ, отъ чего содержатели исчисляютъ убытокъ въ сборѣ въ 375 р., и, наконецъ, шалашными мѣстами и складочными мѣстами на Новинскихъ берегахъ завладѣли разныхъ чиновъ люди,

---

[1]) Ib. 71, 2.
[2]) Общ. пригов. I, 1771 г. № 32.
[3]) Ibid. 1778 г. № 1.
[4]) Ibid. 1779 г. №№ 10, 12.
[5]) Ibid., 1779 г. № 25.

почему съ этихъ статей содержатели никакого сбору не имѣли. Гражданскій совѣтъ, заслушавъ справку, произведенную въ Гильдіи по этому дѣлу, и письменныя показанія городовыхъ старостъ 1786 года о дѣйствительномъ состояніи всѣхъ этихъ сборовъ и содержательскихъ расходовъ, пришелъ къ тому заключенію, что претензіи содержателей преувеличены и въ полномъ объемѣ удовлетворены быть не могутъ. Расходы содержателей по ремонту мытнаго двора были признаны не превышающими тысячи рублей, и потому 386 р. 74 к. постановлено было съ содержателей взыскать; затѣмъ было выяснено, что содержатели, предъявляя свои претензіи, скрыли, что въ возмѣщеніе убытка отъ запрещенія на $1^1/_2$ мѣсяца продажи мяса имъ было разрѣшено московскимъ главнокомандующимъ сбирать съ рогатаго скота сверхъ настоящаго сбора еще по $^2/_4$ коп. со всякой скотины, и того прибавочнаго сбора въ 1785 и 1786 гг. имѣлось всего 842 р. 34 к., т. е. содержатели не только возмѣстили убытокъ отъ запрещенія мясной торговли, но еще получили лишнихъ 467 р. 34 к., и этотъ излишекъ гражданскій совѣтъ также постановилъ взыскать съ содержателей. Наконецъ, завладѣніе частными лицами шалашныхъ мѣстъ и складочныхъ мѣстъ на Новинскихъ берегахъ по мнѣнію гражданскаго совѣта не могло служить основаніемъ для сокращенія слѣдуемаго съ содержателей платежа, потому что эти мѣста поступили въ полное распоряженіе содержателей и, слѣдовательно, Купечеству не можетъ быть извѣстно, отчего послѣдовало это завладѣніе, а «уповательно, что, можетъ, послѣдовало и отъ слабости и нерадѣнія самихъ содержателей» [1]). По всей вѣроятности эти именно разногласія и привели къ тому, что въ 1787 г. гражданскій совѣтъ рѣшилъ не только отстранить отъ этихъ сборовъ Уткина и Минина, но вообще прекратить отдачу этихъ сборовъ отдѣльнымъ содержателямъ, а вмѣсто того поручить завѣдываніе сборами старостинымъ помощникамъ второй гильдіи Суярову и Головину.

Въ теченіе 1787 г. Суяровъ и Головинъ собрали:

съ мытнаго двора за наемъ лавокъ и съ харчевнею	3.307 р. 50 к.
съ привозимыхъ мясъ и солонины	741 » — »
съ животиннаго двора съ рогатой скотины	1.527 » — »
съ Москвы-рѣки на льду съ шалашныхъ мѣстъ	1.070 » — »
съ Новинскихъ пяти береговъ за поклажу лѣса	556 » — »
Всего.	7.201 р. 50 к.

Такимъ образомъ, опытъ завѣдыванія сборами непосредственно чрезъ Гильдію далъ болѣе удовлетворительные результаты, нежели передача сборовъ отдѣльнымъ содержателямъ, ибо содержатели по послѣднимъ контрактамъ обязывались уплачивать за всѣ эти сборы лишь 6.525 р. Однако, на 1788 годъ Суяровъ самъ выступилъ съ заявленіемъ о желаніи получить отъ Общества эти сборы въ качествѣ отдѣльнаго содержателя, на условіи вносить ежегодно по 7.025 р., изъ коихъ 2.473 р. вносить въ камеръ-коллегію, а 4.552 р. наддачи вносить въ Гильдію. Гражданскій совѣтъ постановилъ принять это предложеніе въ виду того, что Суяровъ уже въ теченіе года находился при этихъ сборахъ и успѣлъ достигнуть приращенія ихъ сравнительно съ бывшими откупщиками, а кромѣ того, находясь при этихъ сборахъ въ 1787 г., онъ вошелъ въ разныя обязательства по присутственнымъ мѣстамъ и при появленіи у сборовъ другого человѣка «Общество будетъ сумнительно, чтобъ въ сборѣ не послѣдовало упу-

[1]) Ibid. 1787 г. № 12.

щенія». На основаніи всѣхъ этихъ соображеній гражданскій совѣтъ и приговорилъ сдать сборы на содержаніе Суярову съ 1 января 1788 г. по 1 января 1792 г., заключивъ съ нимъ контрактъ на предложенныхъ имъ условіяхъ. Такъ, сверхокладная наддача по этимъ сборамъ, обращавшаяся въ пользу общественной гильдейской кассы, еще нѣсколько возросла сравнительно съ прежними годами [1]). Въ виду того, что многими мѣстами на Новинскихъ берегахъ завладѣли разные частные люди, гражданскій совѣтъ постановилъ, «покамѣстъ Новинскіе пять береговъ въ Купеческое Общество дѣйствительно не поступятъ, съ Суярова въ счетъ принятаго имъ на себя оклада не взыскивать 34 р. съ копѣйками на каждую треть года. Между тѣмъ, взявъ на себя всѣ эти сборы отъ Общества по контракту, Суяровъ изъ аккуратнаго и рачительнаго сборщика превратился въ крайне неисправнаго содержателя сборовъ, и въ январѣ 1790 г. второгильдейскій староста Колокольниковъ уже доносилъ гражданскому совѣту, что съ Суярова за генварскую треть 1789 г. было получено вмѣсто 2.508 р. только 2.000 р., а за майскую и сентябрьскую трети, несмотря на многократныя требованія, съ него не получено ничего, кромѣ «недѣльныхъ отговорокъ». Гражданскій совѣтъ постановилъ взыскать съ Суярова или съ его поручителей всю числящуюся на немъ недоимку не позднѣе февраля 1790 г.; если же недоимка не будетъ имъ къ этому времени внесена, то представить въ городовой магистратъ о наложеніи запрещенія на имѣніе Суярова и его поручителей [2]). Къ февралю Суяровъ недоимки не внесъ, и Общество вчинило къ нему искъ, отставивъ его отъ сборовъ. Цѣлыхъ девять лѣтъ тянулось дѣло по этому иску. Суяровъ за это время изъ купца превратился въ прапорщика. Дѣло доходило до сената, и по сенатскому рѣшенію дворъ Суярова былъ назначенъ къ продажѣ на покрытіе недоимки. Продажа двора дала 5.879 р. 68 к. Для полнаго погашенія недоимки не хватало только 120 р. 32 к. Тогда на совѣтѣ 22 іюня 1799 г. Общество постановило: «какъ сіе дѣло по неправымъ отъ Суярова спорамъ и апелляціямъ продолжается девять лѣтъ и къ полученію недостающаго числа, за неимѣніемъ болѣе ввиду Суяровскаго имѣнія, надежды нѣтъ, поручители же по немъ, Суяровѣ, въ таковомъ продолженіи и отбывательствѣ ни мало причиною не состоятъ, въ разсужденіи чего Купеческое Общество вышеозначенное, недостающее ко взысканію съ него, Суярова, число къ приращенію сего столь долговременно продолжающагося дѣла изъ единственнаго своего снисхожденія добровольно совсѣмъ оставляетъ и взыскивать онаго впредь не будетъ, почему объ оставленіи того дѣла дальнѣйшимъ производствомъ и взысканіемъ, а также и о разрѣшеніи учиненнаго по сему дѣлу на имѣніи поручителей ...(такихъ то)... запрещенія уполномоченному отъ Купеческаго Общества стряпчему подать просьбу, куда слѣдуетъ» [3]).

Такъ закончилось дѣло Купеческаго Общества съ Суяровымъ, протянувшееся девять лѣтъ. Отъ сборовъ съ названныхъ выше статей Суяровъ былъ отрѣшенъ еще въ 1790 г., при самомъ началѣ этого дѣла. Временно сборы эти были отданы подъ смотрѣніе городовыхъ старостъ и ихъ помошниковъ, но съ тѣмъ, чтобы неотлагательно были назначены торги на отдачу этихъ сборовъ на содержаніе охочимъ людямъ [4]). Однако, въ теченіе всего 1790 г. и 1791 г. сборы оставались въ завѣдываніи старостъ и ихъ помошниковъ [5]). Въ сентябрѣ 1791 г. въ Купе

---

[1]) Ibid. 1788 г. № 4.
[2]) Ibid. 1790 г. № 2.
[3]) ibid. 1799 г. № 23.
[4]) ibid. 1790 г. № 8.
[5]) ibid. 1791 г. № 3.

ческое Общество поступило отъ главнокомандующаго Москвы предложеніе, не пожелаетъ ли Общество, въ виду полнаго обветшанія мытнаго двора, выстроить его вновь общественнымъ коштомъ. Это предложеніе дало поводъ Обществу пересмотрѣть во всемъ объемѣ вопросъ, какъ о мытномъ дворѣ, такъ и о тѣхъ другихъ оброчныхъ статьяхъ, которыя совмѣстно съ мытнымъ дворомъ сдавались камеръ-коллегіею на содержаніе Общества изъ оклада въ 2.473 р. 37¼ коп. На совѣтѣ 5 сентября 1791 г. Общество пришло къ слѣдующему заключенію. Мытный дворъ пришелъ въ полную ветхость. По условію съ камеръ-коллегіею ремонтъ мытнаго двора Общество должно производить не изъ своихъ средствъ, а изъ сборовъ въ счетъ откупной суммы. Между тѣмъ, дворъ настолько обветшалъ, что на покрытіе расходовъ по его ремонту пришлось бы обращать сборы за нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ, всѣ означенныя статьи очень нужны для Купеческаго Общества, такъ какъ на нихъ идетъ торговля: на мытномъ дворѣ—мясная и прочая, гуртомъ и розницей, на пригонномъ животинномъ дворѣ—гуртовая пригоннымъ скотомъ, на москворѣцкихъ Новинскихъ берегахъ—пригонными сверху съ рѣки лѣсомъ и дровами, а на льду Москвы рѣки въ зимнее время—всякими щепными товарами. Въ виду важности всей этой торговли для всѣхъ градскихъ жителей Общество признало «непремѣнно нужнымъ и полезнымъ навсегда тѣ мѣста имѣть въ общественномъ вѣдомствѣ и содержаніи». И потому Общество постановило чрезъ главнокомандующаго Москвы возбудить ходатайство передъ императрицей о томъ, чтобы мытный дворъ—совсѣмъ, или въ крайнемъ случаѣ хотя бы кромѣ 6 лавокъ съ казенной соляной продажей и одного питейнаго дома,—затѣмъ пригонный животинный дворъ, шалашныя мѣста на льду Москвы рѣки и пять Новинскихъ береговъ—«всѣ безъ изъятія и съ доходами, какіе могутъ быть съ нихъ получаемы по времени и обстоятельствамъ относящейся къ нимъ торговли, отдать въ вѣчное и потомственное содержаніе всего Московскаго Купечества и посадскихъ», при чемъ Общество по прежнему будетъ уплачивать, куда слѣдуетъ, за всѣ тѣ мѣста по 2.473 р. 37¼ к. въ годъ по третямъ; мытный дворъ отремонтируетъ, покроетъ желѣзной крышей, съ наружной и внутренней сторонъ построитъ лавки и амбары для производства торговли, а среднее порожнее мѣсто вымоститъ щебнемъ или камнемъ, также и впредь Общество будетъ производить всякія нужныя починки, какъ на мытномъ дворѣ, такъ и на животинномъ пригонномъ, который еще въ 1783 г. былъ переведенъ отъ Калужскихъ воротъ за Серпуховскія ворота и выстроенъ весь изъ купеческой общественной суммы [1]). И такъ, Купеческое Общество по прежнему желало удержать въ своихъ рукахъ сборы съ означенныхъ оброчныхъ мѣстъ, съ платежемъ въ казну и прежней за нихъ суммы, но съ тѣмъ различіемъ отъ прежняго порядка, что теперь Общество, кромѣ завѣдыванія сборами съ этихъ дворовъ и мѣстъ, желало получить въ полное и вѣчное свое распоряженіе и самые эти дворы и мѣста, стать въ нихъ настоящимъ хозяиномъ. Восемь мѣсяцевъ на это ходатайство Купеческаго Общества не получалось отвѣта, а за это время, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ [2]), казенныя учрежденія входили въ безуспѣшные переговоры съ московской городской думой относительно отдачи одного только мытнаго двора въ содержаніе думѣ изъ платежа ею въ казну 1.018 р. въ годъ. Очевидно, въ виду безплодности этихъ переговоровъ съ думой, главнокомандующій въ апрѣлѣ 1792 г. возобновилъ буквально

---

[1]) ibid. 1791 г. № 22.

[2]) Арх. Купеч. Упр. Опись, т. I, дѣло № 1.

прежнее свое предложеніе Купеческому Обществу относительно ремонта мытнаго двора, а Общество на совѣтѣ 20 апрѣля 1792 г. въ отвѣтъ на это буквально воспроизвело свой приговоръ отъ 5 сентября 1791 г. о всѣхъ вышеозначенныхъ статьяхъ въ совокупности [1]).

Въ концѣ 1792 г. и въ началѣ 1793 г. были сдѣланы и со стороны шестигласной думы попытки руководить Купеческимъ Обществомъ въ дѣлѣ ремонтированія мытнаго двора. Такъ, 10 декабря 1792 г. на гражданскомъ совѣтѣ былъ доложенъ указъ шестигласной думы въ Гильдію, въ коемъ представлялся уже готовый планъ на отстройку вновь мытнаго двора съ перечисленіемъ всѣхъ относящихся къ этому двору строеній и съ показаніемъ стоимости постройки, а отъ Купеческаго Общества требовалось только увѣдомленіе, во сколько времени почиталось бы возможнымъ выполнить этотъ планъ. Купечество на гражданскомъ совѣтѣ постановило увѣдомить думу, что оно не можетъ приступить къ выполненію этого плана, какъ по неимѣнію въ запасѣ общественныхъ суммъ, соотвѣтственныхъ выведенной составителемъ этого плана смѣтѣ (139.170 р. 65 к.), такъ и потому, что отъ «употребленія столь важнаго капитала не предвидится соразмѣрныхъ оному доходовъ» и, затѣмъ, Общество заявляло въ томъ же приговорѣ, что оно остается «на прежде сдѣланномъ общественномъ положеніи», изложенномъ въ просьбѣ, поданной главнокомандующему [2]). Въ февралѣ 1793 г. чрезъ шестигласную думу былъ полученъ въ Гильдіи новый указъ съ запросомъ, согласно ли будетъ Общество произвести починку мытнаго двора по плану, составленному архитекторомъ Каринымъ. По обсужденіи этого плана на гражданскомъ совѣтѣ, Купечество изъявило на это свое согласіе, но «не инако», какъ при томъ условіи, если этотъ дворъ будетъ отданъ Купечеству, на основаніяхъ, опять таки изложенныхъ въ просьбѣ Общества главнокомандующему отъ 5 сентября 1791 г. [3]). Просьбѣ этой былъ данъ въ свое время ходъ, но ходъ этотъ оказался столь медлительнымъ, что по прошествіи ряда лѣтъ, дѣло все еще оставалось въ невыясненномъ положеніи. Сборами съ этихъ статей продолжали завѣдывать гильдейскіе старосты [4]), а въ 1797 г. сборы съ этихъ статей были сданы съ 1 декабря 1797 г. впредь на пять лѣтъ купцу 3 гильдіи Чиликину, но нельзя не отмѣтить, что доходность этихъ сборовъ упала опять до того предѣла, на которомъ мы видѣли ее въ 70-хъ годахъ: Чиликинъ обязался уплачивать съ этихъ статей всего на всего по 3.000 р. въ годъ; это значитъ, что обращавшіеся въ пользу Купеческой Гильдіи приборы съ этихъ статей сократились вновь до 526 р. 63 к., какъ это было при содержателѣ 70-хъ годовъ Пивоваровѣ [5]). Одновременно со сдачей этихъ сборовъ Чиликину Купечество опять возобновило свою просьбу объ отдачѣ ихъ въ вѣчное владѣніе Купеческаго Общества на условіяхъ, заявленныхъ въ 1792 г. [6]). Ходатайство 1792 г. было тогда же препровождено главноначальствующимъ Прозоровскимъ въ сенатъ, но въ теченіе пяти лѣтъ отъ сената по этому дѣлу такъ и не послѣдовало никакого указа. Послѣ этого возобновленія прежней просьбы прошло еще два года [7]). Наконецъ, 10 сентября 1799 г. московскій военный губернаторъ,

---

[1]) Общ. пригов. 1792 г. № 10.
[2]) ibid. 1792 г. № 19.
[3]) ibid. 793 г. № 1.
[4]) ibid. 1796 г. № 5, № 23, 1797 г. № 5.
[5]) ibid. 1797 г. № 22, ср. 1797 г. № 17.
[6]) ibid. Въ 1795 г. просьба была повторена, ibid. 1795 г. № 16.
[7]) Къ началу 1799 г. эти сборы снова были въ завѣдываніи гильд. старостъ—ibid. 1799 г. № 3.

управляющій гражданской частью, Салтыковъ увѣдомилъ казенную палату, что Высочайшимъ указомъ отъ 15 августа ему повелѣно отдать въ распоряженіе Московскаго Купеческаго Общества навсегда мытный и животинный дворы безъ всякаго въ казну платежа, а находящейся на мытномъ дворѣ соляной лавкѣ назначить мѣсто въ какомъ либо изъ казенныхъ строеній. Въ томъ опредѣленіи, какое казенная палата составила по поводу этого указа, находимъ и описаніе названныхъ дворовъ. Вотъ что мы здѣсь читаемъ. Мытный дворъ находится у Москворѣцкихъ воротъ, а животинный—за Калужскими воротами. Оба они считаются въ числѣ казенныхъ оброчныхъ статей, сдаваемыхъ на содержаніе Купеческому Обществу отъ камеръ-коллегіи. Соляныя лавки и питейный домъ на животинномъ дворѣ и казенный соляной дворъ за Варварскими воротами состоятъ подъ вѣдѣніемъ соляной конторы и камерной части. При мытномъ дворѣ состоитъ семь казенныхъ лавокъ, изъ коихъ въ пяти производится соляная мелочная продажа, а двѣ заняты нужными для таковой продажи припасами, вѣсами, гирями и помѣщеніемъ для воинскаго караула. Въ стѣнѣ мытнаго двора имѣется еще казенный каменный домъ съ ледникомъ. Во исполненіе Высочайшаго повелѣнія казенная палата постановила потребовать отъ Купеческаго Общества присылки пріемщиковъ для принятія мытнаго и животиннаго дворовъ, а дворы эти исключить изъ числа казенныхъ статей [1]). 10 октября 1799 г. Купечество на совѣтѣ избрало къ пріему въ Общество тѣхъ дворовъ трехъ гильдинскихъ старостъ [2]).

Такъ закончилась многолѣтняя и настойчивая кампанія, которую велъ гражданскій при Гильдіи совѣтъ ради полученія въ полное обладаніе Общества всѣхъ этихъ оброчныхъ статей. Складочныхъ мѣстъ для дровъ на Новинскихъ берегахъ получить не удалось. Шалаши на льду Москвы-рѣки были упразднены въ 1797 г. по требованію главнаго директора водяныхъ коммуникацій Сиверса, находившаго, что отъ этихъ шалашей засоряется Москва-рѣка. Тогда Гильдіи было предложено или избрать другое мѣсто для содержанія тѣхъ шалашей или просить о выключеніи изъ оброка суммы, причитающейся за ихъ содержаніе. Вопросъ этотъ былъ внесенъ на обсужденіе гражданскаго совѣта и тамъ было рѣшено отказаться совсѣмъ отъ содержанія шалашей съ выключеніемъ за нихъ изъ оброчной суммы 931 руб. 98½ коп. [3]). Что же касается мытнаго и животиннаго дворовъ, то они были въ концѣ концовъ предоставлены въ вѣчное владѣніе Купеческаго Общества безъ всякаго въ казну платежа. Долго затѣмъ тянулись споры между казною и Купеческимъ Обществомъ относительно различныхъ недоимокъ по этимъ статьямъ за минувшіе годы [4]). Эти довольно запутанные споры осложнялись, между прочимъ, и тѣмъ, что, какъ уже упоминалось выше, различными мѣстами на Новинскихъ берегахъ неправильно и насильственно завладѣли частныя лица. Гражданскимъ совѣтамъ было очень много дѣла съ этими захватами. Съ одной стороны Купеческое Общество возбуждало судебные иски противъ этихъ захватовъ, съ другой стороны ему приходилось настаивать передъ государственными учрежденіями на своемъ правѣ—на исключеніи изъ оброчнаго оклада тѣхъ частей Новинскихъ береговъ, которыя фактически ускользали изъ рукъ Общества. Составленіе и подача всѣхъ заявленій, жалобъ и ходатайствъ въ связи со всѣми этими вопро-

---

[1]) Арх. Купеч. Упр. дѣло № 1.
[2]) Обществ. Пригов. 1799 г. № 28.
[3]) Ibid. 1798 г. № 4.
[4]) Ibid. 1802 г. № 52; 1804 г. № 57. Ср. Арх. Купеч. Упр. Опись I, дѣло № 16.

сами обсуждались на гражданскихъ совѣтахъ и производились не иначе, какъ по общественнымъ приговорамъ, которые постановлялись на этихъ совѣтахъ [1]). Получивъ въ свое вѣчное содержаніе мытный дворъ, Купеческое Общество прежде всего принуждено было заняться его починкой въ виду его чрезвычайнаго обвѣтшанія. Въ декабрѣ 1799 г. гражданскій совѣтъ постановилъ поручить старостамъ на 1800 г. собрать съ купцовъ съ капиталовъ по 15 коп. съ платежнаго рубля на поправленіе общественнаго мытнаго двора [2]). Въ 1800 г. въ августѣ гражданскій совѣтъ вновь имѣлъ сужденіе о поправкѣ и починкѣ ветхостей на мытномъ дворѣ и, поручивъ наблюденіе за этими работами старостѣ 3 гильдіи, одному купцу первой гильдіи и одному купцу 2 гильдіи, предоставилъ имъ брать нужныя для этого дѣла деньги изъ гильдейской общественной суммы подъ росписки и записывая ихъ въ особую книгу [3]). До конца 1800 г. на починку мытнаго двора оказалось израсходованнымъ 14.374 р. 94 к., изъ нихъ назначенные руководить постройкой купцы получили 10 тысячъ рублей изъ гильдейскихъ суммъ съ самаго начала, а 4.374 р. 94 к. составляли ихъ перерасходъ изъ собственныхъ средствъ, и гражданскій совѣтъ 19 декабря 1800 г. постановилъ выдать имъ и эти деньги изъ имѣющейся въ Гильдіи собираемой по раскладкамъ суммы [4]). Въ 1802 г. Купечество на совѣтѣ оставило тѣхъ же купцовъ у завѣдыванія постройкой мытнаго двора впредь до ея окончанія, а гильдейскихъ старостъ уполномочило отпускать этимъ купцамъ по ихъ требованіямъ отъ 5 до 10 тысячъ рублей [5]). Отстройка мытнаго двора производилась по плану, составленному архитекторомъ Соколовымъ, который получилъ за этотъ планъ и за планъ постройки хрустальныхъ лавокъ 800 р. [6]).

Кромѣ обсужденія подобныхъ мѣропріятій, относящихся до работъ по ремонту мытнаго двора, гражданскіе совѣты обсуждали и принимали различныя рѣшенія относительно порядка хозяйственной эксплуатаціи мытнаго и животиннаго (скотопригоннаго) дворовъ съ цѣлью извлеченія изъ нихъ доходовъ въ пользу общественной гильдейской казны. Условія, на которыхъ Общество сдавало эти дворы въ аренду отдѣльнымъ содержателямъ; размѣры платы, которая взималась за привозъ на мытный дворъ различныхъ товаровъ и за пригонъ скота на животинный дворъ; порядокъ взиманія этой платы—все это опредѣлялось приговорами гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ. Распорядительная власть гражданскаго совѣта по отношенію къ этимъ вопросамъ не была, однако, совершенно свободна; мѣстная коронная власть въ лицѣ главноначальствующаго въ Москвѣ принимала довольно широкое участіе въ опредѣленіи правилъ хозяйственнаго завѣдыванія этими дворами и послѣ того, какъ они поступили въ полное и вѣчное содержаніе Купеческаго Общества, и гражданскимъ совѣтамъ приходилось считаться съ этими распоряженіями главноначальствующаго. Картина взаимныхъ отношеній гражданскаго совѣта и мѣстной коронной власти въ данномъ вопросѣ хорошо развертывается передъ нами въ общественномъ приговорѣ отъ 17 марта 1805 г., постановленномъ по случаю предписанія главноначальствующаго въ Москвѣ Беклешова, даннаго 21 февраля того же года. Изложимъ вкратцѣ данныя, заключающіяся въ этомъ приговорѣ. 10 января 1805 г. главнона-

---

[1]) Ibid. 1788 г. № 8; 1802 г. № 52.
[2]) Ibid. 1799 г. № 31.
[3]) Ibid. 1800 г. № 53.
[4]) Ibid. 1800 г. № 80.
[5]) Ibid. 1802 г. № 63.
[6]) Ibid. 1803 г. № 25.

чальствующій въ виду поступившихъ къ нему отъ нѣкоторыхъ купцовъ претензій предписалъ городской думѣ: 1) привести въ извѣстность количество привозимыхъ въ Москву товаровъ и припасовъ, складывающихся на этихъ дворахъ для храненія и оптовой продажи, а также число скота, пригоняемаго для продажи на пригонный дворъ; 2) сообразивъ цѣну, платимую содержателями за наемъ тѣхъ дворовъ и прочія издержки, падающія на этихъ содержателей, установить размѣры тѣхъ сборовъ, которые содержателямъ можно дозволить взимать съ торговцевъ; 3) постановить содержателямъ за правило, что на тѣ дворы обязательно должны привозиться лишь товары, предназначаемые къ оптовой продажѣ; а привозящихъ товары въ небольшихъ количествахъ для кратковременной распродажи и тѣмъ болѣе поселянъ, привозящихъ припасы на возахъ на базары, отнюдь не принуждать къ складкѣ ихъ товаровъ на тѣхъ дворахъ; 4) «какъ подобная перемѣна по нынѣшнему между Обществомъ Купеческимъ и наемщиками дворовъ ихъ условію со стороны начальства ко исполненію пріемлемою постановлена», то думѣ предписывается составить примѣнительно къ сему проектъ новыхъ правилъ и представить его главноначальствующему; 5) запасы масла и другихъ удобовоспламеняемыхъ веществъ для предотвращенія пожаровъ предписывается перевести изъ обывательскихъ домовъ въ одинъ изъ тѣхъ общественныхъ дворовъ, а думѣ повелѣвается дать свое заключеніе, хватитъ ли въ этихъ общественныхъ дворахъ мѣста для принятія сихъ веществъ; 6) однако, не воспрещать купцамъ и имѣющимъ на то билеты крестьянамъ для дробной продажи держать въ своихъ лавкахъ—масла и дегтю по бочкѣ, медовъ всякаго рода по кадкѣ, хмѣлю и шерсти не больше одной кипы въ каждой лавкѣ; запасъ же для годового оборота содержать въ томъ общественномъ домѣ; 7) прочіе же товары, напр. сухія груши, орѣхи, винныя ягоды и т. п. не воспрещать держать, гдѣ кто пожелаетъ и не требовать, какъ на это жалуются нѣкоторые купцы, принудительно складывать ихъ на общественномъ дворѣ. На основаніи этого предписанія главноначальствующаго дума разсмотрѣла всѣ свѣдѣнія и справки относительно вновь устроенныхъ Купеческимъ Обществомъ за Калужскими воротами мытнаго, пригоннаго и маслянаго дворовъ и пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Старый скотопригонный дворъ стоитъ Обществу 20,000 руб. За отстройку его по новому прожектированію Общество издержало 52,000 руб. и еще потребуется на окончаніе этихъ работъ до 40,000 руб. Затѣмъ съ этого двора на единовременный взносъ поземельныхъ на построеніе казармъ денегъ пошло 1,548 р. 36¼ к. Всего стоимость Купеческому Обществу скотопригоннаго двора составляетъ, такимъ образомъ, 113,548 р. 36¼ к. Общество сдало этотъ дворъ въ аренду съ 31 августа 1804 г. на 5 лѣтъ за 14,000 р. въ годъ двумъ купцамъ Столбкову и Лисицыну, обязавъ ихъ въ контрактѣ взимать съ привозимыхъ соленыхъ и свѣжихъ мясъ по 20 коп. съ воза; съ кожъ сырыхъ, сухихъ и выдѣланныхъ по 2 коп. съ кожи; съ пригоняемаго скота быковъ и коровъ съ каждой кожи по 4 коп.; съ каждаго барана и овцы по 1 коп., а съ прочихъ всѣхъ товаровъ взимать содержателямъ плату по вольной цѣнѣ. Изъ арендной платы за дворъ—14,000 руб.—будутъ слѣдующіе расходы: плата 8%-хъ денегъ въ городскую казну съ найма покоевъ подъ харчевни и прочее—1,120 р., на ремонтъ двора—2,880 р., всего 4,000 р. Слѣдовательно, въ пользу Общества арендной платы очистится по 10,000 руб. въ годъ. Съ суммы стоимости двора Купеческому Обществу (113,548 руб.) это составитъ ежегоднаго дохода почти по 8¾% на рубль. Дума признала, что сравнительно съ обычнымъ доходомъ съ

купеческихъ оборотовъ платимая Обществу за наемъ двора цѣна должна быть признана весьма умѣренной, тѣмъ болѣе, что на счетъ Купеческаго Общества относится еще и страховка двора отъ огня по $1^1/_2\%$ на рубль. Арендаторы же этого двора примѣнительно къ вышеуказанной таксѣ по сложности прошедшихъ трехъ лѣтъ будутъ имѣть со сборовъ ежегоднаго дохода 12.029 р. 93 к., слѣдовательно, суммы этой даже и на взносъ арендной платы недостаточно. 2) На масляномъ дворѣ построено 40 лавокъ, стоившихъ Купеческому Обществу 48.000 р., да еще потребуется на достройку 13.000 р., на взносъ единовременныхъ поземельныхъ на построеніе казармъ денегъ 670 р., итого—эти лавки будутъ стоить Купеческому Обществу—13.670 р. Этотъ масляный дворъ тоже сданъ отъ Общества въ аренду съ 31 декабря 1804 г. на четыре года и 8 мѣсяцевъ за 5000 р. въ годъ. Расходы изъ той арендной платы слѣдующіе: въ городскіе доходы съ найма лавокъ 500 р., на ремонтъ—1000 р.; такимъ образомъ, въ пользу Общества очищается 3500 р. въ годъ, что составляетъ съ суммы стоимости Обществу того двора ежегоднаго дохода менѣе 6% на рубль. Содержатели же со сборовъ будутъ получать въ годъ всего до 7000 р.

Собравъ эти свѣдѣнія, дума командировала одного изъ гласныхъ для осмотра всѣхъ этихъ дворовъ. Арендаторы обоихъ этихъ дворовъ и находящіеся на дворахъ торговцы объяснили этому гласному, что товаровъ на дворахъ складывалось бы гораздо больше, если бы по-близости отъ въѣзда въ Москву большія партіи товаровъ не складывались на разныхъ постоялыхъ дворахъ; къ тому же крестьяне, пріѣзжающіе съ припасами изъ уѣздовъ, на этихъ дворахъ не становятся, а производятъ продажу на рынкахъ. Между тѣмъ амбаровъ и прочихъ для складыванія товаровъ мѣстъ на обоихъ дворахъ построено достаточно, изъ чего городская дума заключила, что Московское Купеческое Общество построило означенные дворы не для прибыли съ употребленныхъ на то своихъ капиталовъ, которые въ торговомъ оборотѣ гораздо бъ преимущественнѣе приносили доходъ, но единственно изъ повиновенія главному начальству. Тотъ же гласный показалъ, что ему при разспросахъ пріѣзжающихъ торговцевъ ни отъ кого не было заявлено ни малѣйшаго неудовольствія на сборы, налагаемые содержателями дворовъ съ пригоняемаго скота и съ привозимыхъ товаровъ, изъ чего явно, что тѣ сборы не представляются отяготительными. Арендаторы маслянаго двора показали, что они могутъ имѣть себѣ прибыли, сверхъ уплачиваемой Обществу арендной платы, 2000 р. Изъ этихъ денегъ 1000 р. уйдетъ на полицейскія и городскія повинности, наемъ и содержаніе рабочихъ людей, сторожей и прочее хозяйство, а 1000 р. можетъ остаться на собственное ихъ пріобрѣтеніе; арендаторы мытнаго двора предвидятъ дохода до 12000 р., изъ которыхъ придется употребить на содержаніе двора и скотной площадки, на городскія и полицейскія повинности, наемъ прикащиковъ, рабочихъ людей, сторожей и прочія хозяйственныя издержки до 2000 р. Слѣдовательно, арендаторы обоихъ дворовъ не только не получатъ прибыли, но, за внесеніемъ арендной платы въ 14000 р., еще понесутъ убытку до 4000 р., и объясняется это тѣмъ, что ни сало, ни шерсть, ни масло, воскъ, хмѣль, ни овчинныя кожи на мытномъ дворѣ не складываются и кромѣ того по словесному приказанію главноначальствующаго на этихъ дворахъ запрещено взимать сборы вѣсовые, сторожевые, за свалку и накладку на воза по 10 коп. съ воза. Изложивъ всѣ эти данныя, дума въ своемъ донесеніи главноначальствующему пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: плата, взимаемая содержателями тѣхъ дворовъ съ привозимыхъ на нихъ товаровъ, вполнѣ умѣренна и никакихъ жалобъ не вызываетъ; арендная плата, получаемая Купеческимъ Обществомъ съ

содержателей этихъ дворовъ, также очень умѣренна, если принять во вниманіе капиталы, употребленные Обществомъ на постройку этихъ дворовъ; если содержатели дворовъ и впредь останутся при такомъ же прибыткѣ, то не только нельзя надѣяться по прошествіи пяти лѣтъ на какое-либо приращеніе Купеческому Обществу отъ этихъ дворовъ, но должно даже ожидать чувствительнаго уменьшенія нынѣшняго оброка, а арендаторамъ совершеннаго разоренія—и поэтому дума предложила повысить доходъ содержателей сихъ дворовъ, безъ отягощенія привозителей товаровъ и покупателей оныхъ, что было бы достигнуто при разрѣшеніи взимать согласно древнему обычаю съ привозимыхъ мясъ за вѣсовое, за свалку съ возовъ и навалку на нихъ по 10 коп. съ воза—это дало бы по трехгодичной пропорціи 82555 возовъ—8255 р. 50 к., да по примѣру петербургскаго положенія прибавить взиманіе съ пригоняемаго крупнаго рогатаго скота по 1 коп., что дастъ 1877 р., и, наконецъ, привозимыя въ Москву въ большомъ количествѣ для гуртовой продажи сало, шерсть, хмѣль и прочіе назначенные къ складкѣ товары непремѣнно заставлять складывать только на одномъ мытномъ дворѣ, а не гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ.

Въ отвѣтъ на этотъ рапортъ Думы главноначальствующій въ Москвѣ Беклешовъ 21 февраля 1805 г. прислалъ ей предписаніе слѣдующаго содержанія.

Вычисляемые думою размѣры стоимости для Купеческаго Общества постройки мытнаго и скотопригоннаго дворовъ главноначальствующій призналъ чрезмѣрными и предположилъ, что они выведены на основаніи какихъ-либо теоретическихъ архитекторскихъ смѣтъ, обыкновенно составляемыхъ съ большими надбавками, тогда какъ при хозяйственномъ надзорѣ за ходомъ работъ издержки должны оказаться гораздо болѣе скромными. Арендная плата, взимаемая за эти дворы Купеческимъ Обществомъ и равняющаяся по исчисленію думы 9% съ затраченнаго Обществомъ на эти дворы капитала, также была признана главноначальствующимъ высокою; хотя дума и указывала на то, что прибыль съ торговыхъ оборотовъ бываетъ гораздо выше, но главноначальствующій выдвинулъ то соображеніе, что въ купеческихъ торговыхъ оборотахъ зато всегда возможенъ непредвидѣнный убытокъ, между тѣмъ какъ доходъ съ каменныхъ зданій есть самый вѣрный и всѣмъ прочимъ доходамъ предпочитаемый. Поэтому главноначальствующій находилъ, что Купеческое Общество по всей справедливости должно было бы считать себя удовлетвореннымъ, получая на каждый изъ этихъ дворовъ по 6% съ затраченныхъ на нихъ капиталовъ, т. е. при оцѣнкѣ стоимости этихъ дворовъ въ 100.000 р. получилось бы вмѣсто нынѣ законтрактованной Купеческимъ Обществомъ суммы въ 14000 р. всего 6000 р., а притомъ и наемщики сихъ дворовъ не только не имѣютъ права на предполагаемую думою прибавку сборовъ съ рогатаго скота и за вѣсовое, но по всей справедливости должны еще сбавить противъ нынѣшняго положенія съ рогатаго скота по 1 коп. и солонины по 10 коп. съ воза. Наемную плату за масляный дворъ, какъ близко подходящую къ размѣру 6% съ затраченнаго на него капитала, главноначальствующій призналъ возможнымъ оставить въ прежнемъ размѣрѣ. На этихъ основаніяхъ Купеческое Общество должно было по предписанію главноначальствующаго заключить съ содержателями этихъ дворовъ новый контрактъ, а прежній, яко безъ дозволенія начальства сдѣланный, отставить. Предложеніе думы принуждать поселянъ, привозящихъ изъ уѣздовъ припасы, становиться исключительно на мытномъ дворѣ, главноначальствующій отвергалъ, находя, что это противорѣчило бы статьѣ 25 Городового Положенія. Точно такъ же и другихъ продавцовъ можно заставлять скла-

дывать на этихъ общественныхъ дворахъ лишь тѣ товары, которые предназначаются для оптовой продажи. Въ заключеніе главноначальствующій подтверждалъ свое прежнее предписаніе думѣ, чтобы она представила свое заключеніе о томъ, какое количество легковоспламеняющихся веществъ можетъ быть размѣщено на тѣхъ дворахъ, и составила бы проектъ новаго условія на сдачу въ аренду пригоннаго и мытнаго дворовъ.

Получивъ это новое предписаніе Беклешова, дума разсудила, что какъ контрактъ съ содержателями тѣхъ дворовъ въ августѣ 1804 г. заключенъ былъ не думою, а Купеческимъ Обществомъ, то и надлежитъ поручить Гильдіи поставить этотъ вопросъ на обсужденіе и разрѣшеніе собранія Купеческаго Общества. 17 марта 1805 г. на гражданскомъ при Гильдіи совѣтѣ и были разсмотрѣны всѣ эти предписанія главноначальствующаго и заключеніе думы. Гражданскій совѣтъ высказался и противъ уменьшенія сборовъ съ привозимыхъ на тѣ дворы мясовъ и съ пригоняемаго скота, и противъ опредѣленія арендной платы за тѣ дворы въ 6% съ капитала, на нихъ затраченнаго. По первому вопросу гражданскій совѣтъ указалъ на то, что сборъ съ мясъ установился не со времени заключенія контракта съ арендаторами въ 1804 г., а съ давнихъ лѣтъ, и взимался еще на старомъ мытномъ дворѣ; на сборы эти ни отъ кого никогда не поступало жалобъ; они нисколько не отяготительнѣе сборовъ, взимаемыхъ во всемъ городѣ на постоялыхъ дворахъ, на принадлежащихъ городу, а также и казенныхъ лавкахъ и амбарахъ. Сравнительно со сборами на постоялыхъ дворахъ эти сборы даже гораздо ниже, такъ какъ на постоялыхъ дворахъ приходится сверхъ платы за поклажу много переплачивать за харчи постояльцу и за кормъ лошадямъ, а на мытномъ дворѣ возъ мяса можетъ лежать отъ 1 до 2 мѣсяцевъ всего за 20 копѣекъ, такъ что для уравненія съ расходами, неизбѣжными на постоялыхъ дворахъ, слѣдовало бы на мытномъ дворѣ взимать за складку мясовъ отъ 1 р. до 2 р. съ воза, но Купеческое Общество такое неумѣренное взиманіе отвергло, единственно «по своей неинтересности». По второму вопросу гражданскій совѣтъ полагалъ, что опредѣленіе дохода съ тѣхъ дворовъ въ 6% съ затраченныхъ на нихъ капиталовъ было бы правильно, если бы въ Россіи существовалъ заемъ денегъ у партикулярныхъ лицъ безъ залоговъ изъ 3 или 4%; тогда, прибавивъ на хлопоты и труды по строенію дворовъ 2%, было бы правильно ограничить доходъ Общества съ дворовъ 6%-ми. Но въ дѣйствительности капиталъ въ Россіи гораздо дороже и даже ссудная казна воспитательнаго дома беретъ съ накладками и расходами за ссуды 6%, а подъ ручной закладъ и до 10%; какъ извѣстно Обществу, вятскіе казенные винокуренные заводы отдаются въ аренду по 10%. Такимъ образомъ, Купеческому Обществу будетъ очень обидно взимать по 6% за свой капиталъ. Къ тому же доходы съ этихъ дворовъ Купеческое Общество постановило употреблять не иначе, какъ на благотворительныя цѣли, какъ-то, на богадѣльни, на коммерческое училище, и такъ, при уменьшеніи этого дохода на содержаніе этихъ заведеній придется неминуемо устанавливать личные поборы. По всѣмъ этимъ основаніямъ Общество и постановило ходатайствовать передъ главноначальствующимъ, чтобы прежній контрактъ Общества съ арендаторами этихъ дворовъ, добровольно съ обѣихъ сторонъ заключенный, оставленъ былъ безъ перемѣны [1]). Дальнѣйшее теченіе этого дѣла уже не можетъ войти въ нашъ разсказъ, такъ какъ оно выходитъ за хронологическую грань этой части наше-

---

[1]) Ibid. 1805 г. № 12.

го труда. Изложенныя выше данныя во всякомъ случаѣ показываютъ, какъ далеко продвигалось вмѣшательство коронной администраціи въ тѣ дѣйствія Купеческаго Общества и его органа—гражданскаго при Гильдіи совѣта—, которыя касались хозяйственнаго завѣдыванія принадлежащими Обществу доходными имуществами.

Кромѣ дворовъ мытнаго, скотопригоннаго или животиннаго и маслянаго, о которыхъ шла рѣчь выше, Купеческое Общество имѣло на своемъ содержаніи рыбный дворъ. Дворъ этотъ Общество сдавало купцамъ, торгующимъ рыбою и икрою, взимая съ нихъ за то въ пользу Общества 11.000 р. въ годъ и уплачивая съ этого общественнаго дохода 10% въ казну [1]). За тотъ же дворъ Общество уплачивало въ казну единовременный и ежегодные взносы съ застроенной и незастроенной земли, къ тому двору принадлежащей. Въ январѣ 1801 г. Общество уплатило, напримѣръ, таковой суммы за 1798 и 1799 года—3.286 р. 60 к. [2]). Въ мартѣ 1802 г. на совѣтѣ было постановлено внести изъ общественныхъ средствъ за рыбный дворъ—за 1800 г. и 1801 г. съ земли—530 р. 60 к., да за 1801 г. десятипроцентныхъ по 10 коп. съ рубля ежегодной платы, взимаемой Обществомъ,—1.100 р., всего—1.630 р. 60 к. [3]). Въ маѣ 1803 г. староста 2 гильдіи доложилъ на гражданскомъ совѣтѣ, что на рыбномъ дворѣ столбы подгнили у вѣсовъ, а также найдены и иныя ветхости и неисправности. Общество приговорило поручить старостѣ приступить къ ремонту рыбнаго двора съ употребленіемъ на это денегъ изъ общественныхъ суммъ, сколько потребуется [4]).

Существенную часть хозяйственной дѣятельности Общества и его органа—гражданскаго совѣта—составляло далѣе содержаніе гостинныхъ дворовъ. Еще съ 1755 г. Московское Купечество по указамъ изъ сената, главнаго магистрата и камеръ-коллегіи приняло въ свое содержаніе амбары, палатки, лавки и шалаши на старомъ и новомъ гостинныхъ дворахъ, на соляномъ и рыбномъ дворахъ и близъ гостиннаго двора въ рядахъ астраханскомъ, панскомъ, стекловомъ, икорномъ и семужномъ и по Варварской большой улицѣ изъ платежа въ казну опредѣленнаго оброка [5]). Въ теченіе всей второй половины XVIII столѣтія Купеческое Общество имѣло сборы съ этихъ мѣстъ на своемъ содержаніи. Завѣдываніе этими сборами поручалось гильдейскимъ старостамъ. Положенный съ нихъ въ казну оброкъ гильдейскіе старосты вносили въ магистратъ для дальнѣйшей передачи въ казну и представляли гражданскому совѣту выданныя имъ отъ магистрата квитанціи. А кромѣ того, на совѣтахъ постановлялось, сколько должны были старосты сбирать съ этихъ статей накладныхъ денегъ, сверхъ казеннаго оброка, и этотъ накладной сборъ поступалъ уже въ гильдейскую кассу, гдѣ и долженъ былъ храниться до указу, при чемъ Гильдія не должна была безъ особыхъ на то распоряженій расходовать эти суммы [6]). Такъ, въ 1787 г. на гражданскомъ совѣтѣ было постановлено, чтобы гильдейскіе старосты собрали сверхъ платежа въ казну еще—съ рыбныхъ, икорныхъ и шалашныхъ мѣстъ у стараго гостиннаго двора 3.500 р., да съ гостинныхъ дворовъ накладныхъ по рублю съ каждаго рубля казеннаго оброка. Точно такія

---

[1]) Ibid. 1800 г. № 18.
[2]) Ibid. 1801 г. № 6.
[3]) Ibid. 1802 г. № 25.
[4]) Ibid. 1803 г. № 24а.
[5]) Арх. Купеческ. Управы. Опись, I, № 1.
[6]) Общ. пригов. I, 1778—79 гг. № 13; 1787 г. № 3.

же постановленія были сдѣланы затѣмъ и въ 1788 г. и въ 1789 г. [1]). Такое же постановленіе состоялось и въ 1790 г. на гражданскомъ совѣтѣ 25 января, но на этотъ разъ уже со слѣдующей оговоркой: «если жъ, паче чаянія, означенный старый гостинный дворъ проданъ будетъ въ нынѣшнемъ 1790 г., въ такомъ случаѣ съ оныхъ торгующихъ купцовъ какъ принадлежащія въ казну, такъ накладныя взять по разсчету по то самое число, какъ торговать будетъ запрещено» [2]).

Вопросъ о продажѣ стараго гостиннаго двора имѣлъ свою исторію, начало которой нужно отнести къ 1788 году. Въ этомъ году возникъ вопросъ о сооруженіи каменнаго козьмодемьянскаго моста черезъ Москву-рѣку. Главнокомандующій въ Москвѣ Еропкинъ, полагая, что по военнымъ обстоятельствамъ нельзя разсчитывать получить на эту постройку средства изъ казны, вошелъ въ переговоры съ именитымъ гражданиномъ Павловымъ съ тѣмъ, чтобы Павловъ принялъ эту постройку на себя. Павловъ поставилъ два условія: 1) чтобы половину денегъ за постройку получить тотчасъ по окончаніи работъ, а другую половину черезъ годъ, или 2) вмѣсто денегъ отдать ему старый гостинный дворъ. По смѣтѣ стоимость постройки моста была исчислена въ 41.639 р. 80 к. Тогда главнокомандующій рѣшилъ предложить всему Купеческому Обществу внести эту сумму на постройку моста, а старый гостинный дворъ продать съ аукціона и изъ вырученныхъ отъ этой продажи денегъ вернуть Купеческому Обществу 41.639 р. 80 к. На гражданскомъ совѣтѣ 19 января 1789 г. Купечество постановило дать 41.639 р. 80 к. на постройку моста съ тѣмъ, чтобы «старый гостинный дворъ, не отдавая именитому гражданину Павлову одному, предоставить Московскому Купеческому Обществу на такомъ же положеніи, какъ и прежде онымъ Московское Купеческое Общество пользовалось» [3]). Однако, главнокомандующій 20 августа увѣдомилъ градскаго голову, что старый гостинный дворъ не будетъ отданъ всему Обществу, а будетъ обращенъ въ продажу съ аукціона желающимъ изъ Купечества «отдѣльными частями, составляющими верхъ и низъ одного хозяина», и каждый покупатель будетъ обязанъ по крайней мѣрѣ черезъ четыре года выстроить по плану новое помѣщеніе взамѣнъ купленнаго ветхаго. Послѣ такого распоряженія главнокомандующій по иниціативѣ московскаго митрополита предложилъ Купеческому Обществу: 1) опредѣлить ругу для причта церкви Введенія, которая находилась у гостиннаго двора и теперь будетъ состоять внутри этого двора; 2) опредѣлить нужныя суммы для пріобрѣтенія принадлежащей этой церкви земли, со стоящими на ней двумя каменными церковными домами, такъ какъ земля эта нужна для распространенія гостиннаго двора, и 3) дать свое заключеніе, сколько можетъ быть отведено покоевъ въ старомъ магистратскомъ домѣ подъ жительство причта той церкви и можетъ-ли причтъ пускать туда отъ себя жильцовъ. Гражданскій совѣтъ 5 сентября 1789 г. не призналъ возможнымъ исполнить эти предложенія въ виду того, что гостинный дворъ назначенъ къ продажѣ не всему Купеческому Обществу, а отдѣльнымъ желающимъ лицамъ по частямъ; при такомъ условіи церковь Введенія и причтъ ея—разсуждалъ гражданскій совѣтъ—останутся лишь для тѣхъ отдѣльныхъ владѣльцевъ, слѣдовательно, и вознагражденіе причту должно идти не отъ Купеческаго Общества, а отъ будущихъ гостиннодворческихъ владѣльцевъ, а также и церковные дома съ землею должны быть проданы частнымъ же желающимъ покупщикамъ. Не счелъ воз-

---

[1]) Ibid. 1788 г. № 4.
[2]) Ibid. 1790 г. № 4.
[3]) Ibid. 1789 г. № 1.

можнымъ гражданскій совѣтъ согласиться и на отводъ покоевъ для церковнаго причта въ старомъ магистратскомъ домѣ, «который непосредственно принадлежитъ самому Купеческому Обществу», во-первыхъ потому, что домъ занятъ старыми магистратскими дѣлами и туда же придется перевезти разные грубые товары, хранящіеся въ амбарахъ стараго гостиннаго двора, предназначенныхъ теперь къ сломкѣ, и во-вторыхъ потому, что въ виду распродажи гостиннаго двора отдѣльнымъ покупателямъ размѣщеніе причта той церкви должно зависѣть единственно отъ будущихъ гостиннодворческихъ владѣльцевъ, «а до Общества Московскаго Купечества ни мало не касается и принять всего того оное Общество безъ крайняго себѣ отягощенія не можетъ» [1]).

Между тѣмъ, Купеческое Общество не могло помириться съ мыслью о распродажѣ стараго гостиннаго двора отдѣльнымъ владѣльцамъ. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1790 г. Обществомъ была предпринята попытка измѣнить направленіе этого дѣла согласно первоначальнымъ предположеніямъ Общества. Въ мартѣ 1790 г. на совѣтѣ было установлено желаніе Общества принять на Общество «состоящіе въ Москвѣ гостинные старый и новый дворы и прикосновенные ко онымъ ростовское подворье, бывшій сибирскій приказъ, старый панскій, астраханскій, что на хорахъ, стекловой и новый хрустальный ряды, кои напредь сего были икорный и семужный,» и выстроить все это вновь общественнымъ коштомъ. Въ виду этого рѣшено было просить главнокомандующаго Прозоровскаго уступить всѣ эти дворы и ряды Обществу за сходную цѣну. На составленіе необходимой для этой покупки суммы приговоромъ гражданскаго совѣта 12 марта 1790 г. было постановлено впредь до окончательной отстройки этихъ дворовъ ежегодно сбирать съ именитыхъ гражданъ и купцовъ всѣхъ трехъ гильдій по 1% съ каждаго рубля съ объявленныхъ капиталовъ. Постановленіе это, однако, вызвало со стороны нѣкоторыхъ членовъ Общества протесты въ томъ смыслѣ, что они заявили нежеланіе уплачивать на этотъ предметъ по 1% съ рубля съ объявленнаго капитала, а вмѣсто того подписали обязательство сдѣлать единовременные взносы. Такъ, изъ числа подписавшихъ общественный приговоръ 12 марта 1790 г., 174 купца подписали его безъ всякихъ оговорокъ, т. е. вполнѣ присоединились къ постановленному въ приговорѣ рѣшенію, а 26 человѣкъ подписали приговоръ съ оговоркой, что вмѣсто уплаты однопроцентнаго сбора съ объявленныхъ капиталовъ они согласны лишь на единовременный взносъ, при чемъ три человѣка (2 именитыхъ гражданина и 1 купецъ первой гильдіи) опредѣлили свои взносы въ 3.000 р., одинъ именитый гражданинъ—въ 2.000 р., четыре человѣка (1 именитый гражданинъ и три купца 1 гильдіи)—въ 1.000 р.; одиннадцать человѣкъ (двое именитыхъ гражданина и 9 купцовъ 1 гильдіи)—въ 500 р.; четыре человѣка (два 1 гильдіи и два—второй гильдіи купцы)—по 300 р., одинъ 1 гильдіи купецъ—въ 200 р., одинъ второй гильдіи купецъ—въ 100 р., а одинъ первой гильдіи купецъ отказался отъ однопроцентнаго платежа, не предложивъ и единовременнаго взноса [2]). Вскорѣ, однако, сторонники единовременныхъ взносовъ взяли назадъ свои рѣшенія въ виду того, что большинство членовъ Общества высказалось за однопроцентный сборъ съ объявленныхъ капиталовъ. Такимъ образомъ, все Общество въ концѣ концовъ объединилось на общественномъ приговорѣ 12 марта [3]). 9 апрѣля 1790 г. на гражданскомъ совѣтѣ было рѣшено подать главноначаль-

[1]) Ibid. 1789 г. № 15.
[2]) Ibid. 1790 г. № 10а.
[3]) Ibid. 1790 г. № 10б.

ствующему прошеніе о предоставленіи стараго гостиннаго двора на выкупъ всему Обществу. Въ прошеніи этомъ говорилось, что на общественномъ совѣтѣ 12 марта Купечество усмотрѣло «въ частной съ публичнаго торгу продажѣ стараго гостиннаго двора и въ содержаніи его на будущее время частными владѣльцами многія и различныя препятствія и неудобства» и потому составило приговоръ о томъ, чтобы приступить къ построенію этого двора всѣмъ Обществомъ и къ этому приговору до нынѣ присоединили свои подписи до 1.252 человѣкъ». Къ прошенію былъ приложенъ и проектъ тѣхъ условій, на которыхъ Общество желало бы получить старый гостинный дворъ. Условія эти состояли въ слѣдующемъ. За пріобрѣтеніе въ пользу Общества стараго гостиннаго двора и казенныхъ мѣстъ бывшаго сибирскаго приказа, медицинской конторы, камеръ-коллежскаго департамента и питейныхъ домовъ, а также ростовскаго подворья и другихъ церковныхъ земель, состоящихъ въ линіи съ гостиннымъ дворомъ, и за матеріалы, которые останутся по сломкѣ стараго ветхаго строенія, Общество обязуется уплатить по учиненной отъ казенной палаты оцѣнкѣ 50.610 р., да сверхъ того въ пользу казны—25.000 р. Церковь Введенія, состоящую внутри того гостиннаго двора, «въ разсужденіи ея ветхости и по неудобности мѣста для молитвеннаго дому» предназначить къ упраздненію. Съ гостиннаго двора снять всѣ прежніе казенные оброки и впредь на тотъ дворъ никакихъ казенныхъ сборовъ не налагать. Построеніе новаго гостиннаго двора произвести по конфирмованному плану, но устройство внутренности и величины амбаровъ и лавокъ, погребовъ для поклажи виноградныхъ винъ и биржи для собранія купеческаго, предоставить на волю и распоряженіе Общества. Предоставить Обществу десятилѣтній срокъ на выстройку новаго гостиннаго двора. На составленіе потребной для выстройки новаго гостиннаго двора суммы именитые граждане и купцы трехъ гильдій будутъ вносить ежегодно по 1% съ рубля съ объявляемыхъ ими капиталовъ, а посадскимъ «за ихъ по большей части маломощіемъ» предоставить вносить въ эту сумму, сколько они заблагоразсудятъ по собственному произволенію «единственно для того, чтобы и они были участниками въ семъ общественномъ и преполезномъ предпріятіи». За исключеніемъ посадскихъ, въ 1%-хъ взносахъ съ объявленныхъ капиталовъ должны будутъ участвовать всѣ члены Общества, «хотя бъ кто въ подпискѣ сего согласія и не соучаствовалъ», а равно и всѣ вновь вступающіе въ Общество именитые граждане и купцы и наслѣдники умершихъ членовъ Общества и «приговоръ сей почитать навсегда за общественный и ни отъ кого не оспоримый». Гостинный дворъ на будущее время оставить въ вѣчномъ владѣніи «Общества московскихъ именитыхъ гражданъ, купечества и посадскихъ». Сумму, полагаемую на постройку гостиннаго двора и доходы, съ этого двора собираемые, не подчинять никакому присутственному мѣсту и не причислять къ городовымъ доходамъ, а предоставить непосредственно для пользы и блага общественнаго въ полную волю и распоряженіе Общества. Для завѣдыванія постройкой гостиннаго двора учредить особую контору, главное руководство которой поручать ежегодно избираемымъ изъ среды Общества одному или нѣсколькимъ директорамъ, которые должны будутъ всѣ свои распоряженія согласовать съ приговорами гражданскихъ совѣтовъ и въ концѣ каждаго года предоставлять Обществу отчеты о своей дѣятельности [1]).

Эти настойчивыя попытки Купеческаго Общества получить старый гостинный дворъ въ общественную собственность не имѣли успѣха. Старый гостинный

---

[1]) Ibid. 1790 г. № 11.

дворъ былъ проданъ по частямъ отдѣльнымъ пріобрѣтателямъ. Въ маѣ 1791 г. въ приговорѣ гражданскаго совѣта уже было постановлено въ виду состоявшейся продажи съ аукціона гостиннаго двора старостѣ Иванову предписать собирать съ того двора оброчныя и накладныя деньги лишь по то число, по которое каждый изъ покупщиковъ не внесетъ въ аукціонъ свою покупную сумму [1]). Такъ какъ накладныя деньги съ гостиннодворскаго оброка, поступавшія въ гильдейскую казну, не должны были расходоваться на обычныя текущія нужды безъ особыхъ о томъ постановленій, то въ гильдейской казнѣ и образовалась особая «гостиннодворская сумма». Въ 1794 г. размѣры ея опредѣлялись въ 20.000 руб. [2]).

Послѣдующіе факты показали, что непринятіе предложенія Купеческаго Общества объ отдачѣ гостиннаго двора въ общественную собственность и распродажа этого двора по частямъ отдѣльнымъ пріобрѣтателямъ съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ вновь отстроилъ пріобрѣтенную имъ часть, не привели къ благопріятнымъ результатамъ. Отстройка пріобрѣтенныхъ мѣстъ шла крайне медленно, а затѣмъ и совсѣмъ прекратилась послѣ изданія указа 24 сентября 1797 г. «о нестроеніи гостинныхъ дворовъ». Въ 1798 г. главноначальствующій Москвы Салтыковъ испрашивалъ по этому предмету Высочайшія указанія и получилъ повелѣніе довести отстройку гостиннаго двора до конца. Тогда Салтыковъ чрезъ шестигласную думу затребовалъ у гостиннодворческихъ владѣльцевъ, еще не застроившихъ своихъ мѣстъ, свѣдѣній о томъ, въ какой срокъ они полагаютъ возможнымъ окончить отстройку. Владѣльцы предъявили просьбу отсрочить имъ окончаніе постройки еще на пять лѣтъ. Главноначальствующій призналъ невозможнымъ удовлетворить эту просьбу въ виду того, что при продажѣ этихъ мѣстъ на гостинномъ дворѣ покупщики обязывались кончить постройку въ теченіе шести лѣтъ, а теперь съ того времени истекаетъ уже десятый годъ, а многіе покупщики къ строенію совсѣмъ еще не приступали. Въ виду этихъ обстоятельствъ главноначальствующій выдвинулъ совершенно новый планъ ликвидаціи этого дѣла. На Красной площади между Никольскими и Спасскими воротами, задомъ къ Кремлевской стѣнѣ стояли лавки, въ которыхъ шла торговля самыми простыми товарами, какъ то: шапками, рукавицами и т. п. По мнѣнію главноначальствующаго эти лавки безобразили главную городскую площадь и кромѣ того отнимали мѣсто, на которомъ въ прежнее время на Красной площади производились разводы войскъ. Планъ главноначальствующаго и состоялъ въ томъ, чтобы лавки эти обратить къ обязательной сломкѣ, а хозяевамъ ихъ взамѣнъ того предоставить право «взять участіе во отстройкѣ гостиннаго двора на такомъ положеніи, кое для нихъ было бъ выгодно, и для хозяевъ неотстроенныхъ въ томъ дворѣ мѣстъ, виновныхъ въ неисполненіи принятаго на себя обязательства, не весьма убыточно». Противъ этого плана рѣшительно возстали владѣльцы упомянутыхъ лавокъ у Кремлевской стѣны. 4 сентября 1801 г. они были собраны въ Гильдію въ количествѣ 58 человѣкъ и за общимъ рукоприкладствомъ подали отзывъ слѣдующаго содержанія. Означенныя лавки у Кремлевской стѣны имъ разрѣшено было построить по Высочайшему соизволенію Екатерины II въ возмѣщеніе того убытка, который они понесли отъ сломки ихъ прежнихъ лавокъ, предпринятой для расширенія Ильинской и Варварской улицъ. Новыя лавки у Кре-

---

[1]) Ibid. 1791 г. № 15.
[2]) Ibid. 1794 г. № 3.

млевской стѣны они построили съ Высочайшаго соизволенія своимъ коштомъ и, хотя доходы съ этихъ лавокъ далеко не достигали уровня доходовъ съ прежнихъ ихъ лавокъ, тѣмъ не менѣе они всегда почитали предоставленное имъ право на эти новыя лавки за «особый даръ отъ императорскія руки». Что же касается владѣльцевъ мѣстъ на гостинномъ дворѣ, то они, отстроивъ себѣ лучшія мѣста по Ильинской улицѣ и пользуясь съ нихъ знатными доходами, не приступаютъ къ постройкамъ по боковымъ линіямъ не по причинѣ малой состоятельности, такъ какъ покупщики эти по большей части принадлежатъ къ первѣйшему купечеству, но потому, что они не надѣются на полученіе доходовъ съ нововыстроенныхъ мѣстъ въ виду распространенія торговли во многихъ частяхъ города помимо гостиннаго двора. Слѣдовательно, и владѣльцамъ лавокъ у Кремлевской стѣны, принадлежащимъ большею частью къ малосостоятельному купечеству, было бы завѣдомо невыгодно мѣнять эти свои настоящія лавки на отстройку наименѣе доходныхъ мѣстъ на гостинномъ дворѣ. При томъ же «было бы весьма несогласно ни съ какими правами», оставя пріобрѣтателей гостиннаго двора спокойно владѣть лучшими по Ильинкѣ мѣстами, прочія худшія мѣста предоставить застраивать за нихъ другимъ, бѣднѣйшимъ. «Вышеизложенныя обстоятельства—читаемъ далѣе въ этомъ отзывѣ—непремѣнно, кажется, требуютъ, что не иной кто долженъ докончить строеніемъ гостинной дворъ, какъ тѣ самые, кто обязался, не нудя къ тому отнюдь постороннихъ, поелику въ сіе входили они изъ доброй своей воли, не бывъ къ тому принуждаемы ни отъ кого, въ прочемъ же должны они сами приложить попеченіе о изысканіи способовъ къ выполненію своихъ обязательствъ въ разсужденіи выстройки гостиннаго двора». Владѣльцы лавокъ у Кремлевской стѣны указывали еще и на то, что многія изъ этихъ лавокъ перешли уже по наслѣдству въ руки вдовъ и сиротъ, а иныя и по купчимъ; у многихъ лавковладѣльцевъ все состояніе только въ тѣхъ лавкахъ и заключается, такъ что даже на сломку этихъ лавокъ у нихъ нѣтъ средствъ. Итакъ, они рѣшили просить главноначальствующаго отмѣнить его распоряженіе и оставить ихъ при прежнемъ спокойномъ владѣніи ихъ лавками, право на которыя предоставлено имъ высочайшею властью [1]).

Къ такимъ затруднительнымъ осложненіямъ привело отклоненіе просьбы Московскаго Купеческаго Общества о предоставленіи гостиннаго двора въ общественную собственность. Послѣ продажи стараго гостиннаго двора отдѣльнымъ пріобрѣтателямъ въ общественномъ завѣдываніи оставались еще девять казенныхъ лавокъ въ хрустальномъ ряду, имѣвшихъ свою особую исторію. Въ 1791 г. эти девять лавокъ остались непроданными и стали предметомъ сложнаго юридическаго спора между казною, Купеческимъ Обществомъ и прежними оброчными ихъ владѣльцами. Означенныя девять лавокъ входили издавна въ составъ икорнаго ряда на гостинномъ дворѣ и съ 1755 г. вмѣстѣ съ прочими принадлежавшими къ гостинному двору мѣстами перешли на содержаніе Купеческаго Общества изъ платежа въ казну опредѣленнаго оброка. Въ 1771 г. икорный рядъ былъ переименованъ въ новохрустальный рядъ, и тогда же купцамъ Осетрову съ товарищи полицеймейстерской канцеляріей было разрѣшено въ замѣнъ ихъ прежнихъ лавокъ со стеклянною посудою на хорахъ гостиннаго двора построить себѣ изъ собственнаго кошта девять каменныхъ лавокъ въ новохрустальномъ ряду вмѣсто прежнихъ бывшихъ здѣсь деревянныхъ девяти лавокъ. Они эти лавки построили и владѣли ими, внося за нихъ оброку 248 р. съ копѣйками,

---

[1]) Ibid. 1804 г. № 17.

при чемъ оброкъ этотъ платился ими въ Гильдію и тамъ входилъ въ составъ общей оброчной суммы, которая уплачивалась Купеческимъ Обществомъ въ камеръ-коллегію за оба гостинные двора и за другія присоединенныя къ нимъ оброчныя статьи. Въ 1786 г. лавки разныхъ владѣльцевъ по Ильинской и Варварской улицамъ были предназначены къ сломкѣ по распоряженію главноначальствующаго и, какъ объ этомъ только что было выше разсказано, владѣльцамъ сломанныхъ лавокъ было предоставлено въ вознагражденіе за это взять себѣ мѣста на Красной площади у Кремлевской стѣны для постройки новыхъ лавокъ. Въ такомъ положеніи оказался между прочимъ купецъ Зубковъ, у котораго были сломаны двѣ лавки: овошная и щепетильная. Зубковъ не пожелалъ взять себѣ мѣсто у Кремлевской стѣны, считая это для себя убыточнымъ, а вмѣсто того въ вознагражденіе за сломанныя у него двѣ лавки изъявилъ претензію на отдачу ему именно тѣхъ девяти лавокъ въ новохрустальномъ ряду, которыя состояли за Осетровымъ съ товарищи. Зубковъ предлагалъ внести за тѣ девять лавокъ въ казну капитальную сумму по капитализаціи изъ 5% платимаго Осетровымъ съ товарищи оброка. Въ своемъ требованіи Зубковъ основывался: 1) на томъ, что эти девять лавокъ корпусомъ и крышею смежны съ его крѣпостными лавками, а по закону таковыя оброчныя мѣста должны быть отдаваемы владѣльцамъ смежныхъ съ ними крѣпостныхъ мѣстъ, и 2) на томъ, что Осетровъ съ товарищи не строили этихъ лавокъ сами, а получили ихъ уже готовыми отъ главнаго магистрата и при томъ не въ вѣчное владѣніе, а только изъ платежа оброка. Въ отвѣтъ на это домогательство Зубкова Осетровъ съ товарищи: 1) объяснили, что законъ объ отдачѣ земель прикосновеннымъ владѣльцамъ относится только до дворовыхъ мѣстъ, а не до лавочныхъ, и 2) доказали выписками изъ дѣлъ полицеймейстерской канцеляріи и опросами сосѣднихъ торговцевъ, что настоящія каменныя девять лавокъ были построены ими самими изъ своего кошта взамѣнъ полученныхъ ими прежнихъ деревянныхъ лавокъ. На этотъ разъ Осетровъ съ товарищи отстояли за собою право на эти лавки.

Когда затѣмъ въ 1791 г. состоялось распоряженіе о распродажѣ по частямъ стараго гостиннаго двора, означенныя девять лавокъ въ продажу не поступили, а Осетровъ съ товарищи, всего шесть человѣкъ, возбудили ходатайство о томъ, чтобы эти 9 лавокъ были обѣлены за ними, такъ какъ они выстроили тѣ лавки нѣкогда своимъ капиталомъ. Напротивъ того, Московское Купеческое Общество возбудило ходатайство о томъ, чтобы эти девять лавокъ были оставлены и впредь на содержаніи Общества изъ платежа за нихъ оброка 248 р. съ копѣйками. Общество основывалось при этомъ на томъ, что и ранѣе оброкъ съ этихъ девяти лавокъ вносился въ камеръ-коллегію отъ Общества въ общей суммѣ оброка съ гостинныхъ дворовъ, а Осетровъ съ товарищи держали тѣ лавки отъ Общества и оброчныя деньги за нихъ вносили въ Гильдію [1]).

Въ 1795 г. первый департаментъ московскаго магистрата, разсмотрѣвъ это дѣло, постановилъ эти девять лавокъ, какъ принадлежащія къ гостинному двору, уже проданному съ аукціона, также, оцѣнивъ, продать съ аукціона; изъ вырученной отъ продажи суммы выдать Осетрову съ товарищи, сколько будетъ слѣдовать за матеріалы, а остальныя деньги внести въ московскую казенную палату. Осетровъ съ товарищи опротестовали это рѣшеніе и перенесли дѣло во второй департаментъ московскаго магистрата, и тамъ въ 1797 г. состоялось иное постановленіе: въ виду представленныхъ выписокъ изъ дѣлъ полицеймейстерской

---

[1]) Арх. Куп. Управы. Опись I, дѣло № 20. Обществ. пригов. I, 1791 г. № 23.

канцеляріи за 1772 г. и въ виду долговременнаго безспорнаго владѣнія Осетровымъ съ товарищи тѣми лавками утвердить эти девять лавокъ за Осетровымъ съ товарищи съ обѣленіемъ за сумму, выведенную по капитализаціи платимаго ими оброка. Съ этимъ рѣшеніемъ въ свою очередь не согласилось Купеческое Общество, и повѣренный Общества перенесъ дѣло по апелляціи во второй департаментъ московской палаты суда и расправы [1]). За все время произвожденія этого сложнаго дѣла Купеческое Общество продолжало впредь до окончательной по дѣлу резолюціи взимать съ этихъ девяти лавокъ казенный оброкъ и накладной сборъ, присоединяя послѣдній къ прежней гостиннодворческой суммѣ, составившейся въ гильдейской казнѣ и не подлежавшей расходованію безъ особыхъ о томъ общественныхъ приговоровъ [2]). Къ 1799 году дѣло, повидимому, разрѣшилось въ пользу Общества; на совѣтѣ 8 февраля 1799 г. Общество уже постановило: «общественныя купеческія лавки, состоящія въ хрустальномъ ряду, всего девять лавокъ, отдать изъ Гильдіи московскимъ купцамъ желающимъ и торгующимъ въ хрустальныхъ лавкахъ, на три года изъ платежа за всѣ тѣ лавки ежегодно по 3,650 руб.» съ тѣмъ, что если кромѣ этой наемной суммы и еще случатся какіе-либо особенные съ тѣхъ лавокъ сборы въ казну, то платить ихъ тоже наемщикамъ сверхъ наемной суммы [3]). Въ 1802 г. Общество постановило приступить къ ремонтированію этихъ девяти лавокъ, оказавшихся очень ветхими; руководство этимъ ремонтомъ было поручено гильдейскимъ старостамъ, а на расходы по ремонту Общество разрѣшило употребить до 5000 руб. изъ накладной суммы, собранной въ Гильдіи [4]).

И помимо гостиннаго двора и примыкавшихъ къ нему торговыхъ мѣстъ Купеческое Общество имѣло въ своемъ хозяйственномъ распоряженіи лавочные ряды въ различныхъ пунктахъ Москвы. Такъ, напр., на общественномъ купеческомъ дворѣ существовали шалаши для рыбнаго и икорнаго торгу. 30 января 1792 г. Купеческое Общество постановило выстроить взамѣнъ этихъ шалашей каменныя лавки съ амбарами, употребляя нужныя на эту постройку средства изъ общественной казны [5]).

Въ 1804 г. главноначальствующій Беклешовъ призналъ необходимымъ прекратить во внутреннихъ частяхъ города торговлю конопляннымъ масломъ и сальными веществами, считая, что торговые склады этихъ продуктовъ представляютъ опасность въ пожарномъ отношеніи. Беклешовъ полагалъ для этой цѣли желательнымъ перевести торгъ этими продуктами въ лабазы, состоящіе на конской площади въ Серпуховской части. Въ виду этого Московское Купеческое Общество на совѣтѣ 15 іюля 1804 г. постановило выстроить на конской площади въ Серпуховской части на свой счетъ удобныя лавки [6]). Въ августѣ Общество постановило смотрѣніе за построеніемъ этихъ масляныхъ лавокъ поручить двумъ московскимъ купцамъ Чиликину и Луговскому и отпустить имъ на этотъ предметъ изъ общественной суммы на первый разъ до 3000 руб. [7]). Въ сентябрѣ 1804 г. на тотъ же предметъ было отпущено изъ общественныхъ

---

[1]) Арх. Куп. Упр. Опись I, дѣло № 20. Обществ. пригов. I, 1797 г. № 16.

[2]) Обществ. пригов. I, 1792 г. № 4; 1793 г. № 5; 1794 г. № 4; 1795 г. № 7; 1796 г. № 4; 1797 г. № 7.

[3]) Ibid. 1799 г. № 7.

[4]) Ibid. 1802 г. № 92.

[5]) Ibid. 1792 г. № 11 и 1793 г. № 3.

[6]) Ibid. 1804 г. № 45.

[7]) Ibid. 1804 г. № 47.

суммъ 10.000 руб. [1]). Въ декабрѣ 1804 г. ассигновали еще 10.000 руб. изъ сбора при объявленіи капиталовъ на 1805 г. [2]).

Приговоромъ, постановленнымъ въ концѣ декабря 1804 г., Общество уже сдало этотъ новый масляный лавочный рядъ въ аренду шести купцамъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) арендаторы могутъ производить въ этихъ лавкахъ масляную и медовую продажу; въ случаѣ открытія таковой же продажи въ другихъ мѣстахъ они сами должны возбуждать ходатайство у главноначальствующаго о пресѣченіи этого, ибо новый этотъ масляный рядъ потому и построенъ, что главноначальствующій счелъ нужнымъ сосредоточить всю торговлю масляными и сальными веществами въ одномъ только этомъ мѣстѣ; съ пріѣзжающихъ съ каждаго воза и со складки бочекъ арендаторы должны взимать не больше той цѣны, которая уплачивалась на прочихъ постоялыхъ дворахъ; 2) разрѣшать желающимъ привозить на показанный масляный дворъ для продажи и другія масла, какъ-то орѣховое, маковое, кромѣ коровьяго, но сборъ и съ этихъ привозовъ арендаторамъ взимать, примѣняясь къ той же вышеизъясненной цѣнѣ; 3) арендаторы обязываются уплачивать въ общественные доходы ежегодно по 5000 руб. по третямъ года впередъ; 4) строеніе на помянутомъ дворѣ съ лавками арендаторы должны принять по описи, содержать въ исправности, ремонтировать на свой счетъ, а по истеченіи срока аренды сдать Обществу въ цѣлости; 5) очищать лавки отъ нечистоты на свой коштъ; 6) арендаторы могутъ отъ себя сдавать лавки въ наймы за своей отвѣтственностью, покрывая изъ своихъ средствъ всѣ могущіе отъ этого произойти убытки; 7) арендаторы должны обязаться другъ по другѣ поруками въ исправности платежа арендныхъ денегъ; при неуплатѣ въ срокъ арендной платы Общество можетъ отдать тотъ дворъ съ лавками другимъ желающимъ, хотя бы и съ уменьшеніемъ противу нынѣшней цѣны, а убытки отъ неаккуратнаго исполненія контракта покрыть продажею наличнаго имѣнія арендаторовъ; 8) полицейскія и всякія повинности арендаторы выполняютъ сами, не доводя Общество ни до какихъ затрудненій [3]). Въ іюнѣ 1805 г. Общество поручило двоимъ арендаторамъ и достройку этого маслянаго двора [4]).

Во владѣніи Общества находилось нѣсколько общественныхъ дворовъ. Такъ, въ 70-хъ годахъ XVIII вѣка Общество сдавало одинъ общественный дворъ въ наймы за 200 р. въ годъ [5]). Вѣроятно, это былъ общественный дворъ за Красными воротами. Въ ноябрѣ 1781 г. онъ былъ сданъ отъ Общества въ наймы купцу Лебедеву на пять лѣтъ. По минованіи этого срока Общество на совѣтѣ 19 февраля 1787 г. поручило гильдейскимъ старостамъ либо сдать тотъ дворъ опять на пять лѣтъ тому же Лебедеву, либо, если Лебедевъ взять не пожелаетъ, объявить торги и отдать тому, за кѣмъ на торгахъ послѣдняя цѣна останется [6]). Дворъ этотъ находился за Красными тріумфальными воротами въ приходѣ церкви Трехъ Святителей; онъ былъ деревянный; Купеческое Общество построило его изъ общественныхъ средствъ еще со времени царствованія Петра I. Къ 1787 году онъ окончательно обветшалъ. Повидимому, въ 1787 г. никто нанять его не пожелалъ, и въ сентябрѣ 1787 г. Купечество разсудило на совѣтѣ продать его охо-

---

[1]) Ibid. 1804 г. № 53.
[2]) Ibid. 1804 г. № 59.
[3]) Ibid. 1804 г. № 68.
[4]) Ibid. 1805 г. № 16.
[5]) Ibid. 1778 г. № 1.
[6]) Ibid. 1787 г. № 5.

чимъ людямъ, такъ какъ для ремонтированія его свободныхъ средствъ не было, да и надобности въ оном дворѣ Купечество уже не предвидѣло [1]).

Неподалеку отъ стараго гостиннаго двора, въ Китаѣ-городѣ во Введенскомъ переулкѣ находился другой «общественный домъ», въ которомъ ранѣе помѣщались бывшій главный и московскій магистраты. Этотъ дворъ былъ пріобрѣтенъ Московскимъ Купеческимъ Обществомъ въ 1745 г. у вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ильи Исаева, Авдотьи Семеновны, за 6.000 р. для помѣщенія въ немъ московскаго магистрата и созыванія гражданскихъ совѣтовъ. Сумма эта была выплачена продавщицѣ изъ общественныхъ денегъ. Въ 1753 г. по указу сената на основаніи представленія главнаго магистрата была произведена починка этого дома изъ поступившихъ съ разныхъ городовъ приборныхъ денегъ. Хотя, такимъ образомъ, принадлежность этого двора къ имуществу Купеческаго Общества въ виду наличности вышеупомянутой купчей крѣпости не подлежала бы, казалось, никакому сомнѣнію, однако главный магистрастъ, «единственно по поводу бывшаго у него надъ московскимъ магистратомъ и Купеческимъ Обществомъ начальства», занялъ въ томъ домѣ весь главный корпусъ и пользовался имъ съ начала покупки въ теченіе болѣе чѣмъ сорока лѣтъ, «безъ всякой Обществу заплаты и удовлетворенія». Такъ, путемъ фактическаго завладѣнія со стороны главнаго магистрата, домъ этотъ въ прямое нарушеніе правъ Купеческаго Общества сталъ причисляться къ казенному вѣдомству. Въ 1786 г. Купеческое Общество наконецъ возбудило дѣло о возвращеніи ему этого крѣпостного его двора изъ казеннаго вѣдомства. Дѣло доходило до сената, который въ 1790 г. постановилъ быть дому на основаніи купчей крѣпости во владѣніи Общества, а дѣла главнаго магистрата оставить въ немъ лишь впредь до пріисканія казенною палатою иного для нихъ помѣщенія [2]). Въ 1791 г. и этотъ домъ пришелъ въ ветхость. 7 февраля 1791 г. Общество на совѣтѣ постановило предписать гильдейскимъ старостамъ и ихъ помощникамъ осмотрѣть и описать всѣ ветхости этого двора и доложить о результатахъ осмотра Обществу на совѣтѣ, а въ то же время чрезъ газетныя публикаціи вызвать желающихъ взять тотъ домъ въ аренду съ починкою и пристройкою [3]). 14 мая 1791 г. гильдейскіе старосты доложили гражданскому совѣту о результатахъ осмотра этого дома; по докладу оказалось, что «домъ весь состоитъ въ ветхости» и требуетъ не малое число починокъ, и что, по мнѣнію старостъ, «на оное поправленіе придется употребить сумму немалую»; Купечество приговорило учинить тому дому опись и смѣту черезъ архитектора и старому строенію составить планъ и эти опись, смѣту и планъ доложить на совѣтѣ, а покамѣстъ дворъ имѣть подъ своимъ смотрѣніемъ гильдейскимъ городовымъ старостамъ [4]). Изъ другого общественнаго приговора [5]) узнаемъ, что въ этомъ домѣ, по выведеніи изъ него главнаго и московскаго магистратовъ, помѣщалась общественная богадѣльня, но Общество очевидно смотрѣло на устройство тамъ богадѣльни, какъ на временную мѣру, а потому публиковало объ отдачѣ этого дома въ аренду. Въ августѣ 1791 г. въ Гильдію поступило заявленіе отъ группы рыботорговцевъ о желаніи ихъ нанять этотъ общественный домъ для рыбной и икорной своей

---

[1]) Ibid. 1787 г. № 18.
[2]) Арх. Купеч. Упр. Опись I, дѣло № 4. Общ. приговоры 1789 г. № 17.
[3]) Общ. приг. 1791 г. № 6.
[4]) Ibid. 1791 г. № 10.
[5]) Ibid. 1791 г. № 21.

торговли на пять лѣтъ изъ ежегодной платы въ 5.000 р., но съ тѣмъ, чтобы этотъ дворъ былъ выстроенъ вновь по плану изъ купеческой общественной суммы. Наемъ дѣйствительно и состоялся въ ноябрѣ 1791 г., но на иныхъ нѣсколько основаніяхъ. Названный дворъ былъ снятъ рыботорговцами совмѣстно съ прикупленнымъ къ нему Обществомъ еще однимъ дворомъ, который ранѣе принадлежалъ купцу Петру Туркину, и за наемъ на пять лѣтъ обоихъ этихъ дворовъ положено было взимать съ наемщиковъ въ пользу гильдейской казны по 6 тысячъ р. въ годъ. Приспособленія этихъ дворовъ къ торговлѣ привозною соленою и свѣжею мерзлою рыбою постановлено было призвести изъ общественныхъ купеческихъ суммъ; на 1792 г. рѣшено было также изъ общественныхъ суммъ построить на этихъ дворахъ вмѣсто временныхъ шалашей каменныя лавки съ амбарами. Рыботорговцамъ предоставлялось производить въ теченіе пяти лѣтъ перестройки на этихъ дворахъ, но уже на ихъ собственный счетъ и не иначе, какъ съ согласія городского головы и гильдейскихъ старостъ. Наемщики обязывались содержать дворы въ чистотѣ, исправлять всѣ требуемыя съ тѣхъ дворовъ полицейскія повинности, не доводя въ томъ Общество ни до какихъ убытковъ; въ случаѣ пожаровъ сгорѣвшія строенія наемщики должны были отстраивать на собственный счетъ. Въ случаѣ неаккуратнаго внесенія наемщиками наемной платы Общество оставляло за собою право передать дворы другимъ содержателямъ. Взаимныя отношенія наемщиковъ предоставлялось устанавливать имъ самимъ, по особымъ между собою условіямъ, такъ чтобы до Купеческаго Общества эти ихъ условія не касались; а всѣ свои наемныя обязательства по отношенію къ Обществу они выполняли бы сообща, «безразвытно» [1]). Упомянутый выше дворъ Туркина былъ прикупленъ Купеческимъ Обществомъ, какъ сосѣдній съ общественнымъ дворомъ, въ октябрѣ 1791 г. Въ архивѣ Купеческой Управы сохранилась купчая крѣпость на этотъ дворъ. Изъ нея узнаемъ, что дворъ этотъ въ 1789 г. былъ пріобрѣтенъ Туркинымъ на аукціонѣ при московскомъ магистратѣ, съ публичнаго торгу. Купеческое Общество пріобрѣло этотъ дворъ отъ Туркина въ 1791 г. за 5.500 р. [2]). На уплату Туркину этой суммы и на ремонтъ названнаго двора Общество постановило собрать съ объявляемыхъ на 1792 г. капиталовъ съ каждой семьи по $^1/_4\%$ съ рубля [3]).

Въ 1804 г. Общество на совѣтѣ 7 іюня постановило пріобрѣсти для общественныхъ надобностей еще каменный домъ тайнаго совѣтника Юшкова, состоявшій въ городской части [4]).

Къ доходнымъ статьямъ общественнаго имущества принадлежала конская площадка, вновь отстроенная въ 1803 г. [5]). На гражданскомъ совѣтѣ 1 декабря 1803 г. была установлена такса для сборовъ въ пользу Общества съ привозимыхъ на площадку мясъ и кожъ; положено было брать по 20 к. съ воза. Къ тому сбору избрали трехъ купцовъ и дали имъ изъ Гильдіи шнуровую книгу за подписью городового старосты и за гильдейскою печатью. Собираемыя деньги старосты должны были ежемѣсячно представлять въ Гильдію [6]).

Сборы, вотируемые на совѣтахъ въ порядкѣ самообложенія, и доходы съ принадлежащаго Обществу имущества составляли тѣ средства, на которыя велось

---

[1]) Ibid. 1791 г. № 21.
[2]) Архивъ Купеч. Управы; Опись I, дѣло № 3.
[3]) Обществ. приговоры, I, 1791 г. № 24.
[4]) Ibid. 1804 г. № 34.
[5]) Ibid. 1803 г. № 28.
[6]) Ibid. 1803 г. № 67.

общественное хозяйство Гильдейскаго Купечества. Временами Общество прибѣгало къ займамъ, которые производились не иначе, какъ по приговорамъ гражданскихъ совѣтовъ. Когда въ 1787 г. Купеческому Обществу предстояло приступить къ постройкѣ гостиннаго двора, главноначальствующій Москвы предложилъ Обществу взять на этотъ предметъ изъ государственнаго банка заимообразно 600 тысячъ рублей. Однако, Общество испугалось этого предложенія, разсудивъ, что съ этой ссуды придется вносить въ банкъ ежегодно 42 тысячи рублей процентовъ (изъ 7%), между тѣмъ какъ гостинный дворъ такого дохода дать не можетъ. Поэтому Общество вмѣсто того возбудило ходатайство о выдачѣ ему изъ казны 600 тысячъ рублей въ видѣ безпроцентной ссуды съ тѣмъ, чтобы Общество возвратило въ казну эту сумму въ теченіе 20 лѣтъ, уплачивая по 30 тысячъ рублей ежегодно. Кромѣ того Общество готово было обязаться внести единовременно въ приказъ общественнаго призрѣнія 50 тысячъ рублей, а по выплаченіи черезъ 20 лѣтъ всей ссуды, вносить еще въ теченіе десяти лѣтъ въ тотъ же приказъ по 10 тысячъ рублей ежегодно [1]). Въ другихъ случаяхъ Общество по собственному почину прибѣгало къ займамъ. Такъ, когда въ 1799 г. въ Москвѣ вводилось новое городское управленіе по Уставу императора Павла, Купеческое Общество на совѣтѣ 30 марта рѣшило «въ знакъ своего вѣрноподданническаго усердія» внести въ камеральную сумму на расходы по введенію въ дѣйствіе новыхъ учрежденій заимообразно 150.000 р. на 4 мѣсяца. Однако, и въ самой гильдейской казнѣ не имѣлось свободной суммы такихъ размѣровъ, и потому совѣтъ постановилъ уполномочить десять выборныхъ персонъ занять для Общества на свое имя 150 тысячъ у частныхъ лицъ на полгода подъ векселя [2]).

Въ этомъ случаѣ необходимость займа была вызвана тѣмъ, что Купеческое Общество предприняло расходъ экстреннаго характера, и притомъ не входившій въ кругъ прямыхъ потребностей гильдейскаго управленія, а потому и не разсчитанный на какіе-либо обычные источники доходовъ гильдейской кассы. Въ другихъ случаяхъ займы вызывались медленнымъ поступленіемъ сборовъ съ Гильдейскаго Купечества. Такъ, напримѣръ, въ сентябрѣ 1805 г., когда въ Гильдію еще не поступали накладные сборы за этотъ годъ, подрядчики предъявили счета за поставленные ими на общественныя строенія матеріалы и для удовлетворенія подрядчиковъ гражданскій совѣтъ постановилъ уполномочить городского старосту и гильдейскихъ старостъ на счетъ всего Купеческаго Общества занять за проценты на 4 мѣсяца 10 тысячъ рублей [3]).

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію участія гражданскихъ совѣтовъ въ *расходованіи* общественныхъ средствъ.

Всякая ассигновка изъ средствъ общественной казны производилась не иначе, какъ по приговору гражданскаго при Гильдіи совѣта, если только совѣтъ самъ не уполномочивалъ гильдейскихъ старостъ на самостоятельное производство расходовъ той или иной опредѣленной категоріи за личною ихъ отвѣтственностью. Такія уполномочія допускались, однако, сравнительно рѣдко и общее правило состояло во внесеніи каждой отдѣльной ассигновки на разсмотрѣніе и одобреніе гражданскихъ совѣтовъ. Вотъ почему значительнѣйшая часть общественныхъ приговоровъ, принимавшихся на гражданскихъ совѣтахъ, была посвящена вопросамъ, связаннымъ съ расходованіемъ общественныхъ средствъ.

Мы разсмотримъ эту сторону дѣятельности гражданскихъ совѣтовъ по тѣмъ

---

[1]) Ibid. 1787 г. № 8.
[2]) Ibid. 1799 г. № 13.
[3]) Ibid. 1805 г. № 31.

предметамъ, на которые совѣтамъ приходилось расходовать суммы изъ мірской казны.

1. Видное мѣсто занимали въ расходномъ бюджетѣ Купеческаго Общества расходы на содержаніе разнаго рода административныхъ учрежденій и отдѣльныхъ должностей, такъ или иначе связанныхъ съ купеческимъ самоуправленіемъ.

Прежде всего, конечно, Обществу приходилось содержать на свой счетъ Гильдію, какъ свой собственный исполнительный органъ. Нигдѣ нѣтъ указаній на то, чтобы члены гильдейскаго присутствія, старшины, старосты и ихъ помощники, получали жалованье. Но Обществу приходилось, за то, оплачивать содержаніе гильдейской канцеляріи и состоящей при Гильдіи военной команды. Выше, въ соотвѣтствующей главѣ, очерчивая организацію гильдейской канцеляріи, мы уже указывали, что составъ ея за время существованія Гильдіи въ различные годы колебался въ предѣлахъ отъ 10 до 5 человѣкъ. Мѣнялся и размѣръ тѣхъ суммъ, которыя Обществу приходилось затрачивать на содержаніе персонала этой канцеляріи и при томъ не только въ связи съ измѣненіями въ численности этого персонала, но еще въ большей степени въ связи съ повышеніемъ тѣхъ служебныхъ ранговъ, которые присвоивались чинамъ гильдейской канцеляріи. Такъ, въ 1771 г. содержаніе канцелярскихъ служителей (всего 9 чел.) при Гильдіи составляло 420 р. въ годъ; въ 1778 г. (5 человѣкъ) — 332 р.; въ 1779 г.—384 р. (тоже пять человѣкъ); въ 1789 г. (10 человѣкъ)—538 р. 99½ к. [1]) Съ конца 80-хъ годовъ XVIII стол. рангъ служащихъ въ гильдейской канцеляріи повышается, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно повышаются и оклады ихъ жалованья [2]). Необходимыя суммы на содержаніе гильдейской канцеляріи (какъ на жалованье служащимъ, такъ и на канцелярскія принадлежности, свѣчи, дрова и т. п.) обыкновенно устанавливались въ тѣхъ общественныхъ приговорахъ, въ которыхъ въ началѣ каждаго года вновь избраннымъ гильдейскимъ старостамъ давалась инструкція относительно главнѣйшихъ предметовъ ихъ дѣятельности [3]). Это не исключало, также, возможности и такихъ случаевъ, когда и среди года спеціальными общественными приговорами устанавливались особые оклады отдѣльнымъ вновь приглашеннымъ на службу чинамъ гильдейской канцеляріи. Гражданскіе совѣты разсматривали и утверждали также и нѣкоторыя общія правила, касающіяся нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ выдачи вознагражденія гильдейскимъ канцеляристамъ. Такъ, на совѣтѣ 26 іюня 1779 г. по одному частному поводу было принято правило о томъ, что гильдейскимъ канцеляристамъ, привлеченнымъ къ слѣдствію и затѣмъ освобожденнымъ за недоказанностью уликъ, должно быть выдаваемо жалованье изъ гильдейской казны за все время ихъ безвиннаго нахожденія подъ слѣдствіемъ. Точно также, на совѣтахъ разсматриваются и рѣшаются вопросы о выдачѣ жалованья гильдейскимъ канцеляристамъ за время ихъ болѣзни [4]).

Вмѣстѣ съ ассигнованіемъ необходимыхъ суммъ на жалованье чинамъ гильдейской канцеляріи совѣты ассигновывали въ началѣ каждаго года и вознагражденіе состоявшей при этой канцеляріи военной командѣ. Выше была уже рѣчь о размѣрахъ и самой команды и выдававшагося ей вознагражденія.

Кромѣ содержанія гильдейской канцеляріи Купеческое Общество, какъ мы уже знаемъ, содержало для общественныхъ нуждъ своихъ особыхъ стряпчихъ.

---

[1]) Ibid. 1771 г. № 2; 1778 г. № 1; 1779 г. № 12; Архивъ Купеч. Управы. Книга приговорамъ 1788—1789 гг., пп. 71—73.

[2]) Общ. Пригов. I, 1789 г. № 2; 1800 г. № 42; 1802 г. № 43.

[3]) Ibid. 1776 г. № 2; 1778 г. № 1; 1779 г. № 12; 1792 г. № 1; 1794 г. № 3 и мн. др.

[4]) Ibid. 1779 г. № 30.

Жалованье стряпчему опредѣлялось Обществомъ и размѣръ его достигалъ 700 р. въ годъ. Кромѣ того Общество выдавало стряпчимъ особыя награды; такъ напр. на совѣтѣ 15 января 1804 г. было постановлено выдать стряпчему Смирнову сверхъ жалованья еще награду въ 500 р. Жалованье выдавалось по третямъ года и для каждой выдачи требовался особый общественный приговоръ. Когда стряпчему поручалось веденіе того или иного процесса отъ имени Общества, гражданскіе совѣты ассигновывали опредѣленную сумму на нужные для того расходы, но съ тѣмъ чтобы изъ ассигнованной суммы городовые старосты выдавали стряпчему деньги по мѣрѣ надобности [1]).

Указанные до сихъ поръ расходы относились до учрежденій, состоявшихъ при самомъ гильдейскомъ управленіи. Но кромѣ того на средства Купеческаго Общества ложилось содержаніе различныхъ учрежденій, лишь соприкасавшихся съ этимъ управленіемъ. Такъ, московскій магистратъ, шестигласная дума, сиротскій судъ и словесные суды получали содержаніе изъ средствъ Гильдіи Московскаго Купечества. Гильдія отпускала въ эти учрежденія опредѣленныя суммы, какъ на содержаніе канцелярскихъ чиновниковъ и служителей, такъ и на жалованье членамъ присутствій названныхъ учрежденій. Изъ одного общественнаго приговора усматривается, что до средины 1787 г. на содержаніе приказныхъ служителей при названныхъ учрежденіяхъ Купеческое Общество отпускало 10.247 р. 70 к. въ годъ (по 3.415 р. 90 к. за каждую треть), при чемъ деньги эти брались изъ накладной суммы со сборовъ съ гостинныхъ дворовъ, изъ наддаточной суммы съ содержателей мытнаго и животиннаго и шалашныхъ мѣстъ на льду Москвы рѣки; изъ наемныхъ денегъ за купецкій у Красныхъ воротъ дворъ и изъ сбора съ записавшихся въ Московское Купечество иностранцевъ за невыбираніе ихъ къ службамъ [2]). Въ августѣ 1787 г. были составлены еще дополнительные штаты при канцеляріяхъ названныхъ учрежденій, вызывавшіе увеличеніе расходовъ Купеческаго Общества по этой статьѣ. Четыре департамента магистрата, сиротскій судъ и шестигласная дума предъявили требованіе на то, чтобы имъ отпускалось на жалованье служащихъ при ихъ канцеляріяхъ и на канцелярскіе расходы сверхъ аппробованнаго штата еще по 6.101 р. въ годъ. Гражданскій совѣтъ въ собраніи 27 августа 1787 г. нѣсколько уменьшилъ эту цифру и постановилъ впредь на три года отпускать сверхъ аппробованнаго штата еще на содержаніе канцелярій при четырехъ департаментахъ московскаго магистрата въ годъ—по 3.100 р., на воинскую команду—400 р., на архиваріуса—150 р., на сиротскій судъ—450 р., а всего—5.198 р. Эту сумму постановлено было отпускать въ теченіе трехъ лѣтъ до 31 декабря 1790 г., съ тѣмъ, чтобы эта прибавочная сумма употребляема была отъ названныхъ учрежденій «по своему благоразсмотрѣнію какъ на производство канцелярскимъ и прочимъ служителямъ жалованья, такъ и на чиненіе канцелярскихъ расходовъ, и отъ Гильдіи тѣхъ расходовъ болѣе-бъ уже ничего было не требовано». На внесеніе этой добавочной суммы постановлено было обращать названные выше общественные доходы съ присоединеніемъ къ нимъ еще накладного сбора съ гостиннаго двора впредь до его продажи и съ рыбныхъ на оном гостинномъ дворѣ торговцевъ; въ случаѣ же, если паче чаянія какой-либо изъ этихъ доходовъ пресѣчется, то на пополненіе ассигнованной суммы Общество должно будетъ наложить соотвѣтствующій сборъ съ объявленныхъ капиталовъ [3]).

---

[1]) Ibid. 1781 г. № 19; 1803 г. № 6 (bis); 1802 г. № 51; 1804 г. № 8.
[2]) Ibid. 1787 г. № 7.
[3]) Ibid. 1787 г. № 11.

Эта добавочная сумма въ 5.198 р. согласно общественному приговору, отъ 12 августа 1787 г., распредѣлялась такъ:

на	первый	департаментъ	московскаго магистрата	1.200 руб.
»	второй	»	»	200 »
»	третій	»	»	1.500 »
»	четвертый	»	»	200 »
»	воинскую команду при магистратѣ			400 »
»	архиваріуса при магистратѣ			150 »
»	сиротскій судъ			698 »
»	шестигласную думу			400 »
»	словесный судъ			450 »

Второй департаментъ магистрата остался недоволенъ предназначенной ему прибавкой и обратился въ Гильдію съ заявленіемъ о необходимости повысить добавочную для него сумму съ 200 р. до 750 р. Гражданскій совѣтъ 8 февраля 1788 г. разсмотрѣлъ это заявленіе и призналъ его не подлежащимъ удовлетворенію, полагая, что тотъ департаментъ вполнѣ можетъ обойтись и опредѣленной ему прибавочной суммой, въ противномъ же случаѣ ему надлежитъ обратиться съ своимъ заявленіемъ къ «высшей командѣ» [1]).

Истекъ трехгодичный срокъ, на который гражданскій совѣтъ опредѣлилъ ежегодную выдачу прибавочной суммы. 25 января 1790 г. на совѣтѣ обсуждался вопросъ о продленіи этой выдачи на послѣдующее время. На этотъ разъ первый департаментъ московскаго магистрата заявилъ о необходимости повысить его долю, сравнявъ ее съ ассигновкой на третій департаментъ. Однако гражданскій совѣтъ отклонилъ и это домогательство и постановилъ продолжить выдачу прибавочныхъ суммъ на канцеляріи названныхъ учрежденій въ прежнихъ размѣрахъ и на прежнихъ основаніяхъ, но лишь на одинъ годъ, по 1 января 1791 г. [2]). На совѣтѣ 7 февралі 1791 г. тѣ же суммы были продлены еще на годъ [3]). 30 января 1792 г. было постановлено опять продлить на годъ выдачу этихъ суммъ въ прежнемъ размѣрѣ, но еще съ добавленіемъ 62 р. на жалованье экзекутору московскаго магистрата. Кромѣ того къ этой же ассигновкѣ рѣшено было присоединить выдачу 150 р. на жалованье регистратору и подканцеляристу, находящимся при депутатскомъ собраніи, при составленіи городовой обывательской книги. Все это составило вмѣстѣ сумму уже въ 5410 р. [4]). Упомянемъ здѣсь, что выдача 150 р. на канцелярію депутатскаго собранія для сочиненія и продолженія городовой обывательской книги уплачивалась Купеческимъ Обществомъ ежегодно въ размѣрѣ 150 р. со времени введенія въ дѣйствіе Екатерининскаго Городового Положенія [5]), но съ 1792 г. эта уплата была только объединена въ одну ассигновку съ добавочными суммами на канцеляріи магистрата, шестигласной думы, сиротскаго и словесныхъ судовъ. Въ февралѣ 1793 г. гражданскій совѣтъ постановилъ выдать на предстоящій годъ ту же сумму въ 5410 р., но опять съ новыми къ ней добавленіями, а именно: 400 р. на сиротскій судъ въ виду того, что тамъ прибавился секретарь и 1 канцелярист, и 600 р. на архитекторовъ за сочиненіе плановъ и за «прочее смотрѣніе».

---

1) Ibid. 1788 г. № 2.
2) Ibid. 1790 г. № 5.
3) Ibid. 1791 г. № 4.
4) Ibid. 1792 г. № 5.
5) Ibid. 1789 г. № 16.

Итакъ, съ прежними суммами этотъ расходъ составилъ на 1793 г. уже 6410 р. [1]). Въ 1794 г. отпала выдача 600 р. на архитекторовъ, а остальные 5810 р. постановлено было выдать попрежнему [2]). Въ 1795 г. на совѣтѣ 30 января опять была ассигнована сумма въ 5810 р. [3]). Въ 1796 г. сумма эта увеличилась на 100 р., которые были добавлены для канцеляріи шестигласной думы [4]). Та же сумма въ 5910 р. была ассигнована гражданскимъ совѣтомъ и въ 1797 г., въ 1798 г., въ 1799 г. Въ 1800—1805 гг. продолжаются такія же выдачи, только на сиротскій судъ съ 1803 г. отпускалось уже по 1000 р. въ годъ, а съ 1804 г.— по 1500 р. [5]).

Всѣ эти данныя, показываютъ, какіе крупные расходы приходилось нести Гильдіи Московскаго Купечества на обязательную для нея оплату содержанія такихъ учрежденій, которые не принадлежали непосредственно къ органамъ гильдейскаго самоуправленія. Со стороны губернскаго начальства не разъ предпринимались попытки къ тому, чтобы на Гильдію же были возложены расходы и по оплатѣ помѣщеній, въ которыхъ эти учрежденія имѣли свое пребываніе. Но въ этомъ вопросѣ гражданскіе совѣты становились въ опредѣленную оппозицію къ губернскому начальству, не признавая за Купеческимъ Обществомъ обязанности оплачивать такія помѣщенія. Мы уже цитировали въ другой связи общественный приговоръ 15 мая 1790 г., въ которомъ гражданскій совѣтъ отклонялъ предложеніе губернскаго правленія о томъ, чтобы Купеческое Общество приняло на себя наемъ покоевъ для словесныхъ судовъ, и указывалъ, что словесные суды должны помѣщаться при полицейскихъ частяхъ [6]). Городская дума, сиротскій судъ, магистратъ и Гильдія до 1804 г. помѣщались въ казенномъ домѣ. Въ 1804 г. домъ этотъ былъ подвергнутъ ремонту и въ виду этого главноначальствующій предложилъ Обществу нанять на свои средства особыя помѣщенія для всѣхъ названныхъ учрежденій. Совѣтъ 20 мая 1804 г. приговорилъ просить главноначальствующаго избавить Общество отъ этого расхода, на томъ основаніи, что дума, магистратъ и сиротскій и словесный суды «состоятъ въ статѣ», Гильдія же занимаетъ самую малую часть этого дома и могла бы быть тамъ оставлена даже и во время ремонта [7]).

Въ 1796 г. Общество по требованію главноначальствующаго должно было согласиться на отпускъ ежегодно по 300 р. на содержаніе приказныхъ въ канцеляріи губернскаго прокурора. Это былъ расходъ, имѣвшій уже совсѣмъ отдаленное отношеніе къ гильдейской администраціи, и, видимо, скорѣе лишь для проформы это требованіе главноначальствующаго было подкрѣплено тѣмъ соображеніемъ, что прокуроръ между прочимъ печется и о запрещенной торговлѣ. Въ 1802 г. Купеческое Общество постановило уже прекратить эту ассигновку, сославшись на то, что и въ 1796 г. рѣшеніе о выдачѣ этой суммы было принято въ видѣ временной мѣры [8]).

2. Падавшія на Купечество подати и повинности вызывали необходимость нѣкоторыхъ расходовъ изъ общественной гильдейской казны. Такъ, уплату по-

---

[1]) Ibid. 1793 г. № 4.
[2]) Ibid. 1794 г. № 2.
[3]) Ibid. 1795 г. № 8.
[4]) Ibid. 1796 г. № 2.
[5]) Ibid. 1800 г. №№ 22, 54, 82; 1802 г. № 9; 1803 г. № 17; 1804 г. № 29.
[6]) Ibid. 1790 г. № 12.
[7]) Ibid. 1804 г. № 26.
[8]) Ibid. 1796 г. № 12; 1802 г. № 89.

датей «за оскудалыхъ и содержащихся по долгамъ купцовъ, которые за совершеннымъ убожествомъ податей платить не въ состояніи», брало на себя все Общество, заимствуя для этой цѣли деньги изъ общественныхъ доходовъ [1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда Общество соглашалось на увольненіе какого-либо купца изъ числа своихъ членовъ (наприм. въ монашество), оно брало на счетъ общественной казны уплату податей за уволеннаго до новой ревизіи [2]).

Частые расходы изъ общественной казны по приговорамъ гражданскихъ совѣтовъ были производимы въ связи съ выполненіемъ падавшихъ на Общество казенныхъ повинностей. Такъ, Общество нерѣдко было привлекаемо къ отправленію повинности по поставкѣ подводъ, преимущественно подъ «шествіе Ихъ Величествъ», т. е. для переѣздовъ по Россіи Высочайшаго двора. Практиковалась двоякая форма отбыванія Обществомъ этой повинности. Иногда правительство прямо переводило эту повинность на деньги, разверстывая требуемую сумму между различными городами. Такъ, наприм., въ 1798 г. на платежъ за поставку лошадей подъ Высочайшее путешествіе изъ Петербурга черезъ Москву въ Казань приказано было собрать 36.890 р. (за 527 троекъ, по 70 р. за тройку), для каковой цѣли обложить купцовъ и мѣщанъ «во уваженіе ихъ капитала и выгоднѣйшихъ промысловъ» по 30 коп. съ души, а поселянъ по $6^1/_2$ коп. съ души, при чемъ сборъ этотъ велѣно было закончить въ теченіе семи дней. По справкѣ въ Гильдіи на 1797 г. значилось московскихъ именитыхъ гражданъ и купцовъ трехъ гильдій 8308 душъ, мѣщанъ—11147 душъ, всего—19455 душъ. Считая по 30 коп. съ души, приходилось собрать всего—5836 р. 50 коп. Указъ о томъ изъ губернскаго правленія чрезъ московскій магистратъ былъ сообщенъ въ Гильдію и Гильдіей былъ доложенъ гражданскому совѣту. На совѣтѣ 28 апрѣля 1798 г. приговорили—купецкому и мѣщанскому старостинымъ помощникамъ поручить собрать указанную сумму со всѣхъ именитыхъ гражданъ, купцовъ и мѣщанъ, кромѣ цеховыхъ, а между тѣмъ еще не дожидаясь окончанія этого сбора, немедленно внести въ первый департаментъ магистрата 5836 р. 50 коп., взявъ эти деньги заимообразно изъ общественной купеческой суммы, собираемой въ Гильдіи на прочія самонужнѣйшія надобности [3]).

Чаще на Общество возлагалась самая поставка подводъ въ установленномъ правительствомъ количествѣ. Въ этихъ случаяхъ Общество сдавало отъ себя поставку подводъ съ торговъ, уплачивая поставщикамъ изъ общественной казны сумму, условленную по контракту. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, конкретно обрисовывающихъ эту сторону дѣятельности гражданскихъ совѣтовъ. Въ 1779 г. состоялся именной Ея Величества указъ, объявленный сенату генералъ-прокуроромъ Вяземскимъ съ повелѣніемъ по тракту изъ Петербурга черезъ Псковъ и Полоцкъ въ Могилевъ и оттуда обратно черезъ Смоленскъ и Новгородъ въ Петербургъ нарядить на каждую станцію по 263 подставныя лошади съ прочною упряжкою, которыхъ вывесть и отдать въ вѣдомство кабинета къ 11 мая 1780 г. Указъ этотъ чрезъ главный и московскій магистраты былъ доставленъ въ Гильдію съ приложеннымъ къ нему росписаніемъ, по которому приходилось съ города Москвы поставить на станціи въ городѣ Псковѣ 45 лошадей, при рѣкѣ Мьюгѣ 59, въ деревнѣ Орлы 83, въ городѣ Островѣ 67, и перевозить изъ Пскова въ деревню Бѣжаницы, изъ Мьюги въ Порховку, изъ Орлова въ Прискуку, изъ города Острова въ Недомѣрки. Лошадей поставить

---

[1]) Ibid. 1771 г. № 2.
[2]) Ibid. 1803 г. № 20.
[3]) Ibid. 1798 г. № 11.

хорошихъ, съ прочною упряжью, съ надлежащимъ числомъ подводчиковъ и кормомъ для содержанія ихъ въ пути и на станціяхъ. Подводы велѣно было поставить на указанныя станціи и сдать офицерамъ къ 1 мая 1780 г. Гильдія доложила этотъ указъ на гражданскомъ совѣтѣ 15 ноября 1779 г., и совѣтъ приговорилъ учинить въ газетахъ публикаціи о вызовѣ къ торгамъ желающихъ взять на себя съ контракта поставку тѣхъ лошадей. Гильдіи поручалось произвести затѣмъ торги и о результатахъ торговъ, объ установленной на торгахъ послѣдней цѣнѣ и о томъ, кто по этой цѣнѣ согласится взять на себя подрядъ, Гильдія должна была доложить Купечеству на слѣдующемъ совѣтѣ, «а о заключеніи съ тѣми охотниками контракта приговоръ имѣетъ быть впредь» [1]).

Этотъ новый приговоръ и состоялся на совѣтѣ 11 февраля 1780 г., когда было рѣшено поставку этихъ лошадей отдать московскому купцу Алексѣю Семенову за плату по 77 коп. за каждую пару лошадей и за каждыя сутки. На этихъ основаніяхъ совѣтъ уполномочилъ гильдейскихъ старшинъ заключить съ Семеновымъ контрактъ, «а въ употребленіи на вышеписанную поставку лошадей денегъ старшинамъ приговоръ данъ быть имѣетъ впредь», сказано было въ заключеніи приговора [2]). Въ теченіе шести дней Семеновъ не представилъ поручителей къ подписанію контракта, а 17 февраля въ Гильдію явился сынъ Семенова и предъявилъ письмо отца, въ которомъ Семеновъ писалъ старшинамъ 1779 года, что онъ поруки собралъ, но самъ уѣхалъ на станціи для заблаговременной закупки фуража и найма подводъ. 18 февраля Купечество было собрано на совѣтъ и письмо Семенова было доложено совѣту. Совѣтъ разсудилъ, что самовольная отлучка Семенова изъ Москвы до представленія имъ въ Гильдію контракта съ поруками наводитъ сомнѣніе и потому было постановлено выждать до 1 марта 1780 г., и если къ этому дню Семеновъ не явится, то объявить новые торги, и если кто-либо возьметъ на себя поставку подводъ по той же цѣнѣ, то заключить съ нимъ контрактъ, а съ Семенова взыскать излишнія переданныя за него изъ купеческой суммы деньги [3]). Очевидно, Семеновъ еще до 1 марта отказался отъ поставки, ибо уже 26 февраля состоялись новые торги, по которымъ поставка осталась за московскимъ купцомъ Макаровымъ совмѣстно съ двумя экономическими крестьянами, но уже по болѣе высокой цѣнѣ, а именно за 1 руб. за каждую пару и за каждыя сутки, съ выдачей имъ впередъ задатка въ 2.000 руб. Въ мартѣ съ ними былъ заключенъ и контрактъ на этихъ условіяхъ [4]).

Въ 1797 г. Московское Купечество ставило 4 лошади на указанныя ему станціи подъ почтовыя подводы, также сдавая эту поставку съ торговъ охочимъ людямъ [5]). Въ томъ же году опять потребовалась поставка лошадей и подъ шествіе Ея Величества изъ Петербурга въ Москву. Сначала потребовали по 500 лошадей на каждую станцію, а затѣмъ еще 800 лошадей на 4 станціи по петербургскому тракту. На этотъ разъ, повидимому, поставка производилась чрезъ казенныя учрежденія съ разверстаніемъ на населеніе лишь денежной оплаты этой поставки, при чемъ съ московскихъ купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ затребовано было 3.328 руб. 59 коп. [6]). Вслѣдъ за этимъ на Московское Купечество была возложена поставка 250 лошадей на путешествіе Ея Величества въ

---

[1]) Ibid. 1779 г. № 28.
[2]) Ibid. 1780 г. № 35.
[3]) Ibid. 1780 г. №№ 41, 42.
[5]) Ibid. 1797 г. № 11.
[6]) Ibid. 1797 г. № 13.

Смоленскъ, и гражданскій совѣтъ 27 апрѣля приговорилъ объявить на эту поставку торги, а деньги на оплату поставки заимствовать изъ полупроцентнаго сбора съ объявленныхъ капиталовъ за прошлый 1796 г. [1]). Контрактъ на эту поставку былъ заключенъ 28 апрѣля 1797 г. съ 11 ямщиками московской Рогожской слободы, которые съ торговъ приняли на себя эту поставку по цѣнѣ 81 руб. 25 коп. за каждую тройку [2]). По требованію губернатора поставка была вскорѣ увеличена еще на 50 лошадей и сверхъ исчисленной первоначально цѣны поставки 8.125 руб. за 300 лошадей было надбавлено еще 1.700 руб. [3]).

Въ концѣ 1797 г. на Купечество и мѣщанство и цеховыхъ было возложено поставить на станціи по петербургскому тракту и въ Москвѣ для почтъ, эстафетъ, курьеровъ и подъ Высочайшіе проѣзды съ 150 душъ по лошади. Гражданскій совѣтъ приговорилъ и эту поставку сдать съ торговъ охочимъ людямъ, а на оплату ея назначить $^1/_4\%$-й сборъ съ объявленныхъ капиталовъ. Это постановленіе состоялось въ октябрѣ 1797 г. [4]), а въ декабрѣ московское мѣщанство, «представляя разныя свои изнеможенія», заявило Гильдіи, что оно можетъ внести на оплату означенной поставки не болѣе 400 руб. Гражданскій совѣтъ, разсмотрѣвъ это заявленіе, постановилъ, «дабы въ поставкѣ не сдѣлать остановки», поручить старостамъ, принявъ эти 400 руб. и записавъ ихъ на приходъ въ общественную сумму, продолжать наемъ подрядомъ того количества подводъ, которое было опредѣлено какъ съ Купечества, такъ и съ мѣщанства по первоначальному росписанію, и уплативъ за нихъ нужную сумму изъ $^1/_4\%$-го сбора съ капиталовъ, затѣмъ неослабно взыскать съ мѣщанства ту часть этого платежа, которая причитается на мѣщанъ сверхъ внесенныхъ мѣщанствомъ 400 р. [5]).

Въ 1800 г. по учиненному въ губернскомъ правленіи росписанію на Московское Купечество, мѣщанство и цеховыхъ возложена была поставка въ Москвѣ и Богородскомъ посадѣ 68 лошадей для почтъ, эстафетъ, курьеровъ и проѣзжающихъ по петербургскому тракту. По общественному приговору 11 января 1800 г. рѣшено было сдать эту поставку съ торговъ желающимъ людямъ [6]).

Въ 1802 г. на оплату поставки подводъ подъ обратное шествіе Ея Величества Общество внесло 2.331 р. $90^1/_4$ к. и потомъ еще дополнительныхъ 4.084 р. $79^3/_4$ к. .[7]) Между тѣмъ и поставка 68 лошадей на двѣ почтовыя станціи продолжалась своимъ чередомъ, ежегодно будучи сдаваема съ торговъ [8]).

Таковы были расходы на организацію отправленія подводной повинности; приходилось расходовать общественныя средства и въ связи съ рекрутской повинностью. Такъ, Общество вмѣсто поставки рекрута пріобрѣтало иногда зачетныя рекрутскія квитанціи, уплачивая по 500 руб. за квитанцію [9]). Въ 1805 г. московскій купецъ Неугодовъ добровольно вступилъ въ военную службу; военная коллегія постановила зачесть его поступленіе Московскому Купечеству за рекрута. Такъ какъ вслѣдствіе этого Общество сохраняло 500 руб., то Неугодовъ, ссылаясь на бѣдность, просилъ въ Гильдіи о выдачѣ ему этой суммы изъ общественныхъ средствъ. На совѣтѣ 15 февраля 1805 г. было постановлено вы-

---

1) Ibid. 1797 г. № 14.
2) Ibid. 1797 г. № 14, bis.
3) Ibid. 1797 г. № 18.
4) Ibid. 1797 г. № 26.
5) Ibid. 1797 г. № 27.
6) Ibid. 1800 г. № 2.
7) Ibid. 1802 г. № 30.
8) Ibid. 1802 г. № 31; 1803 г. № 3; 1804 г. № 9; 1805 г. №№ 2 и 9.
9) Ibid. 1798 г. № 9.

дать Неугодову 400 руб., а 100 руб. оставить для платежа мѣщанскихъ за него до ревизіи податей [1]).

Когда Общество ставило отъ себя рекрута, это также вызывало различныя общественные расходы не только по части снаряженія рекрута и содержанія его на пути къ мѣсту пріема, но и на покрытіе разнаго рода обязательствъ, падавшихъ на лицо, сданное въ рекруты. Такъ, напр., въ 1771 г. московскій купецъ Ѳедотовъ, сынъ котораго былъ отданъ въ рекруты за Московское Купечество, просилъ Гильдію заплатить за его сына 50 руб. долговыхъ денегъ, въ коихъ онъ содержится въ словесномъ судѣ, не имѣя возможности по убожеству выплатить этого долга. Гражданскій совѣтъ постановилъ выдать эти деньги изъ накладного сбора, взимаемаго съ Купечества на нужнѣйшіе расходы [2]). Въ 1775 г. Купечество было освобождено отъ натуральнаго несенія рекрутской повинности, которая переложена была на деньги. Въ 1778 г. московская розыскная экспедиція требовала было отъ Купеческаго Общества уплаты изъ общественныхъ суммъ исковыхъ и судебныхъ пошлинъ за двухъ купцовъ, сданныхъ въ рекруты и осужденныхъ за уголовное преступленіе, но совѣтъ отказался выполнить это требованіе, сославшись на указъ 1775 г. и разъяснивъ, что означенныя два лица зачтены въ рекруты не Купеческому, а мѣщанскому обществу [3]).

3. Къ этимъ болѣе или менѣе постояннымъ расходамъ, вызывавшимся повинностными обязательствами Купеческаго Общества, присоединялись экстренные расходы, шедшіе на оплату разныхъ военно-полицейскихъ нуждъ. Такъ, въ 1788 г. по случаю перевода квартировавшихъ въ Москвѣ полковъ въ Петербургъ въ виду открытія войны съ Швеціей Высочайше было повелѣно умножить въ Москвѣ полицейскую команду, набравъ для того изъ праздношатающихся одинъ или два конныхъ эскадрона, которые содержать изъ городовыхъ доходовъ до будущаго Высочайшаго соизволенія. Такъ какъ городовыхъ доходовъ едва можетъ стать и на одинъ эскадронъ, то главноначальствующій и предложилъ Обществу именитыхъ гражданъ и купцовъ собрать нужную сумму для составленія второго эскадрона. Общество на совѣтѣ 12 іюля 1788 г. постановило —опредѣлить на этотъ предметъ 20.000 руб. и на составленіе этой суммы собрать съ купцовъ по $^1/_2\%$ съ каждаго рубля съ объявленныхъ на 1788 г. капиталовъ, а впредь до окончанія этого сбора внести въ шестигласную думу изъ наличныхъ общественныхъ суммъ 20 тысячъ рублей въ два срока, по 10 тысячъ, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ покрыть это позаимствованіе изъ указаннаго сбора [4]).

Иногда Общество и по собственному почину производило ассигновки на нужды караульно - полицейской службы. Такъ, на совѣтѣ 29 октября 1792 г. былъ постановленъ приговоръ, въ которомъ читаемъ: «усмотрѣно нами при случаѣ большихъ морозовъ, а кольми паче въ зимнее время военнослужащіе, содержащіе на разныхъ притинахъ въ Москвѣ караулы, отъ стужи до крайности себя изнуряютъ, почему, взойдя объ нихъ въ сожалѣніе, со общаго согласія желаютъ изъ общественной купеческой суммы купить 50 овчинныхъ тулуповъ и покрыть оные зеленымъ или краснымъ сукномъ, что и аппробовано, почему и препоручили оное исполнить сего года городовому старостѣ Котельникову и

---

[1]) Ibid. 1805 г. № 8.
[2]) Ibid. 1771 г. № 17.
[3]) Ibid. 1778 г. № 5.
[4]) Ibid. 1788 г. № 7.

куда надлежитъ съ позволенія правительства оные тулупы представить, а сумму, за нихъ издержанную, записать въ расходъ [1])». Въ 1795 г. въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ состоялся приговоръ о пріобрѣтеніи 34 овчинныхъ тулуповъ для тѣхъ же караульныхъ [2]).

4. По распоряженію правительственныхъ учрежденій на Купеческое Общество нерѣдко возлагались экстренные расходы, не имѣвшіе ничего общаго съ общественными купеческими нуждами. Гражданскому совѣту приходилось въ этихъ случаяхъ лишь принимать къ исполненію полученныя распоряженія. Вотъ характерные тому примѣры. Въ іюнѣ 1791 г. московскій главнокомандующій словесно отдалъ градскому головѣ приказаніе заплатить изъ средствъ Купеческаго Общества за содержаніе въ Царьградскомъ трактирѣ пріѣхавшаго въ Москву иностраннаго князя Мавро-Кордато 810 руб., и гражданскій совѣтъ по докладу городского головы приговорилъ внести, кому приказано будетъ, означенныя деньги [3]). Въ 1795 году Обществу было предложено: «не угодно ли будетъ выгнаннымъ изъ Франціи духовнымъ чинамъ, оставшимся безъ пропитанія, войдя въ ихъ несчастливое и бѣдное состояніе, отъ Купеческаго Общества оказать въ несчастіи ихъ человѣколюбіе—подать милостыню». Надо думать, что Московское Купеческое Общество отнюдь не было особенно озабочено участью французскихъ эмигрантовъ, содержаніе коихъ ни съ какой стороны не входило въ кругъ задачъ этого Общества; но очевидно предложеніе въ этомъ случаѣ равнялось приказанію, и гражданскій совѣтъ постановилъ выдать на этотъ предметъ 3000 р. изъ общественной купеческой суммы. Деньги были выданы градскому головѣ для доставленія ихъ по назначенію черезъ князя Петра Петровича Долгорукова [4]).

5. Переходимъ теперь къ расходамъ, имѣвшимъ ближайшее отношеніе къ внутреннимъ нуждамъ самого Купеческаго Общества. По размѣрамъ здѣсь приходится поставить на первомъ мѣстѣ расходы на содержаніе всякаго рода сооруженій, составлявшихъ собственность Общества, или находившихся на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ въ общественномъ пользованіи. Выше, при обзорѣ общественныхъ доходовъ съ принадлежавшихъ Купеческому Обществу имуществъ, уже пришлось отмѣчать и тѣ издержки, которыя вызывались необходимостью ремонтировать находившіеся въ завѣдываніи Общества мытный дворъ (въ 1800 г. на ремонтъ мытнаго двора Общество отпустило 10.474 р. 94 к.) [5]), и рыбный дворъ [6]). Въ 1804 г. Общество отстраивало скотопригонный дворъ, и на совѣтѣ 29 января 1804 г. было приговорено отпустить 10.000 р. на пріобрѣтеніе нужныхъ для этой отстройки матеріаловъ [7]). Въ 1795 г. Общество отстраивало «конскую площадку» [8]). Въ 1803 г. опять были производимы работы по отстройкѣ конской площадки. 17 іюня 1803 г. на совѣтѣ было ассигновано на этотъ предметъ 5000 р. [9]), въ сентябрѣ ассигновка была увеличена до 15.000 р. [10]); въ ноябрѣ выда-

---

1) Ibid. 1792 г. № 15.
2) Ibid. 1795 г. № 21.
3) Ibid. 1791 г. № 16.
4) Ibid. 1795 г. № 12.
5) Ibid. 1800 г. №№ 80, 81; 1802 г. № 63; 1803 г. № 67; 1805 г. № 12.
6) Ibid. 1803 г. № 24.
7) Ibid. 1804 г. № 10.
8) Ibid. 1795 г. № 15.
9) Ibid. 1803 г. № 28.
10) Ibid. 1803 г. № 43.

но архитектору Соколову 500 р. за «услуги при постройкѣ пригонной площадки» [1]). Въ 1789 г. съ Купечества производился сборъ на постройку каменнаго моста черезъ Москву-рѣку. Сборъ этотъ былъ установленъ гражданскимъ совѣтомъ по предложенію главноначальствующаго съ условіемъ отдачи за это во владѣніе Купеческаго Общества стараго гостиннаго двора [2]). Помимо такихъ расходовъ на строительныя работы въ принадлежавшихъ Обществу владѣніяхъ значительную статью общественныхъ расходовъ составляла уплата оброчныхъ денегъ въ казну за пользованіе оброчными мѣстами, принимаемыми Обществомъ на извѣстныхъ кондиціяхъ. Свѣдѣнія о такого рода уплатахъ за мытный и скотопригонный дворы и о тѣхъ кондиціяхъ, на основаніи которыхъ эти уплаты производились, приведены выше [3]).

6. Къ слѣдующей категоріи относятся расходы, такъ или иначе касавшіеся внѣшняго городского благоустройства. Напр., въ 1804 г. городовые старосты были уполномочены отъ гражданскаго совѣта употребить изъ общественныхъ средствъ нужныя суммы на поднятіе мостовой въ переулкахъ, «гдѣ имѣется купеческая собственность» [4]). Въ 1805 г. Купеческое Общество приняло на себя отстройку лобнаго мѣста, положивъ отпускать на этотъ предметъ 300 р. въ годъ [5]). Приводимъ эти приговоры лишь какъ образецъ того, что Купеческому Обществу приходилось нести свою долю расходовъ и въ дѣлѣ общегородского внѣшняго благоустройства.

7. Удовлетвореніе разнаго рода культурныхъ потребностей также составляло предметъ расходовъ изъ общественной купеческой казны. Сюда относимъ прежде всего расходы на церковныя нужды. Въ ежегодныя смѣты гильдейскихъ расходовъ вносилось въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII ст. по 50 р. въ годъ на содержаніе причта церкви Успенія, находившейся у гостиннаго двора, да по 36 р. въ годъ на церковное вино, свѣчи, ладанъ, дрова для той же церкви [6]). Въ 1788 г. на гражданскомъ совѣтѣ 8 февраля Общество приговорило отказаться отъ содержанія на общественный счетъ названной церкви въ виду того, что всѣ находящіяся близъ ея присутственныя мѣста по купеческому управленію состоятъ въ приходѣ Казанскаго собора, гдѣ и приводъ къ присягѣ происходитъ [7]). Однакоже и въ послѣдующее время Общество производило выдачи въ пользу причта этой церкви, хотя не періодическія, а единовременныя. Такъ, на совѣтѣ 11 января 1801 г. было постановлено выдать священнику названной церкви «изъ усердія къ нему, изъ имѣющейся въ Гильдіи собираемой по раскладкамъ суммы единовременно 100 р.» [8]). 3 октября 1802 г. по прошенію того же священника выдали ему для найма квартиры опять-таки единовременно 100 р. [9]) и точно такое же постановленіе было принято на совѣтѣ 29 января 1804 г.[10]). Всѣ эти ассигновки на церковь Успенія обусловливались тѣмъ, что церковь

---

[1]) Ibid. 1803 г. № 58; 1804 г. № 15; 1804 г. № 30: архитекторъ Соколовъ былъ нанятъ на постоянную службу Обществу за 500 р. въ мѣсяцъ.

[2]) Ibid. 1789 г. № 1, № 12.

[3]) См. еще относительно рыбнаго двора: 1800 г. № 18; 1801 г. № 6; 1802 г. № 25.

[4]) Ibid. 1804 г. № 25. Расходы на мостовую включались и въ ежегодныя смѣты гильдейскихъ расходовъ, см. ibid. 1771 г. № 2; 1778 г. № 28; 1779 г. № 38; 1792 г. № 1 и проч.

[5]) Ibid. 1805 г. №№ 20, 25.

[6]) Ibid. 1771 г. № 2 и проч.

[7]) Ibid. 1788 г. № 1.

[8]) Ibid. 1801 г. № 3.

[9]) Ibid. 1802 г. № 90.

[10]) Ibid. 1804 г. № 11.

эта находилась у самаго гостиннаго двора, слѣдовательно, значительная часть Гильдейскаго Купечества обслуживалась причтомъ этой церкви. Но гражданскіе совѣты предпринимали иногда расходы на содержаніе святынь и безъ всякаго отношенія къ непосредственнымъ церковнымъ нуждамъ именно Гильдейскаго Общества, а просто изъ одного религіознаго усердія. Такъ, напр., въ 1805 г. по предложенію митрополита Платона Общество опредѣлило отпускать изъ доходовъ съ выстроенныхъ у лобнаго мѣста лавокъ по 300 р. въ годъ на содержаніе Срѣтенскаго монастыря [1]).

Затѣмъ, предметами общественныхъ расходовъ на культурныя цѣли служили народное здравіе, благотворительность, просвѣщеніе. Въ 1802 г. Общество приговорило доктору Бутацу, прибывшему въ Москву для прививанія оспы, нанять покои въ Басманной части у титул. совѣтника Баженова и поручить гильдейскимъ сторожамъ имѣть смотрѣніе за чистотою этихъ покоевъ, если же тотъ домъ сгоритъ отъ небреженія, то Общесто обязуется уплатить Баженову 3.500 руб. [2]). Расходы на общественное призрѣніе и просвѣщеніе имѣли болѣе постоянный и планомѣрный характеръ. Конечно, настоящее развитіе этой стороны общественнаго хозяйства Московскаго Купечества относится уже къ XIX ст., но и въ XVIII в. и въ первые годы XIX ст. уже имѣлись налицо нѣкоторыя начинанія въ этой области. Мы разумѣемъ преимущественно общественныя купеческія богадѣльни и основанное Московскимъ Купечествомъ еще въ эпоху существованія Гильдіи Коммерческое училище. Подробной исторіи этихъ учрежденій посвящены спеціальныя монографіи въ IV омъ и V-омъ томахъ настоящаго изданія. Поэтому здѣсь достаточно будетъ лишь вкратцѣ коснуться соотвѣтствующихъ документальныхъ данныхъ, постольку, поскольку ими обрисовывается роль гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ въ обсужденіи и рѣшеніи вопросовъ, относившихся до названныхъ учрежденій.

Начнемъ съ богадѣленъ. Ко времени введенія въ дѣйствіе Городового Положенія 1785 года на купеческомъ содержаніи состояло богадѣленныхъ людей 235 человѣкъ обоего пола [3]), изъ нихъ въ купеческой богадѣльнѣ находилось 111 человѣкъ обоего пола, а прочіе за «тѣснотою жилыхъ покоевъ» помѣщались по наемнымъ угламъ, получая отъ Купеческаго Общества на содержаніе по 30 к. на человѣка въ мѣсяцъ. Въ 1788 г. приказъ общественнаго призрѣнія обратился черезъ первый департаментъ московскаго магистрата къ Гильдіи съ предложеніемъ «учинить объявленнымъ богадѣленнымъ людямъ разборъ» и могущихъ прокормить себя своею работою уволить отъ содержанія въ богадѣльнѣ, а увѣчныхъ, престарѣлыхъ и вообще неработоспособныхъ прислать въ приказъ общественнаго призрѣнія для помѣщенія въ Преображенскій богадѣленный домъ и доставлять на ихъ содержаніе изъ Купеческаго Общества ежегодно на пищу по 14 р. 40 к., да на платье по 3 р., итого—по 17 р. 40 к. на каждаго человѣка. Предложеніе это было внесено Гильдіею на обсужденіе гражданскаго совѣта, который на собраніи 16 февраля постановилъ слѣдующее: всѣ сіи бога-

---

[1]) Ibid. 805, 25.

[2]) Ibid. 802, 94.

[3]) Въ 1784 г. въ существовавшихъ при магистратѣ богадѣльняхъ, устроенныхъ Московскимъ Купечествомъ, находилось болѣе 270 призрѣваемыхъ обоего пола. Въ виду обветшанія богадѣленъ по иниціативѣ городского головы Мѣщанинова была открыта среди Купечества добровольная подписка на нужды этихъ богадѣленъ. Сохранилась особая книга въ кожаномъ переплетѣ, въ которой записаны сдѣланныя тогда пожертвованія на этотъ предметъ. Всего подписано пожертвованій разными лицами на 1.837 р. 85 к. См. Обществ. приговоры, т. I, стр. 41–44.

дѣльни отъ Купечества учреждены еще съ давнихъ лѣтъ и принимались въ оныя единственно изъ званія купеческаго и мѣщанскаго бѣднѣйшіе люди, на содержаніе которыхъ отпускались деньги изъ купеческихъ общественныхъ средствъ; съ учрежденіемъ же приказа общественнаго призрѣнія всѣ таковыя богадѣльни на основаніи учрежденія о губерніяхъ должны содержаться на средства этого приказа, для чего ему пожалованы Высочайше не малыя казенныя суммы, а также внесены и партикулярныя пожертвованія и наконецъ и самое Купеческое Общество внесло въ средства этого приказа значительныя суммы; а по 152 ст. Городового Положенія 1785 г. разрѣшено изъ пожалованныхъ гражданамъ городовыхъ доходовъ употреблять нужныя средства на содержаніе городскихъ школъ и другихъ заведеній, подвѣдомственныхъ приказу общественнаго призрѣнія. Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ гражданскій совѣтъ и приговорилъ поручить гильдейскимъ старостамъ учинить въ находящейся въ вѣдомствѣ Купеческой Гильдіи богадѣльнѣ разборъ наличныхъ призрѣваемыхъ и составить опись тѣмъ изъ нихъ, которые окажутся престарѣлыми, больными, увѣчными и вообще неработоспособными; эту опись держать въ Гильдіи наготовѣ, и лишь только означенные въ ней богадѣленные люди потребуются въ приказъ общественнаго призрѣнія, такъ тотчасъ ихъ и представить, «куда повелѣно будетъ». Что же касается платежа на ихъ содержаніе по 17 р. 40 к. на каждаго изъ средствъ Гильдіи въ приказъ общественнаго призрѣнія, то совѣтъ не призналъ возможнымъ согласиться на такіе взносы, какъ противорѣчащіе вышеизложеннымъ узаконеніямъ относительно порядка содержанія заведеній, состоящихъ въ вѣдѣніи приказа; «если же кто пожелаетъ частно отъ себя какія подаянія произвесть, какъ и прежде было, изъ усердія къ своимъ согражданамъ», то это уже должно быть дѣломъ отдѣльныхъ жертвователей, а не общественнаго купеческаго управленія [1]).

Купеческая богадѣльня, о которой шла рѣчь въ вышеизложенномъ общественномъ приговорѣ, помѣщалась, какъ уже было указано, въ общественномъ купеческомъ домѣ близъ гостиннаго двора, въ которомъ ранѣе находились московскій и главный магистраты. Послѣ того какъ домъ этотъ былъ проданъ отъ Общества, гражданскій совѣтъ на собраніи 23 сентября 1791 г. постановилъ изъ призрѣвавшихся въ этомъ домѣ богадѣленныхъ людей отобрать 150 человѣкъ, не способныхъ самостоятельно снискивать себѣ пропитаніе, и представить ихъ къ помѣщенію въ Преображенскій богадѣленный домъ при приказѣ общественнаго призрѣнія. На этотъ разъ совѣтъ, вопреки ранѣе приведенному своему постановленію, приговорилъ выдавать изъ общественныхъ средствъ на содержаніе тѣхъ богадѣленныхъ по 17 р. 40 к. на каждаго, а всего за 150 человѣкъ 2.610 р. ежегодно, включивъ въ ту сумму положенные на этотъ предметъ каждогодно 200 р. по завѣщанію московскаго купца Борщевцова; расходъ этотъ продолжать изъ общественныхъ средствъ «до тѣхъ поръ покамѣстъ Общество заблагоразсудитъ, что изъ онаго перемѣнить или совсѣмъ оный уничтожить». Въ случаѣ, если изъ 150 человѣкъ призрѣваемыхъ на счетъ Купеческаго Общества кто-либо выбудетъ, то на мѣсто оныхъ не помѣщать никого изъ разночинцевъ, а увѣдомить о томъ магистратъ или градскаго голову съ тѣмъ, чтобы Купеческое Общество само могло замѣщать тѣ вакансіи «изъ числа своихъ согражданъ». Гильдейскимъ старостамъ поручено было отъ совѣта по нѣскольку разъ въ годъ осматривать оныхъ богадѣленныхъ и о состояніи ихъ докладывать Обществу [2]). Однако, какъ узнаемъ изъ одного позднѣйшаго приговора, вмѣсто

[1]) Ibid. 1788 г. № 5.
[2]) Ibid. 1791 г. № 25.

150 человѣкъ въ Преображенскій богадѣленный домъ было отправлено всего 75 человѣкъ и съ тѣхъ поръ это именно количество и почиталось предѣльнымъ комплектомъ богадѣленныхъ, содержимыхъ на средства Купеческаго Общества; на содержаніе же ихъ выдавалось отъ Общества по 17 р. 40 к. на человѣка въ годъ, всего по 1.305 рублей. Въ 1798 г. приказъ общественнаго призрѣнія, ссылаясь на вздорожаніе съѣстныхъ припасовъ, потребовалъ, чтобы Общество отпускало впредь на содержаніе каждаго богадѣленнаго по 34 р. 64½ к. въ годъ, и гражданскій совѣтъ на собраніи 19 ноября 1798 г. постановилъ удовлетворить это требованіе [1]).

Однако, содержаніемъ на счетъ Купеческаго Общества нѣсколькихъ богадѣленныхъ въ Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ не ограничились заботы Общества о призрѣніи убогихъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ XVIII вѣка и въ началѣ XIX столѣтія Купеческое Общество содержало богадѣленныхъ и въ особо для того нанимавшемся домѣ. Такъ, на совѣтѣ 13 марта 1802 г. гильдейскіе старосты доложили объ истеченіи срока найма дома для богадѣленныхъ мужского и женскаго пола мѣщанъ, и совѣтъ поручилъ старостамъ или возобновить наемъ прежняго дома, или пріискать новый съ тѣмъ, чтобы наемная плата не превышала 500 р. въ годъ [2]). Черезъ три мѣсяца Общество рѣшило, однако, строить для богадѣльни собственный домъ и постановило ходатайствовать предъ московскимъ главнокомандующимъ Салтыковымъ объ уступкѣ Обществу для этой цѣли казенной пустопорожней земли на Даниловскомъ полѣ [3]).

Въ 1803 г. былъ уже назначенъ по общественному приговору сборъ по ¼ коп. съ каждаго рубля съ объявленныхъ на 1803 г. капиталовъ на постройку купеческой богадѣльни въ числѣ другихъ общественныхъ надобностей [4]). Постройку эту, впрочемъ, не предполагалось возможнымъ кончить въ скоромъ времени, и въ маѣ 1803 г. совѣтъ своимъ чередомъ опять возложилъ на гильдейскихъ старостъ порученіе нанять для богадѣльни домъ по контракту съ обязательствомъ въ случаѣ пожара исправлять домъ изъ общественныхъ средствъ [5]). Изъ одного іюньскаго приговора того же года узнаемъ, что постройку богадѣльни рѣшено было отложить на неопредѣленное время «по случившимся нынѣ обстоятельствамъ» [6]). Обстоятельства эти заключались, очевидно, въ томъ, что оказывалось затруднительнымъ подыскать удобное для постройки богадѣльни мѣсто. Въ маѣ 1803 г. Обществу было предложено отъ «начальства» мѣсто «на Крутицахъ». Предложеніе это обсуждалось на гражданскомъ совѣтѣ 19 мая 1803 г. и было признано, что названное мѣсто для благотворительнаго заведенія неудобно, какъ въ разсужденіи «положенія онаго, такъ и всѣхъ потребностей для жизни человѣческой, а особливо въ дряхлости и болѣзняхъ послѣднее поприще дней своихъ довершающаго.... потому наиболѣе, что возвышенность онаго крайне затруднитъ доставать богадѣленнымъ съ Москвы-рѣки воду не только въ зимнее время, но и лѣтомъ, и что близкое сосѣдство ихъ съ полицейскими драгунскими эскадронами, въ глазахъ богадѣленныхъ обучаться имѣющими, будетъ первымъ утѣснительно, послѣднимъ же нарушитъ спокойствіе, больнымъ иногда необходимое». Раскритиковавъ такимъ образомъ мѣсто на Крутицахъ, гражданскій со-

---

[1]) Ibid. 1798 г. № 20а.
[2]) Ibid. 1802 г. № 26.
[3]) Ibid. 1802 г. № 69.
[4]) Ibid. 1803 г. № 2.
[5]) Ibid. 1803 г. № 23.
[6]) Ibid. 1803 г. № 28.

вѣтъ единогласно призналъ, что для устройства купеческой общественной богадѣльни «нѣтъ въ Москвѣ лучшаго мѣста, кромѣ упраздненнаго Андреевскаго монастыря, зданія коего издавне пустыми остаются и гибнутъ безъ всякаго употребленія, занятіе коихъ симъ заведеніемъ не причинитъ никому неудобствій и стѣсненій». На основаніи этого постановленія Салтыкову было подано отъ Московскихъ Купеческаго и мѣщанскаго Обществъ прошеніе [1]). Прошеніе это было датировано 20 мая 1803 г., а 7 іюля того же года гражданскому совѣту былъ уже доложенъ указъ губернскаго правленія о Высочайшемъ разрѣшеніи отдать зданія упраздненнаго Андреевскаго монастыря Купеческому и мѣщанскому Обществамъ подъ богадѣльню [2]).

Между тѣмъ, въ ожиданіи устройства Андреевской богадѣльни для призрѣваемыхъ были наняты покои въ домѣ мѣщанина Семенова [3]). Число призрѣваемыхъ въ этихъ покояхъ возросло съ 75 человѣкъ до 93-хъ, ибо принято было вновь 18 человѣкъ «по самой крайней ихъ бѣдности и по неимѣнію никакой возможности къ снисканію посредствомъ слабыхъ ихъ силъ пропитанія». На совѣтѣ 16 октября было между прочимъ постановлено закупить для этихъ богадѣленныхъ людей чулокъ, башмаковъ, тюфяковъ и всей нужной одежды [4]). Въ февралѣ 1804 г. Общество приговорило увеличить комплектъ богадѣленныхъ до 150 человѣкъ впредь до устроенія богадѣльни въ бывшемъ Андреевскомъ монастырѣ [5]). Въ мартѣ 1804 г. гражданскому совѣту была представлена присланная изъ губернскаго правленія градскому головѣ д а н н а я на пожалованныя Купеческому Обществу ветхія каменныя зданія упраздненнаго Андреевскаго монастыря для богадѣленнаго дома. Совѣтъ постановилъ испросить у губернскаго правленія копію плана на эти зданія и лежащую подъ ними землю, а отъ управы благочинія просить, чтобы она распорядилась о сдачѣ тѣхъ зданій Купеческому Обществу, при чемъ Общество къ пріему этихъ зданій назначило отъ себя старосту первой гильдіи Петра Горбунова. Затѣмъ совѣтъ постановилъ поручить градскому главѣ пригласить знающаго архитектора съ вознагражденіемъ его изъ общественныхъ суммъ для составленія смѣты на предстоящую постройку [6]). Сдача Обществу зданій Андреевскаго монастыря состоялась въ скоромъ времени, и въ іюнѣ 1804 г. гражданскій совѣтъ уже приступилъ къ распоряженіямъ, касающимся перестройки этихъ зданій подъ богадѣльню. Такъ, на совѣтѣ 7 іюня 1804 г. были избраны два купца Яковлевъ и Кирпичевъ для завѣдыванія этой перестройкой подъ наблюденіемъ градскаго головы, а городовые старосты уполномочивались отпускать на эту перестройку деньги изъ общественной купеческой суммы, «сколько потребно будетъ» [7]).

Это были лишь самыя первоначальныя распоряженія; до возведенія новаго зданія богадѣльни было еще очень далеко; и гражданскій совѣтъ на собраніи 15 іюля 1804 г. положилъ и на слѣдующій годъ продлить наемъ частнаго помѣщенія подъ купеческую богадѣльню [8]). Отъ 1805 г. имѣемъ уже документаль-

---

[1]) Ibid. 1803 г. № 30.
[2]) Ibid. 1803 г. № 33.
[3]) Ibid. 1803 г. № 48.
[4]) Ibid. 1803 г. № 49.
[5]) Ibid. 1804 г. № 13.
[6]) Ibid. 1804 г. № 19.
[7]) Ibid. 1804 г. № 33.
[8]) Ibid. 1804 г. № 44.

ныя указанія о ходѣ работъ по постройкѣ Андреевской богадѣльни. Такъ, въ январѣ 1805 г. Общество заключило условіе съ московскимъ купцомъ Бубновымъ о поставкѣ имъ извести для строительныхъ работъ въ Андреевскомъ монастырѣ, и 15 февраля 1805 г. на совѣтѣ состоялся общественный приговоръ о выдачѣ Бубнову на это задатка въ 1000 рублей [1]). Въ тотъ же день рѣшено было выдать Яковлеву изъ общественныхъ суммъ 2000 р. на покупку разныхъ матеріаловъ для строительныхъ работъ въ Андреевскомъ монастырѣ [2]); въ маѣ 1805 г. на тотъ же предметъ положили выдать Яковлеву еще 2000 р. [3]). Такимъ образомъ, работы постепенно двигались по примѣрному плану, составленному архитекторомъ, приглашеннымъ градскимъ главою. На совѣтѣ 7 іюня 1805 г. Общество постановило поручить стряпчему заявить этотъ планъ для записки въ управу благочинія и для полученія на него билета. На томъ же совѣтѣ было рѣшено поручить стряпчему испросить изъ межевой канцеляріи копію съ плана и межевой книги нынѣшняго генеральнаго межеванія на Андреевскій монастырь съ принадлежащею къ нему земельною дачею за подписаніемъ присутствующихъ и съ приложеніемъ государственной печати. Постановленіе это было вызвано тѣмъ, что на планѣ, выданномъ Обществу изъ губернскаго правленія, показана только та земля, которая занята монастырскими зданіями, между тѣмъ какъ по имѣющимся у Общества свѣдѣніямъ по генеральному межеванію къ монастырю обмежевано безспорно несравненно больше земли, нежели значится на томъ планѣ [4]).

Вотъ тѣ постановленія, которыя принимались гражданскими при Гильдіи совѣтами по вопросамъ, касающимся общественныхъ купеческихъ богадѣленныхъ домовъ и, въ частности, возникновенія Андреевской богадѣльни. Окончаніе работъ по устройству этой послѣдней богадѣльни и открытіе ея относятся уже не къ періоду существованія Гильдіи Московскаго Купечества, а къ слѣдующему періоду, ко времени существованія Купеческаго Отдѣленія Дома Московскаго Градскаго Общества.

Почти одновременно съ началомъ дѣла объ устройствѣ Андреевской богадѣльни на гражданскомъ совѣтѣ зародилась мысль и объ учрежденіи коммерческаго училища на средства Купеческаго Общества. На томъ же собраніи гражданскаго совѣта, на которомъ было заслушано сообщеніе о Высочайшемъ пожалованіи Купеческому и мѣщанскому Обществамъ Андреевскаго монастыря подъ богадѣльню, Купечество приговорило кромѣ богадѣльни устроить тамъ «коммерческій классъ на 50 дѣтей обоего пола» [5]). Это было 7 іюля 1803 г. А въ октябрѣ того же года градскій глава Губинъ представилъ гражданскому совѣту «примѣрное постановленіе и штатъ коммерческаго воспитательнаго училища» на 50 мальчиковъ (въ іюльскомъ приговорѣ рѣчь шла о дѣтяхъ обоего пола). Совѣтъ утвердилъ эти проекты и поручилъ градскому главѣ чрезъ министра народнаго просвѣщенія представить ихъ на Высочайшее утвержденіе. Расходы на училище совѣтъ утвердилъ въ размѣрѣ 15000 р. въ годъ [6]). 27 ноября проекты получили Высочайшее утвержденіе, но министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій предложилъ Обществу чрезъ московскаго градскаго главу московское купеческое училище подобно петербургскому передать подъ вѣдѣніе

---

[1]) Ibid. 1805 г. № 7.
[2]) Ibid. 1805 г. № 10.
[3]) Ibid. 1805 г. № 13.
[4]) Ibid. 1805 г. № 15.
[5]) Ibid. 1803 г. № 33.
[6]) Ibid. 1803 г. № 45.

вдовствующей императрицы, съ тѣмъ, чтобы московское училище имѣло связь съ петербургскимъ «въ отношеніи единообразія въ правилахъ ученія». 11 декабря 1803 г. гражданскій совѣтъ разсмотрѣлъ и принялъ это предложеніе, но съ оговоркой: «оставляя внутреннее распоряженіе и экономическіе обороты училища подъ смотрѣніемъ градскаго главы и эконома изъ купечества, какъ о томъ въ примѣрномъ постановленіи изображено» [1]). Приговоръ этотъ положено было представить министру народнаго просвѣщенія. Въ январѣ 1804 г. главноначальствующій Салтыковъ запросилъ градскаго главу, изъ какихъ источниковъ будутъ итти средства на содержаніе училища и «не потребуется ли для сего новыхъ Городовымъ Положеніемъ возбраняемыхъ налоговъ». Голова и этотъ запросъ доложилъ гражданскому совѣту. Тамъ постановили отвѣтить, что Общество еще не приступало къ разрѣшенію вопроса о средствахъ къ содержанію училища, такъ какъ отъ министерства народнаго просвѣщенія не имѣется пока никакого отзыва на послѣднее постановленіе совѣта, а потому Общество еще не знаетъ, «дѣйствительно ли то коммерческое училище дозволено будетъ учредить» [2]). Отвѣтъ отъ министра пришелъ въ февралѣ и заключался въ предложеніи внести въ уставъ училища различныя измѣненія для достиженія «совершеннаго единообразія» съ уставомъ петербургскаго коммерческаго училища. 19 февраля 1804 г. гражданскій совѣтъ постановилъ принять всѣ предложенныя министромъ измѣненія и просить министра исходатайствовать у Государя Императора разрѣшеніе на «открытіе того училища въ существенномъ видѣ по апробованнымъ начертаніямъ» [3]). На совѣтѣ 23 марта 1804 г. были доложены рескриптъ императрицы Маріи Ѳеодоровны на имя московскаго городского головы съ выраженіемъ благодарности Обществу за основаніе училища и Высочайше утвержденный докладъ министра Завадовскаго объ утвержденіи устава училища. Совѣтъ постановилъ: 1) рескриптъ, докладъ и планъ училища хранить на вѣчныя времена до устроенія училища въ Гильдіи, а по устроеніи училища въ особомъ ковчегѣ въ училищѣ; 2) поручить градскому главѣ принести Всеподданнѣйшую благодарность и увѣдомить министра о скоромъ открытіи училища; 3) московскому главноначальствующему и московскому гражданскому губернатору подать рапорты съ приложеніемъ копій съ Высочайшаго рескрипта; 4) напечатать эту копію въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; 5) поручить градскому главѣ осмотрѣть зданія Андреевскаго монастыря и, если окажется возможнымъ, помѣстить тамъ коммерческое училище, то составить планъ и смѣту на приспособленіе ихъ для этой цѣли; если же эти зданія будутъ найдены неподходящими для коммерческаго училища, то пріискать внутри Москвы домъ для покупки его на общественныя средства или на первый случай, до совершенной покупки, нанять его по контракту [4]). 1 апрѣля 1804 г. на гражданскомъ совѣтѣ были избраны къ вновь учреждаемому училищу экономъ и четыре члена совѣта и положено было отпускать на содержаніе училища ежегодно по 15000 р. изъ общественныхъ экономическихъ доходовъ [5]). Въ іюнѣ градскій голова нанялъ для училища домъ въ Таганской части по контракту на два года изъ платы по 1600 р. въ годъ. 1 іюля гражданскій совѣтъ утвердилъ эти дѣйствія головы и постановилъ отпустить указанную сумму, когда

---

[1]) Ibid. 1803 г. № 70.
[2]) Ibid. 1804 г. № 12.
[3]) Ibid. 1804 г. № 16.
[4]) Ibid. 1804 г. № 18.
[5]) Ibid. 1804 г. № 23.

потребуется [1]). Въ августѣ Общество ассигновало отъ 30 до 50 тысячъ рублей уже на покупку для училища собственнаго дома «въ ознаменованіе приближающагося тезоименитства Государя Императора» [2]). 21 сентября 1804 г. совѣтъ былъ созванъ для доклада Высочайшаго рескрипта на имя городского головы съ благодарностью Обществу за пожертвованія на основаніе коммерческаго училища. Постановили опубликовать рескриптъ въ газетахъ, принести государю всеподданнѣйшую благодарность, а также благодарить министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея, «яко соучастника въ пріобрѣтеніи Купеческимъ Обществомъ того монаршаго къ себѣ благоволенія» [3]). На совѣтѣ 7 ноября былъ заслушанъ новый благодарственный рескриптъ отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны [4]). Наконецъ, на совѣтѣ 11 января 1805 г. гражданскому совѣту были представлены отъ совѣта Коммерческаго училища три книги прихода и расхода по училищу и отчетъ со дня открытія училища по 1 января 1805 г. Гражданскій совѣтъ постановилъ поручить гильдинскимъ старостамъ и ихъ помощникамъ обревизовать присланныя книги и о результатахъ ревизіи доложить на будущемъ собраніи Купеческому Обществу [5]).

Основаніе Коммерческаго училища явилось крупнымъ начинаніемъ Купеческаго Общества, за разсматриваемое время, въ области просвѣщенія. Со стороны администраціи были попытки возложить на Купеческое Общество еще одинъ расходъ на просвѣтительную цѣль, но такъ какъ этотъ расходъ долженъ былъ падать собственно на средства общегородской казны, то Купеческое Общество послѣдовательно отклоняло эти предложенія. Дѣло въ томъ, что въ 1795 г. по случаю перемѣщенія главнаго народнаго училища въ Высочайше пожалованный ему домъ у Варварскихъ воротъ городской голова вошелъ съ представленіемъ къ московскому губернатору о заведеніи во оном училищѣ «для купеческаго познанія» класса бухгалтеріи съ тѣмъ, чтобы на содержаніе этого класса ежегодно обращалось изъ городовыхъ доходовъ по 1000 р., которые и вносить въ приказъ общественнаго призрѣнія: предложеніе это было тогда утверждено губернаторомъ. Однако, въ 1799 г. камеральный департаментъ городского правленія потребовалъ, чтобы средства на содержаніе этого класса были доставляемы Купеческимъ Обществомъ. Гражданскій совѣтъ 5 іюля 1799 г. приговорилъ отклонить это требованіе, объяснивъ, что бухгалтерскій классъ былъ основанъ на средства городовыхъ доходовъ, а не Купеческаго Общества [6]). Въ 1801 г. городское правленіе предприняло такую же попытку, предложивъ Купеческому Обществу выдать жалованье учителю бухгалтеріи Брозину, который, какъ было сказано въ указѣ городского правленія, «долженъ оставаться совсѣмъ на особомъ иждивеніи Купечества». Однако, и на этотъ разъ гражданскій совѣтъ остался при прежнемъ мнѣніи, дословно воспроизведя приговоръ 1799 г. и подтвердивъ его «во всей той же силѣ» [7]). Отказываясь взять на себя содержаніе бухгалтерскаго класса, Купеческое Общество, тѣмъ не менѣе, въ 1796 г. постановило содержать въ этомъ классѣ на общественныя средства 6 человѣкъ малолѣтнихъ московскихъ мѣщанъ, съ выдачею на этотъ предметъ по 60 р. въ годъ на каж-

---

[1]) Ibid. 1804 г. № 36.
[2]) Ibid. 1804 г. № 49.
[3]) Ibid. 1804 г. № 54.
[4]) Ibid. 1804 г. № 55.
[5]) Ibid. 1805 г. № 3. Исторія Московскаго Коммерческаго Училища подробно изложена въ первомъ выпускѣ VI-го тома «Исторіи Московскаго Купеческаго Общества». М. 1914.
[6]) Ibid. 1799 г. № 24.
[7]) Ibid. 1801 г. № 78.

даго мальчика. Выдача эта продолжалась въ теченіе четырехъ лѣтъ, и въ апрѣлѣ 1800 г. гражданскій совѣтъ постановилъ прекратить это пожертвованіе [1]). Наконецъ, можно отмѣтить еще одно пожертвованіе Общества, также связанное съ распространеніемъ знаній по бухгалтеріи. Въ 1802 г. бухгалтеръ казанской гимназіи И. Ѳ. Ахматовъ прислалъ на имя всего Московскаго Купеческаго Общества письмо, изъявляющее желаніе издать «къ познанію Купеческаго Корпуса» простую и итальянскую бухгалтерію «съ ея обширными принадлежностями». Письмо это было доложено на гражданскомъ совѣтѣ 3 октября 1802 г. и по выслушаніи письма было приговорено «къ поощренію его, г-на бухгалтера, столь славнаго и нужнаго для всего Купеческаго Общества труда отпустить ему въ знакъ благодарности 500 р., кои чрезъ посредство почты изъ Гильдіи доставить къ нему, Ахматову» [2]).

6. Выше перечислены такіе расходы на общественныя нужды, которыя либо носили постоянный характеръ, либо устанавливались Обществомъ на опредѣленные сроки. Къ нимъ надо прибавить теперь единовременныя экстренныя ассигновки, которыя вызывались самыми различными поводами. Такой именно характеръ носила и только что упомянутая ассигновка на изданіе книги Ахматова. Рядомъ примѣровъ можно было бы показать разнообразіе поводовъ и цѣлей, руководившихъ назначеніемъ единовременныхъ ассигновокъ на общественныя нужды. Приводить здѣсь этихъ примѣровъ мы, однако, не будемъ, ибо на многіе изъ нихъ уже приходилось указывать въ различной связи въ предшествующемъ изложеніи. Скажемъ только, что иногда такія ассигновки производились съ точнымъ обозначеніемъ ихъ цѣли въ самомъ общественномъ приговорѣ, иногда же въ приговорѣ говорилось глухо, что деньги отпускаются «на извѣстныя Обществу нужды [3]).

7. Въ особую категорію можно выдѣлить экстренные расходы, предпринимавшіеся Обществомъ въ ознаменованіе различныхъ торжествъ, связанныхъ съ пріѣздами въ Москву Высочайшаго Двора, или съ какими-либо празднествами въ царской семьѣ, или съ какими-либо крупными государственными событіями—побѣдами, заключеніемъ мира и т. п. Во всѣхъ такихъ случаяхъ ассигновки дѣлались частью на организацію торжествъ, частью на благотворительныя и просвѣтительныя цѣли. Такъ, въ 1787 г. Купечество постановило по случаю прибытія императрицы въ Москву собрать по $^1/_4\%$ съ рубля съ объявленныхъ капиталовъ и изъ сборной суммы 3.000 р. употребить на украшеніе Серпуховскихъ воротъ, а остальную часть ея поручить въ распоряженіе градскаго головы на поднесеніе императрицѣ хлѣба соли съ золотой солонкой искуснаго мастерства [4]). Въ 1793 г. по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича съ Елизаветою Алексѣевною постановлено было внести на благотворительность въ приказъ общественнаго призрѣнія 5.000 р. и на устройство маскарада 5.000 р., а вскорѣ на маскарадъ добавлено еще 2.500 р. [5]). Въ 1796 г. въ февралѣ «по случаю будущаго Высочайшаго торжества» Общество ассигновало 10.565 р.; изъ этой суммы было опредѣлено 2.000 р. выдать бѣднѣйшимъ невѣстамъ изъ купецкихъ и посадскихъ дочерей; 5.000 р. на заплату долговъ за бѣднѣйшихъ содержащихся подъ стражею купцовъ; 1.125 р. на содержаніе

---

[1]) Ibid. 1800 г. № 24.
[2]) Ibid. 1802 г. № 88.
[3]) Ibid. 1800 г. № 11; 1802 г. № 60 (оба раза по 2000 р.) и мног. др.
[4]) Ibid. 1787 г. № 6.
[5]) Ibid. 1793 г. № 10.

75 мѣщанъ, призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ приказа общественнаго призрѣнія; 1.440 р. на содержаніе въ теченіе четырехъ лѣтъ 6 учениковъ въ бухгалтерскихъ классахъ; 1.000 р. на иллюминацію [1]); въ ноябрѣ того же года въ ознаменованіе вступленія на престолъ Павла I ассигновано 4.300 р. «на принадлежащія надобности [2]); затѣмъ 3.000 р. было отпущено на поѣздку уполномоченныхъ отъ Общества въ Петербургъ для поднесенія поздравленія царской фамиліи [3]); отдѣльно отъ этого Общество ассигновало еще 13.000 р. на покупку золотыхъ и серебряныхъ блюдъ и солонокъ для поднесенія Ихъ Величествамъ [4]). Въ январѣ 1797 г. Общество отпустило 10.000 р. на постройку Тріумфальныхъ воротъ къ пріѣзду въ Москву Ихъ Величествъ [5]), и 12.000 р. на драгоцѣнныя блюда и солонки по тому же случаю [6]). Въ 1798 г. по случаю рожденія великаго князя Михаила Павловича было ассигновано 5.000 р. на различныя богоугодныя дѣла [7]). Въ 1798 же году по случаю коронаціи императора Павла израсходовано 11.660 р. на участіе Купеческаго Общества въ коронаціонныхъ торжествахъ [8]) и 1.429 р. 64 к. за блюда и солонки [9]). Въ 1801 г. Общество опредѣлило въ ознаменованіе коронаціи императора Александра I израсходовать 10.000 р. на сооруженіе Тріумфальныхъ воротъ. Однако, императоръ выразилъ желаніе, чтобы этой суммѣ было дано какое либо иное назначеніе, клонящееся къ пользѣ Общества. Тогда Купечество приговорило отпустить 20.000 р. на устройство пріюта для бѣдныхъ и престарѣлыхъ на 100 человѣкъ [10]); однако, какъ узнаемъ изъ другого общественнаго приговора, эта ассигновка такъ и осталась невыполненной [11]). Въ 1805 г. московскій городской голова присутствовалъ въ Петербургѣ на закладкѣ биржи и бывшемъ послѣ того банкетѣ, на которомъ Государь провозгласилъ тостъ за все Московское Купечество. Въ ознаменованіе этого событія Общество постановило положить въ опекунскій совѣтъ на вѣчныя времена 10.000 р. съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала въ размѣрѣ 250 р. обращались на доставленіе горячей пищи солдатамъ московскаго гарнизона, находящимся на суточномъ караулѣ [12]). Въ 1790 г. по случаю мира съ Швеціей было отпущено 1.000 р. въ распоряженіе гильдейскихъ старостъ [13]).

8. Наконецъ, Купеческое Общество нерѣдко ассигновывало на совѣтахъ различныя суммы въ безотчетное распоряженіе нѣкоторыхъ своихъ органовъ «на извѣстныя Обществу нужды», въ приговорахъ прямо не означавшіяся. Такія ассигновки дѣлались въ безотчетное распоряженіе гильдейскихъ старостъ (примѣры: въ февралѣ 1771 г.—300 р.; въ ноябрѣ 1771 г.—200 р.; въ 1778 г.—400 р.; въ 1779 г.—300 р.; въ 1791 г.—500 р.; въ 1798 г.—5.500 р.; въ 1803 г.—5.000 р.; въ 1804 г.—412 р.; въ 1805 г.—1.000 р. [14]) въ распоряженіе градскаго

---

[1]) Ibid. 1796 г. № 6.
[2]) Ibid. 1796 г. № 14.
[3]) Ibid. 1796 г. № 16.
[4]) Ibid. 1796 г. № 24.
[5]) Ibid. 1797 г. № 2.
[6]) Ibid. 1797 г. № 9.
[7]) Ibid. 1798 г. № 5.
[8]) Ibid. 1798 г. № 6.
[9]) Ibid. 1798 г. № 12.
[10]) Ibid. 1801 г. № 104.
[11]) Ibid. 1802 г. № 3.
[12]) Ibid. 1805 г. № 23. Срв. въ брошюрѣ В. Н. Сторожева «Война и Московское Купечество» М. 1914, стр. 39—42.
[13]) Ibid. 1790 г. № 13.
[14]) Ibid. 1771 г. № 9, 17; 1778 г. № 9; 1779 г. № 18; 1791 г. № 19; 1798 г. № 19; 1803 г. № 32, 47; 1804 г. № 31; 1805 г. № 14.

головы (обыкновенно Общество постановляло выдавать городскому головѣ безотчетно на общественныя нужды по 3.000 р. на каждый годъ для мелкихъ расходовъ [1]), но помимо этого бывали случаи и единовременныхъ ассигнованій на тѣхъ же основаніяхъ «на извѣстныя купечеству надобности»; напримѣръ въ 1801 г. было выдано городскому головѣ такимъ порядкомъ 11.900 р. [2]). Выше уже было упомянуто, что въ 1799 г. Общество образовало при себѣ коммиссію изъ 10 человѣкъ для организаціи займа въ 150.000 р., который былъ необходимъ въ связи съ перемѣнами, вводившимися тогда въ строй городского управленія. И эта коммиссія получила затѣмъ отъ Общества по приговорамъ гражданскихъ совѣтовъ въ безотчетное свое распоряженіе сначала 10.000 р., потомъ еще 3.000 р. [3]).

IX.

Распоряженія по внѣшнему благоустройству въ городѣ принадлежали органамъ общегородской полиціи. Бывали, однако, случаи, когда и гражданскимъ при Гильдіи совѣтамъ приходилось принимать въ такихъ распоряженіяхъ нѣкоторое участіе; впрочемъ, участіе это либо носило совершенно пассивный характеръ, либо ограничивалось такими вопросами, которые имѣли непосредственное отношеніе къ эксплуатаціи принадлежавшихъ Обществу хозяйственныхъ угодій.

Въ мартѣ 1771 г. въ Гильдіи былъ полученъ приказъ отъ президента главнаго магистрата съ приказаніемъ собрать Московское Купечество въ Гильдію на совѣтъ и объявить о чисткѣ и о свозкѣ въ самоскорѣйшемъ времени нечистоты и сору съ порожжаго мѣста, расположеннаго въ Китаѣ-городѣ позади нововыведенныхъ рыбнаго коренного и семужнаго икорнаго рядовъ, гдѣ бывали луковой, чесноковой и шерстяной ряды. Вотъ примѣръ того, какъ по дѣламъ благоустройства гражданскій при Гильдіи совѣтъ созывался лишь для выслушанія начальственныхъ предписаній, причемъ на долю самого совѣта оставалось только обсужденіе порядка выполненія такихъ предписаній [4]). Согласіе совѣта на ту или иную мѣру требовалось лишь тогда, когда вопросъ касался принадлежащихъ Обществу владѣній. Въ 1771 г., напримѣръ, выборный гостинныхъ дворовъ Михайло Силинъ объявилъ московскому магистрату, что амбары и лавки семужно-икорнаго ряда, съ которыхъ по окладу собиралось 511 р. 12 к., за высылкою торговцевъ въ другіе ряды, стоятъ впустѣ. Такъ какъ сборъ и платежъ въ казну съ амбаровъ и лавокъ, а въ томъ числѣ и съ этихъ семужно-икорныхъ лавокъ производится отъ Купечества, то магистратъ и рѣшилъ запросить Купечество, не согласится-ли оно въ тѣ лавки торгъ перевести изъ амбаровъ, въ которыхъ торгъ производится хрустальною посудою, съ тѣмъ, чтобы указанные амбары могли быть отдаваемы подъ складку товаровъ, кому законами позволено. Совѣтъ призналъ такой переводъ «за полезное дѣло» и далъ на него свое согласіе [5]). Въ 1804 г. главноначальствующій Беклешовъ чрезъ полицеймейстера увѣдомилъ шестигласную думу, что онъ полагалъ-бы полезнымъ ради предохраненія отъ пожарныхъ случаевъ перевести торгъ конопляным масломъ и сальными веществами изъ внутреннихъ частей столицы въ лабазы, стоящіе на конной площади въ Серпуховской части. Шестигласная дума, получивъ это отно-

---

[1]) Ibid. 1795 г. № 13; 1798 г. 24; 1804 г. № 67.

[2]) Ibid. 1801 г. № 23.

[3]) Ibid. 1799 г. №№ 13, 15, 22.

[4]) Ibid. 1771 г. № 4; ср. 1791 г. № 11. Впрочемъ, противъ даннаго распоряженія совѣтъ заявилъ протестъ.

[5]) Ibid. 1771 г. № 7.

шеніе полицеймейстера, послала въ Гильдію указъ о томъ, чтобы Гильдія «предложила о семъ Обществу на совѣтъ и какое оное будетъ имѣть о требуемомъ мнѣніе, думѣ репортовать». Совѣтъ изъявилъ согласіе на это предложеніе и приговорилъ построить для этого на счетъ Общества на конной площади удобныя лавки и ходатайствовать о полученіи на оную землю плана и данной [1]).

X.

Мы перечислили различныя категоріи такихъ общественныхъ приговоровъ, принимавшихся на гражданскихъ при Гильдіи совѣтахъ, въ которыхъ Купеческое Общество выражало свои рѣшенія и распоряженія по разнымъ вопросамъ, входившимъ въ кругъ гильдейскаго самоуправленія. Теперь остается указать на то, что совѣты эти кромѣ осуществленія распорядительныхъ функцій собирались иногда для выработки отвѣтовъ на обращавшіеся къ нимъ запросы или для возбужденія разнаго рода ходатайствъ о нуждахъ Общества. Примѣромъ запросовъ, по которымъ требовался отзывъ гражданскаго совѣта, какъ своего рода эксперта по дѣламъ купеческаго торга, можетъ служить запросъ главноначальствующаго, обсуждавшійся на гражданскомъ совѣтѣ 25 февраля 1793 г. Иностранецъ Лекенъ подалъ главноначальствующему записку объ учрежденіи въ Москвѣ конторы для продажи дорогихъ каменьевъ. Купеческое Общество и было запрошено по вопросу о томъ «полезно ль будетъ таковое заведеніе», причемъ въ Гильдію была доставлена копія съ записки Лекеня, подвергшаяся обсужденію на совѣтѣ 25 февраля. Совѣтъ пришелъ къ заключенію, что «въ заведеніи въ Москвѣ иностранцемъ Лекенемъ конторы для продажи дорогихъ каменьевъ, мебелей и другихъ вещей никакой для Общества здѣшнихъ гражданъ пользы и выгодъ не предвидится» [2]).

Другой любопытный случай такого рода можно указать для 1802 г. Нѣкій секундъ-маіоръ Давыдовъ представилъ государю свой проектъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о заселеніи киргизскихъ степей порочными купцами изъ внутреннихъ городовъ. Государь направилъ этотъ проектъ министру коммерціи Гагарину, который внесъ этотъ проектъ въ коммерцъ-коллегію. Коммерцъ-коллегія препроводила проектъ московскому городскому правленію, а правленіе, разсудивъ, что проектъ всецѣло относится до Купечества и мѣщанства, переслало его въ Гильдію съ предписаніемъ внести его на обсужденіе гражданскаго совѣта съ тѣмъ, чтобы тамъ «положено было мнѣніе о пользахъ и удобности, относящихся до изъясненныхъ сочинителемъ въ предложеніи статей и оное взнесть въ городское правленіе». На совѣтѣ 29 января 1802 г. и состоялось обсужденіе проекта Давыдова. Вотъ въ чемъ состояла его сущность. По киргизской линіи имѣются города, нуждающіеся въ притокѣ купеческаго населенія, а особливо Оренбургъ, Орскъ, Троицкая крѣпость, Омскъ. Прожектеръ и предлагалъ населять эти города, «избирая къ тому въ россійскихъ городахъ купцовъ порочныхъ и мѣстному Купеческому Обществу малополезныхъ, а также такихъ, кои проматываютъ отцовскіе капиталы». Въ пустой киргизской степи всѣ такіе купцы потеряютъ способы распутствовать и окажутся очень полезными для коммерціи. Такими же купцами предлагалось населить Гурьевъ, городки по Уралу и по восточному берегу Каспійскаго моря. Далѣе предлагалось во внутреннихъ городахъ Россіи

---

[1]) Ibid. 1804 г. № 45.
[2]) Ibid. 1793 г. № 7.

понудить купцовъ отдавать дѣтей своихъ въ народныя училища и тамъ преподавать имъ познанія о торговлѣ и о всемъ нужномъ, а всѣхъ бѣдныхъ малолѣтныхъ сиротъ отдавать обучаться отъ магистратовъ въ большіе города мастерствамъ и художествамъ и по выучкѣ общественными пособіями давать таковымъ способы всякому свое ремесло производить. Совѣтъ имѣлъ «о сей матеріи довольное разсужденіе» и учинилъ на предложенія Давыдова «слѣдующія примѣчанія»: 1) Прожектеръ не разсудилъ, не ослабятся ли внутренніе города выведеніемъ изъ нихъ множества купцовъ и мѣщанъ и чѣмъ эти переведенцы въ пустыхъ киргизскихъ степяхъ будутъ себя содержать и подати платить, будучи лишены всѣхъ къ тому пособій, не имѣя ни хлѣбопашниковъ, ни грунта земли, къ тому способнаго, ни лѣсовъ, ничего «окромѣ песчаной и голой степи». 2) Купцовъ, проматывающихъ капиталы, статьей 52 городового положенія обществу градскому дозволено исключать изъ своей среды, а осужденныхъ по суду за преступленія наказываетъ законъ, но «чтобъ за невоздержанную жизнь гражданина, не дѣлающаго тѣмъ ни малой обиды ближнему, какъ только себѣ собственно, наказывать столь жестоко сосланіемъ на вѣчное житье въ пустыя степи, обитаемыя по близости только дикими варварскими кочевыми народами, упражняющимися по большей части въ грабежахъ и разбояхъ, которое должно быть горчае самой смерти,—это ни съ какимъ правосудіемъ и человѣколюбіемъ не согласно». Между тѣмъ многіе примѣры показываютъ, что и самые большіе моты и расточители съ теченіемъ времени иногда исправляются и становятся хорошими гражданами. 3. Училища и ремесленныя управы во всѣхъ почти городахъ, а особливо въ губернскихъ уже заведены и принимаются бѣдные граждане въ ученіе на иждивеніи городскомъ безденежно, «въ чемъ есть каждаго добрая воля, а принужденіе тутъ совсѣмъ невмѣстно». 4. Предлагая всѣхъ купеческихъ бѣдныхъ сиротъ обучать художествамъ и мастерствамъ, прожектеръ доказываетъ тѣмъ, что ему совершенно неизвѣстно, какимъ образомъ «купеческій корпусъ существуетъ и оживотворяется», ибо члены обѣднѣвшихъ купеческихъ семействъ вступаютъ въ сидѣльцы, прикащики и прочія по купечеству услуженія и разсылаются отъ хозяевъ по всему государству для закупки товаровъ, а напослѣдокъ, пріобрѣтая мало по малу капиталы и общее довѣріе, становятся капиталистами и именитыми гражданами; если же всѣхъ превратить въ ремесленники, то въ короткое время весь купеческій корпусъ совершенно истребится. 5 Для торговли по Каспійскому морю съ азіатскими народами уже издревле учрежденъ городъ Астрахань, довольно для сего населенный и имѣющій всѣ способности и преимущества для строенія судовъ и торговаго судоходства, то и не къ чему вновь заселять купцами пристани на неспособныхъ и пустыхъ берегахъ Каспійскаго моря, а особливо Гурьевъ, лежащій неподалеку отъ Астрахани и «на одномъ кряжу того жъ Каспійскаго моря». «Въ заключеніе жъ всего—сказано было въ концѣ приговора—Московское Купечество сей проектъ не токмо не находитъ ни въ единой статьѣ онаго какъ для государства вообще, такъ и для каждаго порознь, ни малѣйше не полезнымъ, не удобнымъ и совсѣмъ не нужнымъ, но паче служащимъ къ величайшему вреду и совершенному изнуренію всего россійскаго купечества» [1]).

Ходатайства, возбуждавшіяся Обществомъ на совѣтахъ передъ высшимъ начальствомъ, касались весьма различныхъ предметовъ.

Бывали ходатайства о разъясненіи смысла правительственныхъ узаконеній и

---

[1]) Ibid. 1802 г. № 5. Ср. Арх. Куп. Упр., Оп. I, дѣло № 2543.

распоряженій. Такъ, напримѣръ, Гильдія по неясности и противорѣчивости указовъ долгое время не могла выяснить, надлежитъ-ли выдавать купцамъ и мѣщанамъ билеты на жительство на гербовой или на простой бумагѣ. Въ 1770 г. указомъ изъ главнаго магистрата было предписано Гильдіи выдавать купцамъ, не имѣющимъ своихъ дворовъ, а жительствующимъ въ наемныхъ помѣщеніяхъ, билеты на жительство, и съ тѣхъ поръ по 1799 г. Гильдія выдавала такимъ купцамъ билеты на простой бумагѣ, только съ приложеніемъ печати московскаго магистрата, безъ платежа пошлинъ; но въ 1799 г. московскій главноначальствующій Салтыковъ составилъ записку относительно «поспѣшнѣйшаго въ судебныхъ мѣстахъ теченія дѣлъ и благоустройства въ нѣкоторыхъ частяхъ по губерніи»; въ 11 пунктѣ этой записки предписывалось на основаніи указа 1797 г. всякаго рода акты въ судебныя мѣста принимать не иначе, какъ на гербовой бумагѣ, и на этомъ основаніи и Гильдіи было повелѣно писать означенные выше билеты то же непремѣнно на гербовой бумагѣ со взятьемъ указныхъ пошлинъ.

Затѣмъ камеральнымъ департаментомъ было предписано Гильдіи получать съ каждаго билета въ городскую казну по 10 коп. за приложеніе печати. Въ виду бѣдности многихъ выбирающихъ такіе билеты мѣщанъ Гильдія запрашивала камеральный департаментъ, нужно ли сверхъ этого 10-копѣечнаго сбора продолжать взимать и прежній сборъ печатныхъ пошлинъ по $50^1/_2$ коп. 28 марта 1800 г. департаментъ увѣдомилъ Гильдію, что Высочайше утверждена вѣдомость ежегоднымъ городскимъ доходамъ и расходамъ; въ этой вѣдомости не помѣщено сбора за приложеніе печати къ билетамъ, и потому оные билеты надлежитъ выдавать безъ всякихъ пошлинъ. Получивъ такое разъясненіе, Гильдія все же недоумѣвала, относится ли оно только до 10-копѣечнаго сбора съ приложенія къ билетамъ печати или также и до пошлинъ въ $50^1/_2$ коп. Гильдія вновь запросила объ этомъ, и тогда отъ камеральнаго департамента получился отвѣтъ: «держаться общаго о таковыхъ пошлинахъ узаконенія». Такимъ образомъ $50^1/_2$ коп. пошлины съ билетовъ продолжали взиматься и за неплатежъ этихъ пошлинъ многіе бѣдные люди содержались въ гильдейской тюрьмѣ, пока кто-либо изъ благотворителей не дастъ имъ пособія на взносъ пошлинъ и пріобрѣтеніе гербовой бумаги. И вотъ, на совѣтѣ 16 января 1803 г. постановили учинить представленіе уже московскому губернскому прокурору и просить его разъясненія, подходятъ ли подъ указъ 1797 г. означенныя пошлины и выдавать ли купцамъ и мѣщанамъ, а особливо бѣднѣйшимъ, эти билеты на гербовой бумагѣ, тогда какъ изъ московской цеховой управы такіе билеты всегда выдаются на простой бумагѣ и безъ взятія пошлинъ [1]).

Любопытный примѣръ ходатайства Купеческаго Общества о разъясненіи смысла узаконеній представляетъ собою ходатайство, которое 10 октября 1794 г. рѣшено было направить черезъ сенатъ на Высочайшее имя по вопросу о наложеніи начетовъ на выборщиковъ за служебныя упущенія избранныхъ ими къ разнымъ должностямъ лицъ. Мы подробно останавливались на этомъ ходатайствѣ выше, когда шла рѣчь о производившихся на гражданскихъ совѣтахъ выборахъ. Мы видѣли тамъ, что въ данномъ случаѣ Купеческое Общество мѣтко и совершенно справедливо указало на противорѣчіе между вновь установленнымъ порядкомъ общественныхъ выборовъ посредствомъ тайной баллотировки и старыми пріемами возложенія отвѣтственности на выборщиковъ за выбранныхъ ими лицъ, пріемами, которые могли быть согласуемы лишь съ отжившимъ, ста-

---

[1]) Ibid. 1803 г. № 6.

риннымъ взглядомъ на общественные выборы, какъ на актъ поручительства міра передъ государственной властью за людей, поставляемыхъ міромъ къ государевой службѣ [1]).

Большинство ходатайствъ имѣло своимъ предметомъ не выясненіе общаго порядка въ той или иной области гильдейскаго самоуправленія, а испрошеніе отдѣльныхъ облегченій и удовлетвореніе отдѣльныхъ нуждъ Купеческаго Общества. Мы встрѣчаемъ здѣсь просьбы о сложеніи неправильныхъ начетовъ,— таковы, напр., пространныя ходатайства къ главноначальствующему о сложеніи съ Общества неправильно начисляемыхъ на Общество казенной палатой начетовъ по недоимкамъ въ оброчныхъ сборахъ съ мытнаго и животиннаго дворовъ, шалашныхъ мѣстъ и пяти Новинскихъ береговъ [2]). Встрѣчаемъ ходатайства о расширеніи принадлежащихъ городу земельныхъ владѣній: напр. въ 1802 г. Общество на совѣтѣ 3 іюня постановило возбудить ходатайство передъ главноначальствующимъ о предоставленіи Обществу за извѣстную плату пустой казенной земли подъ расширеніе общественной площадки подъ пригонъ скота [3]); на совѣтѣ 9 іюня постановили просить о предоставленіи Обществу за наемную плату казенной пустой земли для устройства богадѣльни для мѣщанъ [4]); въ маѣ 1803 г. возбуждено было ходатайство о предоставленіи Обществу упраздненнаго Андреевскаго монастыря [5]). Встрѣчаемъ ходатайства о предоставленіи Обществу разныхъ оброчныхъ мѣстъ. Таковы—ходатайства о предоставленіи Обществу въ вѣчное содержаніе мытнаго и животиннаго дворовъ, шалашныхъ мѣстъ и Новинскихъ береговъ [6]); таковы ходатайства объ отдачѣ Обществу стараго гостиннаго двора для сломки и выстройки на его мѣстѣ новаго общественнымъ коштомъ [7]). Наконецъ, встрѣчаемъ ходатайства, касающіяся различныхъ нуждъ торговаго оборота. Вотъ примѣры. Въ 1789 г. большое волненіе въ торговомъ мірѣ Москвы вызвалъ указъ 26 іюня 1789 г., коимъ велѣно было осмотрѣть и описать находящіеся въ лавкахъ иностранные товары и тѣ изъ нихъ, на которыхъ не окажется таможенныхъ клеймъ, подвергнуть конфискаціи. На совѣтѣ 10 августа 1789 г. Купечество и постановило возбудить ходатайство передъ главноначальствующимъ, чтобы онъ испросилъ у государыни отмѣну этого распоряженія. Въ ходатайствѣ указывалось на то, что иностранныхъ товаровъ сверхъ гостинныхъ дворовъ въ одномъ Китаѣ-городѣ, кромѣ домовъ, въ лавкахъ находится на нѣсколько милліоновъ рублей и конфискація ихъ поражаетъ Купечество «чрезвычайнымъ страхомъ и сокрушеніемъ», между тѣмъ какъ на многихъ этихъ товарахъ таможенныя клейма утрачены безъ всякой вины со стороны купцовъ и помимо какихъ-либо злоупотребленій. Далѣе въ ходатайствѣ подробно были изложены различныя причины утраты этихъ клеймъ: на шелковыхъ, бумажныхъ, шерстяныхъ и тому подобныхъ товарахъ въ суровскихъ, суконныхъ и панскихъ рядахъ клейма отрываются и теряются при пересылкахъ, при частомъ показываніи покупателямъ, при перекрашиваніи; при покупкахъ, у лавочныхъ торговцевъ и при раздѣлахъ многія штуки разрѣзываются пополамъ и одна половина остается уже безъ клейма. Для золотыхъ и серебряныхъ вещей, хрустальной и фарфоровой

---

[1]) Ibid. 1794 г. № 10.
[2]) Ibid. 1804 г. № 57.
[3]) Ibid. 1802 г. № 64.
[4]) Ibid. 1802 г. № 69.
[5]) Ibid. 1803 г. № 30.
[6]) Ibid. 1791 г. № 22; 1792 г. № 10; 1795 г. № 16.
[7]) Ibid. 1790 г. № 10, 11; 1804 г. № 17.

посуды и тому подобныхъ товаровъ «по ихъ субтильности» въ таможняхъ клеймъ совсѣмъ не полагается. На грубыхъ товарахъ, находящихся въ москательныхъ и овощныхъ рядахъ и въ питейныхъ погребахъ и лавкахъ, на нѣкоторыхъ клейма въ таможняхъ полагаются только на кипахъ, ящикахъ и бочкахъ, а на иныхъ и совсѣмъ не кладется клеймъ. Въ пуговишныхъ, ножевыхъ, игольныхъ, желѣзныхъ, сапожныхъ, скобяныхъ и прочихъ рядахъ товары состоятъ изъ мелочей, и въ таможняхъ каждая вещь въ отдѣльности не клеймится, а клеймятся только пачки и при продажѣ штуки изъ пачекъ вынимаются и остаются безъ клеймъ. Московская торговля—говорилось далѣе въ этомъ ходатайствѣ—распространяется по всей россійской имперіи и потому въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а особливо на ярмаркахъ окажутся по тѣмъ же причинамъ многіе товары безъ клеймъ и подвергнутся конфискаціи, а потому городскіе купцы московскимъ, а московскіе иностраннымъ не въ состояніи будутъ уплатить долговъ и откроются многія банкротства, отъ чего послѣдуетъ «чрезвычайное замѣшательство торговлѣ и совершенное раззореніе многочисленныхъ гражданскихъ домовъ». А вмѣстѣ съ тѣмъ «бывшій до сего время честный гражданинъ, который никогда не нарушалъ присяги государю и долга отечеству своему, никогда не обращалъ желанія своего къ похищенію казенныхъ и партикулярныхъ интересовъ чрезъ тайный провозъ товара и неплатежъ пошлинъ, но многолѣтними и неусыпными трудами своими стяжавшій добрую о имени и состояніи дома своего репутацію, единственно только за неимѣніе по вышеозначеннымъ причинамъ на товарахъ своихъ таможенныхъ клеймъ, подверженъ будетъ вообще, наряду съ совершенно оное преступившими и употреблявшими во зло милости высокомонаршія, лишенію имѣнія, чести и кредита» [1]).

Въ 1793 г. 8 апрѣля послѣдовалъ Высочайшій указъ съ повелѣніемъ ввезенные изъ Франціи, равно какъ и изъ другихъ земель товары, означенные въ особо приложенномъ къ указу реестрѣ, распродать до 1 января 1794 г., послѣ же этого срока нераспроданные товары этого рода будутъ признаны контрабандой. Къ ноябрю 1793 г. въ Москвѣ такихъ товаровъ оставалось еще «на превеликія суммы», и потому Купечество на совѣтѣ 15 ноября постановило просить о разрѣшеніи на продолженіе этой распродажи и послѣ 1 января 1794 г. впредь до того времени, когда всѣ эти товары будутъ окончательно распроданы. Совѣтъ одобрилъ при этомъ и текстъ Всеподданнѣйшаго прошенія по этому предмету. Такъ какъ указъ 8 апрѣля 1793 г. былъ вызванъ чисто политическими мотивами, стоявшими въ связи съ революціонными событіями во Франціи, то и прошеніе объ отмѣнѣ этого указа, крайне стѣснительнаго для русской торговли, начиналось съ общаго восхваленія внѣшней политики Екатерины II. Здѣсь говорилось и о томъ, что «Россія препрославленная присоединеніемъ къ тѣлу россійскому отторженныхъ нѣкогда отъ него милліоновъ соплеменнаго намъ народа... предощущаетъ въ благословенномъ сѣмени Екатерины непоколебимую во вѣки свою твердыню и блаженство», и о томъ, что Екатерина «между безчисленными своими благотвореніями» охранила Россію отъ «смертоносныя заразы враговъ Бога, закона, спокойствія и человѣчества, пагубное свое начало во Франціи возымѣвшей, пресѣченіемъ съ сими чудовищными извергами всякаго сообщенія». Но послѣ этого общеполитическаго вступленія авторы прошенія переходили къ доказательству того, что указъ 8 апрѣля 1793 г. о привезенныхъ изъ Франціи товарахъ не можетъ быть выполненъ безъ самаго тяж-

---

[1]) Ibid. 1789 г. № 11.

каго разстройства оборотовъ русской торговли. Авторы прошенія брались доказать «сію истину» «краткой исторіей внутренней торговли россійской». Доказательста эти сводились къ слѣдующему. Москва является средоточіемъ всей русской торговли; иностранные товары, приходящіе въ Россію, какъ водою, также и сухимъ путемъ, большею частію доставляются въ Москву, а московскій гостинный дворъ и ряды «суть тѣ магазины, изъ которыхъ купцы всѣхъ городовъ, пріѣзжая во все готовое время и покупая оные по большей части на кредитъ, развозятъ по всему пространству имперіи». Товары, «которыхъ перемѣняющаяся ежегодно мода дѣлала неупотребительными», сбывались изъ Москвы тремя способами: 1) они продавались провинціальнымъ купцамъ, не имѣвшимъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ иностранными фирмами, при условіи придачи къ нимъ въ долговременные сроки нѣкотораго числа новыхъ товаровъ; 2) ихъ промѣнивали на всякія вещи и продукты; 3) сдавались лавки съ вышедшими изъ моды товарами съ придачею новыхъ. «Само по себѣ значится—говорится въ прошеніи—что для сего особенно должны были мы ежегодно же выписывать и прикупать на знатныя суммы новыхъ товаровъ и ими, какъ бы сказать, освѣжать старые». И при всемъ томъ, накапливалось немалое количество нераспроданныхъ остатковъ старыхъ товаровъ. Такихъ остатковъ за 10, за 20 и болѣе лѣтъ накопилось на превеликія суммы, а, считая вмѣстѣ съ товарами, объявленными запрещенными, которыми наполнены галантерейные, пуговишные, ножевые, а частью суровскіе, панскіе, суконные, игольные и многіе другіе ряды, приходится опредѣлять количество остатковъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Распродать эти остатки до 1 января 1794 г. не представится никакой возможности и, слѣдовательно, «всѣ сіи милліоны, въ товарахъ тѣхъ заключающіеся, должны исчезнуть и товары предаться тлѣнію и гибели», а купцы, купившіе эти товары у московскихъ коммерсантовъ въ кредитъ и лишенные теперь возможности дораспродать ихъ, не будутъ въ состояніи расплатиться съ москвичами, и все это неизбѣжно поведетъ къ объявленію банкротствъ. «Сіе еще не все—гласило далѣе излагаемое прошеніе—мы не знаемъ, что дѣлать и въ разсужденіи незаплаченныхъ еще многими изъ насъ денегъ иностраннымъ нашимъ кредиторамъ, надобно или оные оплатить, или надобно же объявить себя къ платежу несостоятельными и подвергнуться строгости вексельнаго права, непріемлющаго никакихъ отговорокъ». Прося объ отмѣнѣ указа 8 апрѣля 1793 г., авторы прошенія восклицали въ заключеніе: «Ваше Императорское Величество, сею матернею милостію поддержите съ частнымъ нашимъ и самый національный кредитъ, кредитъ, безъ котораго купецъ, а особливо семейный, бытіе самое несчастнѣйшее и безполезнѣйшее» [1]). Въ 1790 г. Московское Купечество на совѣтахъ 25 января и 5 ноября возбуждало ходатайство о выселеніи изъ Москвы евреевъ, занимающихся торговлею, и при этомъ ссылалось на указы 1727 г., 1762 г. и 1763 г. [2]). Въ 1803 г. на совѣтѣ 1 декабря было постановлено возбудить ходатайство главноначальствующему о разрѣшеніи перенести складку товаровъ съ мытнаго двора въ виду его тѣсноты на общественную площадку при скотопригонномъ дворѣ [3]). На совѣтѣ 20 іюня 1805 г. рѣшено было подать Государю прошеніе, въ которомъ поднимался старинный вопросъ о воспрещеніи въ Москвѣ крестьянскаго торга. Въ прошеніи, между прочимъ, указывалось, что Купеческое Общество уже съ давнихъ временъ подымало голосъ противъ того,

[1]) Ibid. 1793 г. № 15.
[2]) Ibid. 1790 г. № 1; № 14.
[3]) Ibid. 1803 г. № 65.

что «казеннаго вѣдомства, а большею частію помѣщичьи крестьяне изъ многихъ губерній и уѣздовъ подъ непозволительными видами входятъ въ торговлю разными товарами, производя оную во вредъ коммерческаго права, принадлежащаго единственно купеческому и мѣщанскому корпусу»; происходило это попущеніемъ бывшихъ начальствъ и подъ защитою и покровительствомъ помѣщиковъ, владѣющихъ тѣми крестьянами, въ прямое нарушеніе узаконеній и, между прочимъ, статей 11, 16, 24-й Городового Положенія 1785 г. [1]). Затѣмъ Купечество просило запретить торгъ въ лавкахъ во внутреннихъ частяхъ города и ямщикамъ, населяющимъ нѣсколько слободъ въ предмѣстьяхъ столицы [1]). Въ то же самое время Московскимъ Купечествомъ было возбуждено и другое ходатайство относительно воспрещенія въ Москвѣ торговли иностранныхъ и иногородныхъ гостей. И это явленіе, по словамъ поданнаго отъ Купеческаго Общества прошенія, возникло съ давнихъ временъ, утвердилось съ явнымъ нарушеніемъ закона и приводитъ къ «совершенному притѣсненію россійскаго купечества». По существу ходатайство Московскаго Купечества и заключалось въ томъ, чтобы состояніе временно записывающихся иностранныхъ и иногородныхъ гостей совершенно уничтожить, а пользоваться бы въ городахъ торговлею только одному коренному и записанному въ обывательскую городовую книгу Московскому Купечеству, иностраннымъ же купцамъ товары свои продавать лишь у портовъ оптомъ, а не въ розницу и ни подъ какимъ видомъ не посылать товаровъ внутрь государства [2]).

Таковы обращики тѣхъ ходатайствъ, которыя возбуждались на совѣтахъ отъ имени Купеческаго Общества передъ высшимъ правительствомъ или передъ верховною властью по различныхъ вопросамъ, касавшимся купеческихъ нуждъ.

XI.

Въ заключеніе необходимо упомянуть еще объ одной функціи гражданскихъ при Гильдіи совѣтовъ, которая касалась уже не обслуживанія тѣхъ или другихъ дѣлъ по гильдейскому самоуправленію, а участія представителей Купеческаго Общества въ различныхъ междусословныхъ коммиссіяхъ и комитетахъ. Выборы купеческихъ депутатовъ въ такія коммиссіи и комитеты производились на гражданскихъ при Гильдіи совѣтахъ.

Такъ наприм., въ августѣ 1797 г. московскій военный губернаторъ кн. Долгоруковъ сообщилъ градскому главѣ ордеръ и списки съ Положенія, учиненнаго во исполненіе Высочайшаго указа о сборѣ денегъ съ земли незастроенной, дворовой, огородной и садовой и съ земли подъ дворовыми жилыми и нежилыми строеніями для содержанія казармъ. Разсмотрѣніе объ этомъ сборѣ и назначеніе его размѣра было препоручено градскому главѣ обще съ губернскимъ предводителемъ дворянства и выборными депутатами, какъ отъ дворянства, такъ и отъ Купечества. Въ Положеніи говорилось, что дворянство должно избрать въ это совѣщаніе депутатовъ въ числѣ, указанномъ губернскимъ предводителемъ, а Купечество—въ числѣ, указанномъ градскимъ главою. Градскій глава и доложилъ этотъ ордеръ на совѣтѣ 13 августа 1797 г., послѣ чего Купечество на этомъ же совѣтѣ избрало семь депутатовъ изъ числа купцовъ первой гильдіи [3]). Въ 1799 г. главноначальствующій Салтыковъ предписалъ чрезъ градскаго главу произвести выборы изъ купеческаго корпуса 12-ти человѣкъ, «кои долж-

---

[1]) Ibid. 1805 г. № 18.
[2]) Ibid. 1805 г. № 19.
[3]) Ibid. 1797 г. № 21.

ны быть подъ наблюденіемъ губернатора Аршеневскаго для постановленія и разложенія сборовъ». На совѣтѣ 8 февраля 1799 г. и были избраны 4 именитыхъ гражданина и 8 купцовъ первой гильдіи въ качествѣ купеческихъ депутатовъ въ это собраніе по раскладкѣ сборовъ [1]). Въ 1802 г. было Высочайше повелѣно образовать въ Москвѣ комитетъ для приведенія въ ясность всѣхъ городскихъ необходимыхъ расходовъ и обывательскихъ повинностей съ тѣмъ, чтобы въ составъ этого комитета вошли по 1 члену отъ Купечества и отъ дворянства и 2 члена отъ правительства. На совѣтѣ 25 февраля 1802 г. отъ Московскаго Купечества въ этотъ комитетъ былъ выбранъ купецъ 1 гильдіи Ситниковъ [2]). На совѣтѣ 15 іюля 1804 г. по распоряженію главноначальствующаго Купечество избрало двухъ депутатовъ въ особо учрежденный комитетъ «для производства строенія казармъ [3]). 2 мая 1805 г. состоялось, какъ извѣстно, Временное положеніе объ устройствѣ земскихъ повинностей. Согласно этому положенію Купечество должно было посылать отъ себя депутатовъ въ коммиссію по раскладкѣ земскихъ сборовъ. Въ Москвѣ первые выборы купеческаго депутата къ составленію смѣты земскихъ издержекъ состоялись на гражданскомъ совѣтѣ 20 сентября 1805 г. Депутатомъ былъ избранъ 1-й гильдіи купецъ Курносовъ [4]).

Мы довели разсмотрѣніе устройства и дѣятельности московскаго купеческаго общественнаго самоуправленія до середины 1805 г. Этимъ и заканчивается исторія «Гильдіи Московскаго Купечества». Съ мая 1805 г. начались уже работы по подготовкѣ полной реорганизаціи московскаго купеческаго самоуправленія, которыя и закончились къ октябрю 1805 г. Въ результатѣ этихъ работъ «Гильдія Московскаго Купечества» прекратила свое существованіе и уступила мѣсто новой организаціи, получившей наименованіе «Купеческаго Отдѣленія Дома Московскаго Общества Градскаго». 6 октября 1805 г. состоялось собраніе купеческихъ засѣдателей палатъ, совѣстнаго суда и приказа общественнаго призрѣнія, бургомистровъ и ратмановъ магистрата и управы благочинія, членовъ сиротскаго суда, гласныхъ общей градской думы, цехового главы и гильдейскихъ старостъ съ ихъ помощниками. Собраніе это, открытое подъ предсѣдательствомъ градскаго главы Д. Ѳ. Фалѣева, заслушавъ соотвѣтствующій указъ московскаго губернскаго правленія, приговорило «отнынѣ впредь бывшую московскаго купечества гильдію, гдѣ происходили до сего общественные совѣты... именовать домомъ общества градскаго, въ которомъ имѣть общественные собранія не по прежнему уже порядку изъ самовольно желающихъ, по приглашенію гильдейскихъ старостъ бываемыхъ, но по нынѣшнему новому положенію, утвержденному губернскимъ правленіемъ...» [5]).

Разсмотрѣніе подготовки, содержанія и первоначальнаго введенія въ дѣйствіе этой новой оранизаціи уже выходитъ за предѣлы настоящей части нашего изслѣдованія, которая посвящена исторіи «Гильдіи Московскаго Купечества». Всѣмъ этимъ вопросамъ будетъ удѣлено мѣсто въ первой главѣ второй части этого изслѣдованія, гдѣ предметомъ изложенія послужитъ исторія Купеческаго Отдѣленія Дома Общества Градскаго.

---

[1]) Ibid. 1799 г. № 4.
[2]) Ibid. 1802 г. № 17.
[3]) Ibid. 1804 г. № 43.
[4]) Ibid. 1805 г. № 32.
[5]) Ibid. 1805 г. №№ 17, 33.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА